

МГУ 270

1755 2025

ЯЗЫКОВЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ СООБЩЕСТВА В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Филологический факультет

К 270-летию Московского университета

Языковые и культурные сообщества
в синхронии и диахронии

Коллективная монография
Авторы-составители Н.А. Ганина, Л.Н. Ягупова

Издательство Московского университета
2024

УДК 81'2
ББК 81.2
Я41

*Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета
филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

Рецензенты:

Чекалина Е.М. – доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой германской и кельтской филологии
филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Калиущенко В.Д. – доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой германской филологии
факультета иностранных языков
Донецкого государственного университета

Я41 **Языковые и культурные сообщества в синхронии и диахронии** : коллективная монография / Авторы-составители Н.А. Ганина, Л.Н. Ягупова. Авторы разделов: Г.А. Баева, О.В. Байкова, О.Л. Бессонова, Л.Ф. Бирр-Цуркан, Н.А. Ганина, Л.А. Долгополова, В.В. Каверина, В.И. Карпов, А.Б. Коконова, С.Е. Кремзикова, К.В. Манёрова, Т.Н. Москвина, Н.В. Николенкова, О.Н. Обухова, Е.С. Панкратьева, Е.В. Суровцева, В.И. Теркулов, Е.В. Трофимова, Ю.Н. Ус, Н.В. Усова, А.А. Фомичева, Е.Н. Цветаева, Л.Н. Ягупова. — Москва : Издательство Московского университета, 2024. — 286 с. — Электронное издание сетевого распространения.

ISBN 978-5-19-012156-8 (e-book)

Коллективная монография посвящена изучению проблематики языковых и культурных сообществ в синхронии и диахронии. В рамках исследования рассматриваются различные вопросы языкознания, лингвокультурологии, социолингвистики в аспекте ближней и дальней диахронии и синхронии. Монография обобщает результаты научного сотрудничества членов авторского коллектива – представителей российских университетов и академических институтов: Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Донецкого государственного университета, Московского государственного лингвистического университета, Института языкознания Российской академии наук, Санкт-Петербургского государственного университета, Алтайского государственного педагогического университета, Вятского государственного университета и Крымского инженерно-педагогического университета имени Февзи Якубова. Издание предназначено для филологов, историков, историков культуры и всех, кто интересуется темой языковых и культурных сообществ, в том числе для студентов и аспирантов.

Ключевые слова: языковые и культурные сообщества, синхрония, диахрония, германские языки, русский язык, романские языки.

**УДК 81'2
ББК 81.2**

© Н.А. Ганина, Л.Н. Ягупова, авторы-составители, 2024
© Коллектив авторов, 2024
© Филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова, 2024
© Издательство Московского университета, 2024

ISBN 978-5-19-012156-8 (e-book)

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Введение	6
I. Теоретические аспекты исследования языковых и культурных сообществ	16
Язык и этнос: пути формирования языковой отдельности и языковой идентичности (В.И. Теркулов)	16
Реликтовые языки: терминология и проблематика (Н.А. Ганина)	36
II. Языковые и культурные сообщества в диахронии	50
Амалы и Амелунги. Остготская королевская династия и память о ней в древнегерманской традиции (Н.А. Ганина)	50
Социативы с префиксом <i>ge-</i> в средневерхненемецких рукописях: корпусное исследование (Л.Н. Ягунова)	72
Концепты социальной иерархии <i>chevalier</i> ‘рыцарь’ и <i>vilain</i> ‘крестьянин-виллан’ и их репрезентация в дискурсах французского Средневековья (С.Е. Кремзикова)	85
Орфография прилагательного <i>казацкий</i> в истории русского языка (В.В. Каверина)	111
III. Язык и религия – язык религии	118
Цвето- и светообозначения в Библии Мартина Лютера (Ю.Н. Ус)	118
Лингвистические особенности переводческой деятельности кружка киевских книжников в Москве в 1650-е гг. (Н.В. Николенкова)	128
Русские и немецкие библеизмы: эквивалентность в современном контексте (К.В. Манёрова)	137
<i>Грех</i> и <i>святость</i> в современной церковной литературе (на материале корпуса «Житий новомучеников и исповедников российских XX века Московской епархии») (Е.В. Суровцева)	153
IV. Языковые и культурные сообщества в свете языкового разнообразия России	160
Лексико-семантическая вариативность островных немецких говоров в аспекте исторической семантики (Т.Н. Москвина)	160
Лингвокультурные параметры этнической идентичности российских немцев севера Удмуртии (О.В. Байкова, О.Н. Обухова)	172
Адаптация крымских топонимов в языке меннонитов (Л.А. Долгополова)	187

Общерусское слово <i>дохлый</i> и другие лексемы с корнем <i>дох/дых</i> в архангельских говорах: языковая и культурная семантика (А.Б. Коконова)	198
V. Концептуальный и социокультурный анализ языковых сообществ.....	210
Эволюция лексики как отражение развития материальной культуры (на примере синонимического ряда обозначений копья в немецком языке) (А.А. Фомичева).....	210
Эпистемы эффективной коммуникации в истории немецкого языка (Г.А. Баева, Л.Ф. Бирр-Цуркан)	221
Семантические процессы в свете развития визуальной фразеологической культуры европейского Средневековья (Е.Н. Цветаева, Е.С. Панкратьева).....	234
Немецкие просветительские общества конца XVIII века и вопросы эдиционной текстологии: об одном малоизвестном источнике немецкого языка и фольклора (В.И. Карпов).....	243
Онимная лексика как средство визуализации городского ландшафта эпохи И.В. Гете (Н.В. Усова).....	255
Концептуализация, лексикализация и фразеологизация эмоций в англоязычной картине мира (О.Л. Бессонова, Е.В. Трофимова).....	267
Сведения об авторах.....	283

Предисловие

Идея настоящей коллективной монографии возникла по завершении успешно проведенного на факультете иностранных языков Донецкого государственного университета в 2022 г. XX Международного лингвистического семинара «Сопоставительные и диахронические исследования языковых единиц и категорий». Одним из организаторов данного научного форума впервые выступил Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, с которым в мае 2022 г. Донецкий государственный университет подписал Соглашение о сотрудничестве.

В ноябре 2023 г. на XXI Международном лингвистическом семинаре была реализована идея обсудить в виде докладов на секции «Языковые и культурные сообщества в синхронии и диахронии» промежуточные итоги работы авторов над своими разделами. Предлагаемый научный труд обобщает результаты сотрудничества членов авторского коллектива – представителей ряда российских университетов и академических институтов, а именно: Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Донецкого государственного университета, Московского государственного лингвистического университета, Института языкознания Российской академии наук, Санкт-Петербургского государственного университета, Алтайского государственного педагогического университета, Вятского государственного университета и Крымского инженерно-педагогического университета имени Февзи Якубова.

Приносим сердечную благодарность ректору МГУ имени М.В. Ломоносова академику РАН, профессору Виктору Антоновичу Садовничему и ректору Донецкого государственного университета профессору Светлане Владимировне Беспаловой за их неоценимый вклад и неизменную поддержку сотрудничества между университетами, руководителю филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова профессору Андрею Александровичу Липгарту за поддержку инициативы по созданию коллективной монографии и согласие опубликовать ее в издательстве МГУ имени М.В. Ломоносова, а также декану факультета иностранных языков Донецкого государственного университета, доценту Надежде Евгеньевне Гапотченко за поддержку нашей научной инициативы. Выражаем глубокую признательность доценту кафедры классической филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова Алексею Евгеньевичу Беликову за организационную поддержку нашей инициативы

Выражаем искреннюю благодарность всем авторам, которые живо откликнулись на идею создания коллективной монографии.

Москва – Донецк, сентябрь 2024 года

Н.А. Ганина, Л.Н. Ягунова

Введение

Настоящая коллективная монография посвящена исследованию проблематики языковых и культурных сообществ. Цель работы состоит в изучении закономерностей и специфики функционирования данных сообществ в ближней и дальней синхронии и диахронии с точки зрения языкознания, лингвокультурологии и социолингвистики, причем филологическая проблематика является основной. Предметом исследования становятся теоретические, диахронические, религиозные, концептуальные и социокультурные аспекты манифестации различных языковых и культурных сообществ от раннего Средневековья до Нового времени.

Монографию открывает теоретическая глава, посвященная общим закономерностям и терминологии исследования языковых и культурных сообществ. В *главе I* представлены разделы, подготовленные В.И. Теркуловым и Н.А. Ганиной.

В.И. Теркулов рассматривает общие закономерности и конкретные пути формирования языковой отдельности и языковой идентичности. Раздел посвящен описанию путей формирования языковой отдельности и языковой идентичности личности, которые определяют ее этническую идентификацию и самоидентификацию. Автор использует понятие «воображенное сообщество» для трактовки этнического единства и предполагает, что в его основе лежит единство языка данного сообщества.

В работе В.И. Теркулова различаются три типа этнических сообществ: 1) этнографическая группа, или субэтнос, 2) народность и 3) нация. В первом случае речь идет о сообществе в рамках какого-либо этноса, единство которого обеспечивается единством идиома в рамках какого-либо языка. Во втором – об автономном этносе, целостность которого устанавливается осознанным определением носителями ряда идиомов (представителями субэтнотосов) своей принадлежности к данному языку. Анализ различных параметров определения целостности языка показывает, что констатация принадлежности идиома к тому или иному языку, а следовательно, и национальной идентичности, осуществляется через обозначение данного идиома тем или иным лингвонимом – названием языка. Этническое определение и самоопределение при этом может быть подкреплено только родным языком, которым, с точки зрения автора, может быть только функционально первый язык. Этот подход обеспечивает отнесение личности к народности, или этнической нации. В тех случаях, когда носители разных языков определяют себя принадлежащими к одному этносу на основе связи с тем или иным государством или территорией, речь идет уже о политической нации, или о собственно нации (третий тип этнических сообществ).

Во втором разделе теоретической главы обсуждается терминология и проблематика исследования реликтовых языков, существенная для задач монографии и исследования материала. Соответствующая терминология является новой в лингвистике и лишь недавно вошла в научный обиход. В этом разделе Н.А. Ганина определяет термины «язык определенного корпуса данных» («язык большого кор-

пуса данных» и «малого корпуса данных»), «реликтовый язык» и «руинированный язык», предложенные ею в начале XXI в. в качестве соответствий немецким терминам «Großcorpussprache», «Restsprache» и «Trümmersprache», сложившимся в немецкой исследовательской традиции 80-х гг. XX в. (работы М. Майрхофера и Ю. Унтермана). Важную роль в разработке отечественной терминологии сыграли теоретические посылки О.Н. Трубачева в терминологической дискуссии о «языках большого корпуса». В разделе обсуждаются терминологические, социолингвистические и диалектологические аспекты проблематики реликтовых языков, а также функционирование термина «языковые реликты» («Sprachreste», «Sprachtrümmer»), ранее являвшегося исходным, а после появления термина «реликтовый язык» наполнившегося новым содержанием.

Глава II посвящена исследованию диахронических аспектов бытования языковых и культурных сообществ. Н.А. Ганина в своем разделе рассматривает этимологию имени остготской королевской династии Амалов в контексте древнегерманской и индоевропейской мифологии и функционирование производных имен с основой *amala- в древнегерманской традиции. У готов были два главных знатных рода, которые со временем приобрели статус королевских династий, – Амалы у остроготов и Балты у визиготов. Имя Balthi восходит к о/г *balþ- ‘храбрый, отважный’, этимология имени Amali является спорной. В работе предлагается новая этимология имени Amali – сопоставление с лит. āmalas ‘зарница’ и индоевропейским обозначением омелы. Это соответствует как внутренней форме этнонима «остроготы» < и.-е. *ausg- ‘заря’, так и «огненной» мифологии Амалов и индоевропейским и германским представлениям об омеле как символе плодородия и знатного рода. Память о династии Амалов вошла в древнегерманскую эпическую традицию и отразилась как в именовании (сохранение основы *amala- в двучленных именах собственных), так и в устойчивом наименовании Теодориха Великого и его дружины – производном от основы *amala- с патронимическим суффиксом -ing-/-ung-: да. Amuling, днв. Amelung(e). Это обозначение культурного сообщества имело позитивные коннотации как отсылка к героической старине.

Л.Н. Ягупова в своем разделе предлагает корпусное исследование социативов с префиксом ge- в средневерхненемецких рукописях. Во вводной части устанавливается связь между объектом исследования – социативами как обозначениями одних лиц в их отношении к другим лицам – и термином «сообщество». Исследование, которое носит эмпирический характер, проводится на материале корпуса средневерхненемецких рукописей, датируемых 1050–1350 гг., написанных в стихотворной форме и в прозе, относящихся к разным диалектным ареалам, жанрам и типам текста: религиозным (жития, фрагменты перевода Евангелия, псалмы), эпическим (рыцарский эпос, греческо-византийский роман), историческим хроникам, деловым (грамоты, своды городского, земского и ленного права).

Автор классифицирует социативы, выявленные в рукописях, по двум словообразовательным типам – ge-ø/(e) и ge-gît, при этом только одна лексема – geswistergît – представляет абсолютно редкий тип ge-gît. Суффикс -gît, как показывает проведенное корпусное исследование, является характерной особенностью алеманнского диалектного ареала, а geswistergît – уникальной лексемой с данным аффиксом, что подтверждает и выборка из словаря средневерхненемецкого языка Маттиаса Лексера.

Лишь отдельные существительные (среди них – свн. gevater) сохранили свое социативное значение и в современном немецком языке. Некоторые лексеммы со

временем были вытеснены подобными, но уже с измененным значением: свн. *geswester, gewistergît* ‘сестры’ в современном немецком языке заменило существительное *Geschwister*, которое может означать не только сестер, но сестер и братьев вместе. Современное немецкое *Geselle* (свн. *geselle*) целиком утратило не только социативный характер, но и связь с некогда мотивирующей основой.

С.Е. Кремзикова в своем разделе анализирует особенности вербализации дихотомии концептов социальной иерархии *chevalier* ‘рыцарь’ / *vilain* ‘крестьянин-виллан’ в дискурсах раннего периода романских языков (старофранцузском и старопровансальском). Одним из направлений исследования является анализ семантики стереотипных образований как совокупности глубинных смыслов, представленных итеративными группами лексем типа ст.-франц. *pros et hardis, grans et fors, pros e valent, cointe et noble*, ст.-прованс. *pro e gen, li pro e li valen, gentils e savis, cuendes e gais* и определяющих коды культуры, связь человека с ценностями и законами общества. Существенной особенностью стереотипных группировок является тенденция к их взаимомотивации, обусловленной определенной парадигмой образов семиотической системы, представляющих культурные коды концепта. Еще один аспект исследования направлен на выявление и объяснение механизма формирования типичных для эпического, куртуазного, фольклорного дискурсов деятельностных ситуаций, участниками которых выступают представители этих социальных слоев, посредством реализации парадигматических и синтагматических проекций с учетом структурно-семантических и концептуальных связей их элементов в историческом контексте.

В.В. Каверина прослеживает в своей работе становление нормы правописания прилагательного *казацкий*, образованного от наименования особого культурного сообщества – *казаки*. Автор рассматривает орфографию слова в вестях-курантах середины XVII в. и выясняет причины вариативности. Особое внимание уделяется написаниям через *тс* или *тц*, получившим распространение в данный период и, по мнению автора, отражающим стремление обозначить морфемный шов. В условиях точной передачи морфемной структуры прилагательных с суффиксом *-ск-* в вестях-курантах написания *казатский* и *казатицкий* объясняются действием данной тенденции. Выдвинутая гипотеза подтверждается анализом орфографии других слов с производящей основой на *т*, созвучных исследуемому прилагательному: *братский, готский, солдатский* и под., а также прилагательного *купецкий* (написания *купетский, купетицкий*). Сделана попытка интерпретировать написания типа *казатский* и *казатицкий* с позиций морфонологии: если пишущие воспринимали производящую основу образования *казатицкий* как открытую, то вставная *т* может быть определена как консонизатор, как в прилагательных *поя(т)|н|ый, зна(т)|н|ый*. Установлено, что распространенное в Средние века оформление слова со вставным (*т*) постепенно выходит из употребления, остается только вариант *казацкий*: он употребляется в печатных изданиях начиная с XVIII в., входит (с вариантами через *а* и через *о*) в «Словарь Академии Российской» 1789–1794 гг., кодифицирован в правиле академической грамматики 1802 г. и «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г. Отмечены особенности орфографии слова *казацкий* в значении ‘казахский’ в 1930-е гг., привлекается материал Постановления Президиума Центрального Исполнительного Комитета Советов и Совета Народных Комиссаров Казахской АССР от 5 февраля 1936 г. и словарей Д.Н. Ушакова 1935–1940 гг. и С.И. Ожегова 1949 г. Делается вывод об

окончательном закреплении фонетического написания, берущего начало в скорописи XVII в. и с самого начала преобладавшего над морфонологическим.

В главе III обсуждается проблематика отражения деятельности религиозных сообществ в истории языка, а именно в истории немецкого и русского языков.

В центре внимания работы Ю.Н. Ус находится группа цвето- и светообозначений, отобранных из Библии М. Лютера, которая является одним из главных сакральных текстов немецкого религиозного сообщества. Основное направление анализа данных лексических единиц заключается в определении особенностей их словообразовательной структуры, а также особенностей их семантического и символического значений. Материалом исследования послужили имена прилагательные и существительные, глаголы, имеющие семы 'цвет' и 'свет', а также примеры их использования в тексте Библии. Во введении даются определения языкового и религиозного сообществ, говорится об особенностях библейского текста и роли имен цвета в христианской культуре. Далее, в порядке убывания частотности, описываются основные цветообозначения и их оттенки, засвидетельствованные в Библии М. Лютера. При помощи словообразовательного анализа определяются характерные структурные черты данных лексем, отдельно освещаются особенности употребления прилагательного *bunt* и светообозначений. В результате проведенного анализа автору удается установить, что самым частотным является прилагательное *rot* и для передачи оттенков красного цвета использовано наибольшее количество лексем, наименее употребительными являются прилагательные *grau*, *gelb*, тогда как прилагательное *braun* вообще не зафиксировано. Изучение словообразовательной структуры позволило выделить следующие типы лексем: производные с суффиксом *-lich*, композиты, образованные по моделям «имя существительное + цветообозначение», «цветообозначение + цветообозначение» либо «цветообозначение + *farben / gefärbt*». Цвето- и светообозначения представлены преимущественно прилагательными, хотя в тексте Библии встречаются существительные и глаголы, дополняющие данную лексико-семантическую группу.

В разделе Н.В. Николенковой речь идет о некоторых принципах перевода латинского географического трактата XVII в., над которым работали в Москве в 1650-е гг. Епифаний Славинецкий, Арсений Сатановский и монах Исая, названный Чудовским. Книжники поделили многотомный атлас на части, но при этом обсудили общую стратегию перевода, в результате чего лингвистические особенности этого текста оказываются во многом общими. Главным из них было стремление к грецизации текста, что позволяет ряду исследователей причислять их к «грекофилам». Грецизация идет и на графико-орфографическом уровне, что выражается в последовательной передаче латинской графемы *b* кириллической буквой *в*, и на лексическом и наиболее ярко отражается в регулярной замене латинизмов оригинала известными переводчикам грецизмами (к примеру, регулярное использование варианта *епархия* вместо *provincia*). Другой лексической особенностью стало создание всеми тремя переводчиками композитов, среди которых отмечаются как индивидуально-авторские окказионализмы (к примеру, *мореначальник*), так и сложные слова, входящие в этот период в русский язык (*многолюдный*). Третьей общей особенностью переводов является использование регионализмов (полонизмов и югозападнорусизмов); этот прием также станет позднее яркой особенностью Чудовской книжной школы. Оригинальность лексики церковнославянского перевода Атласа Блау делает его ценным источником по истории русского

литературного языка второй половины XVII в. и дополнительным материалом для составления исторических словарей, в том числе для работы над словарем XVII в.

В работе К.В. Манёровой затрагивается тема, относящаяся к сопоставительному анализу эквивалентных библеизмов в немецком и русском языках с учетом изучения степени эквивалентности библейских формул в современном контексте. Материалом исследования послужили четыре пары эквивалентных формульных единиц библейского происхождения, встречающиеся в современных немецких и российских СМИ и публицистике. Источником примеров послужили тексты из немецкого электронного словаря «Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache» (dwds.de) и Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru), опубликованные в период с 2000 по 2020 г. Эквивалентность выбранных единиц – русских и немецких пар библеизмов – исследуется с помощью контекстуального анализа. Применяется метод корреляций библеизма и текста-источника, учитываются буквальное, текстовое, кодифицированное и контекстное значения библеизмов в двух языках. Цель исследования заключается в определении современных контекстов, в которых преимущественно встречаются отобранные библеизмы-эквиваленты, а также в выявлении различий фразеологизмов религиозного происхождения в обоих языках современного периода. В разделе проверяется следующая гипотеза: несмотря на то что библейские идиомы в обоих языках происходят из одного сакрального текстового источника – Библии, общего для европейского христианского культурного сообщества, хотя из разных переводных версий, они демонстрируют значительные различия в контекстуальном значении и употреблении. Эти различия, на наш взгляд, обусловлены культурно-историческими и переводческими причинами, которые не позволяют установить их полную эквивалентность.

Раздел Е.В. Суровцевой представляет результаты исследований лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии МГУ имени М.В. Ломоносова, в которой ведется работа над созданием корпуса «Житий новомучеников и исповедников Российских XX века». Житие – один из важнейших жанров современной русской словесности. На материале указанного корпуса автор изучает понятия святости и греха в русском языке и культуре. Из корпуса отобраны все лексемы с корнями *-свят-/-свяц-* (семьдесят одна единица) и *-грех-/-греш-* (одиннадцать единиц). Полученные данные позволяют решить целый ряд вопросов: о частотности лексем с данными корнями и о значимости понятий святости и греха, в том числе о коллективной вине народа за происходящие события, о функционировании корня *-свят-/-свяц-* в названиях церквей и монастырей, о вхождении лексем с этим корнем в лексико-семантическую группу религиозной лексики, о сочетаемости лексем, о необходимости специального богословского комментария целого ряда слов, в частности слов с корнем *-свят-/-свяц-*, и о проблеме возрожденной лексики.

В главе IV представлена диалектологическая проблематика изучения языковых сообществ, в том числе тема языковых реликтов. Т.Н. Москвина обращается к исследованию островных немецких говоров в России. Они являются диалектными вариантами немецкого языка, существующими вне основного лингвокультурного пространства, и представляют собой смешанные междиалектные варианты, которые существуют уже более 250 лет в постоянном взаимодействии между собой и с русским языком. Развитие островных диалектных систем характеризуется различными процессами, изучение которых является важным для понимания динамики языковых процессов в гетерогенном языковом пространстве. Способность к изменению, взаимодействие с другими вариантами немецкого языка и с русским

языком, заложенные в островных диалектах, внутренние, общие для немецкого языка закономерности развития – все эти факторы позволили островным диалектам «выжить» и развиваться, сохраняя статус языка семейного и бытового общения для многих семей российских немцев. В Алтайском крае сложилась специфическая языковая ситуация. В ходе массовых переселений немцев из Поволжья в Сибирь на рубеже XIX–XX вв. были образованы компактные поселения российских немцев в Алтайском крае и Омской области. Немецкие поселения есть и в других регионах Сибири (Красноярский край, Новосибирская и Томская области). В Немецком национальном районе и многих других селах, где проживают этнические немцы, представлены говоры всех основных диалектных групп. Островная немецкая диалектология служит источником важных данных для других областей лингвистического знания, прежде всего для сравнительно-исторического языкознания, исторической семантики, а также для решения экстралингвистических (исторических, этнографических) проблем и задач.

О.В. Байкова и О.Н. Обухова в своем разделе выясняют лингвокультурные параметры этнической идентичности российских немцев севера Удмуртии. Проблема исследования этнической общности российских немцев приобрела особое значение в конце XX – начале XXI в. в связи с процессами глобализации, интенсификацией межэтнического взаимодействия в полиэтническом социуме, актуализацией социополитической идентификации этнических общностей. Представленный раздел посвящен выявлению лингвокультурных параметров этнической идентичности и этнических представлений миноритарных народов, в частности российских немцев, проживающих на севере Удмуртии (город Глазов). В работе реализуются главным образом исторический и лингвокультурологический подходы к исследованию взаимосвязи народно-разговорной речи и традиционной культуры российских немцев вышеназванного района. Эмпирической базой исследования являются собранные во время диалектологических и этнографических экспедиций в город Глазов в период с 2007 по 2020 г. магнитофонные записи и записи на диктофон естественной неподготовленной устной речи: анкетные данные и беседы на разные темы (рассказы об истории семьи, воспоминания о переселении в город Глазов, о войне, трудармии и т. п.).

В ходе исследования авторы приходят к выводу, что этническая идентичность российских немцев севера Удмуртии представляет собой изменчивую, динамическую категорию. Проявление тех или иных дистинктивных признаков обусловлено как объективными (политическая система, этническая политика государства), так и личностно-субъективными причинами (сохранение языка, культуры, традиций). В ходе проведенного исследования также подтвердилась гипотеза об этноконсолидирующей роли параметра общности исторической судьбы как одного из доминантных параметров этнической идентичности российских немцев.

Л.А. Долгополова обращается в своем разделе к проблеме адаптации крымских топонимов в языке меннонитов. На материале воспоминаний бывших немецких колонистов (меннонитов), проживавших в Крыму в различные периоды, рассматриваются вопросы формирования топонимии представителями немецкоязычной лингвокультуры в Крыму в XIX–XX вв. Автор предлагает краткий обзор источников Крыма, которые дают полную картину полиномии названий меннонитских поселений. Меннониты, в отличие от других немецкоязычных колонистов, переселились из южных регионов России в Крым гораздо позже, что наложило отпечаток на особенности формирования топонимии. Причины смены или асси-

миляции меннонитами иноязычных топонимов связаны с принятием иноязычной культуры, сопровождаемым адаптацией ими топонимов крымскотатарского или русского происхождения. Этот процесс затрагивает фонетический / графический и морфологический уровни. Большинство населенных пунктов, где проживали меннониты, располагает целым рядом названий, что является результатом многообразного переименования и адаптации. Топонимическая картина меннонитских поселений отличается от топонимики как немецкоязычных представителей других конфессий (лютеран, католиков), так и других народов. В фонетической и графической адаптации проявляются особенности языка меннонитов – плотдич, окончательное формирование которого происходило непосредственно на юге Российской империи. В работе впервые показана специфика поликультурного пространства определенного региона и условия восприятия топонимов иноязычного происхождения; установлены способы передачи на родной язык топонимов иноязычного происхождения.

Раздел А.Б. Кокановой посвящен анализу общерусских слов с корнем *дох/дых* в архангельских говорах. Рассматриваются прилагательное *дохлой*, существительные типа *дохлятина*, *дохлять*, глаголы *дохнуть*, *выдохнуть*, *сдохнуть*, *подохнуть* и др. Семантика слов в говорах сравнивается с семантикой соответствующих слов в русском литературном языке. Приводится большое количество диалектного материала, данного в упрощенной транскрипции, принятой для «Архангельского областного словаря». На основе диалектных контекстов делаются выводы о том, что общерусское слово в говорах развивает больше значений. Некоторые из значений являются архаическими, что показывает обращение к этимологическим словарям. Проанализированные примеры свидетельствуют о значительном расширении семантики общерусских слов с корнем *дох/дых*. Все лексемы, независимо от их частеречной принадлежности, варьируют свои значения с опорой на культурное содержание: метафоры смерти, существующие в народном сознании, оказывают свое влияние на формирование новых значений описываемых лексем. В значениях лексем с анализируемым корнем наиболее частотными являются семы болезни, гниения, недостатка влаги. Расширение значений лексем формирует более широкую сочетаемость на основе семы ‘потеря основных функций’. Глагольная лексика приобретает новые значения на основе сем ‘недостаток воздуха’ и ‘холод’.

Пятая, заключительная, глава обобщает концептуальные и социокультурные аспекты исследования языковых и культурных сообществ. А.А. Фомичева ставит в своей работе проблему эволюции лексики как отражения развития материальной культуры на примере синонимического ряда обозначений копья в немецком языке. Наличие корреляции между историческими событиями и явлениями, составляющими развитие того или иного культурного сообщества, с одной стороны, и процессами внутри языка, на котором говорит это сообщество, с другой стороны, не подвергается сомнению. Изучение лексического материала языка с опорой на культурологические изыскания имеет продолжительную традицию, к которой принадлежит и представленное в разделе исследование частного случая эволюции синонимического ряда обозначений копья в немецком языке. Копье занимало далеко не последнее место среди предметов вооружения древнегерманского воина, а в Средние века стало неотъемлемой частью вооружения рыцаря. С развитием технологий, однако, функционал копья меняется, как и сфера его

использования. История этого вида оружия отразилась на эволюции системы ее лексических коррелятов в немецком языке разных периодов.

В данном разделе представлен анализ развития синонимического ряда обозначений копья в немецком языке, проведенный при сопоставлении с историческими сведениями о различных типах копий, входивших в вооружение европейского воина начиная с эпохи Раннего Средневековья. Лексико-семантический анализ обозначений копья на разных этапах истории немецкого языка необходимым образом дополняется стилистическим анализом коннотаций исследуемых лексем в контекстном окружении. В совокупности с культурологическими экскурсами в историю копья как предмета вооружения данный комплекс методов исследования позволяет проследить взаимосвязи между процессами эволюции лексики и развитием материальной культуры и охарактеризовать природу этой корреляции для данного лингвистического материала.

Г.А. Баева и Л.Ф. Бирр-Цуркан в своем разделе исследуют эпистемы эффективной коммуникации в истории немецкого языка. Понимание эффективности коммуникации, уместности, вежливости и правильности речи, реализуемое в коммуникативной практике говорящих отдаленных от нас эпох, содержится в художественной литературе, исторических хрониках, письмах, судебных протоколах, учебных и справочных пособиях по культуре речи и правилам хорошего тона, в письмовниках и др. Эти источники помогают воссоздать речевое поведение в действии и проследить формирование языковой эпистемности и ее закрепление в правилах. Эпистемность и культура речи отражают основные этапы развития немецкого общества и языка: от рыцарской культуры Средневековья через утонченную, манерно-церемониальную вежливость аристократического общества эпохи барокко и галантного периода XVIII в. к демократизации общения в более позднее время. В этом разделе на материале назидательно-дидактических произведений Фрейданка, Томазина фон Церклере, Гуго фон Тримберга, Георга Филиппа Гарсдерфера и других авторов с советами на все случаи жизни (Ratgeber) и разнообразных пособий по правилам хорошего тона (Benimmbücher / Anstandsbücher) показано, как эпистемические, социолингвистические и лингвокультурные факторы влияли на формирование коммуникативных норм вежливого речевого поведения на ранних этапах развития общества в Германии.

Раздел Е.Н. Цветаевой и Е.С. Панкратьевой посвящен историческому рассмотрению фразеологизмов немецкого языка, включенных в общеевропейский культурный континуум и являющихся вербальным воплощением ряда культурно релевантных смыслов, отраженных в иных семиотических системах, типичных для исследуемого периода. Выявленный корпус фразеологизмов – это фраземы, имеющие свой визуальный код, представленные в средневековых иллюминированных рукописях, на гравюрах, в живописи, графике и т. п., а также в образцах декоративного и декоративно-прикладного искусства, средневековых и ренессансных бильдербогенах, мизерикордиях соборов, в книжных эмблемах. Лишь рассмотрение их на общем культурно-историческом семиотическом фоне в образительном и литературном дискурсе позволяет выявить и проследить ряд семантических процессов, характерных для развития этого пласта фразеологии в целом.

Подробный комплексный анализ взаимодействия вербальных и иконических средств при репрезентации определенных смыслов позволяет авторам выявить пути развития фразеологической семантики благодаря функционированию этих

знаков в разных информационных модусах и дискурсивных условиях. Визуальный источник в парадигме исследования стоит в одном ряду с историческими лексико- и фразеографическими источниками, литературными памятниками соответствующей эпохи, а также имеющимися историческими фразеологическими трудами лингвистов. Для анализа выбраны фраземы, судьба которых демонстрирует наиболее типичные процессы: от полного забвения (и возможного перехода в моноксическое состояние с сохранением следов первоначальной семантики фраземы) до изменения значения и типичных ситуаций применения, включая случаи сохранения семантических оснований и употребительности на протяжении продолжительного времени.

Раздел, предлагаемый В.И. Карповым, задуман как часть исследовательской работы по изучению истории немецкого языка и германского фольклора в контексте критического источниковедения и социологии. Материалом для исследования служат немецкие заговорные тексты как пример народной магии, зафиксированные в протоколах допросов лиц, обвиненных в колдовстве в XV–XVIII вв. В связи с этим нельзя обойти вниманием факты, связанные с почти трехвековым периодом преследований вплоть до физического уничтожения части населения по подозрению в колдовских действиях и умышленном причинении вреда окружающим. Это явление получило обозначение *Hexenjagd* ‘охота на ведьм’. С особым рвением судят предполагаемых ведьм и колдунов в немецкоязычных землях, которые в силу феодальной раздробленности сохраняли известную автономию в вопросах административного управления и юриспруденции. Местные суды сами определяли ход судебного разбирательства, допустимость пыток при дознании, необходимость привлечения дополнительных свидетелей и весомость улик. Заговоры и заклинания включались в состав протоколов как основная улика криминальной деятельности обвиняемых. Лишь благодаря принципиальной настойчивости представителей немецких просветительских обществ в конце XVIII в. протоколы стали доступны публике, а само явление получило широкую огласку. В разделе рассматриваются предпосылки философско-культурологического интереса к народной магии со стороны немецких просветителей в 80–90-е гг. XVIII в., вопросы эдиционной текстологии фольклора в связи с первыми публикациями примеров народной магии и их влияние на развитие фольклористики и исторической лингвистики в целом.

Раздел Н.В. Усовой посвящен исследованию онимной лексики фундаментального труда Иоганна Вольфганга Гете – автобиографических хроник «*Aus meinem Leben. Dichtung und Wahrheit*» («Из моей жизни. Поэзия и правда»). Предметом лингвистического анализа является топонимия родного города писателя Франкфурта-на-Майне, отображенная в рефлексиях писателя. Проприальная лексика топонимической природы рассматривается как средство изображения города конкретного культурно-исторического среза и как средство отображения реальной действительности в индивидуальном восприятии. Основные единицы исследования определяются терминами топорефлектоним, урбанорефлектоним. Анализ исследуемых единиц автобиографии Гете проводится с позиций антропоцентризма. Культурно-историческая и социальная значимость анализируемого материала определяют использование комплексной исследовательской методики, предполагающей изучение топорефлектонимов в их синхронической связи с исторической, культурной, социальной реальностью лингвокультурного сообщества описываемой эпохи. Проприальные средства номинации объектов городского ландшафта

выступают как феномены лингвокультуры и результат коллективной языковой рефлексии. Для анализа избрана часть топоректонимов автобиографии – стра-та урбаноректонимов, относящихся к Франкфурту-на-Майне, которые внутри себя ‘раслаиваются’ на группы, состоящие, в свою очередь, из единиц языка. Каждая из них служит средством визуализации объектов городского пространства. В фокусе рассмотрения находятся особенности семантики и функционирования выявленных в тексте автобиографии урбаноректонимов. Отмечается их способность служить средством категоризации мира, окружающего будущего писателя в его детские годы. Отдельные урбаноректонимы подвергаются детальному рассмотрению с привлечением лингвострановедческого комментария, включающего элементы исторического и социолингвистического анализа.

Главу завершает раздел О.Л. Бессоновой и Е.В. Трофимовой, посвященный одной из актуальных проблем современной лингвистики – концептуализации и языковым способам репрезентации эмоций. На материале английского языка детально рассматриваются группы концептов, обозначающих эмоции, описывается специфика их лексической и фразеологической вербализации. В сетевой структуре оценочного тезауруса английского языка исследуемые лексические и фразеологические единицы представлены узлом концептов, обозначающих эмоции. Анализ материала свидетельствует о том, что сложность классификации оценочных эмотивов обусловлена диффузным характером базовых концептов, когда наблюдается их «взаимоперетекание / цепочечная связь» (страх, испуг, ужас, паника; радость, счастье), «взаимопроникновение / пересечение» (удивление; тоска, отчаяние, уныние), в отдельных случаях «склеенность» (тревога, волнение, беспокойство), «включенность» концептов «один в другой» (гнев, ярость). Проведенный анализ позволяет прийти к выводу, что способы вербализации эмоций выявляют национально-культурное восприятие, демонстрируя сквозь призму эмоциональной картины мира ценностные ориентиры языкового сообщества.

Авторский коллектив

Глава I. Теоретические аспекты исследования языковых и культурных сообществ

Язык и этнос: пути формирования языковой отдельности и языковой идентичности¹

В.И. Теркулов

1. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Одной из актуальных проблем социолингвистики является проблема определения соотношения «язык – этнос», которая, в сущности, является проблемой установления а) статуса идиома, которым пользуется этнически идентифицируемый субъект: диалектом какого языка он является, и б) того, какова роль этого идиома в этническом / национальном определении и самоопределении личности. Можно ли считать, например, что речь жителя Полтавы в XIX столетии представляла украинский язык, или она являлась диалектной (наречной) малороссийской разновидностью русского языка, и, в связи с этим, принадлежал ли этот житель Полтавы к какому-то отдельному этносу (например, к украинскому) или к субэтносу в пределах русского этноса (например, к малороссийскому).

В предлагаемом разделе обобщаются результаты исследований, описанных ранее в ряде наших публикаций (см.: [Теркулов 2022; Теркулов 2023; Теркулов, Таме-рьян 2023] и др.).

Базовым объектом рассмотрения здесь становятся этнические и субэтнические объединения людей – нации, народности, этнографические группы (субэтноты). Цель исследования – определение характеристик языковой отдельности и языковой идентичности личности как основы ее этнической / национальной идентификации (этнического идентифицирования) и самоидентификации (этнического самоидентифицирования). При этом мы понимаем идентичность как «особое психическое состояние (устойчивое переживание) индивида», а идентификацию и идентифицирование – как «процесс его достижения, осознанный или неосознанный поиск индивидом оснований для этого состояния» [Мазур 2012: 88].

Сразу же определим ряд используемых нами понятий. Национальность – это, собственно, и есть этническая идентификация или самоидентификация человека. Как утверждает в словаре Г.В. Осипова, национальность – это «принадлежность индивида к какой-либо национальной или этнической группе, народности, нации» [Осипов 2000: 197]. Так же, например, у Г.Т. Тавадова: «Под этнической идентификацией понимается “психологический процесс отождествления индиви-

¹ Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX–XXI столетий в его региолектном и общезыковом аспектах» (№ госрегистрации НИОКТР 124051400024-1).

дом себя с этнической общностью, позволяющий ему усвоить важные стереотипы поведения, требования к основным культурным ролям» [Тавадов 2011: 127].

Важно определить, хотя бы в качестве рабочих понятий, что представляет собой этнос, каковы базовые типы этнических сообществ. По сути дела, любой этнос «существует там, где люди имеют общие претензии на принадлежность к единому целому, обеспечивая признание этого другими» [Джери 1999: 425]. Наиболее распространенное определение этноса звучит следующим образом: этнос – это «исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая совокупность людей, обладающих общими относительно стабильными особенностями языка, культуры и психики, а также сознанием своего единства и отличия от других подобных образований (самосознанием), фиксированным в самоназвании (этноним)» [Махмудов 2013: 148].

Главной актуальной разновидностью этноса является нация. Вопрос состоит в том, чтобы определить а) какое объединение людей («единое целое») предшествует нации, б) что же является причиной и маркером трансформации этого «единого целого» в нацию. А эти вопросы объективно предполагают решение вопроса о том, что формирует нацию и в чем заключаются ее отличия от народности и этнографической группы (субэтноса).

И вот здесь возникает главная проблема: «нация» является одним из слабо определенных научных понятий, что вполне объяснимо, поскольку ученые не могут пока прийти к единому мнению о том, что лежит в основе национального объединения людей. Как писал Б. Андерсон, «нацию, национальность, национализм оказалось очень трудно определить, не говоря уже о том, что трудно анализировать. На фоне колоссального влияния, оказанного национализмом на современный мир, убогость благовидной теории национализма прямо-таки бросается в глаза» [Андерсон 2016: 43]. И далее: «Теоретиков национализма часто ставили в тупик, если не сказать раздражали, следующие три парадокса: (1) Объективная современность наций в глазах историка, с одной стороны, и субъективная их древность в глазах националиста – с другой. (2) С одной стороны, формальная универсальность национальности как социокультурного понятия (в современном мире каждый человек может, должен и будет “иметь” национальность так же, как он “имеет” пол), – и с другой стороны, непоправимая партикулярность ее конкретных проявлений (например, “греческая” национальность, по определению, есть национальность *sui generis*). (3) С одной стороны, “политическое” могущество национализмов – и с другой, их философская нищета и даже внутренняя несогласованность. Иными словами, в отличие от большинства других “измов” национализм так и не породил собственных великих мыслителей» [Андерсон 2016: 45–46]. Отмечается то, на что в свое время обратил внимание Том Нейри: «Я вынужден заключить, что никакого “научного определения” нации разработать нельзя; и вместе с тем феномен этот существовал и существует до сих пор» [Nairi 1975: 3]. Мы же укажем на то, что и все остальные «этнические» определения предельно условны и мало объясняют процессы формирования современных этнических сообществ.

Мы будем отталкиваться от общепринятых определений указанных объединений. Вполне очевидно только разграничение этноса и субэтноса как гиперонима и гетеронима. Этнос – это самостоятельная сущность (например, русская нация, английская нация, курдская народность и т. д.), а субэтнос – это этнографическая

группа в пределах этноса, каковыми являются, например, казаки, жители Донбасса, сибиряки и т. д. для русского этноса.

В большинстве определений нации и народности единственное отличие касается социально-политических условий существования указанных этнических сущностей. Народность обычно трактуется как «исторически сложившаяся языковая, территориальная и культ. общность людей, предшествующая нации» [Осипов 2000: 193], а нация – как «исторически сложившийся тип этноса, представляющий собой социально-экономическую целостность, возникающую на основе общности экономических связей, территории, языка, особенностей культуры и быта, психологического склада и самосознания» [Осипов 2000: 197]. При этом «нация развивается на основе народности» [Осипов 2000: 197]. Иначе говоря, если для народности, которая присуща в первую очередь рабовладельческому и феодальному строю, важен момент общности территории и языка, то для нации главенствующим является фактор социально-экономический и, более того, политический – возникновение и развитие государств в эпоху капитализма и социализма. Как отмечает А.В. Рыбьякова, «**фактором перерастания этноса в новое качество и его превращения в нацию явилось государство** (выделено нами. – В.Т.) как складывающаяся индустриальная, военно-политическая и административная система» [Рыбьякова 2017: 151]. В таком случае о существовании, например, украинской нации можно говорить только с 10 марта 1919 г., когда была провозглашена Украинская Советская Социалистическая Республика – первое государственное образование украинцев. До этого существовать могла только украинская народность.

В западноевропейской традиции констатируется связь наций с государством («Согласно Веберу, современные нации обычно нуждаются в государстве, чтобы защищать свою целостность и интересы, а государства – в нации, если хотят располагать лояльностью индивидуума» [Джери 1999: 425]), но при этом, правда, уточняется: «Однако существуют безгосударственные нации, например шотландская, и безнациональные (или многонациональные) государства, вроде Пруссии и Советского Союза. Различия между этническими нациями (общностями происхождения) и гражданскими (ассоциациями в пределах территории) имеют главное значение для плюрализма и сосуществования, характера общества и определения гражданства» [Джери 1999: 425–426]. Это объясняется тем, что в этой традиции не нашлось места выведенной в советской и развитой в российской социологии категории «народность». Безгосударственные нации – это, в сущности, именно народности.

В связи с вышесказанным мы разграничиваем:

А) этнос – субэтнос;

Б) в пределах этноса: народность и нацию.

На наш взгляд, путь формирования современной нации включает три этапа (если не учитывать первоначальный племенной этап развития общества): субэтнос в рамках исходного этноса (народности или нации) → народность → нация. В принципе, для трансформации народности в нацию необходимо формирование для него отдельного государства. Но при этом нация может включать в свой состав несколько народностей, что приводит к возникновению (тавтология) многонациональной гражданской нации. В связи с этим понятие национальности и этнической идентификации (самоидентификации) все-таки связывается в первую очередь не с нацией, а с народностью, которую иногда называют этнической на-

цией в отличие от политической, гражданской, «государственной» нации. Возникает вопрос, что же лежит в основе объединения ряда индивидов в этнос, народность, этническую нацию?

Все теории нации можно разделить на две группы.

Первая группа: объективные, или примордиальные, теории идентичности, предполагающие, что человек относится к тому или иному этносу «по крови», объективно: «Этническая принадлежность человека предопределяется фактором “крови” путем биологического наследования от родителей» [Тавадов 2011: 127]. Понятно, что такой подход, мягко говоря, обречен на неудачу: в современном мире очень трудно определить «кровную» преемственность, по крайней мере у тех этносов, которые строятся не на осознанном и мифологизированном кровном родстве, как, например, у различных мусульманских народов и других народов Кавказа. Объективно мы можем определить только расовый тип и подтип индивида.

В современном мире, в частности в «лоскутных» государствах, созданных в наибольшей мере на переселенческих территориях, например на Украине, определение национальности «по крови» затруднено уже тем, что очень часто дети рождаются в смешанных семьях, и это не позволяет определить их однозначную «кровную» идентичность. Я, например, сын кубанской казачки и татарина. И кто я по национальности? Дело осложняется тем, что формирование украинского самосознания, по крайней мере языкового, осуществлялось только в начале XX столетия в результате конвергенции малороссийского и западного русинского (рутенского) самосознаний (см. об этом [Теркулов 2022]), что ставит под сомнение «глубинность» кровной этнической идентификации украинцев. Поэтому, вероятнее всего, более соответствует действительности второй подход, согласно которому основой для этнической самоидентификации следует считать социально-культурные факторы.

На наш взгляд, определение национальности через социально-культурные факторы делает этнос тем, что Б. Андерсон называет «воображенным сообществом»: «Таким образом, поступая так, как обычно поступают в антропологии, я предлагаю следующее определение нации (и народности. – *В.Т.*): это воображенное политическое сообщество, и воображается оно как что-то неизбежно ограниченное, но в то же время суверенное. Оно воображенное, поскольку члены даже самой маленькой нации никогда не будут знать большинства своих братьев-по-нации, встречаться с ними или даже слышать о них, в то время как в умах каждого из них живет образ их общности» [Андерсон 2016: 47]. Этот образ общности может трактоваться только как «традиционные и устойчивые культурные ценности» [Хотинец 2002: 30], к которым обычно относят этноним (самоназвание), происхождение и историческое прошлое членов этноса, этническую территорию, язык, религию, культуру, национальную одежду, пищу, жилище, обычаи, обряды, традиции, народное творчество, сказки, песни, предания, национальную литературу и профессиональное искусство, антропологические признаки и этнопсихологические особенности, экономику, представляющие элементы различных подсистем или сфер этнической культуры (см. [Мкртумян 1978: 44]). Следует, правда, отметить, что из всех этих культурных ценностей только язык может трактоваться как реальное и объективно функционирующее средство объединения.

1) Этноним. Самоназвание имеют и жители одной территории (катайконим и этнохороним) или одного субэтноса («субэтноним»), например дончане, кубанцы, поморы и казаки. Можно ли считать малороссов отдельным этносом, или они

являются субэтносом? В этом, в сущности, и состоит вопрос при определении статуса этнической группы. Этноним «украинец» получил свое современное значение, скорее всего, в начале XX в., став маркером конвергенции двух близких, но не тождественных народов: российских малороссов и польских русинов (рутенгов), что свидетельствует о крайне позднем начале процесса идентификации и самоидентификации украинцев со всеми вытекающими отсюда последствиями, в частности со сложностью осознания общности происхождения и исторического прошлого данного этноса (жители центра и востока, в том числе отделившегося, Украины осознают свое отличие не только в истории, но и в менталитете от жителей западной Украины).

2) О цельности этнической территории также сложно говорить, поскольку большая часть современной Украины создавалась либо Российской империей (см. созданные российскими императорами Херсон, Одесса, Александровск и др.), либо Польшей (Тернополь, Ивано-Франковск и т. д.).

3) На всей территории Украины превалирует православная религия (исключение – ряд униатских анклавов на Западной Украине), что полностью совпадает с религиозным пространством России.

4) Говорить о существовании современной «оперативной» украинской культуры как о чем-то кардинально отличающемся от русской культуры также не приходится: современные люди в большинстве своем не осознают себя связанными с традиционными украинскими (малороссийскими и рутенскими) обычаями, обрядами, традициями, народным творчеством, сказками, песнями, преданиями и т. д., которые воспринимаются ими как анахронизмы.

5) Единственным объективным фактором этнической идентификации является язык: украинца от русского может отличить только то, какой язык признается им родным – украинский или русский. Некоторые исследователи вообще утверждают, что нация – это именно «языковое сообщество» [Касьянов 1999: 261]. Системообразующая этническая сущность языка обусловлена тем, что он функционирует как система, формирующая картину мира, которая определяет через языковые сущности понимание носителем языка как языковой личностью внешнего объективного мира и внутреннего субъективного мира и тем самым определяет модели его поведения. Мир в языке «является как бы отчужденным объективным миром» [Колшанский 2006: 11]. Как писал А. Эйнштейн, «человек стремится каким-то адекватным способом создать в себе простую и ясную картину мира для того, чтобы оторваться от мира ощущений, чтобы в известной степени попытаться заменить этот мир созданной таким образом картиной» [Эйнштейн 1967: 45]. Но в этом случае «картина мира, сущностно понятая, означает <...> не картину, изображающую мир, а мир, понятый в смысле такой картины» [Хайдеггер 1993: 49]. Человек живет в большей мере не в событии, а в тексте события: он определяет сущностные характеристики данного события, оценивает его через претексты.

В связи с этим для украинских идеологов особую важность приобретает «движение» украинского языка, поскольку оно мотивирует, с одной стороны, формирование особой украинской этнической идентификации и самоидентификации, а с другой – избавление от русской идентификации и самоидентификации. Все это очень емко было сформулировано в свое время В. Ющенко, который в одном из своих выступлений сказал: «Нужно осознать, что Украина – это государство с одним языком». Необходимо только доказать, что для тех людей, которые опреде-

ляются как украинцы, родным языком является именно украинский язык. Но тут возникает резонный вопрос о том, когда же все-таки возник украинский язык.

2. ЯЗЫК ИЛИ ДИАЛЕКТ

Вопрос о границах (и временных и пространственных) национального языка предельно сложен: пока что не существует объективных методик определения, какие территориальные диалекты входят в его языковой континуум, а какие находятся за его пределами. Решение этой проблемы важно уже потому, что именно от статуса идиома зависит разграничение этноса и субэтноса. Г.Т. Хухуни и И.И. Валуйцева пишут о границе между отдельным языком и диалектом так: «Именно эта граница существенна для решения вопроса о том, выделяется ли данный коллектив в качестве самостоятельного этноса (немецкий / нидерландский), или он является своего рода субгруппой, входящей в состав более крупного народа, хотя и могущей сохранять некоторую специфику, в том числе и в лингвистическом плане (баварский / швабский)» [Хухуни, Валуйцева 2023: 90]. Диалекты, точнее, идиомы в пределах одного языка формируют разные этнографические единства, или субэтноты в пределах одного этноса, а разные языки формируют разные этноты – народности.

Традиционно границы национального языка определяют по **собственно языковым** и по **экстралингвистическим** параметрам.

Собственно лингвистические параметры разграничения языков и диалектов предполагают учет собственно языковых характеристик идиома для определения его статуса. Чаще всего для этого используется параметр **«взаимопонимания» между носителями разных диалектов** как основание для отнесения разных диалектов к одному языку. С этим сложно согласиться. Как отмечает А.Ю. Мусорин, «если отсутствие взаимопонимания действительно может свидетельствовать о том, что перед нами различные языки, то наличие такого взаимопонимания ни в какой мере не свидетельствует, что перед нами всего лишь диалекты одного языка. Например, носители большинства тюркских языков вполне способны на бытовом уровне понимать друг друга без переводчика, однако никому не придет в голову рассматривать, скажем, шорский и татарский как диалекты единого тюркского языка» [Мусорин 2001: 12]. С другой стороны, в диалектных языках с большим количеством носителей степень взаимопонимания уменьшается с увеличением расстояния между идиомами и может отсутствовать между крайними точками, о чем см. [Hudson 1996: 35]. Например, мало понимают друг друга носители различных немецких, арабских диалектов. Кроме того, пока не разработаны критерии, позволяющие определить признаки и порог взаимопонимания, – оно уславливается в большей мере «на глазок».

Тождество языковой базы. Предполагается, вполне справедливо, что у разных идиомов одного языка должна быть общая языковая база, формирующая его диалектный язык. Однако пока не существует набора параметров, которые могли бы стать основой для определения объема этой базы на всех уровнях языковой системы.

Ю.Б. Коряков пишет: «Можно предположить, что степени взаимопонятности соответствует степень структурных различий между идиомами. Однако возникает вопрос: как измерить эти различия? Языки различаются по очень многим параметрам, и для разных языков эти параметры разные, поэтому если попытаться сравнить пошагово всю грамматическую систему, начиная от фонологии и закан-

чивая синтаксисом и лексикой, то результаты сравнения между разными парами идиомов, особенно достаточно далеких друг от друга, будут сами по себе плохо сравнимы [Коряков 2017: 88]. Ученый предполагает: «Чтобы получить объективные и сравнимые результаты, необходимо ограничиться некоторым конкретным подмножеством языковых различий» [Коряков 2017: 88].

Часто для определения статуса идиома используют стословный список М. Сводеша. Считается, что если у двух идиомов процент совпадений в нем меньше 89, то они являются разными языками. Если больше 97, то их определяют как диалекты одного языка. Интервал от 89 до 97% определяется как промежуточный уровень очень близких языков или отдаленных диалектов. В качестве названия для идиомов, входящих в данный интервал, используется термин «наречие» тогда, когда носители этого идиома считают его разновидностью какого-либо языка. В том же случае, когда они считают свой идиом самостоятельным языковым образованием, он имеет статус языка. Однако существование таких идиомов, как сербский, хорватский, черногорский и боснийский языки, молдавский и румынский языки, для которых все-таки отмечается 97-процентное или близкое к 97-процентному тождество, а также наличие переходной зоны (от 89 до 97%), где определение статуса идиома зависит от мнения его носителей, позволяет усомниться в том, что структурные тождества-различия и взаимопонимание являются главным фактором определения статуса идиома. Отметим, кстати, что расхождение языков более заметно не на уровне слов списка Сводеша: не может совпадение ста слов гарантировать совпадение или близость всех остальных единиц лексикона. Список Сводеша, в сущности, говорит не столько о статусе одного идиома по отношению к другому, сколько о степени родства этих идиомов.

Лингвистическому подходу к определению статуса идиома противоречат факты актуальных трансформаций диалектов в языки. Например, люксембургский диалект до 1984 г. и люксембургский язык после 1984 г., когда парламент этой страны решил изменить статус этого идиома и определить его не просто как язык, а как один из государственных языков, мало чем отличаются друг от друга: возникновение последнего не связано с утратой взаимопонимания между носителями люксембургского языка и носителями диалектов немецкого языка, никакие структурные изменения не были причиной провозглашения люксембургского диалекта отдельным языком, и в списке Сводеша не произошло никаких изменений в соотношении совпадающих компонентов.

Отметим, кстати, что часто констатация возникновения того или иного языкового явления в диалекте, ставшего затем чертой языка, возникшего на базе этого диалекта, становится основанием для вывода о его трансформации в самостоятельный язык. При этом чаще всего наиболее значимыми языковыми изменениями признаются наименее, на наш взгляд, весомые для дивергенции диалектов изменения в фонетике. Механика глоттогенеза формулируется так: «когда в диалекте появилась фонетическая черта X, диалект превратился в язык». Так, например, утверждение о том, что украинский язык возник еще в XI–XII вв. прошлого тысячелетия, опирается на констатацию обнаружения в памятниках письменности юго-западных и западных территорий распространения древнерусского языка следов некоторых фонетических явлений, обнаруживаемых в современном украинском языке: фрикативного [ɣ] или [h] (А. Крымский), перехода в образовавшихся после падения редуцированных [e] (>[ɛ]) и [o] в [i], например *шесть* – южн. *шѣсть* – укр. *шість*, *конь* – укр. *кінь* (А. Дыбо) и т. д. А. Дыбо, например,

в своем интервью сетевому изданию «Украина.ру» утверждает: «Считается, что древнерусский язык раскололся на национальные языки в XIV–XV веках. <...> Должна сказать, что люди, которые так считают, на самом деле ориентируются на первые хорошо определяемые по языку памятники. Но дело в том, что в грамотах XIV–XV веков, составленных в малороссийских княжествах, видны уже не только признаки украинского языка, но и диалектов украинского языка. Сам язык начал формироваться гораздо раньше. Я вам сейчас скажу вещь, которую некоторые русисты знают, но далеко не все. Дело в том, что один из самых ярких признаков украинского языка, выделяющих его среди восточнославянских языков, – это сужение гласных “Э” и “О” в позиции новозакрытого слога» [Дыбо 2019], т. е. переход [e] и [o] в закрытых после падения редуцированных слогах в [и], например укр. *ніс* в соответствии с рус. *нес*, укр. *віл*, имеющее своим эквивалентом рус. *вол*, и т. д. И далее на вопрос корреспондента издания «То есть украинский язык пошел с того момента, как началось передвижение гласных в верхний регистр в позиции новозакрытого слога?» Анна Владимировна отвечает: «**Если смотреть с чисто лингвистической, а не с социолингвистической точки зрения** (выделено нами. – *В.Т.*), да. Это смещение является маркером украинского языка, потому что в других восточнославянских языках этого не произошло. Это очень явственный признак, мы его находим на всем пространстве того, что относится к украинским диалектам. Причем с точки зрения исторической диалектологии все эти штуки начинают выделяться довольно рано, гораздо раньше, чем принято думать. Это значит, что **украинский язык древнее XIV–XV веков лет этак на 300** (выделено нами. – *В.Т.*)» [Дыбо 2019]. Тут особенно важно то, что А.В. Дыбо говорит о чисто лингвистической точке зрения, которая нам не кажется определяющей: с «чисто лингвистической точки зрения», например, сербский и хорватский языки должны считаться диалектами одного языка, а диалекты арабского – самостоятельными языками. Возникают и другие вопросы: можно ли считать, что появление любого значительного фонетического изменения ведет к возникновению нового языка? Тогда почему мы не говорим, например, основываясь на различии оканья и аканья, что северорусское и южнорусское наречия – и не наречия вовсе, а разные языки, разошедшиеся еще в XII в. (именно к этому веку относят возникновение аканья в южнорусских говорах)? Почему фрикативный [γ] в южнорусских говорах не стал причиной трансформации их в отдельный язык? Вероятно, потому, что фонетические изменения не являются стимулом для распада языка: они выступают в качестве диалектных фонетических новообразований, которые в случае трансформации диалекта в язык становятся характерными чертами этого языка, но отнюдь не мотивируют эту трансформацию. Кстати, расхождения между современными диалектами зачастую являются более весомыми, чем различия между северными и южными диалектами древнерусского языка. Например, А. Крымский приводит достаточно большее количество различий между восточномалорусским (собственно малорусским) и западномалорусским (галицким) наречиями украинского языка [Крымский 1973: 254–256], чем между южнорусскими и северорусскими диалектами русского языка. Но почему-то не трактует их как различные языки.

Вполне очевидно, что определить по памятникам письменности появление нового языка на основании обнаружения в этих памятниках какой-то особой языковой черты, характеризующей в современности тот или иной язык, не представляется возможным хотя бы потому, что во всех диалектах есть какие-то особые языковые черты, но они являются только чертами, характеризующими идиом, и

практически ничего не говорят о его статусе. Об этом же пишет Н.С. Трубецкой: «Надо вообще предостеречь от довольно распространенного предрассудка, будто существование сильных различий между двумя наречиями неминуемо влечет за собой (или должно повлечь за собой) и создание для каждого такого наречия особого литературного языка. Живые языки современной Европы самым решительным образом противоречат этому мнению. Каждый из больших литературных языков Европы (французский, итальянский, английский, немецкий) господствует на территории лингвистически гораздо менее однородной, чем территория русских племен. Различия между нижненемецким (Plattddeutsch) и верхненемецким (Oberdeutsch) или различия между народными говорами северной Франции и говорами Прованса не только сильнее, но и значительно древнее различий между малорусским, белорусским и великорусским. Мы видели выше, что различия между этими основными русскими наречиями не древнее XII в.; между тем нижненемецкий и верхненемецкий выступают как два самостоятельных и внутренне уже дифференцированных языка с самого начала средневековой немецкой письменности, а различие между собственно французским и провансальским языками восходит к самому началу романизации Галлии» [Трубецкой 1990: 115]. О том же сказано и у С.Е. Яхонтова: «Если говорить о наиболее близком родстве, может показаться, что термины “язык”, “диалект”, “говор” отражают степень взаимной близости обозначаемых ими форм речи. Но это далеко не всегда так. Две идиомы (будем пользоваться этим словом как общим названием разных форм речи, независимо от того, признаются ли они разными языками или нет), считающиеся двумя диалектами одного языка, вовсе не обязательно будут более сходны друг с другом, чем две другие, считающиеся самостоятельными языками. Лингвисты, занимающиеся проблемой разграничения понятий языка и диалекта, обычно оговаривают, что для решения ее **степень сходства или несходства сравниваемых идиом несущественна** (выделено нами. – В.Т.)» [Яхонтов 1980: 148–149].

Вероятнее всего, нужны другие, в первую очередь экстралингвистические факторы, которые, на наш взгляд, и мотивируют трансформацию диалекта в язык, в результате чего и изменяется статус идиомных явлений: они перестают определяться как диалектные и начинают определяться как языковые. Это, кстати, подтверждается и ситуациями препятствования преобразованию диалекта в язык. Например, древненовгородский диалект имел, по свидетельству А.А. Зализняка, все основания, чтобы преобразоваться в самостоятельный язык: новгородские земли были изолированы в период феодальной раздробленности от других земель древнерусского государства, на территории древнего Новгорода функционировал структурно отличавшийся от других диалектов древнерусского языка идиом, он имел письменную форму фиксации и т. д. Однако «развитие <его> в самостоятельный язык было прервано с концом новгородской независимости и включением Новгородской земли в состав Московского государства (т. е. это своего рода предъязык, которому не суждено было развиваться дальше этой фазы)» [Зализняк 2004: 7]. Как видим, именно социально-политический фактор способствовал включению древненовгородского диалекта в систему диалектов русского языка. А это значит, что и обособление диалекта и формирование на его базе языка имеют в первую очередь именно экстралингвистические социальные (политические, религиозные, культурные и т. д.) причины.

Экстралингвистические параметры разграничения языков и диалектов предполагают учет социальных и социолингвистических характеристик сопоставляемых идиомов. Выделяют обычно такие параметры:

- 1) наличие для диалектов общего лингвонима;
- 2) этническая ориентация и мнение носителей идиома о его статусе;
- 3) наличие литературного языка, объединяющего диалекты в один национальный язык;
- 4) наличие у языка официального статуса.

Первый и второй параметры могут быть объединены в один, поскольку использование носителем того или иного говора родового лингвонима предполагает определенность его языковой самоидентификации. Например, носители нижне-саксонского вестфальского и южнофранкского карлсруэрского диалекта используют для обозначения своего идиома родовой лингвоним *Deutsch*, считают себя немцами, что и позволяет определить их идиомы как диалекты немецкого языка. Носители северных и южных русских диалектов используют для обозначения своих говоров лингвоним *русский язык*, считают себя русскими, и поэтому их говоры являются компонентами структуры русского диалектного и национального языка.

Появление **лингвонима** многими учеными признается главным маркером возникновения языка и формирования этнического самосознания, а его использование – маркером объединения в одном языке различных диалектов, обозначаемых их носителями данным лингвонимом как родовым наименованием (синхрония). Как утверждает А.А. Зализняк, «на самом деле история всякого языка с определенным названием – французского, русского, латинского, китайского – это история того периода времени, когда существует это его название» [Зализняк 2012]. Например, возникновение черногорского языка связывают с появлением в 2007 г. названия *црногорски језик / crnogorski jezik*, которое заменило лингвоним *српски језик ијекавског изговора*, указывавший на диалектный статус данного идиома. Возникновение мальтийского языка относят к XI в., когда появилось название *malti* для обозначения изначально диалекта арабско-сицилийского народно-разговорного языка. Можно предположить, что появление указанных лингвонимов стало маркером окончания формирования национального самосознания черногорцев и мальтийцев.

Конечно, существует ряд фактов, которые несколько снижают верификационную надежность данного критерия. Например, иногда представители разных национальностей используют для обозначения своего языка омонимичный или паронимичный лингвоним, например *slovenski jezik, slovenščina* у словенцев и *slovenský jazyk, slovenčina* у словаков. В ряде случаев очевиден разрыв между языковым и этническим самоопределением у граждан разных государств, представителей разных политических наций, использующих один язык, а следовательно, и один лингвоним для его обозначения, например у граждан Франции, с одной стороны, и франкоязычных граждан Швейцарии, Бельгии, Канады, использующих лингвоним *la langue française*. В таких случаях, кстати, часто возникает так называемый национальный вариант языка, например американский национальный вариант английского языка (*American English*), бельгийский национальный вариант французского языка (*Le français de Belgique*) и т.д. (см. об этом [Теркулов 2012]). Отмечаются ситуации, когда один и тот же язык получает разное название в разных странах, например *малайский язык (Bahasa Melayu)*, для которого в Индонезии используется лингвоним *индонезийский язык (Bahasa Indonesia)*, принятый в 1928 г. на Конгрессе молодежи и постепенно вытеснивший название «малайский язык». В некоторых случаях тер-

мин «язык» используется для обозначения идиомов диалектного типа. Например, в рамках французского языка традиционно выделяются *Langues d'oïl*, к которым относятся практически исчезнувший анжуйский, шампанский, франко-контийский, лотарингский и др. языки / диалекты, и *Langue d'oc*), к которым относятся гасконский, лангедокский, провансальский и др. языки / диалекты. Использование рассматриваемого принципа в данном случае вынуждает нас признать упомянутые идиомы разными языками, а их носителей – представителями разных этносов, однако это противоречит, например, их этническому самосознанию: все они считают себя французами. Возможно, здесь следует говорить о диалектах как о внутренних языках, о чем см. [Коряков 2017]. Отмечаются также ситуации, когда носители того или иного идиома испытывают большие трудности с этнической самоидентификацией: им легче просто определить идиом, на котором они разговаривают, как «свой» язык, не углубляясь в «дебри» этнического самоопределения. Например, носители западнополесских говоров, представленных в польско-белорусско-украинском Полесье, называют свой идиом *тутэйшы*, *по-просту*, носители индо-португальского креола в Индии называют его *pou ling* «наш язык» и т. д. Можно ли считать, что в данном случае возникли новые языки, или данные идиомы все же можно относить к каким-нибудь языкам как диалекты?

Но в подавляющем большинстве случаев все-таки мы можем использовать «лингвонимное определение» как средство для установления статуса идиома. И вот здесь возникает проблема для украинского языка. Лингвоним «українська мова» появляется, по свидетельству [Жовтобрюх, Молдован 2005: 513–514], только в конце XIX – начале XX в. До этого на Западной Украине использовался лингвоним «руська мова», а на территории Российской империи сначала лингвоним «малороссийское наречие», а затем «малороссийский язык». А. Крымский, правда, называл идиомы, связанные с указанными лингвонимами, наречиями малороссийского языка – западномалороссийским и восточномалороссийским [Крымский 1973: 254]. Это, вполне очевидно, было сделано для того, чтобы обосновать идею замены лингвонима: изначально эти наречия как бы были наречиями одного языка, который назывался малороссийским, а затем лингвоним «малороссийский язык» по непонятным причинам трансформировался в «украинский язык», и они стали наречиями украинского языка. Впрочем, сам А. Крымский отмечает, что малороссы даже в его времена с сомнением относились к идее «единой нации» с галичанами: «Правда, в литературных спорах малороссы, говоря о чертах несходства между языком малороссов австрийско-подданных и российско-подданных, все еще часто именуют один язык “галицким”, а другой – “украинским” и противопоставляют “австрийских русинов” подлинным “украинцам”, т. е. суживают смысл термина “Украина”; но за последние времена даже в таких случаях предпочитают соблюдать терминологию: “язык Украины Австрийской” и “язык Украины Российской”. Спорить против замены имени “малорусский” именем “украинский”, которым малороссы дорожат, было бы и бессмысленно: житейская практика преодолевает филологическую точность. Все же филологи, надо полагать, еще долго не откажутся от несбивчивого термина “малорусский язык”, как ради точности диалектологической, так и из-за соображений об исконной истории развития малорусского языка» [Крымский 1973: 254]. Однако и сами жители Западной Украины не называли себя малороссами. Еще в конце XIX в. они использовали самоназвание «русины», которое затем было заменено не эндоэтнонимом «малоросс», а эндоэтнонимом «украинец». Однако, как свидетельствует

С. Макарчук, даже «восприятие народоназвания “украинец” как **присущего всем русинам** (выделено нами. – В.Т.) населением Галиции затянулось до начала Второй мировой войны» [Макарчук 1994: 211]. Иначе говоря, по крайней мере, на уровне этнонима и многие галичане очень долго не считали себя одним народом с малороссами.

Это позволяет предположить, что лингвоним «украинский язык», возникнув в конце XIX – начале XX в., стал свидетельством конвергенции двух языков, бытовавших у двух близких, но все-таки различавшихся этносов: малороссийского наречия / языка, бытовавшего в Российской империи, и русской мовы, использовавшейся в Польше и Австро-Венгрии. Причины этой конвергенции нужно определить, но это не является сейчас нашей целью.

Третий критерий – **наличие литературного языка**, а для бесписьменных языков – **наддиалектного койне**, объединяющих диалекты в один национальный язык. Например, диалекты русского языка объединяет русский литературный язык, диалекты арабского, несмотря на то что в различных странах они сильно отличаются друг от друга и зачастую невзаимопонятны, объединяет стандартный арабский литературный язык, диалекты цыганского языка объединяет основанный на кэлдэрарских диалектах проект наддиалектного койне – «общецыганского языка».

Данный критерий тоже не является надежным.

Во-первых, ряд национальных языков имеет несколько литературных языков, что в первую очередь связано с появлением в их структуре литературных диалектов. Здесь возможны две базовые ситуации: 1) литературный диалект возникает на метрополийной территории, что отмечается, например, для карельского, марийского языков; 2) литературный диалект возникает на базе островного говора и обслуживает его носителей: таков, например, *банатско-болгарский* язык болгарских католиков, переселившихся на север, в Банат, западная часть которого сейчас принадлежит Сербии, а восточная – Румынии. Третья (периферийная) ситуация представлена в Норвегии, где в качестве основного литературного языка используется созданный на иноязычной (датской) основе букмол, а в качестве второго литературного языка – *нюношк* (*нюнорск*), основывающийся на западнорвежских диалектах и очищенный от датского влияния. Высшей формой *нюношка* считается *хегношк* (норв. *høgnorsk* – «высокий норвежский»), в котором нет практически никаких следов букмола. Можно ли в этих случаях считать, что наличие нескольких литературных языков разрушает единство языка и нации? Вряд ли, поскольку, например, и те, кто использует букмол (примерно 85 % населения Норвегии), и те, кто использует нюношк (примерно 15 % населения Норвегии), считают оба литературных стандарта стандартами одного языка, а себя – носителями одного норвежского языка.

Во-вторых, в ряде случаев этнос использует в качестве литературного чужой язык (иногда в своем варианте). Например, для русского языка долгие годы функцией литературного выполнял церковнославянский язык (старославянский русского извода), а для романских и кельтских языков – латынь. Можно ли, например, считать, что кельты и итальянцы относились в «латинский» период к одному этносу, поскольку использовали один литературный язык? Следует заметить, что иногда носители одних и тех же говоров, разделенных политически, используют разные литературные языки. Например, носители нижнесаксонских диалектов в Нидерландах используют в качестве литературного стандарта нидерландский ли-

литературный язык, а носители нижнесаксонских диалектов в Германии – немецкий литературный язык. Эта ситуация наиболее сложна: можно ли считать, что практически идентичные идиомы могут быть диалектами разных языков? С другой стороны, можно ли согласиться с тем, что использование носителями «отторгнутого» идиома литературного языка своего нового государства не разрушает связи этого идиома с «родным» языком? Например, чем является нижнесаксонский диалект в Нидерландах – диалектом нидерландского языка, литературный стандарт которого использует носитель данного диалекта, или диалектом немецкого языка, в который входит нижнесаксонский диалект Германии?

Ситуация с украинским языком в этом случае еще более показательна. Дело в том, что малороссы и русины пользовались разными литературными языками. Вот что об этом пишет А. Крымский: «Литературное применение малорусского языка в его чистом беспримесном виде есть черта новая собственно лишь с конца XVIII в.» [Крымский 1973: 272]. Об этом же пишет Н.С. Трубецкой: «И тем не менее, новый украинский (малороссийский. – *В.Т.*) литературный язык возник. **Возник он в конце XVIII в., при этом, вне всякой связи с вымершим западнорусским литературным языком** (выделено нами. – *В.Т.*). Основателем нового украинского литературного языка считают Котляревского. Произведения этого писателя (“Энеида”, “Наталка-Полтавка”, “Москаль-Чарівник”, “Ода князю Куракину”) написаны на простонародном малорусском говоре Полтавщины и по своему содержанию относятся к тому жанру поэзии, в котором намеренное применение простонародного языка вполне уместно и мотивировано самим содержанием. Стихотворения наиболее крупного украинского поэта, Тараса Шевченки, написаны большей частью в духе и в стиле малорусской народной поэзии и, следовательно, опять-таки своим содержанием мотивируют употребление простонародного языка» [Трубецкой 1990: 116]. На территории Западной Украины как минимум до XVIII в. использовался западнорусский литературный язык – руська мова, которая во многом отличалась от литературного малороссийского языка. Как писал А. Крымский, «несколько иначе сложилось создание литературного малорусского языка в Галичине. Оторванная в конце XVIII в. от прочей Украины и присоединенная к Австрии, Галичина сохранила в качестве литературного языка то самое польско-малорусское – церковнославянское язычие, которое было в ходу у нее и у всех малороссов прежде раздела Польши и присоединения Галичины к Австрии. Это жаргонное язычие, иногда уснащаемое также подмесью элементов из псевдоклассического языка Тредьяковского, Ломоносова и Державина, сделалось вскоре же органом высшего преподавания в львовском университете, когда Иосиф II открыл там кафедры для русинов, и органом юридических галицко-австрийских отношений» [Крымский 1973: 275]. И только «с 1830-х гг. проникло в Галичину и уже не прекращало проникать влияние живой, демократической украинской литературы с ее ярко-простонародным языком, и галицкие русины стали черпать литературную силу из речи своего собственного малорусского галицкого простонародья, а то и прямо подражали чистому языку приднепровских писателей, особенно преклоняясь перед Шевченко. Под конец, большей частью около начала XX в., галичане решительно усвоили себе даже имя “украинцы”. Но вполне избавиться от пережитков язычия и от его антинародного и искусственного влияния галичанам-интеллигентам не удалось и по нынешний день» [Крымский 1973: 275]. Как видим, и литературный язык изначально не был общим у малороссов и галицких русинов.

Четвертый критерий – наличие у языка **официального статуса**, закрепленного в каких-либо документах. Например, русский язык определен как государственный язык Российской Федерации, как один из двух государственных языков Белоруссии, как один из официальных языков Казахстана, Киргизии и некоторых других стран, как один из шести рабочих языков ООН, ЮНЕСКО и других международных организаций, что позволяет рассматривать его как самостоятельный язык. Такой же статус имеет боснийский язык, который является одним из трех официальных языков в Боснии и Герцеговине наряду с сербским и хорватским, вторым официальным наряду с сербским в нескольких общинах Рапского и Златиборского округов исторической области Санджа в Сербии, наряду с турецким и цыганским, наделен региональным статусом в некоторых регионах Косова и т. д. В некоторых случаях официальный статус языка ограничивается признанием его региональным языком, что отмечается, например, для мирандского языка в Португалии, лужицких языков в Германии и т. д. Часто статус идиома устанавливают международные организации. Например, ливвиковский (олонецкий) диалект карельского языка в изданном ЮНЕСКО «Атласе языков мира, находящихся под угрозой исчезновения» (англ. Atlas of the World's Languages in Danger) определяется как самостоятельный язык.

В последнее время провозглашение какого-либо диалекта официальным языком является достаточно распространенным явлением (см., например, историю возникновения черногорского, боснийского, люксембургского и др. языков). Во всех случаях диалект получает статус языка по решению каких-либо политических институтов, что, кстати, подтверждает более социальный, нежели лингвистический статус данного типа идиомов. Однако приведенный критерий представляется нам только факультативным. Во-первых, провозглашение официальных языков – явление достаточно позднего времени: вряд ли английского или шведского языка не существовало до момента их определения как государственных языков, во-вторых, учеными выделяются около 7000 языков, и не все из них имеют официальный статус. Могут ли они считаться в этом случае языками?

На наш взгляд, определение статуса идиома должно учитывать все приведенные параметры (взаимопонимание, структурная близость, 89 и более процентов совпадения в списке Сводеша, лингвоним, этническое самосознание носителей, наличие литературного стандарта, официальный статус), формируя по числу положительных реакций градацию совпадений и градацию обеспеченности вхождения в тот или иной язык. Но если говорить об украинском языке, вышесказанное позволяет выдвинуть гипотезу о том, что возникновение единой украинской нации на базе двух народов – галицийского и малороссийского – осуществилось в конце XIX – начале XX в., возможно, не без участия внешних политических сил – сначала служб Австро-Венгерской империи, а затем Советского правительства. То же о языке: украинский язык, скорее всего, возник только в конце XIX – начале XX в. в результате конвергенции бытовавшего в Российской империи малороссийского языка и галицкой, распространенной в Польше и Австро-Венгрии, русьской мови. Вопрос теперь состоит в том, чтобы определить причины, время и условия возникновения этих идиомов. Но это задача для других исследований.

3. РОДНОЙ ЯЗЫК

Напомним, что, по нашему мнению, единственным объективным фактором этнической идентификации является язык: украинца от русского может отличить только то, какой язык признается им родным – украинский или русский.

Понятие «родной язык» – сложное для определения. Можно выделить три главных дефиниции.

1. Родной язык – материнский язык, т. е. язык, «который ребенок усвоил в процессе биологического отчуждения от матери и перехода к социальному общению с ней (и с другими окружающими его людьми)» [Шахнарович 1991: 17].

2. Родной язык – функционально первый язык, т. е. язык, которым индивид «владеет с максимальной глубиной и полнотой, на котором легче, быстрее и проще ему мыслится, который является для него наиболее привычной и удобной формой выражения мысли и языкового общения» [Ибрагимов 1990: 9].

3. Родной язык – «язык нации, язык предков, который связывает человека с его народом, с предыдущими поколениями, их духовным миром» [Иванишин 1994: 121].

Если говорить о первом определении, следует, на наш взгляд, согласиться с Х.З. Багироковым и З.У. Блягоз, которые утверждали: «При определении родного языка надо исходить из конкретной ситуации, так как язык – явление не биологическое, он не наследуется от родителей, а относится к явлению общественному, социальному. Поэтому при одноязычной ситуации родной язык будет единственным. Однако будет ли он совпадать с языком матери или окружающей среды, будет зависеть от окружающих социально-исторических условий жизнедеятельности человека» [Багироков 2012: 12].

Можно отметить три ситуации соотношения «материнский – функционально первый – этнический язык».

1. Материнский язык = функционально первому языку = языку нации – идеальная ситуация, когда, например, для украинца материнский и функционально первый язык является языком этноса, с которой он себя отождествляет.

2. Материнский язык \neq функционально первому языку \neq языку нации – ситуация, когда, например, украинец использует в качестве функционально первого языка язык чужой нации, который не совпадает с материнским языком. Это возможно тогда, когда, например, этот украинец становится «обрусевшим», «полонизированным» и т. д. Но тут вообще возникает вопрос: а почему он украинец?

3. Материнский язык = функционально первому языку \neq языку нации – ситуация, когда материнский язык и функционально первый язык не совпадает с языком той нации, к которой, например, украинец себя причисляет. Например, в его семье говорили на русском языке, его функционально первый язык – русский. Однако в этом случае возникает вопрос, на каком основании данного индивида относят к украинцам. Повторим: не существует никаких культурных, антропологических оснований для различия русского и украинца. Если это различие не подкреплено языковым различием, оно является фикцией.

Как видим, во всех указанных случаях в основе определения родного языка лежит все-таки фактор функционально первого языка.

Ситуация с распространением украинского языка как функционально первого на Украине достаточно сложна. Данные различных исследований показывают преобладание русского языка в целом ряде регионов Украины. Например, по данным фонда «Общественное мнение» в 2002 г. в областных центрах Украины 75% на-

селения общалось на русском языке (и только 9% – на украинском)², по данным института Гэллопа 2008 г. 83% граждан Украины предпочитают использовать при опросах анкеты не на украинском, а на русском языке [Russian Language 2008]. Согласно данным Института социологии НАУ, русский язык признают родным около трети населения Украины, и это совпадает с данными переписи 2001 г. (см. ниже), а используют в семье (в том числе наряду с украинским) более 50% [Панина 2005: 68]. Киевским международным институтом социологии была создана карта, которая отмечает распространение русского как функционально первого языка (рис. 1).

Рис. 1. Русский язык как функционально первый

Рис. 2. Русский язык как язык семейного общения

² <http://www.demoscope.ru/weekly/2002/059/panorama01.php#13>

Ситуация не изменилась и в последние годы. В 2019 г. был проведен пятый муниципальный опрос на Украине, который показал следующую картину использования русского языка как языка общения в семье [П'яте всеукраїнське муніципальне опитування 2019: 259] (рис. 2)

Такая ситуация ставит под сомнение факт доминантной роли украинского языка и украинского этноса. В связи с этим на Украине при определении родного языка стал использоваться фрейм «украинский язык – язык этноса». Благодаря этому украинский язык стал родным для людей, представляющих вторую и третью ситуации соотношения «материнский – функционально первый – этнический язык». Об основаниях такой ситуации писал, в частности, Юко Симэки: «Категория родного языка выбирается произвольно под влиянием идеологических склонностей» [Юко Симэки 2010: 40]. Данный фрейм использовался, например, при всеукраинской переписи, благодаря которой удалось снизить количество людей, для которых русский язык является родным, до 29,6% от всего количества опрошенных.

В связи с этим возник вопрос обоснования разрыва данных между количеством признавших украинский язык родным и количеством людей, использующих его в качестве функционально первого языка. Для этого используется тезис о «русификации» народа Украины. Правда, в этом случае становятся необъяснимыми некоторые факты из истории внедрения украинского языка, например, в языковое пространство Донбасса, где в 20-е гг. XX в. активно проводилась политика не русификации, а именно украинизации. В. Корнилов в своей книге «Донецко-Криворожская республика. Расстрелянная мечта» пишет по этому поводу: «В 1921 году в Донецкой губернии насчитывалось аж 5 украинских школ (при 2250 русских). К началу 1923 г. их число возросло до семи. А вот с этого времени началась тотальная украинизация образования! Наркомпрос УССР издал приказ с начала 1923–24 учебного года украинизировать в течение трех лет 680 школ в губернии! При этом, как это было принято в годы первых пятилеток, все надо было “выполнять и перевыполнять”. Поэтому уже к 1 апреля 1924 года при начальном плане 106 украинских школ таковых в Донбассе было открыто 156! Понятно, что большей частью – за счет закрытия русских школ. К концу 1924–25 учебного года было украинизировано уже 648 школ губернии (при плане – 636). Только за первый учебный год украинизации (1923–24 гг.) число учеников украинских школ в Донецкой губернии выросло на 866%, за 1924–25 г. – еще на 415%. Такие резкие темпы украинизации образования, само собой, сопровождались серьезными проблемами. Главная из них – тот факт, что сами учителя Донбасса мовой не владели. Скорострельные курсы по украинизации, которые обязали пройти всех учителей, лишь в общих чертах давали представление о правилах мовы, которые практически еще и не были кодифицированы. Учительница из Славянска Н. Тарасова в своем письме от 1928 г. так рисовала ситуацию в Донбассе: «В школах идет двойная трата времени в связи с украинизацией – учитель сначала проводит беседу с учениками по-украински, а потом по-русски, чтобы дети лучше поняли. К пику украинизации ситуация в образовании Донбасса стала просто-таки катастрофической. На 1 декабря 1932 г. из 2239 школ Донбасса 1760 (78,6%) были украинскими, а еще 207 (9,3%) – украинско-русскими. Русскоязычное образование в крае было фактически разгромлено и запрещено. Ситуация дошла до того, что, скажем, в русскоязычной Макеевке в 1932–33 учебном году в начальных школах не осталось ни одного русского класса. К 1933 г. в Донбассе были закрыты все

русские педагогические техникумы – русскоязычных учителей негде было готовить. Не более 26% этнически русских учеников края могли учиться в русских школах. В январе 1934 г. на 2-й Донецкой областной партконференции председатель облпрофсовета Масленко (видимо, тот, который Павел Федорович) заявил, что в области “не менее 40 тысяч детей были принудительно украинизированы” (выделено нами. – В.Т.)» [Корнилов 2017: 544–545].

Таким образом, на данном этапе украинская нация существует только как политическая сущность: я украинец, потому что считаю себя украинцем, живя на Украине. Однако в этом случае общество закономерно должно признать, что языками украинской политической нации являются как минимум два: более распространенный в этом государстве русский и украинский язык. Такое положение вещей не устраивает современный украинский политикум, главная задача которого сейчас состоит в стремлении в первую очередь политическими средствами принудить граждан украинского государства «переучиться на украинский, перейти на функционально первый украинский», чтобы сформировать на базе политической нации этническую нацию (народность).

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, этнос определяется нами как воображенное сообщество, формируемое на основе функционально первого языка входящих в него индивидов. Функционально первый язык индивида – это, в сущности, его идиолект, который определяется вместе с идиолектами его окружения как идиом субэтнического сообщества (этнографической группы). Включение данного идиома в систему разновидностей того или иного языка осуществляется на основе не лингвистических, а социальных и социолингвистических факторов: идиом должен быть определен общим этническим самосознанием данного сообщества и использованием им лингвонима того языка, который, собственно, и является функционально первым. То же и об изолированных индивидах: я являюсь русским, даже живя, например, в тюркском окружении, если я думаю на русском языке. В дальнейших исследованиях мы предполагаем рассмотреть подробнее ситуации соотношения функционально первого языка с политической национальной идентификацией и самоидентификацией.

ЛИТЕРАТУРА

Андерсон 2016 – *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2016. 416 с.

Багироков, Блягоз 2012 – *Багироков Х.З., Блягоз З.У.* К вопросу о понятиях «Родной язык» и «Неродной язык» // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2012. №2. С. 130–133.

Джери Д., Джери Дж. 1999 – *Джери Д., Джери Дж.* Большой толковый социологический словарь: В 2 т. / Пер. с англ. Н.Н. Марчук. М., 1999.

Дыбо 2019 – *Дыбо А.В.* Украинский язык 200–300 лет назад сильно влиял на русскую культуру // Украина.ру, 06:40 09.11.2019 (обновлено: 11:23 14.07.2022). URL: <https://ukraina.ru/20191109/1025596155.html> (дата обращения: 12.01.2024).

Жовтобрюх, Молдован 2005 – *Жовтобрюх М.А., Молдован А.М.* Восточнославянские языки. Украинский язык // Языки мира. Славянские языки. М., 2005. С. 513–548.

Зализняк 2004 – *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995–2003 гг. М., 2004. 872 с.

Зализняк 2012 – *Зализняк А.А.* Об истории русского языка. Лекция, прочитанная 24 февраля 2012 года в школе «Муми-тролль». URL: https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/431649/Ob_istorii_russkogo_yazyka. (дата обращения: 18.01.24).

Ибрагимов, Зачесов 1990 – *Ибрагимов Г.Х., Зачесов К.Я.* О понятии «родной язык» // Русский язык в национальной школе. 1990. №8. С. 10–15.

Іванишин В., Радевич-Винницький Я. 1994 – *Іванишин В., Радевич-Винницький Я.* Мова і нація. Дрогобич, 1994. 235 с..

Касьянов 1999 – *Касьянов Г.В.* Теорії нації та націоналізму. Киев: Либідь, 1999. 351 с.

Колшанский 2006 – *Колшанский Г.В.* Объективная картина мира в познании и языке. М., 2006. 120 с.

Корнилов 2017 – *Корнилов В.В.* Донецко-Криворожская республика. Расстрелянная мечта. М., 2017. 576 с.

Коряков 2017 – *Коряков Ю.Б.* Проблема «язык или диалект» и попытка лексикостатистического подхода // Вопросы языкознания. 2017. №6. С. 79–101.

Кримський 1973 – *Кримський А.Ю.* Українська мова звідкіля вона взялася і як розвивалася // Кримский А.Ю. Твори: В 5 т., 6 кн. Т.3. Київ, 1973. С. 252–282.

Мазур 2012 – *Мазур Е.Ю.* Проблема соотношения понятий «Идентичность», «Идентификация» и их психологическое содержание // Мир науки, культуры, образования. 2012. №2. С. 86–90.

Макарчук 1994 – *Макарчук С.* Україна і українці: поява, поширення та утвердження назв // Другий міжнародний конгрес українців. Львів, 22–28 серпня 1993 р. Доповіді і повідомлення. Історіографія українознавства, етнологія, культура. Л., 1994. С. 206–211.

Махмудов 2013 – *Махмудов Т.З.* Понятие этноса и других категорий этнических групп // Аналитика культурологии. 2013. №26. С. 148–160.

Мкртумян 1978 – *Мкртумян Ю.И.* Основные компоненты культуры этноса // Методологические проблемы исследования этнических культур. Ереван, 1978. С. 42–46.

Мусорин 2001 – *Мусорин А.Ю.* Что такое отдельный язык? // Сибирский лингвистический семинар. Новосибирск, 2001. №1. С. 12–16.

Осипов 2000 – Социологический энциклопедический словарь / Редактор-координатор Г.В. Осипов. М., 2000. 488 с.

Паніна 2005 – *Паніна Н.В.* Українське суспільство 1994–2005: соціологічний моніторинг. Київ, 2005. 160 с.

П’яте всеукраїнське муніципальне опитування (2019) 6 вересня – 10 жовтня 2019. URL: https://ratinggroup.ua/files/ratinggroup/reg_files/fifth_municipal_survey_september_2019_ua_final_12-5-2019.pdf (дата обращения: 18.01.24).

Рыбьякова 2017 – *Рыбьякова А.В.* К вопросу о понимании этнических общностей в современной этносоциологии // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2017. №4. С. 148–159.

Тавадов 2007 – *Тавадов Г.Т.* Этнология: современный словарь-справочник. М., 2007. 702 с.

Теркулов 2012 – *Теркулов В.И.* Национальный язык как интерпретационный лингвальный концепт // Антропология языка. Вып. 2. М., 2012. С. 182–190.

Теркулов 2022 – *Теркулов В.И.* Язык или диалект: к проблеме разграничения явлений // Культура в фокусе научных парадигм. 2022. №14–15. С. 195–203.

Теркулов 2023 – *Теркулов В.И.* Украинский язык: время возникновения // Вопросы психолингвистики. №1(55). 2023. С. 137–149.

Язык и этнос: пути формирования языковой отдельности и языковой идентичности

Теркулов, Тамерьян 2023 – *Теркулов В.И., Тамерьян Т.Ю.* Языковая идентификация и идентичность // Политическая лингвистика. 2023. № 1(97). С. 27–34.

Трубецкой 1990 – *Трубецкой Н.С.* Общеславянский элемент в русской культуре // Вопросы языкознания. 1990. № 3. С. 114–134.

Хайдеггер 1993 – *Хайдеггер М.* Время и бытие. М., 1993. 447 с.

Хотинец 2002 – *Хотинец В.Ю.* Этническая идентичность и толерантность. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 124 с.

Хухуни, Валуйцева 2023 – *Хухуни Г.Т., Валуйцева И.И.* Сохранение этнической и лингвистической идентичности: единство и противоречие // Вопросы современной лингвистики. 2023. № 3. С. 85–93.

Шахнарович 1991 – *Шахнарович А.М.* Родной язык: онтогенетический подход // Русский язык в СССР. М., 1991. № 7. С. 16–18.

Эйнштейн 1967 – *Эйнштейн А.* Мотивы научного исследования // Эйнштейн А. Собр. науч. трудов: В 4 т. Т. 4. М., 1967. С. 39–41.

Юко Симэки 2010 – *Юко Симэки.* Русский язык в Украине: анализ факторов, связанных с использованием русского языка и отношением к русскому языку двуязычного населения // Россия и русские глазами инославянских народов: язык, литература, культура 1. Slavic Research Center, Hokkaido University, Japan, 2010. № 3. С. 35–65.

Яхонтов 1980 – *Яхонтов С.Е.* Оценка степени близости родственных языков // Теоретические основы классификации языков мира. М., 1980. С. 148–157.

Hudson 1996 – *Hudson R.A.* Sociolinguistics. 2nd ed. Cambridge, 1996. 279 p.

Nairi 1975 – *Nairi T.* The Modern Janus // New Left Review. 1975. № 94 (November-December). P. 3.

Russian Language 2008 – Enjoying a Boost in Post-Soviet States. URL <https://news.gallup.com/poll/109228/RussianLanguage-Enjoying-BoostPostSoviet-States.aspx> (дата обращения: 18.01.24).

РЕЛИКТОВЫЕ ЯЗЫКИ: ТЕРМИНОЛОГИЯ И ПРОБЛЕМАТИКА

Н.А. Ганина

1. ТЕРМИН «РЕЛИКТОВЫЙ ЯЗЫК»

Термин «реликтовый язык» и определение различных языков, в том числе германских, как «реликтовых» являются достаточно новыми для германистики. Понятие языковых реликтов или даже «руин» (нем. Sprachreste, Sprachtrümmern) известно уже давно: так, например, лексический материал лангобардского языка определяется у Х. Массмана как «языковые руины» («Sprachtrümmern») [Massmann 1841: 549]). На основании этого в недавние годы был предложен термин «реликтовый язык» и дано определение ряда древнегерманских языков как «реликтовых». Термин «реликтовый язык» представляет собой формулировку, обратную по отношению к исходному термину «языковые реликты». Благодаря этому в центре внимания оказывается понятие «язык», что предполагает новое осмысление проблемы. Само возникновение терминов «языковые реликты» и «реликтовые языки» связано с дискуссией о принципах и терминах описания древних языков.

В 80-х гг. XX в. М. Майрхофер при составлении нового «Этимологического словаря индоарийского языка» в отдельной теоретической работе по этой теме обобщил свои мысли об описании лексики древнего языка и предпочтительном типе этимологического словаря [Mayrhofer 1980]. Применительно к древним языкам Майрхофер ввел термин «Corpusssprache», призванный определить бытование языка, дошедшего до нас исключительно в текстах, эпиграфике и косвенных источниках. Прежде такие языки неточно и даже обидно именовались «мертвыми». К этому определению весьма критически относился О.Н. Трубачев, приводя в пример выступления новейших французских поэтов в защиту «мертвых» языков [Трубачев 2004: 424–425] со ссылками на работы [Broda 1980; Liberati 1980; Quignard 1980]). Стремление М. Майрхофера к выработке новой терминологии имело своей целью утвердить полноценность исследуемого языкового материала при всем сознании неизбежных лакун.

Усвоение нового термина происходило постепенно, что отмечалось О.Н. Трубачевым в связи с орфографией: «...полуслитно, в кавычках – “Grosscorpus-Sprache” (1980) и только в последнее время – в одно слово и без кавычек Großcorpusssprache (1992. Vorbemerkungen)» [Трубачев 2004: 532]. В настоящее время принято написание Corpus-Sprache без кавычек [Germanische Rest- und Trümmersprachen 1989], и термин можно считать вошедшим в научный обиход. Однако в данном случае вполне понятно указание О.Н. Трубачева, что эквивалент этому определению в русской научной терминологии отсутствует [Трубачев 2004: 532]. Учитывая специфику употребления термина в специальном контексте, где «язык» означает «древний язык», «корпус» – «определенный корпус данных», при передаче этого термина средствами русского языка уместно прибегнуть не к калькированию

(«язык корпуса», «корпусный язык»), но к описательному переводу: «язык определенного корпуса» или, что еще более проясняет суть дела, «язык определенного корпуса данных».

В зависимости от обширности сохранившегося лексического материала М. Майрхофер выделяет «языки большого корпуса» и «языки малого корпуса». «Язык большого корпуса» – язык с богатой письменной традицией (санскрит, латынь, древнегреческий, в более широком смысле – древнеиндоарийский) [Mayrhofer 1980: 17]. «Языки малого корпуса» могут быть представлены в относительно крупных текстах, но сохранились фрагментарно, как древнеперсидский или готский. При этом «языки малого корпуса», дошедшие лишь в глоссах, косвенных свидетельствах, личных именах и топонимах, например фракийский, лидийский, мессапский, фригийский, уместно обозначить как реликтовые [Mayrhofer 1980: 17; Трубачев 2004: 532] или, уточняя этот обобщающий термин, как руинированные.

Понятно, что для этимолога-словарника, исследующего обширный лексический материал древнего языка с богатой письменной традицией, терминологическое обоснование собственной деятельности по сути является вторичным. Здесь, по известной реплике Ромео, «Unless philosophy can make a Juliet... it helps not, it prevails not». Потому при всем понимании усилий М. Майрхофера О.Н. Трубачев назвал термин «Großcorpussprache» тяжеловесным и отметил, что поиск новой терминологической базы был во многом связан с критикой предыдущего словаря Майрхофера [Mayrhofer 1956–1980], выдвигавшей подчас взаимоисключающие требования и пожелания [Трубачев 2004: 532–533]. При этом особым стимулом для размышлений Майрхофера явились теоретические построения Ю. Унтермана и переписка с этим кельнским лингвистом [Mayrhofer 1980: 13–15; Трубачев 2004: 533]. Показательно, что Трубачев, рассмотрев выдвинутые Унтерманом требования (и, как можно понять, применив их к своему обширному опыту), сделал вывод, столь же неожиданный, сколь нелицеприятный: «Максималисту нетрудно смутить даже опытного этимолога-лексикографа, имеющего за плечами такую большую словарную практику, как у М. Майрхофера» [Трубачев 2004: 533].

Тем не менее научный диалог М. Майрхофера и Ю. Унтермана оказался плодотворным в ином отношении. Если санскрит или древнегреческий не нуждаются в обосновании правомерности исследования, то определение разрозненных и неполных лексических данных ряда древних языков как «языков малого корпуса» и в особенности «реликтовых языков» во многом меняет точку зрения на статус этих данных. Поэтому не случайно, что наибольший отклик в научной среде нашел именно термин «реликтовый язык».

2. «РЕЛИКТОВЫЙ ЯЗЫК» И «РУИНИРОВАННЫЙ ЯЗЫК»

В немецкой лингвистике приняты два термина – «Restsprache» и «Trümmersprache», выдвинутые Ю. Унтерманом в общении с М. Майрхофером. Апробация терминов проходила на симпозиуме «Germanische Rest- und Trümmersprachen», состоявшемся в Бад Гомбурге в 1987 г. Представленные там доклады были опубликованы в 1989 г. в обширном сборнике [Germanische Rest- und Trümmersprachen 1989]. Лучшим обоснованием новой терминологии стала научная ценность предложенного к рассмотрению лексического материала, а именно крымско-готского языка, готских ономастических реликтов IV в. во фракийской и малоазийской среде, надписей культа матрон, лангобардского именослова [Stearns 1989; Reichert 1989; Scardigli 1989; Tischler 1989]. В отечественной германистике эти

проблемы в то время не затрагивались, и соответствующие русские термины были предложены автором данной работы в ходе исследования готских языковых реликтов и, в частности, крымско-готского языка [Ганина 2006; Ганина 2008, Ганина 2011]. Термин «реликтовый язык» вошел в научный обиход, хотя иногда и в расширительном толковании, т. е. в применении к руинированным языкам, ср. [Языки мира 2010; Языки мира 2013].

Термины «Restsprache» и «Trümmersprache» во многих отношениях являются синонимами, но призваны передавать разные понятия. «Restsprache» – реликтовый язык в полном смысле слова: это язык, отстаивающий свои позиции в чуждом языковом и этническом окружении и, как правило, ко времени письменной фиксации находящийся на грани вымирания. Определение «Restsprache» может относиться к любому языку, оказавшемуся в таком положении, вне зависимости от степени хронологической глубины. Тем самым это понятие может формально объединять столь несхожие по своим историческим судьбам и соотношениям языки, как крымско-готский и, к примеру, язык немцев в Казахстане. Иначе говоря, «Restsprache» – «реликтовый язык» с точки зрения социолингвистики. «Реликтовость» означает в этом случае способ существования языка.

Термин «Trümmersprache» определяет язык, сохранившийся в специфической или неполной письменной фиксации или вообще известный лишь по косвенным источникам. Соответственно, определение того или иного языка как «Trümmersprache» является характеристикой сохранности языковых данных вне зависимости от способа его существования. Смысл определения «Trümmersprache» состоит в признании принципиальной неполноты и герметичности (невозможности пополнения) корпуса данных. Наиболее точное соответствие этому термину – «руинированный язык» (по обратному соотношению со «Sprachtrümmern»).

Ю. Унтерман выделяет руинированные языки разных типов:

1) тотально руинированные и не поддающиеся генетическим соотношениям, например этрусский, иберийский;

2) языки, для которых есть возможность сравнения с другими индоевропейскими, например венетский;

3) языки, материал которых настолько схож с данными определенного языкового корпуса, что можно определить диахроническое соотношение между фазами одной языковой традиции, например континентальный кельтский при (древне) ирландском, ликийский при хеттском;

4) языковые реликты, которые можно соотнести с определенным периодом бытования языка, представленного обширным корпусом данных, например крымско-готский при классическом готском [Untermann 1989], ср. [Untermann 1983].

Нельзя, однако, не заметить, что самостоятельная, универсальная ценность термина «руинированный язык» (равно как и оригинального «Trümmersprache») не слишком велика. Напротив, этот термин неизбежно требует развернутого толкования, из которого выясняется, что речь идет не о специфическом понятии (ср. «фонема», «морфема», «индоевропейский» и т. д.), а об ином определении древнего языка с отсутствующей или скудной письменной фиксацией. Если употреблять термин «реликтовый язык» как обобщающий для терминов «Trümmersprache» и «Restsprache», то «Trümmersprache» будет «реликтовым языком» с точки зрения этимолога, лексиколога, лексикографа, т. е. в плане сравнительно-исторического языкознания, тогда как «Restsprache» – в плане социолингвистики.

И всё же при осмыслении форм существования того или иного языка имеется целый ряд аспектов, при описании которых весьма важно проводить различие между руинированным и реликтовым языком. Так, например, древнеанглийский и древневерхненемецкий языки как древние языки большого (но всё же замкнутого) корпуса данных в принципе являются руинированными языками, но реликтовыми (вымирающими) языками они никогда не были. Именно этим обусловлено наше восприятие таких языков как живых, полноценных и полноправных. Проверим данное положение на другом примере. Как известно, корпус данных древнефризского языка сравнительно невелик, а лексика этого языка имеет определенную специфику, обусловленную характером текстов (правовые памятники). Таким образом, древнефризский язык – руинированный, но реликтовым его назвать нельзя, поскольку новофризский язык существует и ныне, хотя в определенной мере и находится под угрозой превращения в реликтовый. Можно видеть, что надежное диахроническое соотношение между фазами одной, пусть и многообразной, языковой традиции имеет здесь первостепенное значение.

В конкретных исследованиях допустимо подчеркивать разницу между «Restsprache» и «Trümmersprache» как реликтовым (вымирающим) и руинированным языком (языком крайне малого корпуса данных), однако в целом термин «реликтовый язык» является основным [Ганина 2006; Ганина 2008; Ганина 2011]. Однако это не означает отказа от его детализации, т. е. проведения необходимых различий между языком реликтовым и руинированным. Так, крымско-готский – язык, по преимуществу определяемый как реликтовый, т. е. находящийся на грани растворения в чуждой языковой среде. Он же руинированный язык, поскольку корпус данных весьма невелик и к тому же эти данные испытали разнообразные иноязычные влияния.

Конечно же, введение новой терминологии не должно быть самоцелью: к примеру, анализ этрусского или баскского материала может проводиться и без определения этих языков как «тотально руинированных, не поддающихся генетическим соотношениям, руинированный язык типа 1 по Унтерману». Представляется, что такие определения полезны скорее при создании классификации языков и обосновании ценности языковых реликтов, нежели при исследовании самого материала. Кроме того, этрусский располагает богатой эпиграфической традицией и тем самым оказывается не столько «тотально руинированным», сколько трудным для этимологизации. Потому отрадно было видеть, что О.Н. Трубочев употребил общий термин «реликтовые языки» в отношении фракийского, фригийского и других языков, определяемых Ю. Унтерманом как «Trümmersprachen» [Трубочев 2004: 533; Untermann 1989].

Определение «древнегерманские реликтовые языки» вполне определенно указывает на известную сферу лингвистических и исторических фактов. Примечательно, что инициатор терминологической дискуссии Ю. Унтерман всюду говорит лишь о «германских реликтовых и руинированных языках» («Germanische Rest- und Trümmersprachen»), хотя одноименный сборник 1989 г. является дополнительным томом капитального издания «Reallexikon der Germanischen Altertumskunde», т. е. прежде всего соотносится со сферой исследования германских древностей. Понятно, что термин «германский реликтовый язык», будь то «Rest-» или «Trümmersprache» с любой степенью терминологической тонкости, может объединять весьма разнородные факты. Например, к проблематике «германских реликтовых языков» были отнесены следующие темы: рейнские надписи культа

матрон I–III вв. н. э., где значительная часть материала не признается германской или не этимологизируется, старшеруническая надпись на роге из Галлехуса и этимологически прозрачный язык норн (Norn) – скандинавский язык, бытовавший на Оркнейских и Шетландских островах в XVI – начале XVIII в. [Scardigli 1989; Penzl 1989; Barnes 1989].

Существует обширный круг германских языковых реликтов, объединение которых не является искусственным. Это материал древнегерманских языков, не имевших письменной традиции, а также известных в крайне ограниченной или специфической фиксации. В восточногерманской подгруппе к ним относятся вандальский и бургундский языки, в западногерманской – лангобардский. Вандальский и бургундский языки представлены преимущественно ономастическим материалом и крайне немногочисленными реликтами апеллятивной лексики, лангобардский – более обширными реликтами апеллятивной лексики наряду с ономастическим материалом. Соответствующие языковые реликты были обобщены еще в XIX в. [Wrede 1886; Wackernagel 1874; Bruckner 1895] и привлекались к рассмотрению в различных аспектах в XX в. [Mentz 1955; Höfler 1956; Höfler 1957; Tischler 1989; Ганина 2003; Ганина 2008].

Вандальский, бургундский и лангобардский языки представляют собой древнегерманские языки малого корпуса данных, иначе говоря, в значительной степени руинированные. Историческая судьба указанных языков сложилась так, что на исходе эпохи Великого переселения народов они также стали реликтовыми. Диахронической связи с какими-либо существующими ныне германскими языками они не имеют. Существенно, что термин «реликтовый язык» в данном случае помогает четко разграничить факты: ясно, что такие руинированные древнегерманские языки, как древнефризский, древнеанглийский, древневерхненемецкий и, конечно же, древнеисландский, никогда не были реликтовыми и не могут определяться таким образом.

Весьма интересно определить в этих терминах бытование готского языка. Казалось бы, отсутствие прямой диахронической связи с какими-либо современными германскими языками позволяет определить этот язык как реликтовый. И действительно, готский язык в разных регионах Западной Европы со временем угас в чуждой языковой среде. Но готский IV–VI вв., будь то язык перевода Священного Писания или корпус остготской и вестготской ономастики, по преимуществу руинированный, а не реликтовый язык, ибо в ту эпоху готский язык существовал, более того, имел широкое распространение. В быту на нем говорили не только готы, но даже и представители других этносов; к примеру, референдарий Теодориха Великого Киприан велел своим сыновьям выучить готский, считая, что именно этому языку принадлежит будущее. На готском языке был выполнен перевод Священного Писания, составивший значительный корпус данных. Это значит, что готский язык в эпоху власти готов отнюдь не был реликтовым. Но после второй половины VI в. (падение готского королевства) в Италии и к VIII в. в Испании (эпоха арабского завоевания) положение готского языка пошатнулось, и с какого-то времени готский язык стал реликтовым, т. е. занял весьма ограниченное место, к тому же постоянно уменьшающееся, как шагреновая кожа, в мощной иноязычной среде. К сожалению, точных сроков перехода готского языка на положение реликтового в Италии и особенно в Испании мы определить не можем.

Готский язык на начальном этапе расселения готов в Крыму также не был реликтовым. Если археологи предполагают культурные контакты крымских и ис-

панских готов и даже уход части готов из разоренной Италии в тихий Крым во второй половине VI в., то ясно, что в эту эпоху не существовало особого реликтового крымско-готского языка, но был лишь готский язык в Крыму. Если бы готский язык сохранился в Западной или Восточной Европе до Нового времени и ныне оставался живым германским языком, то крымско-готские данные при всей своей экзотичности существовали бы в общем контексте и оценивались бы как диалектный материал. Условно говоря, при взгляде из шестого века в шестнадцатый мы бы ощущали диахроническую связь языка крымских готов с готским языком основного корпуса. Однако с течением времени готский язык в Крыму приобрел статус реликтового, и само название «крымско-готский», а не «готский в Крыму», связано именно с необходимостью передать понятие об этом особом статусе языка. Во второй половине XVI в., на время записи крымско-готского материала фламандским дипломатом и гуманистом Ожье Гисленом де Бусбеком, крымско-готский язык являлся во всех смыслах реликтовым: как в плане фрагментарной письменной фиксации (руинированный язык), так и в социолингвистическом плане (реликтовый язык в собственном смысле).

Таким образом, рассмотренная здесь новая, но уже вошедшая в научный обиход терминология имеет определенную ценность, но требует обсуждения в каждом конкретном применении.

3. СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТЕРМИНА «РЕЛИКТОВЫЙ ЯЗЫК»

СОХРАНЕНИЕ И ВЫМИРАНИЕ («СМЕРТЬ») ЯЗЫКА

Термин «реликтовый язык» в социолингвистическом аспекте (нем. *Restsprache*) связан с рядом понятий, актуальных для этой области науки. В отношении реликтового языка как социолингвистического и культурного феномена можно говорить о его сохранении (*Fortleben*), языковом сдвиге (*Sprachverschiebung*) или даже вымирании языка (*Sprachtod*) [Rindler-Schjerve 1989]. При этом формулировка «смерть языка», получившая в немецкой социолингвистике терминологический статус, столь прямолинейна и зловеща, что представляется уместным переводить ее на русский язык как «вымирание языка» (констатация процесса, но не результата). В связи с этим следует также обратить внимание на встречающийся у О.Н. Трубачева термин «упадок языка», употребляемый по отношению к среднеиранскому языку в обсуждении предпринятого О. Семереньи пересмотра положения А. Мейе об ускоренном развитии и упадке этого языка в условиях его крайнего распространения в мировой державе Ахеменидов [Трубачев 2003: 65]. Тем не менее сам термин «упадок языка» не подвергается сомнению. Однако это определение указывает скорее на всё время протекания процесса, как правило, довольно длительное, нежели на конечную его стадию.

Если даже общепринятый термин «мертвые языки» вызывает понятные протесты ученых, имеющих возможность наблюдать жизнь древнего языка, пусть и в специфической форме, то термин «смерть языка» еще менее приемлем. Не случайно сами исследователи, использующие этот термин, делают оговорку, что сфера его применения ограничена социолингвистикой и обусловлена необходимостью обозначить некий момент или период, после которого язык окончательно выходит из употребления в определенном социуме.

Р. Риндлер-Схерве отмечает, что термин «*la mort des langues*» («смерть / вымирание языков») был введен в научный оборот Ж. Вандриесом и поддержан другими исследователями [Vendryes 1933; Rindler-Schjerve 1989: 2]. В программной форме процессы распада языка рассмотрел М. Сводеш [Swadesh 1948]. Однако новейшие исследователи подчеркивали, что данный термин не должен связываться с представлением о смерти в собственном, биологическом смысле – речь идет об исчезновении носителей языка. По остроумному замечанию Н. Денисона, языки умирают не от недостатка правил, но от недостатка говорящих [Denison 1977]. Тем не менее заметно, что определение «смерть языка» (и вытекающее из него представление о том, что языки действительно «умирают»: «*die Sprachen sterben*») оказывается спорным по целому ряду позиций. И даже в дискуссии, связанной с процессом вымирания языков, общепризнанным является положение о том, что момент фактического вымирания языка не поддается точному определению [Rindler-Schjerve 1989: 5]. По сути это делает излишним само определение «смерть» в применении к последним фазам существования реликтового языка. Более того, не будем забывать, что именно на этих фазах многие языки получают наиболее авторитетную или вообще единственную письменную фиксацию, благодаря которой начинается их жизнь в науке.

С учетом этого при выработке соответствующей русской терминологии следует предложить более нейтральную формулировку: «вымирание языка». Соответственно, в таком случае мы имеем дело с вымирающими, а не «умирающими» языками. Интересно, что подобные языки определяются далее у Риндлер-Схерве как «рецессивные» [Rindler-Schjerve 1989: 4]¹.

Общие процессы вымирания языка описываются в современной лингвистике следующим образом. Основополагающим является тезис о «трех поколениях», определяющий степень языковой компетенции носителей языка. Так, например, Б. Дориан в своем анализе гэльской языковой ситуации в Ист-Сазерленде выделяет три группы говорящих: 1) пожилые носители, владеющие языком в совершенстве; 2) люди среднего возраста, еще способные говорить на языке бегло; 3) так называемые «*semi-speakers*», т. е. молодежь, для которой доминантным является другой язык (здесь – английский) (цит. по: [Rindler-Schjerve 1989: 6]). При этом Р. Риндлер-Схерве указывает, что до сих пор остается открытым вопрос о том, связан ли распад языкового строя с уменьшением количества говорящих, и если да, то в какой степени [Rindler-Schjerve 1989: 6–7]. Однако даже без обращения к полевым данным ясно, что эти процессы взаимосвязаны и обусловлены утратой престижа языка. Так, например, резкое уменьшение количества говорящих на фризском языке в XX или XXI в. уже не сможет привести к распаду фризского грамматического строя, поскольку этот язык осознается как исключительно ценный в историческом и социокультурном плане и воспроизводится носителями с учетом уже состоявшейся кодификации. Безусловно, огромное значение здесь имеет письменная фиксация языка, которая в конечном счете оказываются определяющей.

Весьма важно наблюдение исследователей о том, что сужение (редукция) употребления языка ведет к сужению его стилистического репертуара, что часто определяется как тенденция к моностилизму [Rindler-Schjerve 1989: 7]. Более того, существенное сужение стилистического репертуара какого-либо языка обычно является свидетельством о его реликтовом характере и даже провоцирует распад грамматического строя [Rindler-Schjerve 1989: 8]. Однако само это сужение опять-таки обу-

¹ Термин заимствован из генетики, но вполне может использоваться при описании социолингвистической ситуации. Ср. ниже «доминантный».

словлено престижем другого языка, т. е. для подобных процессов характерна обратная связь: социальная не востребованность «языка предков» заставляет молодежь игнорировать познания старших (грамматические и синтаксические конструкции, лексика), и владение языком сужается от поколения к поколению.

Рассмотрим условия существования реликтового языка на конкретном примере. Немецкие «языковые острова» («Sprachinseln») в Северной Италии, сложившиеся на основе баварского диалекта, даже в XX в. обнаруживают особенности, унаследованные от древне- и средневерхненемецкого периодов. Немецкий романист М. Пфистер, исследовавший этот материал, указывает, что в области фонетики реликтовых немецких диалектов отмечается сохранение нейтрального а (без различия по долготе / краткости) – *plat* (нем. *Blatt* ‘лист’), *nat* (нем. *Nacht* ‘ночь’). В одном из диалектов (вальский диалект Салей) на 1968 г. сохранялась особая форма претерита множественного числа, восходящая непосредственно к средневерхненемецкому и утраченная уже в ранненововерхненемецком: ср. *wier sungun*, *wier spunnun* при нн. *wir sangen* ‘мы пели’, *wir spannen* ‘мы пряли’. Что касается лексики, то в Римелле употребляется *špallu* < *spellon* ‘говорить, рассказывать’; в цимбрском диалекте засвидетельствованы такие глубокие архаизмы, как *tegaln* ‘жениться, выходить замуж’ < двн. *mahalon* ‘жениться, выходить замуж’, *garaur* ‘сосед, приятель’ < двн. *gibûr* ‘сосед’, *vuleche* ‘жеребенок-кобылка’ < двн. *fulihha* ‘жеребенок-кобылка’ и др. [Pfister 1989: 100–101]. Кроме того, в немецких реликтовых диалектах Верхней Италии сохраняются также проникшие в язык романские фонетические и лексические архаизмы [Pfister 1989: 101–102]. С другой стороны, этот глубоко архаичный в своей основе материал испытывает мощное давление романского языкового окружения, благодаря чему отмечаются системные явления трансференции, т. е. однонаправленного влияния итальянского языка на немецкий диалект на всех уровнях языкового строя [Pfister 1989: 103–114]. В итоге возникает и веками существует языковой феномен, которому Э. Гамильшег дал ставшее классическим определение «*materia tedesca e spirito romano*» [Gamillscheg 1912: 8]. Этот пример бытования реликтового языка весьма поучителен при осмыслении общих условий существования реликтовых языков.

4. ЯЗЫКОВЫЕ РЕЛИКТЫ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

Как было показано выше, языковые реликты нередко представляют собой диалектный материал. В ситуации, когда существует живой язык, тем более язык с большим количеством носителей и корпусом данных, исследование соответствующих языковых реликтов является особым случаем исследования диалектов данного языка. Однако проблема диалектных различий по отношению к реликтовому языку, будь то диалектная и ареальная характеристика самого реликтового языка или возможные диалектные различия внутри этого языка, оказывается гораздо более сложной как в теоретическом, так и в исследовательском плане. Рассмотрим эту тему на примере готского и крымско-готского языков.

Вопрос о диалектных различиях как внутри готского языка в целом, так и в языке готского перевода Библии ставился многими исследователями [Wackernagel 1874; Bernhardt 1885; Wrede 1891; Marchand 1956]. Традиционным является мнение, что значительных диалектных отличий в языке готских памятников не имеется [Гухман 1994: 18], хотя сама возможность полидиалектности внутри готского ареала не подвергается сомнению [Гухман 2007: 23–24].

В своей работе о возможных диалектных отличиях в имеющихся готских рукописях Дж. Марчанд сетовал на то, что готисты не вняли указаниям Э. Бернхардта и В. Вакернагеля в этом отношении [Marchand 1956: 141]. Не делая категорических выводов, исследователь обобщил варианты, обычно трактуемые как ошибки писцов. По рукописям готского перевода Библии наиболее четко прослеживается вариативность *e/ei* (например, *letan* ‘оставлять’ – *leitān*), причем *ei* вместо *e* встречается в 65 случаях, тогда как *e* вместо *ei* только в 22 случаях [Marchand 1956: 144–145]. По мнению Дж. Марчанда, вариативность *e/ei* связана прежде всего с определенными морфемами (30 случаев употребления – окончания род. п. мн. ч. -*e*, 13 – редуцирующие глаголы, кроме *redan*). Однако такие варианты, как *qens* ‘жена’ – *qēins* (Лк. 1, 5), позволяют наблюдать эту вариативность и в корне слова.

По всей очевидности, эти написания отражают остготское сужение [ē] > [ī], прослеженное Ф. Вреде и на материале остготских реликтов. Потому с мнением М.М. Гухман о том, что Вреде принял за остготские особенности то, что было особенностями латинской орфографии [Гухман 2007: 25], нельзя согласиться. Примечательно, что написания *i* и *ei* смешиваются крайне редко, хотя они, казалось бы, более схожи, чем *e* и *ei* [Marchand 1956: 146]. Аналогичным образом интерпретируется смешение *u/o*, однако Дж. Марчанд отмечает, что число таких примеров сравнительно невелико (*u* вместо *o* – 4 случая употребления, *o* вместо *u* – 10 случаев + 1 с исправлением) и потому речь в принципе может идти и об ошибках писцов [Marchand 1956: 147]. Однако если суммировать все случаи смешения (т.е. неразличения) *u/o*, *o/u*, то число их возрастает, а при сопоставлении с орфографическими вариантами *diakon* / *diakun* (готские подписи в латинской купчей грамоте из Неаполя) неслучайность такого смешения становится очевидной.

Кроме того, Дж. Марчанд обращает внимание на весьма частое смешение написаний *au* и *u* (*au* вместо *u* – 19 случаев употребления, *u* вместо *au* – 23 случая, причем 19 из них – в окончаниях косвенных падежей *u*-основ) [Marchand 1956: 148]. Это явление интерпретировалось как пример монофтонгизации *o/ɣ* **au* в остготском [Bennett 1949: 18]. Важно, однако, что в формах опатива и повелительного наклонения *au* и *u* никогда не смешиваются. Поэтому есть основания полагать, что вариативность *au/u* относится только к окончаниям косвенных падежей *u*-основ. Вероятно, эта особенность также составляет отличие остготского диалекта от вестготского времен Вульфилы, хотя Дж. Марчанд перечисляет и другие интерпретации [Marchand 1956: 148].

В работе Дж. Марчанда не затрагивается тема лексических расхождений в тексте готского перевода Библии. Тем не менее даже начальный обзор основного текста без учета маргинальных глосс позволяет выявить интересные примеры таких расхождений. В целом ряде случаев нейтральное и хорошо засвидетельствованное готское слово имеет синоним в одном из контекстов (как правило, единственном):

- *minnists* ‘самый маленький, малейший’ (Мф. 5, 19, Лк. 9, 48, Мф. 5, 26), *mins* (нареч., сравнит. степ.) ‘меньше, менее’ (2 Кор. 12, 15, 1 Тим. 5, 9), *minniza* (прил., сравнит. степ.) ‘меньше’ (Мф. 11, 11, Рим. 9, 12), *minznan* ‘уменьшаться, умяляться’ (слгл. 4, *Skeireins* 4, 2–7) – *smalists* ‘наименьший’ (только 1 Кор. 15, 9);
- *batiza* ‘лучше’ (Мф. 5, 29), *batista* ‘самый лучший, наилучший’ (Лк. 1, 3), *ga-batnan* ‘улучшаться’ (слгл. 4, Мр. 7, 11) – *iusiza* ‘лучше’ (только Гал. 4, 1);
- *gasts* ‘гость’ (к греч. ξένος, Мф. 25: 38, 43, Мф. 27, 8, Еф. 2: 12, 19) – *wairdus* ‘гость’ (к греч. ξένος, только Рим. 16, 23);

- akrs ‘поле’ (к греч. ἀγρός, Мф. 27,8, Лк. 15, 25) – þaurp ‘поле’ (к греч. ἀγρός, только вин. п. ед. ч., Неем. 5, 16).

Такие примеры, как гот. *hairus* ‘меч’ (к греч. μάχαира, ῥομφαία; Лк. 2, 35, Ин. 18, 10 и др.) – *mekī* (к греч. μάχαира, только Еф. 6, 17) или приведенная выше пара *akrs* – *þaurp*, могут быть обусловлены стремлением готского переводчика, епископа Вульфилы (311–383), передать какие-то оттенки семантики греческого оригинала. Равным образом, если предполагать, что у Вульфилы был свой переводческий коллектив, это не означает, что эти переводчики непременно были носителями разных диалектов. Гораздо более перспективно предположение о редактировании вестготского текста вульфилианского перевода IV в. в остготской письменной традиции конца V – начала VI в. в остготском королевстве в Италии. Маргинальные глоссы остготских писцов подтверждают это предположение, хотя и следует иметь в виду, что динамика трансформации текста была медленной.

Наиболее показательным примером лексических расхождений является употребление в готском переводе Библии двух лексем для обозначения солнца. Так, гот. *sunno* (ж. р. -n) встречается в переводе Мф. 5, 45, Лк. 4, 40, ср. ди. *sunna* (поэтизм), да., дфриз. *sunne*, дс. *sunna* (ж. р.), *sunno* (м. р.), двн. *sunna* ‘солнце’. В контексте Мк. 1, 32 (и только там) засвидетельствовано гот. *sauil* (ср. р.-а), ср. ди. *sól*, да. *sygil* (*sigel*, *segl*, *sægl*) ‘имя руны s’ (англосаксонский футарк). В контекстах Мк. 4, 6 и Мк. 16, 2 гот. *sunno* выступает в среднем роде: *at sunnin urginnandin* (возможно, тж. Неем. 7, 3, где род не поддается определению). Рассмотренные факты вряд ли объясняются простым стремлением использовать различные синонимы для обозначения солнца, тем более что контекст с гот. *sauil* никак не маркирован по сравнению с контекстами, где употребляется гот. *sunno*.

В сфере готских языковых реликтов засвидетельствовано дальнейшее лексическое расхождение в обозначениях солнца: крым.-гот. *sune* ‘солнце’ – гот. *sigil* ‘название буквы s’ (готский алфавит в Алкуиновой рукописи, ср. имя руны, о/г **sōwilō* / *sōwulō*). Здесь следует предполагать расхождение по диалектному признаку, а именно отличие крымско-готского как исконно остготского (ср. сужение $\bar{e} > i$; гот. *mena* ‘луна’ – крым.-гот. *mine* и др.) от позднего вестготского, донесшего названия готских букв до эпохи Каролингов. Однако ввиду недостаточности (руинированности) данных готского языка большого корпуса приходится сделать вывод, что при отсутствии сравнительного фона лексические расхождения в тексте готского перевода Священного Писания и в сфере готских языковых реликтов остаются герметичной проблемой.

Что касается крымско-готского, то он оценивается многими исследователями не только как самостоятельный готский диалект, но и как самостоятельный восточногерманский или даже древнегерманский язык (с нарастанием «отчуждения» от готского фона в зависимости от основной версии исследователя). Хотя между крымско-готским и готским, равно как готским и другими восточногерманскими языками обычно ставится знак равенства, реальная ситуация внутри этого диалектного ареала могла быть весьма многообразна. В целом представляется корректным определение крымско-готского как восточногерманского / готского диалекта. Идея о том, что крымско-готский представляет собой совершенно самостоятельный германский язык, игнорирует план диахронии – как исторической, так и лингвистической. По этому принципу и современный английский язык в синхронии можно было бы причислить к романским или «романо-германским» ввиду мощного романского влияния и несходства современного состояния языка с древ-

неанглийским. Но, как показано многими исследователями, в первую очередь с использованием метода глоттохронологии (список слов М. Сводеша), современный английский язык по-прежнему относится к германским. И коль скоро крымско-готский язык в ходе времени сохранил яркие восточногерманские черты, истинное его соотношение с восточногерманским ареалом не подлежит сомнению. С учетом того, что поддающиеся наблюдению особенности крымско-готского вокализма соответствуют остготской модели (развитие общегерманского *ē₁ > остгот., крым.-гот. ī), то становится ясно, что крымско-готский в плане диахронии является не только одним из восточногерманских языков, но и одним из готских диалектов. Преимущественных крымскоготско-скандинавских изоглосс по сравнению с генетическими готскоскандинавскими, вопреки гипотезе Э. Шварца [Schwarz 1951], в ходе системного анализа материала не выявлено [Ганина 2011: 229–233].

5. НОВЫЙ СМЫСЛ ТЕРМИНА «ЯЗЫКОВЫЕ РЕЛИКТЫ»

Понятие «языковые реликты» (*Sprachreste, Sprachtrümmern*) ныне обрело новую жизнь и новый смысл по сравнению с исследовательским контекстом XIX в. Это связано с появлением нового термина «реликтовый язык», будь то «*Restsprache*» или «*Trümmersprache*», который ныне предстает как основное понятие. Неразрывная связь указанных терминов очевидна, но следует подчеркнуть, что особое внимание ко всяческим «*Sprachreste / Sprachtrümmern*» и осознание их как языковых реликтов, а не «руин» или «остатков» обусловлено прежде всего развитием лингвистики, а не развитием терминологии.

После того как П. Кречмер выдвинул оригинальную гипотезу об индоарийцах на Кубани [Kretschmer 1944], Д. Дечев произвел исследования фракийских языковых реликтов [Detschew 1957], а Дж.Б. Пеллегрини и А.Л. Просдочими составили корпус венетских надписей [Pellegrini, Prosdocimi 1967], специалисты в области других древних языков смогли осознать всю ценность языковых реликтов как феномена и материала для полноценного исследования. Так был намечен путь, и разные исследователи независимо друг от друга продолжили его на материале разных языков. К примеру, В. Георгиев сделал попытку этимологизировать догреческие элементы в греческом языке и фракийские гидронимы восточной части Балканского полуострова [Георгиев 1958, 87–99: 130–133]. Степень надежности этих этимологий не всегда одинакова, и материал впоследствии пересматривался (ср. [Откупщиков 1988]). Однако сама методика исследования языковых реликтов в топонимике, в частности этимологизация гидронимов с одним традиционным значением, воспроизводимым средствами разных языков, была учтена в трудах В.Н. Топорова и О.Н. Трубачева [Топоров, Трубачев 1962; Трубачев 1999]. О.Н. Трубачев предпринял масштабную реконструкцию корпуса индоарийских языковых реликтов в Причерноморье [Трубачев 1999]. М. Стернс на новых основаниях обратился к крымско-готскому языку [Stearns 1978], что позволило предложить дальнейшие интерпретации материала [Ганина 2006; Ганина 2008; Ганина 2011]. Упомянутые выше коллективные монографии о древних реликтовых языках Передней Азии и реликтовых индоевропейских языках Передней и Центральной Азии внесли существенный вклад как в развитие общей проблематики реликтовых и руинированных языков, так и в осмысление обширного и необыкновенно интересного языкового материала [Языки мира 2010; Языки мира 2013]. Тема немецкого языка как реликтового в Северной Италии, разработанная М. Пфистером в 80–90-х гг. XX в. [Pfister 1989; Pfister 1998], была продолжена в

исследовании С. Франца [Franz 2021]. Усилия отдельных ученых самостоятельны и разнообразны, но, как справедливо заметил О.Н. Трубачев, представляя свой труд, «в науке все находки коллективны» [Трубачев 1999: 9].

Такова проблема языковых реликтов с точки зрения современной лингвистики и, в частности, сравнительно-исторического языкознания и исторической германистики. Что же касается социолингвистики, то письменная фиксация языковых реликтов зачастую означает долгую жизнь языка в науке после его вымирания в быту.

ЛИТЕРАТУРА

Ганина 2003 – *Ганина Н.А.* Лангобарды: к реликтам традиции и языка // Материалы чтений памяти Н.С. Чемоданова. М: МГУ, 2003. С. 21–26.

Ганина 2006 – *Ганина Н.А.* Древнегерманские реликтовые языки: проблемы и перспективы исследования // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2006. № 3. С. 9–25.

Ганина 2008 – *Ганина Н.А.* Готские языковые реликты: Дисс. ... докт. филол. наук. М., 2008.

Ганина 2011 – *Ганина Н.А.* Крымско-готский язык. СПб., 2011.

Георгиев 1958 – *Георгиев В.И.* Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958.

Гухман 1994 – *Гухман М.М.* Готский язык. М., 1994.

Гухман 2007 – *Гухман М.М.* Язык готских памятников в свете истории готов // *Lingua Gotica: Новые исследования.* Калуга, 2007. С. 12–32.

Откупщиков 1988 – *Откупщиков Ю.В.* Догреческий субстрат. У истоков европейской цивилизации. Л., 1988.

Топоров, Трубачев 1962 – *Топоров В.Н., Трубачев О.Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.

Трубачев 1999 – *Трубачев О.Н.* Indoarica в Северном Причерноморье. Реконструкция реликтов языка. Этимологический словарь. М., 1999.

Трубачев 2003 – *Трубачев О.Н.* Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 2003.

Трубачев 2004 – *Трубачев О.Н.* Труды по этимологии. Слово. История. Культура. Т. I. М., 2004.

Языки мира 2010 – Языки мира: Древние реликтовые языки Передней Азии / РАН, Институт языкознания; редкол.: Н.Н. Казанский, А.А. Кибрик, Ю.Б. Коряков. М., 2010.

Языки мира 2013 – Языки мира: Реликтовые индоевропейские языки Передней и Центральной Азии / РАН, Институт языкознания; редкол.: Ю.Б. Коряков, А.А. Кибрик. М., 2013.

Barnes 1989 – *Barnes M.R.* The Death of Norn // *Germanische Rest- und Trümmersprachen* / Hg. von H. Beck. Berlin; New York, 1989. S. 21–44.

Bernhardt 1885 – *Bernhardt E.* Kurzgefasste gotische Grammatik. Anhang zur gotischen Bibel des Vulfila. Halle, 1885.

Broda 1980 – *Broda M.* L'amour de la langue morte // *Action poétique.* Paris, 1980.

Bruckner 1895 – *Bruckner W.* Die Sprache der Langobarden. Strassburg, 1895 (Quellen und Forschungen zur Sprach- und Culturgeschichte der germanischen Völker. Bd. 75) [репринт: Berlin, 1969].

Denison 1977 – *Denison N.* Language Death or Language Suicide? // *International Journal of the Sociology of Language*. 1977. Vol. 12. P. 13–22.

Detschew 1957 – *Detschew D.* Die thrakischen Sprachreste. Wien, 1957.

Franz 2021 – *Franz S.* Mehrsprachigkeit und Identität: Die alpindeutsche Siedlung Sappada / Pladen / Plodn (*Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik – Beihefte* 186). Franz Steiner Verlag, 2021.

Gamillscheg 1912 – *Gamillscheg E.* Die romanischen Elemente in der deutschen Mundart von Lusern. Halle, 1912 (*Beihefte zur Zeitschrift für romanische Philologie* 43).

Germanische Rest- und Trümmersprachen 1989 – *Germanische Rest- und Trümmersprachen / Hg. von H. Beck.* Berlin; New York, 1989.

Bennett 1949 – *Bennett W.H.* The Monophthongisation of Gothic ai/au // *Language*. 1949. Vol. 25. P. 15–21.

Höfler 1956 – *Höfler O.* Die hochdeutsche Lautverschiebung und ihre Gegenstücke bei Goten, Wandalen und Burgundern // *Anzeiger der Österreichischen Akademie der Wissenschaften*. 1956. Bd. 93. S. 294–318.

Höfler 1957 – *Höfler O.* Die zweite Lautverschiebung bei Ostgermanen und Westgermanen // *Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur* (Tübingen). 1957. Bd. 79. S. 161–350.

Kretschmer 1944 – *Kretschmer P.* Inder am Kuban // *Anzeiger der Akademie der Wissenschaften in Wien. Philos.-hist. Klasse*. 80. Jg. 1943. Brunn; München; Wien, 1944.

Liberati 1980 – *Liberati A.* Poésie et langues anciennes // *Action poétique*. Paris, 1980.

Marchand 1956 – *Marchand J.* Dialect Characteristics in Our Gothic Manuscripts // *Orbis*. 1956. Vol. 5. P. 141–151.

Massmann 1841 – *Massmann H.F.* Langobardisches Wörterbuch // *Zeitschrift für deutsches Altertum*. 1841. Bd. I. S. 548–562.

Mayrhofer 1956–1980 – *Mayrhofer M.* Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Heidelberg, 1956–1980 ff.

Mayrhofer 1980 – *Mayrhofer M.* Zur Gestaltung des etymologischen Wörterbuches einer «Grosscorpussprache». Österreichische Akademie der Wissenschaften. Sitzungsberichte. Bd. 368. H. 11. Wien, 1980.

Mentz 1955 – *Mentz A.* Schrift und Sprache der Burgunder // *Zeitschrift für deutsches Altertum*. 1954–1955. S. 1–17.

Pellegrini, Prodocimi 1967 – *Pellegrini G.B., Prodocimi A.L.* La lingua Venetica. Vol. I: Le Inscrizioni; Vol. II: Prodocimi A.L. Studii. Padova, 1967.

Penzl 1989 – *Penzl H.* Die Gallehusinschrift: Trümmer der nordisch-westgermanischen Ursprache // *Germanische Rest- und Trümmersprachen / Hg. von H. Beck.* Berlin; New York, 1989. S. 87–96.

Pfister 1989 – *Pfister M.* Sprachliche Relikte und Transferenerscheinungen bei Walsern und Bayern in Oberitalien // *Germanische Rest- und Trümmersprachen / Hg. von H. Beck.* Berlin; New York, 1989. S. 97–118.

Quignard 1980 – *Quignard P.* Les langues et la mort // *Action poétique*. Paris, 1980.

Reichert 1989 – *Reichert H.* Die Bewertung namenkundlicher Zeugnisse für die Verwendung der gotischen Sprache. Methodendiskussion an Hande der Namen der Märtyrer aus der Gothia des 4. Jahrhunderts // *Germanische Rest- und Trümmersprachen / Hg. von H. Beck.* Berlin; New York, 1989. S. 119–141.

Rindler-Schjerve 1989 – *Rindler-Schjerve R.* Sprachverschiebung und Sprachtod // Germanische Rest- und Trümmersprachen / Hg. von H. Beck. Berlin; New York, 1989. S. 1–14.

Scardigli 1989 – *Scardigli P.* Sprache im Umkreis der Matroneninschriften // Germanische Rest- und Trümmersprachen / Hg. von H. Beck. Berlin; New York, 1989. S. 143–156.

Schwarz 1951 – *Schwarz E.* Goten, Nordgermanen, Angelsachsen: Studien zur Ausgliederung der germanischen Sprachen. Bern, 1951.

Stearns 1978 – *Stearns M.* Crimean Gothic: Analysis and Etymology of the Corpus. Stanford, 1978.

Stearns 1989 – *Stearns M.* Das Krimgotische // Germanische Rest- und Trümmersprachen / Hg. von H. Beck. Berlin; New York, 1989. S. 175–194.

Swadesh 1948 – *Swadesh M.* Sociologic Notes on Obsolescent Languages // International Journal of American Linguistics. 1948. Vol. 14. P. 226–235.

Tischler 1989 – *Tischler J.* Zum Langobardischen // Germanische Rest- und Trümmersprachen. Germanische Rest- und Trümmersprachen / Hg. von H. Beck. Berlin; New York, 1989. S. 195–210.

Untermann 1983 – *Untermann J.* Indogermanische Restsprachen als Gegenstand der Germanistik // Le lingue indoeuropee di frammentaria attestazione / Die indogermanische Restsprachen (Atti del Convegno della Società Italiana di Glottologia e della Indogermanische Gesellschaft) / Hg. von E. Vineis. Pisa, 1983. P. 11–28.

Untermann 1989 – *Untermann J.* Zu den Begriffen ‘Restsprache’ und ‘Trümmersprache’ // Germanische Rest- und Trümmersprachen. Germanische Rest- und Trümmersprachen / Hg. von H. Beck. Berlin; New York, 1989. S. 15–19.

Vendryes 1933 – *Vendryes J.* La mort des langues // Conférences de l’Institut de Linguistique de l’Université de Paris. 1933. Vol. 1. P. 5–15.

Wackernagel 1874 – *Wackernagel W.* Sprache und Sprachdenkmäler der Burgunden // Wackernagel W. Kleinere Schriften. III. Leipzig, 1874. S. 334–417.

Wrede 1886 – *Wrede F.* Über die Sprache der Wandalen. Strassburg; London, 1886 (Quellen und Forschungen zur Sprach- und Culturgeschichte der germanischen Völker 59).

Wrede 1891 – *Wrede F.* Über die Sprache der Ostgoten in Italien. Strassburg, 1891 (Quellen und Forschungen zur Sprach- und Culturgeschichte der germanischen Völker 68).

II. Языковые и культурные сообщества в диахронии

АМАЛЫ И АМЕЛУНГИ. ОСТГОТСКАЯ КОРОЛЕВСКАЯ ДИНАСТИЯ И ПАМЯТЬ О НЕЙ В ДРЕВНЕГЕРМАНСКОЙ ТРАДИЦИИ

Н.А. Ганина

1. ЭТИМОЛОГИЯ ИМЕНИ АМАЛ

Единственное упоминание готов в «Германии» Тацита связано с особенностями верховной власти у этого племени: «За лугиями живут готоны, которыми правят цари, и уже несколько жестче, чем у других народов Германии, однако еще не вполне самовластно» [Germ. 44]¹. У готов существовали две королевские династии: Амалы и Балты (в латинской передаче – Amali, Balthi). О них сообщается в «Getica» Иордана: «*tertia vero sede super mare Ponticum iam humaniores et... prudentiores effecti, divisi per familias populi, Vesegothae familiae Balthorum, Ostrogothae praeclaris Amalis serviebant*» [Get. 42] «в третьей области на Понтийском море, став уже более человечными и... более просвещенными, они разделились между двумя родами своего племени: визиготы служили роду Балтов, остроготы – преславным Амалам». Это сообщение важно по ряду причин. Прежде всего, как отмечает Е.Ч. Скржинская, здесь Иордан впервые называет два знатных царственных рода (*familiae*), имеющих отношение к готам, а не фракийским гетам [Скржинская 1997: 221]. Затем именно с этим самоопределением в пользу одного из знатных родов увязано разделение готов на остроготов и визиготов. Более того, согласно донесенной «*Variae*» Кассиодора Сенатора и воспроизведенной с некоторыми отличиями у Иордана генеалогии готских королей, имя Острогота носит потомок, а не предок легендарного Амала – его сын (ср. [Var. XI, 1])² или внук [Get. 79].

Разумеется, это предание можно объяснить проявлением тенденции Кассиодора и Иордана к возвеличению правящего рода Амалов. Однако в рассказе о племенном самоопределении готов упомянут и род Балтов. Примечательно, что версии, представленной у Иордана, соответствует следующее указание Прокопия Кесарийского: «Как мне кажется, в древности они [готы] были одного племени, но впоследствии стали называться по-разному: по именам тех, кто были их вождями» [Bell. Vand. I, II, 5]³. Осознание особой сущности и роли знатного рода глубоко характерно для архаического общества. Так, например, знатный кабардинский род Куденетов пользовался огромными привилегиями: слово, данное членом этого рода, было обязательно для всего народа, не исключая и князей (пши). Человек, находившийся под покровительством рода Куденетов, получал тем самым покровительство всего ка-

¹ Цит. по: [Тацит 1993].

² Цит. по: [Cassiodori Senatoris *Variae* 1894].

³ Цит. по: [Прокопий Кесарийский 1993].

бардинского народа. Когда Николаю I случилось принимать кабардинских послов, царь осведомился, почему посольство не возглавляется князем, и получил ответ посла: «Потому что я – Куденет» [Савелов 1994: 91].

Родовое имя Balthi имеет надежную этимологию и восходит к о/г *balþ- ‘храбрый, отважный’. Значение имени верно истолковано в «Getica»: «qui [genus] dudum ob audacia virtutis Baltha, id est audax, nomen inter suos asseperat» [Get. 146] ‘род этот некогда благодаря отваге и доблести получил среди своих имя Балты, то есть отважного’. Соответствующее прилагательное не представлено в готских текстах, но засвидетельствованы его производные: существительные balþei* (ж.р. -n) к греч. παρρησία ‘храбрость, дерзость’, usbalþei* к греч. διαπαρρησίη ‘пустые споры’ [1 Тим. 6: 5], þrasabalþei ‘задиристость’ [Skeireins 5: 11], глагол balþjan (слгл. 1) ‘держатъ’ [Skeireins 2: 1] и наречие balþaba к греч. παρρησία: ‘смело, дерзко’ [Ин. 7: 13]. Эти готские слова имеют параллели в виде ди. ballr (baldr), да. beald, на. bold, дс. bald, двн. bald, balt ‘смелый, отважный, дерзкий’; ср. тж. ди. baldinn ‘отважный’, да. ballice ‘смело, отважно’, двн. baldi ‘отвага’. Готскому глаголу balþjan* соответствуют ди. bella, да. byldan, дс. beldian, двн. bolden ‘отваживаться, держатъ’. К производным этой же основы относятся ди. her-baldr ‘вождь войска’, да. baldor, bealdor ‘господин, повелитель’ и теоним – ди. Baldr ‘Бальдр’, да. Vældæg, двн. Balder, Palter ‘Бальдр’ [de Vries 1962: 24]. О/г *balþ- может выступать в качестве первого или второго компонента древнегерманских двучленных имен собственных, ср. [Топорова 1996: 68–70]. Реконструируемая индоевропейская основа – *bhel- ‘набухать, вздуться, увеличиваться’ [Lehmann 1986: 60; Pokorny 1959: 1220–1222].

Напротив, наименование царственного рода Amali не имеет пояснений в «Getica». Отсутствие каких-либо содержательных толкований имени показывает, что внутренняя форма слова в VI в. уже не осознавалась. Форма единственного числа в готском языке изначально должна была выглядеть как *Amals, но в остготском в VI в., особенно в именах собственных, довольно часто происходило отпадение окончания мужского рода единственного числа -s [Wrede 1891: 176]. Поэтому в остготской традиции имя могло выступать в форме *Amal, как оно и выглядит в латинской передаче.

Этимология имени Amali является дискуссионной. Гот. *amala- традиционно этимологизируется путем сопоставления с ди. ama ‘беспокоить, докучать, мучить’, amask ‘изнурять себя, изводиться’, нисл. amstr ‘усердный, изнурительный труд’, двн. emiz, emaz ‘постоянный, прочный’, двн. emazzig, нн. emsig ‘усердный’ [Schönfeld 1911: 14–16; Kluge 1975: 165]. Между тем Я. де Фрис не считал возможным отнести гот. *amala- к данному этимологическому гнезду. При этимологизации ди. ama исследователь указывает лишь на такие бесспорные соответствия, как норв. ama ‘теснить, наступать’, ama seg ‘напрягаться, утомляться’, amla ‘усердствовать’, фарер. amast ‘беспокоить’, исл. ami ‘мучение, докуча’, двн. emiz, emaz, emazzig и привлекает для сравнения греч. ὀμοίος мучительный’, др.-инд. amiti ‘теснить, притеснять’, amate ‘теснит, притесняет’, amatras ‘прочный’ [de Vries 1962: 8].

Возведение гот. *amala- к и.-е. *am- представляется проблематичным. Производные от основы *am-(*aml-) не засвидетельствованы в словаре готской Библии. Осложнение глагольных основ формантом -l- нехарактерно для известного нам готского материала. Единственным случаем, когда в готском реализуется модель типа *am-/*aml-, может считаться корреляция agis (ср.р.-а) ‘страх, ужас’ (< и.-е. *agh-) -agls* ‘позорный’, ‘мерзкий’ (< и.-е. *agh-l-), отраженная в других древнегерманских языках (ср. да. ege, eg(e)sa ‘страх, ужас’ и eg(e)le ‘мерзкий, отвра-

тительный', eglan 'причинять боль') и явно сложившаяся в диахронии (ср. греч. ἄχος 'боль', др.-инд. aghás, aghalás 'неприятный'; впрочем, последнее интерпретируется М. Майрхофером как поздняя форма [Mayrhofer 1956–1980, I: 19]). Тем не менее, В. Леман воздерживается от безоговорочного соотнесения гот. agis и agls* [Lehmann 1986: 10]. И наконец, ни в одном из древнегерманских языков не засвидетельствовано цельноморфемных и выступающих как самостоятельные лексемы продолжений гипотетического общегерманского *amlaz 'стойкий' или 'настойчивый' (прилагательного или отглагольного существительного с орудийным -*l-). Более того, отсутствуют и генетические параллели подобного рода, так как глагол amla засвидетельствован только в современном исландском, но не в древнеисландском языке, ср. [Cleasby / Gudbrand Vigfusson 1957: 19].

Семантика производных и.-е. *am- неоднозначна. Можно выделить две основные линии развития семантики: 1) значения с положительными коннотациями – 'стойкий, прочный', 'усердный' и 2) значения с отрицательными коннотациями – 'утомлять', 'изводить(-ся)' и т. п. Сделать какие-либо выводы о доминировании той или иной линии трудно: так, уже в древнеиндийском наряду с amiti 'теснит, притесняет' мы находим amiva (сущ.) 'болезнь, мучение' (по М. Майрхоферу, 'Krankheit, Leiden / disease, pain' – [Mayrhofer 1956–1980, I: 44]). Казалось бы, др.-инд. amavan, авест. amavant, mnavant 'буйный, мощный' убедительно свидетельствуют о положительных коннотациях и.-е. *am-, однако греч. ὀμοίος 'мучительный' указывает на иные возможности. Важно, что скандинавские продолжения общегерманской основы *am- тяготеют к обобщению отрицательных коннотаций: ср. толкования в словаре Клисби / Гудбранда Вигфуссона: ama 'to vex, annoy, molest', amast 'to annoy, molest', ami (сущ. м.р.) 'vexation, annoy, discomfort', ama-samr (прил.), ama-semi (сущ. ж.р.) 'bad humour', amatligr, amaltligr 'loathsome, hideous' [Cleasby / Gudbrand Vigfusson 1957: 19]. Исл. ama имеет значение 'огорчать, печалить', amast 'косо смотреть', amla 'надрываться на работе', 'заниматься чем-л. без особого успеха', 'плестись, тащиться', amstra 'надрываться на работе', amstrast 'много возиться с чем-л.', 'затрачивать много трудов на что-л.', amstur 'возня, беспокойство, хлопоты', 'труд, тяжелая работа' (значения даны по: [Берков 1962: 41–42]). Таким образом, нет ясности и в вопросе о семантике гипотетического общегерманского *amlaz.

Все это позволяет считать традиционную этимологию имени Amal < гот. *aml < о/г *amlaz < и.-е. *am-(*aml-) лишь одной из возможных версий этимологизации этой основы [Ганина 1999]. Как справедливо указывают этимологи, при равных «формальных» шансах именно семантическая сторона реконструкции рассматривается в этимологии как решающая [Szemerényi 1962; Трубачев 1965; Panagl 1980]. Поэтому при этимологизации имени Amal следует учитывать реликты готского предания о роде Амалов.

В генеалогии готских королей (версия «Getica») сообщается: «horum ergo heroum, ut ipsi suis in fabulis referunt, primus fuit Gapt, qui genuit Hulmul. Hulmul vero genuit Augis: at Augis genuit eum, qui dictus est Amal, a quo et origo Amalorum decurrit» [Get. 79] 'первым из героев, как сами они передают в своих сказаниях, был Гапт, который родил Хулмула. Хулмул же родил Авгиса. Авгис родил того, которого называют Амал; от него-то и ведут происхождение Амалы'. Еще Я. Гримм предложил для Gapt конъектуру Gaut. По версии М. Шёнфельда, Gapt < *Gaft- < *Gaut [Schönfeld 1911: 103], ср. ди. Gaur 'Гаут' как прозвище Одина, а также предваряющее генеалогию упоминание об «ансах» в Get. 78 (обсуждение в связи

с Амалами: [Höfler 1992: 266]). По мнению Е.Ч. Скржинской, приведенный Иорданом перечень имен «был с тщательностью перенесен... со страниц “Истории готы” Кассиодора» [Скржинская 1997: 244].

Необходимо отметить, что краткое генеалогическое перечисление Амалов содержится в «*Variae*». Этот перечень приведен в послании, датированном 533 г. Принося хвалу Амаласвинте, Кассиодор характеризует ее так: «*enituit enim Hamalus felicitate, Ostrogotha patientia, Athala mansuetudine, Winitarius aequitate, Unimundus forma, Thorismuth castitate, Walamer fide, Theudimer pietate, sapientia, ut iam vidistis, inclitus pater*» [Var. XI, 1, a. 533] ‘ибо просияла (отличилась) удачей Амала, стойкостью Остроготы, милостью Атала, хладнокровием Винитария, красотой Унимунда, чистотой Торисмуда, верой (верностью) Валамера, благочестием Теудимера, мудростью, как уже видели, прославленного отца’⁴. Указание на удачу (удачливость) Амала разъясняется при сопоставлении с контекстом *Get.* 78: «*protiti per loca victoria iam proceres suos, quorum quasi fortuna vincebant, non puros homines, sed semideos id est Ansis vocaverunt*» ‘одержав повсеместно большую победу, они провозгласили представителей своей знати, – благодаря фортуне (удаче. – Н.Г.] которых они будто бы и оказались победителями, – не простыми людьми, но полубогами, то есть “Ансами”’. Непосредственно за этим следует переход к теме родословия: «*quorum genealogia...*» ‘чья генеалогия’. На первый взгляд, латинская фраза построена неудачно, так как не вполне ясно, чья генеалогия знатных людей, ансов или Амалов, будет развернута перед читателем. Между тем О. Хёфлер особо подчеркнул этот контекст, свидетельствующий, по мнению исследователя, о том, что Амалы фактически приравнивались к ансам [Höfler 1992: 275].

Итак, Амалы достоверно считались потомками ансов. Есть и другие отголоски преданий об этом знатном роде. О. Хёфлер отмечал, что память о «знаке» Амалов сохранена южногерманской (герминонской) традицией, по всей очевидности опиравшейся на готскую. Предания герминонов отражены в средненемецком цикле поэм и сказаний о Дитрихе Бернском (Теодорихе Великом). Согласно преданиям этого эпического фонда, Дитрих обладал способностью испускать огонь, т. е. выплевывать пламя, метать искры и светиться во время битвы. Хёфлер указывает, что древность этого мотива подтверждается сообщением такого раннесредневекового автора, как Дамаский (род. ок. 458). В созданной Дамаскием «Жизни Исидора» содержится рассказ о Теодомере, отце Теодориха, обладавшем способностью испускать огонь [Höfler 1992: 265–274].

Важно отметить, что испускание огня – одно из свойств колдуна, шамана. По свидетельству этнографа Л.Я. Штернберга, приведенному у В.Я. Проппа: «Если бес больного упорно не хочет уходить, то шаман призывает особого духа, который обращается в огненный шар и забирается в брюхо шамана, а оттуда во все отдаленные части его тела, так что шаман во время сеанса испускает огонь изо рта, из носа, из любой части тела» [Пропп 1986: 178]. Такое же представление засвидетельствовано и у эскимосов: «Признаком шаманов является то, что они выдыхают огонь». Аналогичное воззрение на колдунов бытовало и у африканского племени йоруба [ibid.].

Связь Теодориха Великого с огнем прослеживается и в том, что посмертным местопребыванием этого короля италийское предание называет гору Этна [Ensslin 1947: 341]. Как показал О. Хёфлер, было бы неправомерно трактовать эту деталь только как отражение неприязни православных италийцев к правителю-еретику

⁴ Перевод Н.Г.

(ср. «Диалоги» папы Григория Великого). Этна издавна считалась горой мертвых, и миф об уходе короля в гору включает в свою орбиту и иные исторические лица, например Артура или Фридриха II [Höfler 1992: 269]. Однако в отношении Теодориха – представителя огнедышащих Амалов – уход в огнедышащую гору наполняется особым значением. Поразительную типологическую параллель можно найти в рассмотренном В.Я. Проппом предании йоруба: герой мифа Шанго получил от отца и проглотил мощное волшебное средство. Когда на совете племени настала очередь Шанго говорить, изо рта героя при каждом слове ударял огонь. Все ужаснулись, а Шанго понял, что отныне он не подчинен никому, топнул ногой и вознесся ввысь [Пропп 1986: 178–179].

Рассматривая это предание о Теодорихе, следует обратить внимание на убедительно реконструированное О. Хёфлером соотношение Теодориха и Водана. Согласно преданию, Теодорих не умер, но был унесен конем в погоне за таинственно явившимся оленем, т. е. стал, как истинный потомок ансов и Водана, «Диким охотником». Кёльнская хроника монаха Готфрида сообщает под 1197 г., что на Мозеле явились призраки (*phantasma*), предводительствуемые всадником на вороном коне. Всадник назвал себя Теодорихом, «*quondam regem Veronae*» ‘некогда королем Вероны’. Отголоски подобных представлений донесены немецкими легендами XIX – начала XX в. [Höfler 1992: 266–267].

В скандинавской традиции связь Одина с огнем находит отражение в имени *Valeuigr*, подробно проанализированном О.А. Смирницкой. Согласно ее толкованию, *bal* – ‘огонь испепеляющий’ [Смирницкая 1997: 28–31]. Не исключено, что эта характеристика Одина – реликт «шаманских коннотаций» образа. Тем не менее гипотеза П. Скардигли о «готском шаманизме» [Scardigli 1964] не имеет реальных оснований. В эпоху остготского королевства в Италии (V–VI вв.) само почитание ансов осознается как оглядка в прошлое, и нет оснований целиком проецировать на этот синхронный срез культурную ситуацию времен германской общности, если не более ранних эпох.

«Огненная» мифология Амалов могла находить определенное подкрепление в системе иной (италийской) культуры – ср. «*Variae*» Кассиодора с их развитой метафорикой света-блеска-славы, применяемой по отношению к роду Амалов: «*in splendore natalium*» ‘в блеске рождения’, «*generis claritate fulgentis*» ‘сияющего славой рода’ о племяннике Теодориха – Теодахаде (одно из первых упоминаний Амалов) [Var. IV, 39]. Лат. *eniteo* ‘блистать, сиять, сверкать; отличаться (перен.)’ применено к носительнице славы рода – Амаласвинте. Красноречие Кассиодора отчасти сохранено и у Иордана – ср. «*praeclaris Amalis*», ‘преславным (тж. пресветлым) Амалам’ [Get. 42] и следующее замечание: «*quia Amalorum generis eos potentia inlustrabat*» [Get. 199] ‘потому что их (братьев Валамира, Теодомера и Видемера. – Н. Г.) озаряло могущество рода Амалов’ [Get. 199]. Тем не менее в латинских посланиях Кассиодора этот мотив был обусловлен склонностью автора и стиля эпохи к световой метафорике (ср. описание мечей в послании к варнам и янтаря в послании к эстам – [Var. V, 1, 2]). Иногда этот прием приобретает статус клише: «*Surgianum suis meritis et natalium splendore fulgentem*» ‘Киприана, сияющего своими заслугами и блеском рода’ [Var. V, 41]. В германской традиции Амалы блистают и испускают огонь не метафорически, но буквально.

С учетом этих данных при этимологизации гот. *Amal* наиболее предпочтительным представляется сопоставление о/г **amala-* с лит. *āmalas* ‘зарница’. Примечательно, что это слово сопоставляется В.Н. Топоровым с лит. *āmalas*, прус. *emelno*,

лтш. *āmuls*, *amuls*, *amōls*, рус. *омела* и др. Особое место в этом ряду (обоснование связи омелы и искры, сияния, огня) занимает лат. *amellus* (*Aster Amellus*) ‘звездная астра’. Возможно, к этой же сфере основ и мифопоэтических представлений относятся фрак. *amolusta* ‘род ромашки’, алб. *amele*, поскольку, как отмечает В.Н. Топоров, омела и этот род ромашки играют в мифах сходную роль [Топоров 1975: 81]. Можно говорить о предложенной исследователем новой этимологии праслав. **omela*, балт. **amal-/amul-*, так как эта версия не отражена при этимологизации славянского и балтийского названия омелы у М. Фасмера (основные версии: 1) к др.-инд. *amlas*, *ambblas* ‘кислый’, алб. *ëmbëlë* ‘сладкий’, *tëmbëlë* ‘желчь’, лат. *amagus* ‘горький’, двн. *amrfaro* ‘щавель’; 2) к слав. *jetī*, *jъто* с исходным значением ‘хватаящая’, так как на клей из ягод омелы ловили птиц) [Фасмер 1971: 139].

В различных мифопоэтических традициях омела выступает как сакральное растение. Римскими авторами (Цезарь, Плиний Старший и др.) упоминается ритуал собирания омелы галльскими друидами. Очевидно, омела занимала особое место в космологических представлениях (связь с солнцем, воплощение жизни), так как обрядовое срезание омелы у народов Западной Европы было приурочено к зимнему и летнему солнцестоянию. В связи с этим показательна одна из эпиклез Аполлона: Ἰξίος ‘омеловый’ < греч. ἰξός ‘омела’ [МНМ 1982, II: 615]. Д. Фрэнгер отмечает ряд важных черт (генетических и типологических параллелей) концепта омелы в разных традициях. Вечнозеленая омела, паразитирующая на различных деревьях, осознавалась как небесное растение: при срезании ей не давали коснуться земли, иногда сбивали выстрелами или камнями [Фрэнгер 1986: 617]. Однако толкование Фрэнгера не вполне точно. Представляется, что особая магическая отмеченность омелы обусловлена не ее принадлежностью к «верхнему миру», но промежуточной «между небом и землей» позицией⁵.

Благодаря отмеченным выше свойствам омела осознается как неуничтожимое растение, не гибнущее ни в воде, ни в огне. Весьма стойкой и распространенной среди народов Западной Европы была вера в омелу как в универсальное противоядие [Фрэнгер 1986: 615, 622]. Как поясняет Д. Фрэнгер, омела, будучи срезанной, приобретает после нескольких месяцев хранения темно-золотой оттенок. Возможно, именно поэтому она приравнивается в мифологических представлениях к цветку папоротника и «жар-цвету». Подобно цветку папоротника, омела открывает клады в ночь летнего солнцестояния. По немецкой легенде, омела несет в себе кровь солнца. На основании этих данных Фрэнгер делает вывод об «огневой природе омелы» в мифопоэтических представлениях разных народов [Фрэнгер 1986: 658–659]. Это заключение подтверждается рассмотренной В.Н. Топоровым корреляцией лит. *āmālas* ‘омела’ и *āmālas* ‘зарница’.

Омела осознается как вместилище и воплощение жизненной силы дерева, средоточие плодотворной потенции [Фрэнгер 1986: 656; МНМ 1982, II: 254]. Мифологически отмечена одна из разновидностей омелы – лоранф, или восточноевропейская омела, произрастающая, в отличие от других, на дубе. Р. Грейвс отмечает, что омела могла считаться гениталиями дуба, а густой сок ее ягод – спермой дуба, т. е. жидкостью, обладавшей огромными регенеративными возможностями. Ритуальное срезание омелы золотым серпом, осуществлявшееся галльскими друидами, обозначало оскопление дуба и добывание магического средства, способного обеспечить плодородие [Грейвс 1992: 136]. Представляется, однако, что семантика образно-понятийного комплекса «омела» не исчерпывается фаллическими кон-

⁵ Ср. образ Иксиона, обреченного вертеться в колесе между землей и небом.

нотациями, точнее – в архаическом сознании эти коннотации связаны с вечным продолжением рода, которое понимается как вечная жизнь. Потому омела может осознаваться как вместилище не только сексуальной силы, но и самой жизни, «души» объекта. Потому весьма примечательны предания о связи определенных знатных родов с омелой. Так, например, род Хэй из Эррола (графство Перт) имел в своих владениях древний дуб, на котором росла омела. Существовало рифмованное пророчество, гласившее, что род Хэй будет существовать до тех пор, пока стоит этот дуб и пока на нем живет омела [Фрэзер 1986: 656–657].

Представления об омеле как об особо отмеченном неуничтожимом растении – вместилище жизненной силы вполне могли обусловить номинацию знатного рода как «омелового». Примечательно, что в балтийском и балто-славянском ареале существует большое количество топонимов-производных лит. *amal-, лтш. amal-/amol-, прус. *amel- и т. д. – ср. лит. Amāle, Amālis; Āmalvas, Amal've, Amalviškių ėžeras, Amuole, лтш. Amalka (?), Amule, Amōli, куршск. Amulle, (in villa) Amelen, Ammelen, прус. Amelung, Ammelink. Ятвяжское *Amalvas отражено в славянизированных названиях типа *Омеловка*, Jeziorko Omolowo, Omulówek – ср. *Омолва*, *Омоли*, *Омолы*, *Амоли*, *Амолы*, *Амоле*, Omulle, Mole и др. [Топоров 1975: 81].

В связи с происхождением готв из Скандинавии и поисками возможной прародины остроготов в южной Швеции М.Б. Щукин упоминает шведский топоним Омол [Щукин 2005: 48]. Однако швед. Åmål происходит от дшвед. Omord(h) (1312 г.), Amord(h) (1397 г.) и родственно швед. Ödmorden ‘глухой лес’ < дшвед. *aud- ‘пустынный, заброшенный, глухой’ + morþ ‘лес’ [Hellquist 1970: 1421]. В отношении приводимой Э. Хелльквистом этимологии следует уточнить, что ди. morð, дшвед. morþ буквально означает ‘множество’, причем дшвед. morþ имеет продолжения в виде швед. диал. mor(d) ‘обломки, отходы’, molrik (< *mord-) ‘каменистый’ [de Vries 1962: 392–393]. На примере швед. molrik видно, что в сложных словах с основой *morþ может происходить ассимиляция, что отмечает и Хелльквист в отношении швед. Åmål [Hellquist 1970: 1421]. Таким образом, шведский топоним Åmål не имеет отношения к Амалам, равно как и не входит в круг «омеловой» топонимики Европы.

Такие мифологические черты омелы, как связь с огнем и воплощение жизненной силы некоего объекта, значительно большего по масштабу, находят параллели в способности Амалов испускать огонь и в осознании этого рода как главы, воплощения и «души» всех остроготов. Показательно, что содержащееся в генеалогии Амалов имя Hulmul интерпретируется исследователями как производное о/г *huml- ‘хмель’ [Schönfeld 1911].

В германских языках омела обозначается посредством производных основы *mist(i)l-: ср. ди. mistilteinn, да. mistletān, дс., двн. mistil, на. mistletoe, нн. Mistel. Я. де Фрис и Ф. Клуге соотносят германское название омелы с гот. maihstus* (м.р.-у) ‘навоз’, да. meox, дфриз. mjuks, дс. mehs ‘моча’, дс., двн. mist ‘помет’ [de Vries 1962: 389; Kluge 1975: 482]. Ввиду особой значимости омелы в древнегерманской мифопоэтической традиции можно предполагать табуирование исконного названия омелы – [германо]-балто-славянского *^ā/m̥-. Индоевропейское название омелы табуировано в кельтских языках: ср. такие наименования омелы, как брет. uher-varr при uhel ‘высокий’, marr (лениция) ‘жердь, ствол’ [Stephan, Seite s. a. : 173], валл. uchelwydd при uchel ‘высокий’, gwydd ‘дерево’ [Lewis 1961: 158], шотл. an t-uil-ioc при uil ‘все-’ (усилитель), ioc ‘здоровье’ [MacIennan 1979: 505], ирл. druadh-lus букв. ‘друидов растение’ [Dinneen 1927: 370]⁶. Однако др.-ирл. umus, imus, служа-

⁶ Благодарю Т.А. Михайлову за консультации по кельтскому материалу.

щее обозначением некоего культурного (лекарственного) растения (предположительно сельдерея) может быть возведено к основе $*\tilde{a}/\delta m(\underline{l})$ -, что выводит эту основу за пределы балто-славянского ареала. Лат. *amellus* в *Aster Amellus* ‘звездная астра’ (латинское обозначение омелы – *viscum*) и греч. ἄμαμηλίς ‘гамамелис’ также подкрепляют возможность реконструкции индоевропейского названия омелы в виде $*\tilde{a}/\delta m/\tilde{a}/\delta m\underline{l}$ -. Поскольку производные о/г $*mist(i)$ засвидетельствованы во всех древнегерманских языках, кроме готского (для последнего это обусловлено в первую очередь экстралингвистическими причинами), есть все основания считать, что табуирование старого индоевропейского названия произошло еще в общегерманскую эпоху. В отличие от такой концептуальной / языковой инновации, как совместное германо-балто-славянское табуирование названия медведя (посредством разных основ в разных группах языков), табуирование названия омелы должно быть признано совместной германо-кельтской концептуальной инновацией, причем следует предполагать влияние галльской культовой традиции.

Amal как имя рода коррелирует с названием той части племени, которая объединилась вокруг этого знатного рода. Этноним *Ostrogothae*, впервые засвидетельствованный у Кассиодора и двояко истолкованный в «*Getica*» («*pars eorum qui orientalem plagam tenebant eisque praeerat Ostrogotha, utrum ab ipsius nomine, an a loco, id est orientales, dicti sunt Ostrogothae*» [Get. 82] ‘часть их [готов], владевшую восточной стороной, возглавлял Острогота; либо от этого его имени, либо от места, т. е. “восточные”, называются они остроготами’), с большой долей вероятности этимологизируется как $*Aus(t)ro-gut$ - ‘сияющие готы’ – ср. др.-инд. *usṛá* ‘светлый’, *usṛáh* ‘заря’, гомер. греч. ἠώς, лат. *auroga*, лит. *aušrà* ‘заря’ [Lehmann 1986: 70] (впрочем, З. Файст не исключал ранней народной этимологии названия неизвестного происхождения – ср. [Feist 1939: 381]). Этноним этот древний и в традиции VI в. уже утративший свою внутреннюю форму; ср. ложную, вернее – вторичную этимологию «восточные готы».

2. АМАЛ КАК РОДОНАЧАЛЬНИК ДИНАСТИИ

В родословии 533 г. у Кассиодора отсутствует имя «*Gapt*». Родоначальником назван Амал, как наиболее характерная его черта отмечена «*felicitas*» ‘счастье, удача, успех’. В «*Getica*» первое упоминание Амала-родоначальника выглядит так: «*eum, qui dictus est Amal*» ‘того, который называется Амалом’, что похоже скорее на указание прозвища. И здесь напрашивается еще одно предположение: а что, если имена *Gapt* (< $*Gautaz$ ‘Гут’), *Hulmul* (< $*Humul$, ср. *Humli* в «*Gesta Danorum*» [Schönfeld 1911: 142], *Augis* (< $*Hauha-gaizaz$ ‘высокое копье’ [Schönfeld 1911: 38]), *Hisarnis* (< $*Eisarns$ или $*Eisarna$ ‘железный’ [Schönfeld 1911: 139]) и другие имена генеалогии по Иордану, отсутствующие в кратком перечне Кассиодора и не являющиеся именами исторических (или «условно исторических») лиц, представляют собой прозвища *одного и того же* мифического родоначальника, оформленные в виде родословия по традиционной для книжной культуры модели «*A genuit B*»? Предположение это подтверждается тем фактом, что *Amal* (*Hamal[us]*) заявлен в качестве первопредка знатного рода у Кассиодора, а *Humli* (ср. *Hu[1]mul*) являлся, по Саксону Грамматику, родоначальником датских конунгов. Кроме того, указание на «удачу Амала» может быть сопоставлено с аналогичным представлением об удаче (ди. *sáell*) Одина (Водана). Ср.: «*hann [Óðinn] var svá sigrsáell, at í hverri orröstu fekk hann gagn; ok svá kom, at hans menn truðu því, at hann átti heimilan sigr í hverri orröstu*» (*Ynglingasaga* 2 [Heimskringla 1894: 11]) ‘он был

настолько удачлив в битвах, что одерживал верх в каждой битве, и поэтому люди его верили, что победа всегда должна быть за ним' [Снорри Стурлусон 1980: 11].

Итак, есть основания считать, что имя Amal было не чем иным, как одним из прозвищ Водана (прямо о культе ансов и сохранности основы *wōþa- свидетельствуют лишь Ansis у Иордана и слово woþs в готской Библии). Общей «водановой» традиции рода Амалов также соответствует реконструируемая здесь внутренняя форма имени Amal: 1) 'блистающий', 'испускающий огонь', 2) в диахронии – 'омеловый' (в качестве типологической параллели ср. прозвище Аполлона Ἰξίος). Водан огнеок – ср. ди. Valeuþr; связь его с испусканием огня намечает древнейший «шаманский» пласт образа. Водан связан, хотя и прикровенно, с омелой – ср. висение Одина на мировом древе и поражение копьем в контексте ритуала сбивания омелы выстрелом. Исследователи указывали на особую роль Одина в убийстве Бальдра, сраженного омелой (mistilteinn) [de Vries 1956–1957: 227; Топорова 1995: 78]. Свободная от клятвы омела, злонамеренный Локи (ди. ráðdbani 'советом убийца') и слепой Хёд (handbani 'рукой убийца') оказываются исполнителями чужого умысла. В связи с этим реконструируемое архаическое наименование Водана «Омеловый» приобретает особый смысл.

В том случае, если гот. Amal все же является производным и.-е. *am- 'беспокоить', 'докучать, мучить', 'утомлять', 'теснить, притеснять', это не противоречит трактовке имени собственного Amal как одного из прозвищ Водана. Производное и.-е. *am- со старым орудийным -l- (здесь для германского уровня приходится предполагать либо переразложение структуры, либо переосмысление орудийного суффикса как диминутива) могло служить наименованием Водана – ср. такие прозвища Одина, как Hnicarr, Hnicuðr, Vølverkr.

Отметим, что разделение готов на «людей Амалов» и «людей Балтов» и обозначение двух знатных родов посредством основ *am(a)l- и *balþ- также допускает включение в сферу мифа о смерти Бальдра и, быть может, доносит отголоски культовой практики разделения на две партии в рамках некоего ритуала. Показательно, что особое «старшинство» Амалов по сравнению с Балтами в готском предании также могло быть задано реалиями мифа об «Одине и Бальдре» – Амале и Балте. Гот. Valþa представляет собой слабое прилагательное; соответствующее ему сильное прилагательное выглядело бы как *Valþs, чему соответствует ди. Baldr (ср. [Lehmann 1986: 60]). Как было сказано выше, часть племени, образующая «людей Амалов», именовалась «сияющими» готами. «Люди Балтов» обозначались как «хорошие» готы: латинизированное гот. Wisi, Wesi, Wisi-gothae (ср. тж. гот. iusiza 'лучше') возводится исследователями к и.-е. *wesu- 'хороший' [Lehmann 1986: 406]. Это наименование можно сопоставить с прозвищем Бальдра в скандинавской традиции – ср. в «Младшей Эдде»: Baldr inn góða 'Бальдра доброго'; annarr sonr Óðins er Baldr, ok er fra honom gott. at seggja, hann er beztr 'второй сын Одина – Бальдр, и о нем можно сказать только доброе. Он лучше всех...' [Младшая Эдда 1994: 42]. И поскольку для Иордана и его старшего современника Кассиодора, равно как и для готов VI в., внутренняя форма названия *Wesi- 'хорошие' была неясна (как и внутренняя форма *Ostro- < *Austro-), логично предположить, что имя *Valþa / *Valþs также подверглось переосмыслению (десакрализации) в синхронии. Кроме того, Кассиодор и тем более Иордан должны были соблюдать известную дистанцию в повествовании о языческих корнях родословия владык, расставшихся с язычеством.

Если трактовать гот. *Amal* именно как древний ареальный теоним, становится понятна его обособленная позиция в готском словнике и отсутствие каких-либо этимологических соответствий в древнегерманских языках. По всей очевидности, это имя жило лишь в предании рода – в устных текстах типа тул («*fabulae*» в терминологии Кассиодора / Иордана). Возможно ли прямое наименование членов правящего рода именем мифологического родоначальника? Подобные случаи есть: ср. этноним **gaut-* при прозвище Одина *Gautr*, а также весьма примечательное пояснение Снорри Стурлусона о слове «*Ingvi*» как хейти конунга («Язык поэзии»). Представляется, что возможность подобного прямого наименования была обусловлена верой в новое воплощение предка и постоянное присутствие его в избранном роде. Амал-родоначальник воплощался в мужском потомстве рода (ср. непереносимое условие наследования по мужской линии и передачу свойства испускать огонь от отца к сыну), и каждый из членов рода являлся не просто «потомком Амала», но тем же самым Амалом, способным испускать огонь и уходящим по смерти своим, назначенным Амалу путем.

3. ОСНОВА *AMALA- В ИМЕНАХ СОБСТВЕННЫХ

Основа **amala-* представлена в восточногерманских и западногерманских двучленных именах собственных, где выступает как первый компонент [Schönfeld 1911: 14–16; Топорова 1996: 23]. Засвидетельствованные в латинских текстах готские двучленные имена собственные с первым компонентом **amala-* являются именами исторических лиц – потомков династии Амалов. Так, Амаласвинта (496–535) – дочь Теодориха Великого (ок. 454 – 526), Амалафрида (ок. 460 – ок. 525) – сестра Теодориха, Амалаберга (до 531 – 552) – дочь Амалафриды, племянница Теодориха Великого и двоюродная сестра Амаласвинты, Амалафрид (? – после 552) – сын Амалаберга.

Амаласвинта была дочерью Теодориха и Аудофледы, сестры короля франков Хлодвига. Имя *Amalasintha* восходит к о/г **amala-* ‘Амал’ + *swinþō* ‘сильная’, причем второй компонент представляет собой форму женского рода от гот. *swinþs*, о/г **swinþaz* ‘сильный’, ср. ди. *svinnr* ‘сильный’, также ‘мудрый’, да. *swīð* ‘сильный’, *swīðe* ‘очень’, дфриз. *swīth*, дс., *swīði* ‘очень’, свн. *swint*, *swinde* ‘сильный, мощный’, нн. *geschwind(e)* ‘быстро’ (к индоевропейской этимологии гот. *swinþs*, о/г **swinþaz* см. [Lehmann 1986: 336], дискуссия: [Ганина 2001: 79–80]). Таким образом, имя означает ‘Амалом (Амалами) сильная’, ‘сила Амалов’. В условиях династического брака Теодориха и Аудофледы вполне вероятно, что выбор имени дочери Теодориха был обусловлен желанием подчеркнуть ее принадлежность к династии Амалов, так как ее мать Аудофледа принадлежала к династии Меровингов и ее брат Хлодвиг был могущественным королем. Как было показано выше, принадлежность Амаласвинты к династии Амалов и, в частности, происхождение ее от предка рода – Амала, особо отмечается в прославлении Амаласвинты у Кассиодора [Var. XI, 1, a. 533].

Амалафрида – сестра Теодориха Великого. Имя ее восходит к о/г **amala-* ‘Амал’ + **friþō* ‘мир, защита’ – женский вариант имени от о/г **friðuz* ‘мир, договор, защита’, ср. ди. *friðr* (м. р.) ‘мир, защита’, ‘приятель, любовь’, да. *frið* ‘мир, договор’, *freoðo* ‘мир, защита, убежище’, ‘убежище, укрытие’, *freod(e)* ‘приятель, любовь’, дс. *friðu*, *freðu*, двн. *fridu*, *frido* ‘мир, договор, защита’, гот. *gafriþon* (слг. 2) ‘примириться’ от о/г **friþuz* ‘мир, договор’ [de Vries 1962: 142–143; Bosworth, Toller 1898: 333, 336; Lehmann 1986: 137]. В готских текстах соответствующее

существительное не засвидетельствовано, понятие «мир» передается существительным *gawairfi* (ж. р. – *ja*) к греч. *εἰρήνη* ‘мир’. Тем не менее, общегерманская основа **frīðu-* (в позднеготском в виде **frīða-*, латинизир. *frida-*) представлена во многих готских именах собственных в качестве первого и второго компонента.

Около 500 г. Теодорих выдал незадолго до того овдовевшую Амалафриду замуж за короля вандалов Трасамунда. От первого брака у нее был сын Теодахад. Имя первого мужа Амалафриды неизвестно, но Теодахад также принадлежал к роду Амалов. Именно этим было обусловлено его избрание королем остготов в Равенне в ноябре 534 г. после смерти сына Амаласвинты – юного Аталариха (516–534). Отец Аталариха Эвтарих умер в 522 г. После смерти Теодориха Великого в 526 г. Амаласвинта стала регентшей при сыне согласно завещанию Теодориха. 2 октября 534 г. Аталарих умер, и Амаласвинте пришлось срочно искать обоснование своей власти.

К этим событиям относятся приведенные выше хвалебные эпитеты Теодахада у Кассиодора, призванные представить его как отпрыска династии Амалов, «сияющего славой рода» [Var. IV, 39]. В этом двойном восхвалении Амаласвинты и Теодахада как Амалов была несомненная политическая подоплека, так как основной представитель династии Амалов, будущий король Аталарих, умер и положение Амаласвинты даже при условии брака с Теодахадом было шатким. Так и оказалось вскоре. Корыстный Теодахад уже через месяц заточил Амаласвинту в крепости на острове Мартана на озере Больсена, а весной 535 г. позволил знатым готам – врагам Амаласвинты – убить ее там паром в горячей бане. Византийский посол Петр Патрикий от имени императора Юстиниана пытался защитить ее, поскольку она была сторонницей римлян в Италии и поддерживала хорошие отношения с Византией. Как известно, убийство Амаласвинты стало поводом для начала войны Византии с готами в Италии.

Теодахад, принявший сторону готской партии, не имел других союзников, так как его мать Амалафрида была казнена в 526 г. и королевство вандалов в северной Африке пало в результате войны с Византией в 534 г. Для готов его принадлежность к роду Амалов в итоге оказалась менее важной, чем ореол прежней славы двора Теодориха и его прямых потомков – Амалов. В 536 г. военачальник Витигес, ранее бывший оруженосцем Теодориха Великого и меченосцем его внука Аталариха, убил Теодахада и был провозглашен готами королем. Посольку Витигес не принадлежал к династии Амалов, для обоснования своего права на власть он заключил брак с дочерью Амаласвинты – Матасвинтой (518 – после 550). После занятия Равенны Византией в мае 540 г. Витигес отказался от власти и сдался византийскому полководцу Велизарию, который вывез его, Матасвинту, и плененных знатных готов в Константинополь. Там Витигес обратился из арианства в православие. После смерти Витигеса в 542 г. Матасвинта вышла замуж за патриция Германа, двоюродного брата императора Юстиниана. С этим браком Византия связывала надежды на правление в Италии потомков Юстиниана и Теодориха. Тем самым принадлежность к династии Амалов и семье Теодориха Великого, пусть и по женской линии, была существенной при обосновании притязаний на власть.

Амалаберга – племянница Теодориха Великого, дочь его сестры Амалафриды, вероятно, от ее второго брака с королем вандалов Трасамундом. Имя *Amalaberga* происходит от о/г **amala-* ‘Амал’ + **bergō* ‘ограда, защита’, ср. ди. *bjōrg* ‘ограда, защита, поддержка’, родственное гот. *bairgahei* ‘гористая местность’, ди. *bjarg*, *berg*, да. *beorg*, дфриз. *berch*, дс., двн. *berg* ‘гора’ [de Vries 1962: 41]. Амалаберга

вышла замуж за короля тюрингов Эрминафрида, их сын получил имя Амалафрид. Можно видеть, что основа *amala- сохраняется в мужском имени как значимый первый компонент – указание на род матери и принадлежность к династии Амалов. Второй компонент имени Amalafrius воспроизводит вторую основу имени отца, а все имя представляет собой мужской эквивалент имени Amalafrius и тем самым напоминает о бабушке королевича – Амалафриде, сестре Теодориха Великого.

Далее из носителей имен с первым компонентом *amala- известен Амаларих (Amalaricus; 502–531) – король вестготов из династии Балтов. Основа *amala- в имени представителя династии Балтов на первый взгляд кажется неожиданной. Однако Балтом Амаларих был по отцовской линии как сын короля вестготов Алариха II. Матерью Амалариха была Тиудигото, внебрачная дочь Теодориха. Основа *amala- в имени короля вестготов Амалариха призвана подчеркнуть его принадлежность к славному роду Амалов. В этом имени также воспроизводится вторая основа имени его отца Теодориха – гот. *reiks* < о/г *rīkaz ‘правитель’, ‘сильный, могущественный’. Это соответствует рассмотренному выше имянаречению сына Амалаберги и короля тюрингов Эрминафрида – Амалафрид. Однако первый компонент имени Amalaricus не соответствует первой основе имени матери. Тиудигото была внебрачной дочерью Теодориха, и, вероятно, поэтому ее имя не содержит основы *amala-, но лишь повторяет первую основу имени отца – гот. *riuda*, о/г *rī^{iu}/_{eu}đō- ‘народ’. Слава Теодориха Великого в те времена, когда Тиудигото выдавали замуж за короля вестготов Алариха II, сделала возможными и сам брак, и использование основы *amala- в имени сына Алариха и Тиудигото.

Таким образом, основа *amala- используется в готском именовании прежде всего для обозначения потомков династии по женской линии – ближайших родственниц Теодориха Великого и их детей. При этом основа *amala- избирается в тех случаях, когда необходимо или желательно особо подчеркнуть принадлежность ближайшей родственницы Теодориха или ее детей к династии Амалов. Тем самым первоначальный круг употребления основы *amala- в готском именовании очень узок. В эпоху Теодориха Великого (конец V – 20-е гг. VI в.) эта основа является маркированной, относится к именованию узкой социальной группы – династии Амалов – и представляет собой отсылку к славному потомку древнего Амала – Теодориху, который был наделен чудесными свойствами своего предка.

Как справедливо замечает Х. Вольфрам, «Амалы получают из своего предания подтверждение легитимности их власти над готами и италиками» [Вольфрам 2003: 466]. В полном соответствии с этим основа *amala- в эпоху Теодориха призвана в определенном политическом контексте указать на особую связь носителя имени с династией Амалов и, следовательно, также имеет функцию легитимации, однако не самой власти Амалов, а их наследия и славы в кругу других германских племен. Иордан (или его источник) характеризует династическую политику Теодориха вполне наглядно: «для того чтобы вполне широко распространить свой род» [Get. 298]. Эти тенденции существовали и раньше, так как сестра Теодориха Амалафрида была так названа еще до захвата остготами Италии и подъема династии Амалов.

При этом, разумеется, не все члены династии Амалов после Теодориха носили имена, содержащие основу *amala-. В имени внука Теодориха, сына Эвтариха и Амаласвинты, Athalaricus лишь воспроизводится вторая основа имени деда и отца. Равным образом не всякий носитель имени с основой *amala- был прямым потомком Теодориха. Например, известно вандальское имя Фридамал («Anthologia

Latina», 299) [Wrede 1886: 76]. Ф. Вреде также отмечает имя франка Amalo в «Истории франков» Григория Турского (конец VI в.) [Wrede 1886: 51, Anm. 2]. Для уяснения статуса этих имен следует обсудить исторический контекст, в котором они выступают.

«Anthologia Latina» была создана в эпоху вандальского королевства в Северной Африке. Это сборник небольших стихотворений, составленный в Карфагене в начале VI в. н. э. Его главным содержанием является школьная поэзия римской Африки конца V – начала VI в. [Гаспаров 2003, 3–4]. Расцвет королевства вандалов приходится на правление Трасамунда, когда воздвигались пышные постройки, оказывалось покровительство писателям и поддерживался союз с остготской династией в лице Теодориха Великого. В «Латинской Антологии» содержится несколько стихотворений во славу Трасамунда и его дел [Гаспаров 2003, 4–5]. По сообщению Прокопия Кесарийского, сестра Теодориха Амалафрида, выданная замуж за Трасамунда, привезла с собой в Карфаген 1000 знатных готских воинов, за которыми следовали 5000 их телохранителей [Bell. Vand. I, VIII, 5]. Поскольку основа *amala- не распространена в вандальском именовании, имя Fridamal мог носить кто-то из знатных готов при дворе Трасамунда.

Имя Амало(н) в «Истории франков» Григория Турского носит герцог, который в 589 г., будучи женат, воспылил страстью к свободной франкской девушке, велел своим слугам похитить ее и пытался взять ее силой. Девушка убила пьяного герцога мечом, найденным в покоях, и бежала в расположенный примерно в 50 километрах отсюда город Шалон, где нашла прибежище в базилике святого Марцелла. Там она пала к ногам короля Гунтрамна, который оказал ей милость и покровительство, издав указ, запрещающий ее преследование со стороны родичей убитого [Hist. Franc. IX, 27]⁷. Соответственно, жестокий герцог мог быть по происхождению франком или бургундом, но вряд ли готом, так как дело происходило не в южной Франции, где были компактные поселения готов и их потомков. Ф. Вреде считает, что имя Amalo представляет собой гипокористику от двучленного имени собственного с основой *amala- [Wrede 1886: 51, Anm. 2]. Однако здесь Amalo уже функционирует как самостоятельное одночленное имя с основой на -n, что соответствует закономерностям оформления древневерхненемецкого и, в частности, франкского именованья. На исходе VI в. в глубине франкского королевства и в отсутствие как прямой связи с готами, так и общего династического контекста это имя следует оценивать как отсылку к эпическому прошлому или традициям конкретного знатного рода. Как будет показано ниже, основа *amala- встречается в именовании франков, однако за счет сохранности конкретных имен, прежде всего женских, исторически связанных с династией Амалов. При этом следует отметить, что у франков конца VI в. основа *amala- передает идею о высоком статусе носителя имени, поскольку Амало был герцогом и имел знатных родичей, чья кровная месть должна была отменяться особым королевским указом.

Основа *amala- встречается в топонимике южной Франции, где она достоверно связана с готами. В регионе Сен-Ангулема и Ажан-Тулузы имеют высокую плотность топонимы типа «N_{germ} + villa», которые между этими двумя основными областями засвидетельствованы лишь единично. Э. Гамильшег определил эти топонимы как «старейший готский тип» [Gamillscheg 1934, I: 302–303]. В числе топонимов, образованных по этой модели, засвидетельствовано название местечка Ambleville (округ Коньяк, Шаранта) < Amblavilla (1121 г.) < *Amala-villa ‘вилла

⁷ Русский перевод: [Григорий Турский 1987].

Амала' [Gamillscheg 1934, I: 303]. Были ли это отдаленные потомки Амалов, осевшие в южной Франции, или носители имен, в которых основа *amala- лишь отсылала к готскому героическому прошлому, сейчас уже невозможно установить. Очевидно, однако, что имена с основой *amala- со временем переступают рамки узкого круга династии Амалов и маркируют принадлежность к культурному сообществу, в традиции которого эта династия имеет особое значение.

Имена собственные с основой *amala- также засвидетельствованы в Каталонии в конце XI в.: в одном завещании 1086 г. упоминаются женщина по имени Amalatruda и ее сын Амалл в Каталонии (текст см.: [Duran-Porta 2015: 218]). Поскольку эти случаи употребления отделены от эпохи Великого переселения народов пятью веками, здесь можно говорить лишь о традиционном употреблении среди потомков готов в Испании.

В западногерманском ареале основа *amala- представлена в таких именах собственных, как двн. (др.-юж.-нем.) Amalfrida, Amalpiric, Amalsuint, Amalrich. Все они имеют соответствия в готском именовании династии Амалов и изначально восходят к нему. Однако со временем сфера употребления таких имен, как и в рассмотренной выше ситуации в южной Франции и Каталонии, существенно расширяется, тем более что речь идет о западногерманских племенах, а не потомках готов и других восточных германцев.

Наиболее популярным в западногерманской традиции оказалось имя Amal(a)berga. По всей очевидности, это было обусловлено династическим браком племянницы Теодориха Великого Амалаберги и короля западногерманского племени тюрингов Эрменефрида. Известны три святых по имени Amalberga: святая Амальберга Мобежская, святая Амальберга Темсская (Гентская) и святая Амальберга Сустеренская.

Святая Амальберга Мобежская (около 600 – около 690) родилась в Брабанте, была сестрой или племянницей Пипина Старшего (Ланденского; около 580 – 640) и принадлежала к роду Пипинидов – майордомов франкских королей династии Меровингов. Она вышла замуж за герцога Витгера Лотарингского и была матерью пятерых детей. Крестной матерью ее младшей дочери Гудулы была святая Гертруда Нивельская, дочь Пипина Старшего. После смерти мужа или, по другой версии, после принятия им монашества Амальберга стала монахиней в Мобеже в графстве Эно (Геннегау). Сын Амальберги Эмеберт, впоследствии епископ Камбре, и дочери Рейнельда, Фараильда, Эрмелинда и Гудула также были причислены к лику святых. Мощи святой Амальберги были перенесены из Мобежа в Лобб, а в XV в. в Бенш, и поэтому святая Амальберга Мобежская также именуется Лоббской или Беншской.

Святая Амальберга Темсская (? – около 772) происходила из Арденненгау – франкской области в Арденнах на границе нынешних Бельгии, Люксембурга и Германии. К роду Пипинидов она не имела отношения, или, по крайней мере, прямого отношения. По преданию, к ней сватался отпрыск этого рода Карл Мартелл (686 или 688 – 741) или, по другой версии, его внук Карл Великий (748–814), что менее вероятно. Святая Амальберга Темсская подвизалась в бенедиктинском монастыре Мунстербилзен в провинции Лимбург в Бельгии, аббатисой которого была ее тетя Ландрада.

Святая Амальберга (Амельберга) Сустеренская (? – около 900) была настоятельницей бенедиктинского аббатства Сустерен в Нидерландах. Поскольку она жила в IX в., когда святые Амальберга Мобежская и Амальберга Темсская уже

были чтимы в Бельгии и Нидерландах, можно предполагать, что имя Амальберга в данном случае связано с традицией почитания святых. От имени Amalberga происходят немецкое имя Amalie и французское имя Amélie, причем импульсом для распространения этих имен стало почитание святых, носивших это имя, прежде всего святой Амальберги Мобежской, которая в дальнейшей традиции часто именовалась Amalia (Amelia).

Мужское имя собственное Amalric, засвидетельствованное в среде старофранцузской элиты в XII–XIII вв., еще дальше отстоит от германской традиции. Его носили такие исторические личности, как король Иерусалима Амальрик I (1136–1174), латинский патриарх Иерусалима Амальрик Нельский (? – 1180), богослов-мистик, еретик Амальрик из Бена (Амори Шартрский; середина XII в. – между 1205 и 1207). Король Амальрик был сыном графа Фулька Анжуйского из рода Ингельгерингов (по имени родоначальника Ингельгера, виконта Орлеанского, Турского и Анжуйского; около 840 – около 888) и принцессы, впоследствии королевы Иерусалима Мелисенды, дочери короля Иерусалима Балдуина. Имя Amalric не засвидетельствовано в ближайших поколениях этих родов и не продолжается впоследствии. Возможно, употребление имени Amalric в старофранцузском связано с традициями имянаречения конкретных знатных родов, но здесь уже невозможно определить, восходит ли оно к именованию готов южной Франции или франков. Поскольку имя Амальрика Бенского в латинской передаче также выступает в формах Almericus, Amauricus, можно видеть, что внутренняя форма имени совершенно утрачена и основным вариантом фактически является ст.-франц. Amaury. Соответственно, функционирование имени Amalric во Франции и в Иерусалимском королевстве уже не связано с германской традицией.

4. АМЕЛУНГИ – ПОТОМКИ И ДРУЖИНА АМАЛОВ

Производные от имени *Amal с патронимическим суффиксом *-ing-/*-ung- засвидетельствованы только в западногерманской традиции. В именовании остготской Италии и вестготской Испании, отраженном в латинских исторических памятниках и грамотах, это производное не встречается. Патронимический суффикс *-ing-/*-ung- представлен в готском словообразовании в обоих вариантах, т.е. как с нормальной, так с нулевой ступенью аблаута – ср. гот. skilliggs ‘скиллинг’, ‘римский солид’ (купчие грамоты из Неаполя и Ареццо), гот. латинизир. gardingus, тж. имя собственное Gardingus < гот. *gardings («Leges Visigothorum», 5 случаев употребления) ‘лицо на службе короля, принадлежащее к ближайшей свите’, ‘придворный’, гот. Tervingi ‘готы-тервинги’, Greutungi ‘готы-грейтунги’. Поэтому неизвестно, какой вид могло иметь предполагаемое готское соответствие – *Amalings или *Amalungs.

Е.С. Кубрякова полагает, что в готском языке германский патронимический суффикс *-ing-/*-ung- был непродуктивным, так как *-ing- был представлен единичными образованиями [Кубрякова 1963: 87]. Это суждение обусловлено тем, что исследовательница привлекала лексический материал готского перевода Священного Писания, тогда как сфера готских языковых реликтов не учитывалась, чем и обусловлено ошибочное суждение об отсутствии в готском языке суффикса *-ung- [Ibid.]. Форма Greutungi свидетельствует о существовании в готском суффикса *-ung-, а возможно, даже о варьировании огласовки суффикса *-ing-/*-ung- в зависимости от корневого гласного. Распределение огласовок в случаях skilliggs, gardingus, Tervingi / Greutungi позволяет предполагать, что после краткого кор-

невого гласного суффикс выступал с нормальной огласовкой *-ing-, после дифтонга – с нулевой огласовкой *-ung-. Если в готском языке существовало производное от имени *Amal с патронимическим суффиксом, то более вероятна форма *Amalings. Тем не менее для готского языка V–VI вв. актуальна прежде всего бессуффиксальная форма имени первопредка – *Amal, тогда как производное с патронимическим суффиксом не отражено в именованном династии.

В древнескандинавской традиции производное от имени *Amal с патронимическим суффиксом -ing-/-ung- также не представлено, но, как можно было видеть на материале древнегерманских имен собственных с основой *amala-, древнескандинавский остался в стороне от круга имен, связанного с династией Амалов и их потомков. Это можно объяснить тем, что понятие об Амале-первопредке было актуально именно для готов, причем лишь для одной их ветви – остроготов, а представление об Амалах как могущественной королевской династии сложилось уже после ухода готов из Скандинавии. Равным образом имена с основой *amala- функционировали в рамках именованного этой конкретной династии, отсылали к Теодориху Великому и его потомкам и приобрели особую отмеченность в контексте династических браков в восточно- и западногерманском ареале. В древнескандинавском эпическом контексте эта ономастическая коллизия не нашла отражения.

Напротив, для западногерманской традиции идея о членах рода и дружине Амалов в широком смысле оказалась актуальной. Весьма интересно наименование Теодориха Великого *Ʒeodric Amuling* в древнеанглийском переводе «Утешения философией» Боэция, выполненном королем Альфредом Великим (848 или 849 – 899) и его переводческим коллективом в конце IX в. Это обозначение представлено в метрах Боэция – относящемся к альфредовской традиции древнеанглийском переводе Боэция (Лондон, British Library, MS. Cotton Otho A.VI, X в.), в котором сочетаются проза и аллитерационный стих. В поэтической версии перевода «Утешения философией» кратко излагается история завоевания готами Италии, прихода к власти Теодориха и его взаимоотношений с Боэцием: *ða þa lare ongeat / Ʒeodric Amuling, and þone þegn oferfeng* ‘тогда те вести получил Теодорих Амулинг и того воина [Боэция] схватил’ [Bt. Met. 1, 68–69]⁸. В прозаической версии древнеанглийского перевода Боэция представлен вариант наименования Теодориха, где *ða. Amuling* выступает в родительном падеже множественного числа: *Se Ʒeodric wæs Amulinga* ‘Этот Теодорих был из Амулингов / потомков Амала’ [Bt. I, 6], ср. *Beowulf Geata* ‘Беовульф из гаутов’ [Beo. 676].

ða. þegn ‘воин, дружинник’ как наименование Боэция обусловлено прежде всего системой хвалебных эпитетов древнеанглийского эпоса. Кроме того, в предисловии к прозаической версии перевода Боэция (Оксфорд, Bodleian Library, MS. Bodl. 180, XII в.) Боэций именуется *heretoga* ‘военачальник’, что служит для пояснения употребленного там же латинского заимствования *consul*. В контексте альфредовской учености для наименования Боэция «воином» в предисловии к метрам Боэция не исключена также отсылка к средневековой этимологии имени *Voethius* < греч. Βοηθός ‘воинственный’⁹, тем более что в метрах имя представлено в соответствующей средневековому греческому произношению форме *Voitius* [Bt. Met. 1: 53], а не *Voetius*, как в прозаической версии перевода «Утешения философией».

⁸ Цит. по: [The Old English Boethius 2009].

⁹ Более достоверная этимология латинского имени *Voethius* – от греч. βοηθός ‘помощник, заступник’. Имя, возможно, указывает на греческое происхождение отца Боэция.

В прозаической версии древнеанглийского перевода Бозция представлен вариант наименования Теодориха с употреблением имени собственного Amuling в форме родительного падежа множественного числа: *Se ðeodric wæs Amulinga* ‘этот Теодорих был из Амулингов’.

Да. Amuling представлено только в древнеанглийском переводе Бозция. Это ценное свидетельство как об именовании Теодориха в древнеанглийской традиции, так и о сохранении в древней Англии памяти о династии Амалов. По всей очевидности, древнеанглийское наименование Теодориха Amuling происходит из сферы героического эпоса.

В предисловии Ноткера Немецкого к его переводу «Утешения философией» Бозция, выполненном в конце X – начале XI в. в Санкт-Галлене в контексте монастырской латинской учености, подобное наименование Теодориха не употребляется, он, как и другие правители, перечисляемые в предисловии, назван лишь по имени – Dioterich (Thioterich). Возможно, исходный эпический контекст наименования Amuling был континентальным – франкским или в широком смысле средне- и южнонемецким, так как англосаксы в эпоху Великого переселения народов не контактировали с готами прямо и не имели особых связей с династией Амалов. Письменная фиксация да. Amuling в рукописях Альфредова перевода «Утешения философией» в середине X – начале XI в. представляет особую ценность, так как древневерхненемецкий героический эпос, за исключением «Песни о Хильдебранде», не сохранился.

Имя собственное Amelung выступает в средневерхненемецком эпосе как наименование Теодориха Великого – Дитриха Бернского, его родичей и дружины. В «Побеге Дитриха» сам Теодорих – *her Dietrich* ‘господин Дитрих’ – назван *der Amelung* ‘Амелунг’, ‘потомок Амала’ [*Dietrichs Flucht* 8075], *Amelunges lant* с именем собственным в родительном падеже единственного числа означает ‘земля Амелунга = Дитриха’ [*Dietrichs Flucht* 3382]¹⁰. В широком смысле Amelunge в средневерхненемецком эпосе – все, кто имеет отношение к Дитриху Бернскому как Амелунгу, ср. в «Песни о Нибелунгах»: Amelunge ‘дружина Дитриха Бернского’ [NL 2259], *der künec der Amelunge* ‘король Амелунгов = Дитрих’ [NL 1981], *der vogt der Amelunge* ‘предводитель Амелунгов = Дитрих’ [NL 2247], *Amelunge lant* ‘страна Амелунгов’ [NL 1721, 1983, 2279, 2322, 2334] (все примеры содержатся во второй части «Песни», так как в первой Дитрих не действует)¹¹. Однако в «Песни о Нибелунгах» сам Дитрих не обозначается как «Amelung» и словосочетание Amelunge lant употребляется только с именем собственным во множественном числе, а не в единственном, как в «Побеге Дитриха». Это составляет примечательное отличие «Песни» от «Побега Дитриха». Также интересно, что в цикле поэм о Дитрихе Бернском формулы с наименованием Amelunge варьируют: *der vogt von Amelungen* [Alpharts Tod 77] – *der vogt der Amelunge* ‘предводитель Амелунгов = Дитрих’ [Alpharts Tod 80], тогда как в «Песни» засвидетельствован только вариант *der vogt der Amelunge* [NL 2247]. Судя по рассмотренному выше древнеанглийскому наименованию Теодориха Amuling, применение имени Amelung к Дитриху-Теодориху в «Побеге Дитриха» опирается на более древний эпический узус, чем общее наименование Amelunge в «Песни о Нибелунгах».

¹⁰ Поэмы цикла о Дитрихе Бернском «Смерть Альпхарта», «Побег Дитриха» и «Битва при Равенне» цит. по: [Alpharts Tod. Dietrichs Flucht, Rabenschlacht 1967].

¹¹ Цит. по: [Der Nibelunge Not. Kudrun 1955].

Средневерхненемецкий героический эпос, будь то «Песнь о Нибелунгах» или цикл поэм о Дитрихе, зачастую доносит весьма архаичные мотивы, но получает окончательное оформление в XIII в. и в этом качестве представляет собой позднейшее переосмысление древнегерманского эпического материала. Много-слойность «Песни о Нибелунгах» известна. В цикле поэм о Дитрихе Бернском также осуществляется существенная трансформация исторических и эпических коллизий (общую оценку средневерхненемецкого эпоса о Дитрихе см. в работе [Lienert 2010]). Согласно «Побегу Дитриха», Amelunc – славный король, у него три сына: Diether, Ermgîch (Эрманарих), Dietmâr. Дитрих Бернский – сын Дитмара, внук Амелунга, впоследствии изгнавший Эрмриха. Можно видеть, что в данном случае происходит замена давно забытого и совершенно не актуального для немецкой традиции первопрародителя-Амала прародителем-Амелунгом, как бы отродясь наделенным патронимическим суффиксом -ung-. Это как и употребление в «Песни о Нибелунгах» свн. Amelunge исключительно во множественном числе и в собирательном значении, характерном для средневерхненемецкого эпоса – ср. функционирование свн. Nibelung, Nibelunge без привязки к имени прародителя Хнивы или Книвы (к этимологии свн. Nibelunge см. [Ганина 2004]).

В поэме «Смерть Альпхарта» из цикла о Дитрихе Бернском отмечается группа двучленных имен собственных с первым компонентом *amala-: Amelgart < о/г *amala- ‘Амал’ + *garđō ‘ограда, защита’, Amelgêr < о/г *amala- ‘Амал’ + *gaizaz ‘копье’, Amelolt < о/г *Amala- + *walđaz ‘властвующий’. Все эти имена не имеют соответствий в именованной династии Амалов и их потомков и по сравнению с династическими именами представляют собой новообразования по модели *amala + N. Перечисленные мужские имена с первым компонентом *amala- носят не главные герои, а второстепенные фигуры, впрочем определяемые как *recken* ‘вители’ и отличающиеся знатностью и храбростью: *von Brîsen Amelgêr* ‘Амельгер Бризенский’ [Alpharts Tod 74], *da saz Amelolt und Nêre, die zwêne küene man* ‘там сидел Амелольт и Нере, два храбрых мужа’ [Alpharts Tod 77]. Сказуемое в форме единственного числа при упоминании Амелольта и Нере, конечно, относится к особенностям средневерхненемецкого синтаксиса, однако эта форма не случайна, так как Амелольт и Нере в поэме выступают вместе и именно так впервые представлены аудитории: *Amelolt und Nêre* [Alpharts Tod 44]. Вероятно, здесь сыграл роль эпический образец «Песни о Нибелунгах»: *die zwêne marcgrâven Gêre und Eскеwart* ‘два маркграфа Гере и Эккеварт’ [NL 9]. Тем не менее Амелольт в парной формуле выступает первым и тем самым представляет обоих героев.

Следует отметить, что внутренняя форма имени Amelolt в поэме уже не осознается, так как «Амалами властвующим» назван не Дитрих Бернский, а второстепенный персонаж. Это соответствует общим закономерностям развития древне- и средневерхненемецкого именованного слова. С XI в. второй компонент двучленных древнегерманских имен в истории немецкого языка фактически превращается в суффикс, на что указывает «ослабление» (*Abschwächung*) таких распространенных компонентов, как -olf < двн. *wolf* ‘волк’, -old < двн. *-wald* ‘властвующий, владыка’, -er(e) < двн. *here* ‘войско’, причем внутренняя форма таких имен уже в средневерхненемецкий период могла утрачиваться, а этимология переосмыслилась самими носителями языка [Schützeichel 1969: 13–14, 19]. Далее, имя Amelolt могло быть создано и по образцу имен второстепенных персонажей «Песни о Нибелунгах» со вторым компонентом -olt – *Rûmolt*, *Sindolt*, *Hûnolt*.

Напротив, женское имя Amelgart в «Смерти Альпхарта» – это имя невесты главного героя поэмы Альпхарта, племянника Хильдебранда, дружинника Дитриха Бернского. Амелъгарт предостерегает Альпхарта от поездки, грозящей ему гибелью (он падет в битве с Витеге): *Dô kom ein juncfrouwe, diu hiez Amelgart. / 'dû solt heime belîben, vil lieber Alphart, / und solt bî mir gewinnen ein vreudenrîchez leben. / gedenke, vürste edele, deich dir zer ê bin gegeben* 'Тогда пришла знатная девица, которую звали Амелъгарт. "Лучше тебе остаться дома, возлюбленный Альпхарт, и со мной обрести радостную жизнь. Попомни, князь благородный, что я тебе в жены отдана"' [Alpharts Tod 108].

Альпхарт не родич Дитриха Бернского, но как племянник его соратника Хильдебранда он принадлежит к Амелунгам в широком смысле. Невеста Альпхарта, пытающаяся спасти его, носит семантически нагруженное имя Amelgart и в соответствии с его значением выступает как «ограда, защита Амалов». Поскольку Амелъгарт представлена в поэме как дочь короля Нормандии, основа *amala- в ее имени лишена своего исконного значения – указания на принадлежность к Амалам и представляет собой общую отсылку к эпическому контексту, в котором действуют Амелунги. Возможно, исконное значение второго компонента имени – основы *garđō 'защита, ограда' – также стерлось в синхронии, хотя в рассмотренном эпизоде имя выглядит мотивированным. В любом случае, в средневерхненемецком имелось этимологически родственное существительное garte, gart (м.р.) 'сад', которое могло служить определенной семантической поддержкой внутренней формы имени. Кроме того, как и в случае с мужским именем Amelolt, где второй компонент мог быть избран из-за его популярности, двучленные женские имена собственные со вторым компонентом -gart были весьма распространены, и имя Amelgart могло быть создано по образцу таких имен, как Hiltgart, Irmingart, Odalgart.

Таким образом, в «Смерти Альпхарта» имеет место использование основы *amala- как отсылка к собирательному понятию Amelunge 'дружина Дитриха Бернского' и эпическая номинация вторичного характера, не связанная с исконным значением и функциями основы *amala- как знака принадлежности к династии Амалов. В цикле поэм о Дитрихе имена с основой amala- служат для создания эпического фона. В «Песни о Нибелунгах» основа *amala- выступает только в имени Amelunge (мн. ч.), причем, как отмечалось выше, форма единственного числа Amelunc в применении к Дитриху Бернскому отсутствует, из-за чего Дитрих из «Амелунга – сына Амала» превращается в «предводителя Амелунгов». Наиболее употребительным в «Песни» оказывается устойчивое сочетание Amelunge lant 'страна Амелунгов' [NL 1721, 1983, 2279, 2322, 2334], что соответствует преимущественно географической перспективе второй части «Песни».

Основа *amala-, первоначально засвидетельствованная в имени остготского знатного рода и связанная с весьма узким кругом лиц, благодаря личности Теодориха Великого, подъему династии Амалов в остготском королевстве в Италии в конце V – VI в. и дальнейшим династическим устремлениям стала знаком принадлежности к определенному культурному сообществу – Амалам как роду, потомкам и дружине Теодориха Великого. Впоследствии на сохранность основы и воспроизведение ее в двучленных именах собственных влияют традиции конкретных знатных родов в восточно- и западногерманском ареале и отсылка к эпическому прошлому. Слава Теодориха Великого – Дитриха Бернского – сыграла в этом решающую роль. По мере отдаления от эпохи Великого переселения народов имя

*Amal забывается, тогда как засвидетельствованное в западногерманских языках производное с патронимическим суффиксом да. Amuling, свн. Amelunc (ед. ч.), Amelunge (мн. ч.) становится основным обозначением рода Амалов, потомков этого рода и дружины Теодориха Великого. В средневерхненемецком эпосе это наименование утрачивает какую-либо историческую конкретику и становится одним из средств создания героического ореола вокруг фигуры Дитриха Бернско-го – Амелунга и главы Амелунгов.

ЛИТЕРАТУРА

1. ИСТОЧНИКИ

Иордан 1997 – *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов (Getica) / Вступит. статья, пер., коммент. Е.Ч. Скржинской. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1997.

Прокопий Кесарийский 1993 – *Прокопий Кесарийский*. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер., статья, коммент. А.И. Чекаловой. М., 1993.

Снорри Стурлусон 1980 – *Круг Земной* / Изд. подг. А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. М., 1980.

Тацит 1993 – *Тацит Корнелий*. Соч. Т. I: *Анналы*. Малые произведения / Пер. А.С. Бобовича. М., 1993.

Alpharts Tod. Dietrichs Flucht. Rabenschlacht 1967 – *Alpharts Tod*. Dietrichs Flucht. Rabenschlacht (Deutsches Heldenbuch II) / Hg. von E. Martin. Berlin, 1866 (Neudruck Dublin; Zürich, 1967).

Beowulf 1950 – *Beowulf and The Fight at Finnsburg* / Ed. by F. Klaeber. Boston, 1950.

Cassiodori Senatoris Variarum 1894 – *Cassiodori Senatoris Variarum*. Monumenta Germaniae Historica. Auctorum antiquissimorum t. XII. Berolini MDCCCXCIV [1894].

Magnús Snædal 1998 – *Magnús Snædal*. A Concordance to Biblical Gothic. By Magnús Snædal. Vol. I: Introduction, Texts. Reykjavík, 1998.

NL 1955 – *Der Nibelunge Not*. Kudrun / Hg. von E. Sievers. Leipzig, 1955.

Snorri Sturluson 1926 – *Snorri Sturluson*. Edda / Udg. af Finnur Jonsson. 2. udg. København, 1926.

Snorri Sturluson 1894 – *Snorri Sturluson*. Heimskringla / Udg. ved Finnur Jónsson. København, 1894.

The Old English Boethius 2009 – *The Old English Boethius*. An Edition of the Old English Versions of Boethius's 'De Consolatione Philosophiae' / Ed. by Malcolm Godden and Susan Irvine with a chapter on the Metres by Mark Griffin and contributions by Rohini Jayatilaka: In 2 vols. Oxford, 2009.

2. НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА, СЛОВАРИ

Берков 1962 – *Берков В.П.* Исландско-русский словарь. М., 1962.

Вольфрам 2003 – *Вольфрам X*. Готы. От истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии) / Пер. с нем. Б.П. Миловидов, М.Ю. Некрасов; под ред. М.Б. Щукина, Н.А. Бондарко и П.В. Шувалова. СПб., 2003 [1-е изд.: Wolfram, 1990].

Ганина 1999 – *Ганина Н.А.* Имя и традиция рода: к этимологии гот. *Amal- // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 1999. № 6. С. 54–68.

Ганина 2001 – *Ганина Н.А.* Готская языческая лексика. М., 2001.

Ганина 2004 – *Ганина Н.А.* Нибелунги: к этимологии и орфографии // Слово в перспективе литературной эволюции. М., 2004. С. 388–407.

Гаспаров 2003 – *Гаспаров М.Л.* «Латинская Антология» в вандалском Карфагене // Поэты «Латинской Антологии» / Пер. с лат., вступ. ст. М.Л. Гаспарова; сост. и прим. М.Л. Гаспарова, Ю.Ф. Шульца; Общ. ред. М.Л. Гаспарова. М., 2003. С. 3–11.

Григорий Турский 1987 – *Григорий Турский*. История франков / Пер. с лат., сост., прим. В.Д. Савуковой. М., 1987.

Кубрякова 1963 – *Кубрякова Е.С.* Именное словообразование в германских языках // Сравнительная грамматика германских языков. Т. 3. М., 1963. С. 39–131.

МНМ 1982 – Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. II. 1-е изд.. М., 1982.

Пропп 1986 – *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986.

Савелов 1909 – *Савелов Л.М.* Лекции по русской генеалогии, читанные в Московском Археологическом институте. М., 1909. [Репр.: М., 1994].

Скржинская 1997 – *Скржинская Е.Ч.* Иордан. *Getica*. Комментарий. СПб., 1997. С. 175–375.

Смирницкая 1997 – *Смирницкая О.А.* Три имени из тулы Одина // Атлантика. Записки по исторической поэтике. Вып. III. М., 1997. С. 23–35.

Тацит 1993 – *Тацит Корнелий*. Соч. Т. I: Анналы. Малые произведения / Пер. А.С. Бобовича. М., 1993.

Топоров 1985 – *Топоров В.Н.* Прусский язык. Словарь. Т. 1: А–D. М., 1975.

Топорова 1995 – *Топорова Т.В.* Германские Один, Бальдр и их индоевропейские параллели. // Атлантика. Записки по исторической поэтике. Вып. I. М., 1995. С. 75–86.

Топорова 1996 – *Топорова Т.В.* Культура в зеркале языка: древнегерманские двучленные имена собственные. М., 1996.

Трубачев 1965 – *Трубачев О.Н.* Славянские этимологии 41–47 // Этимология 1964. М., 1965. С. 3–12.

Фасмер 1971 – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Пер. и доп. О.Н. Трубачева. Т. 3. М., 1971.

Фрэзер 1996 – *Фрэзер Д.* Золотая ветвь. М., 1996.

Чекалов 1996 – *Чекалов И.И.* Проблема множественности источников сюжета о Гамлете и Амурет как мастеровой в «Деяниях данов» Саксона Грамматика // Атлантика. Записки по исторической поэтике. Вып. II. М., 1996. С. 3–18.

Bosworth, Toller 1898 – *Bosworth J., Toller T.N.* An Anglo-Saxon Dictionary based on the Manuscript Collections of Joseph Bosworth / Ed. and enlarged by T.N. Toller. Oxford, 1898.

Cleasby R., Gudbrand Vigfusson 1894 – *Cleasby R., Gudbrand Vigfusson.* An Icelandic-English Dictionary. Oxford, 1894.

Dinneen 1927 – *Dinneen P.S.* An Irish-English Dictionary. Dublin, 1927.

Ensslin 1947 – *Ensslin W.* Theoderich der Große. Munchen, 1947.

Feist 1939 – *Feist S.* Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache. 3. Aufl. Leiden, 1939.

Hellquist 1970 – *Hellquist E.* Svensk etymologisk ordbok. 3. uppl. Bd. 2: O–Ö. Lund, 1970.

Höfler 1992 – *Höfler O.* Kleine Schriften. Hamburg, 1992.

Kluge 1975 – *Kluge F.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin; New York, 1975.

Lehmann 1986 – *Lehmann W.P.* A Gothic Etymological Dictionary. Based on the 3rd ed. of Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache by Sigmund Feist. Leiden, 1986.

Lewis 1961 – *Lewis H.* Collins-Spurrell Welsh Dictionary. London, 1961.

Lienert 2010 – *Lienert E.* Die ‘historische’ Dietrichepik. Untersuchungen zu Dietrichs ‘Flucht’, ‘Rabenschlacht’ und ‘Alpharts Tod’, Berlin; New York, 2010 (Texte und Studien zur mittelhochdeutschen Heldenepik 5).

MacIennan 1979 – *MacIennan M.* A Pronouncing and Etymologic Dictionary of the Gaelic Language. Aberdeen, 1979.

Mayrhofer 1956–1980 – *Mayrhofer M.* Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Heidelberg, 1956–1980.

Panagl 1980 – *Panagl O.* Zur Problematik semantischer Rekonstruktion in der Etymologie // Lautgeschichte und Etymologie: Akten der 6. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft / Hg. von M. Mayrhofer. Wiesbaden, 1980. S. 317–327.

Pokorny 1959 – *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I–II. Bern; München, 1959.

Scardigli 1964 – *Scardigli P.* Lingua e storia dei Goti. Firenze, 1964.

Schönfeld 1911 – *Schönfeld M.* Wörterbuch der altgermanischen Personen- und Völkernamen. Nach der Überlieferung des klassischen Altertums bearbeitet. Heidelberg, 1911.

Schützeichel 1969 – *Schützeichel R.* Zu Adolf Socins oberrheinischem Namenbuch // Beiträge zur Namenforschung. 1969. Bd. 4. S. 1–52.

Stephan, Seite s.a. – *Stephan L., Seite V.* Lexique breton-français. Nantes, s.a.

Szemerényi 1962 – *Szemerényi O.* Principles of Etymological Research in the Indo-European Languages // II. Fachtagung für indogermanische und allgemeine Sprachwissenschaft. Innsbruck, 1962. S. 175–212.

Vries 1956–1957 – *Vries, J. de.* Altgermanische Religionsgeschichte. 2. Aufl. Bd. I–II. Berlin, 1956–1957.

Vries 1962 – *Vries J. de.* Altnordisches etymologisches Wörterbuch. 2. verb. Aufl. Leiden, 1962.

Wolfram 1990 – *Wolfram H.* Die Goten. Von den Anfängen bis zur Mitte des 6. Jahrhunderts. Entwurf einer historischen Ethnographie. München, 1990.

Wrede 1886 – *Wrede F.* Über die Sprache der Wandalen. Strassburg; London, 1886 (Quellen und Forschungen zur Sprach- und Culturgeschichte der germanischen Völker 59).

Wrede 1891 – *Wrede F.* Über die Sprache der Ostgoten in Italien. Strassburg, 1891 (Quellen und Forschungen zur Sprach- und Culturgeschichte der germanischen Völker 68).

3. ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ

Bosworth / Toller’s Anglo-Saxon dictionary online: <https://bosworthtoller.com>

СОЦИАТИВЫ С ПРЕФИКСОМ GE- В СРЕДНЕВЕРХНЕНЕМЕЦКИХ РУКОПИСЯХ: КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ¹

Л.Н. Ягупова

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Чтобы понять, имеют ли социативы отношение к словам, обозначающим сообщество, необходимо уточнить последний термин. В ходе изучения теоретических и справочных источников не удалось найти аргументированный ответ на вопрос, какое минимальное количество людей может называться сообществом. В одном из интернет-источников, который не является научным, утверждается, что сообщество – это объединение минимум трех человек. Почему именно трех, в данном источнике не объясняется, но очевидно, что в описываемом случае речь идет прежде всего об интернет-сообществах – т. н. комьюнити (англ. community).

Русскому термину «сообщество» соответствует нем. *Gemeinschaft*, при этом DWDS указывает, что данная лексема обозначает неопределенную с точки зрения количества группу людей, которых связывает нечто общее, например, семья: «die *Gemeinschaft der Familie*» [DWDS]. Исходя из такого понимания, можно считать социативы – объект настоящего исследования – обозначениями, имеющими непосредственное отношение к сообществам.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОБЪЕКТА ИССЛЕДОВАНИЯ

В основе категориального значения социативности в языковом сознании человека лежит представление об общности, совместности как в прямом, так и в переносном смысле, об объединении определенного количества людей в одно целое. В этом смысле значение социативности может быть присуще именам существительным.

Социативы (нем. *Soziativa, Soziativbildungen, Partnerschaftsbegriffe, Partnernamen* [Erben 1993: 84; Wellmann 1969: 156], *Wortstand der Partnerschaft* [Brinkmann 1962: 37]) определяются в именном словообразовании как обозначения одного лица в его отношении к другому лицу [Fleischer, Barz 1995: 87], наименования лиц по совместной деятельности [ССЭН 2000: 169], обозначения лиц, имеющие отношение к собирательным именам существительным [DWB 1984: 4641; Wellmann 1975: 189], предполагают связь между людьми (при этом базовое имя существительное указывает на сферу жизни, которой касается эта связь) [Brinkmann 1962: 37] и т. д.

Социативы обозначают спутника, соратника, сподвижника и под., т. е. лицо, которое выполняет к.-л. действие совместно с агенсом [Булыгина, Крылов 1990: 356]. Соответствующие дериваты выявляются на основе словообразовательной парафразы ‘*x – это помощник y*’ / ‘*x принимает участие в действии, названном y*’ /

¹ Финансирование: Исследование проводилось по теме государственного задания (№ госрегистрации 1023031200012-7-6.2.1).

‘х пребывает с кем-то в у’, где х – социатив, у – обозначение лица, определенного действия, места и т. д. Таким образом, речь идет об отыменных существительных.

Исследование проводилось на материале корпуса средневерхненемецких (далее – свн.) рукописей – т. н. Бохумского корпуса, подробно описанного в [Klein, Solms, Wegera 2009; Wegera 2000]. Исследовательский корпус включает 79 текстов, датированных 1050–1350 гг., написанных в стихотворной форме и в прозе, относящихся к разным диалектным ареалам свн. периода, разным жанрам и типам текста: религиозным (жития, фрагменты Евангелий, псалмы), эпическим (рыцарский эпос, греческо-византийский роман), историческим хроникам, деловым (грамоты, своды городского, земского и ленного права) и др. [Ягупова 2007].

ЛЕКСИЧЕСКИЙ СОСТАВ И ЧАСТОТНОСТЬ

В центре внимания в данном разделе находятся свн. производные имена существительные с префиксом ge-. Социативная функция установлена для 11 субстантивных дериватов (170 словоупотреблений), обнаруженных в вышеназванном корпусе текстов (табл. 1).

Таблица 1.
Частотность употребления социативов с префиксом ge- в средневерхненемецком корпусе рукописей

Порядковый номер лексем	Лексемы	Частотность употребления
1	geselle	113
2	geverte	18
3	gebruoder	16
4	gespil(e) ₁	11
5–6	geswester, geswîe ₁	3
7	geswîe ₂	2
8–11	geerbe, gespil(e) ₂ , geswistergît ₁ , gevater	1

Социативы с префиксом ge- представляют собой в свн. языке малопродуктивный функциональный класс. Таблица 1 свидетельствует о том, что частотной является только одна лексема – *geselle*, на которую приходится две трети всех употреблений социативов словообразовательного типа *ge-ø/(e)*. Четверть всех примеров представлена дериватами *geverte* ‘спутник, товарищ’, *gebruoder* ‘братья’, *gespil(e)₁* ‘спутница’. Удельный вес остальных 7 лексем в корпусе рукописей является незначительным (1–3 словоупотребления). Существительные *geswîe₂*, *gespil(e)₂* – «отдельные» лексемы, «аналоги» мужского рода соответствующих обозначений лиц женского пола.

Все производные имена существительные данного типа, кроме двух, относятся к слабому склонению: 6 лексем – существительные мужского, две – (*gespil(e)₁*, *geswîe₁*) – женского рода; *gebruoder*, *geswester*, *geswistergît₁* функционируют только во множественном числе.

Лексемы с социативным значением отмечены в 49 рукописях исследовательского корпуса, при этом в 23 текстах зафиксированы только примеры *geselle*. Исследуемые дериваты распространены в текстах разных типов и жанров, в частности, в 6 рядах грамот из семи (и не упоминаются только в [Jena]).

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТИПЫ

Словообразовательный тип ge-ø/(e). Социативы, выявленные в рукописях, классифицируются по двум словообразовательным типам – ge-ø/(e) и ge-gît.

К словообразовательному типу ge-ø/(e) отнесены все социативы, кроме *geswis-tergît*, ‘сестры’.

Наиболее типичная социативная лексема – *gevater* ‘крестный (отец)’ – калька с лат. *com-pater* [DGW 1993: 1324; Wilmanns 1930: 202]. Лат. *com-* подчеркивает социативный характер деривата и соответствует свн. словообразовательному типу ge-ø/(e). Социативность выходит из сути самого западного обряда крещения: *gevater* – ‘тот, кто вместе с отцом держит над купелью ребенка, которого крестят’ [Frisch 1993: 32], и тем самым берет на себя общие с отцом ребенка обязанности и права по отношению к нему [DWB 1984: 4641], напр.:

(1) <...> *er fi ðin mak. oder ðin gevat’ / oder ðin tote <...>* / [StBA: 70va,08-09] ‘является ли он его кровным родственником или его крестным отцом, или его опекуном’.

Ниже рассматриваются некоторые дериваты типа ge-ø/(e) в порядке убывания частот.

Лексема *geselle* ‘товарищ; друг’ (< *sal* stm.): 113 словоупотреблений в 40 рукописях, которые представляют разные типы и жанры текстов: религиозные, исторические хроники, эпические (разных жанров), деловые (2 ряда грамот [Freib-IV; Mainz], своды городского права [Rupr; StBA], свод земельного и ленного права [SwSp]).

Словообразовательная база свн. *geselle* – *sal*: примеры базового существительного зафиксированы в 13 рукописях из 40, в которых употребляется также производное слово. Соответствующие тексты имеют религиозную или эпическую направленность. Согласно словарю свн. языка М. Лексера [MHW II 1992: 575] *sal* может означать ‘помещение; зал; дом (он состоит преимущественно из зала, служащего местом, в котором собирается общество)’. Таким местом в религиозных текстах является, как правило, (небесный) храм, напр.:

(2) <...> *ih anebete / ze ðale heiligem dinem <...>* / [Wind: 193r,07-08] «Поклонюся ко храму святому Твоему» [Толкования Священного Писания].

Подобное понимание *sal* подтверждает наличие в некоторых религиозных текстах определения *himeles* ‘небесный’, ср.:

(3) *Got her dv von des hymels ðal. auch all tívfel werft ze tal /* [Hartw: 24v,19] ‘Господи Боже, Ты низвергнешь из храма небесного также всех дьяволов’.

Во фрагментах Евангелий от Матфея и Иоанна, в которых идет речь об отведении Иисуса Христа к первосвященнику, *sal* актуализирует значение ‘двор’, ср.:

(4) <...> *petrus sach daz mañ Jesum hinwec fuorte. Do vol/gite h’ ime nach voñ v’reus. Johannes Vnñ noch eiñ / and’e voñ (Jesu) iuñg’n. biz vor deñ ðal des vuorsteñ. Abir / d’ iuñg’e was bekañt voñ dem vuorsteñ. vnñ ginc iñ mit / Jesu in deñ ðal des vuorsteñ. <...>* / [MBeh: 226v,03-07] ‘Петр увидел, что вели Иисуса. И он, Иоанн, и еще один ученик Иисуса следовали за ним поодаль до двора первосвященника. Другой ученик был знаком первосвященнику и вошел вместе с Иисусом во двор первосвященника’, ср.: [Толкования стихов Ин. 18:15–16]).

В эпических свн. текстах *sal* означает прежде всего зал, в котором собираются знатные люди, ср.:

(5) *der waht’ gaht in den ðal. /* [Diet: 05803] ‘Стражник поспешил в зал’.

В рукописях, которые представляют деловой стиль, примеров базового существительного не обнаружено, что свидетельствует о постепенной идиоматизации *geselle*.

В зависимости от тематики рукописей *geselle* актуализирует разные значения. Во-первых, лексема функционирует как в эпических, так и в религиозных текстах в прямом значении – ‘товарищ’ (по отношению к человеку), ср.:

(6) *Vnñ ift gefelle d' tovelrunder* / [Rapp: 283va,05] ‘И является товарищем участников Круглого стола [короля Артура]’;

(7) <...> *vnd wíncen den gefellen ín dem and'n / scheffe daz fí choemen vnd ín hvelfen* <...> / [ObEv: 52a,14-15] ‘и дали знак товарищам на другой лодке, чтобы пришли и помогли им’ [ср.: Толкования на Евангелие от Луки 5:7].

Во-вторых, *geselle* функционирует в рукописях в переносном значении и относится к дьяволу, выявляя при этом негативную оценочную коннотацию, как в следующем примере:

(8) *Da lucifer ift ír gefelle* / [Renn: 155vb,04] ‘Потому что Люцифер – их товарищ’.

В-третьих, *geselle* используется как аллегория по отношению к животному и означает ‘друг’, благодаря чему слово приобретает доверительный стилистический оттенок, ср.:

(9) *Eín veízter hvnt von hofe líef / eín mager hvnt gen ím do ríef / Gefelle wanne kvemft dv fo fat* / [Renn: 006ra,28-30] ‘Один толстый пес убежал со двора, худой пес крикнул ему: «Друг, почему ты бежишь [прочь], если ты сыт?»’.

Кроме того, анализируемую лексему можно толковать с опорой на определенный контекст как ‘предки, пращурь’, ср.:

(10) <...> *daz ift daz heilige leben. / vnde vollekvmnen. daz vnfer gefellen heiten. die vor vnf fínt gewefin.* <...> / [SalH: 431,25-26] ‘Это – святое и совершенное житие, которое имели наши предшественники (пращурь), жившие до нас’.

В деловом стиле речь идет о *geselle* как компаньоне, ср.:

(11) *Werdent gefellen ze kriege vnd' / eínand' daz rihtet eín burg / grafe.* <...> / [StBA: 120rb,01-03] ‘Если дойдет до войны между компаньонами, то [их] будет судить бургграф’.

Несмотря на то что словообразовательная база нередко еще эксплицируется в определенных текстах, связь между нею и *geselle* не всегда очевидна, поэтому уже в исследуемый период можно допустить постепенную десемантизацию деривата. Это подтверждают и исследователи рнвн. языка. Так, П.О. Мюллер [Müller 1993: 145] относит *geselle* к идиоматизированным, а Р. Фриш [Frisch 1993: 32] – к лексикализированным словам.

Лексема *geverte* (< *vart stf.*) ‘спутник, товарищ’: 18 словоупотреблений в 12 рукописях религиозной и эпической направленности.

Дериват парафразируется как ‘*jemand, der mit auf der vart ist*’ / ‘тот, кто вместе с кем-то находится в пути’, ср.:

(12) <...> *do wrden / ovh enpfangen. mit liebe staeter minne. die / geverten der kuniginne.* / [Mar: 47r,06-08] ‘И были приняты с подобающей любовью также спутники королевы’;

(13) <...> *fo begriffin fie der / vífche fo vile daz dez netze begonde rizin do rifen fie irn gevertin die / in dieme andirn schiffe warin.* / [PrMJ: 5r,39-41] ‘И набрали они так много рыбы, что невод начал рваться. И позвали они своих товарищей, которые были на другой лодке’.

Последний пример представляет фрагмент одного из Евангелий. Этот же эпизод описан еще в двух рукописях, однако в них употребляется, вместо *geverte*, его контекстуальный синоним *geselle* (пример (7)), ср. также:

(14) <...> Do befluozzin si d' fiffche eine vollige menige. Vnñ ir netze reifz. Vnñ si wiñketeñ den gefellin. Di iñ dem andereñ schiffe wareñ / Daz si quemeñ vnñ en hulfin. <...> / [MBeh: 143v, 22-25] 'И набрали они много рыбы, и их невод порвался. И дали знак они своим товарищам, которые были на другой лодке, чтобы те пришли и помогли им'.

Употребление *geverte* почти равномерно распределяется на все внутренние временные отрезки свн. периода (по три примера в трех внутренних периодах начиная со второй половины XII в.). Выделяется первая половина XIII в.: 9 словоупотреблений (4 из них – в Iw, пять – во всех трех текстах, которые представляют гессенско-тюрингский диалектный ареал этого периода [AthP; GRud; PrMJ]. Это единственный средненемецкий ареал, в котором зафиксированы данные примеры.

Лексема *gebruoder* 'братья' (< *bruoder* stn. an.): 16 словоупотреблений в 5 рукописях, в т. ч. в трех рядах грамот, два из которых вышли из канцелярии Фрайбурга, один – из канцелярии Аугсбурга (12 примеров из 16), ср.:

(15) <...> vnñ swenne die vorgeanten gebruoder oder ir erben oder ir nachkomenden daf vorgeante zil verfizzent daf si nvit / gebent den vor genanten zinf alfe da vor geschriben stat so fol dvi vorgeante Matte vnñ swaf dar zvo hoeret mit allem rehte dem spittal / lidig fin. <...> / [Freib-IV: 32,07-09] 'а если вышеназванные братья или их наследники, или потомки пропустят назначенный срок и поэтому не отдадут указанный налог, как это было предписано, вышеупомянутый луг и все, что к нему относится, должны по праву достаться приюту'.

В этом же значении *gebruoder* эксплицируется и в исторической хронике [Kchr: 16972] в рыцарском эпосе [LuKr: 21r,27].

Примеры *gebruoder* встречаются, как правило, в южнонемецких диалектах: LuKr – единственный текст, который представляет средненемецкий диалектный ареал.

Лексема *gespil(e)*₁ swf. 'спутница, возлюбленная' (< *spil* stn.): 11 примеров в пяти рукописях середины XIII – середины XIV в. преимущественно религиозной направленности (алеманнский, восточнофранкский (южнонемецкие) и гессенско-тюрингский переходный (средненемецкий) ареалы) и в рыцарском эпосе [Iw].

Дериват *gespil(e)*₁ эксплицируется в исследовательском корпусе в двух значениях: 5 раз – как 'спутница', трижды – как 'возлюбленная'. Несмотря на то что во всех случаях создается, на первый взгляд, впечатление прозрачного, по Г.-М. Гаугеру [Gauger 1971], отглагольного деривата, в самих рукописях выявлена морфологическая субстантивная база *spil* stn. 'игра' (она же является этимологической базой деривата) [Wilmanns 1930: 202], которая поддерживается соответствующим глаголом.

Рукопись Mart – религиозный текст, в котором базовое существительное *spil* употреблено для описания действия, присутствующего Богу:

(16) Dc got finer wunder spil / begienc <...> / [Mart: 01vb,12-13] 'Что Бог совершал свою диво-игру (свое диво)'.

Исходя из соответствующего контекста и при поддержке приведенного примера, *gespil(e)*₁ можно считать не только морфологически, но и семантически мотивированным, посредством *spil*, дериватом, ср.:

(17) Nv gip mir frovwe díneñ rat / Unñ hilf mir erkírenen / Dc lob díner dírenen / Vnñ díner hímlíchen gefpiln / [Mart: 03ra,08-11] ‘Так дай мне, Дева, Твой совет и помоги мне познать хвалу Твоих святых дев и Твоих небесных спутниц’.

В этом случае можно предположить также толкование gespil(e)₁ как ‘свидетелей Божественного чуда’.

Мотивированным социативным существительным можно считать gespil(e)₁ также в Renn, где анализируемый дериват имеет несколько иной смысл и, благодаря контексту, является негативно коннотированным:

(18) So fagte ich auch von fin’ gefpiln / Die vnkevfche die auch leid’ hat / [Renn: 076vb,05-06] ‘Так я рассказала и о его подруге по играм, нецеломудренной и неблагоприятной’.

Аналогичную коннотацию выявляет в той же рукописи мотивирующее существительное, ср.:

(19) Si hat mit im ir gaukel fpil / [Renn: 077ra,11] ‘Она ведет с ним свою фиглярскую игру’.

Лексема geswester ‘сестры’ (< swester stswf.): три примера в ряде исторических грамот Freib-V, ср.:

(20) fo vallent dui vor genanten drui pfunt pfenning geltel. nach der selben beider gefweftren tode ganzliche den vor genanten Clofterfrovwen ewecliche. <...> [Freib-V: 21,11-12] ‘то вышеназванные три фунта денежной пошлины после смерти обеих сестер целиком и навсегда достанутся вышеназванным монахиням’.

Имя существительное geswester, как следует из контекста, означает кровных сестер:

(21) <...> Vnferen tohtren fwelt’ annen. Vnñ fwelt’ Ciliun. die ze Guinterstal in dem kloster fint. / [Freib-V: 21,03] ‘нашим дочерям – сестре Анне и сестре Цилюн, которые находятся в монастыре в Гюнтерстале’.

Несмотря на семейные связи между сестрами, о которых идет речь, нельзя исключить, что базовое существительное swester также подразумевает ‘духовную сестру’ – обозначение лица женского пола, принятого в монастыре.

В анализируемом ряде грамот geswester парафразируется как ‘diejenigen, die miteswestern sind’ / ‘те, кто доводятся друг другу сестрами’, т. е. на первый план выступает их социативное значение.

Лексема geswîe₁ ‘невестка’ (< swiger stf.): три примера в позднесвн. рукописях – гессенской [Elis] и восточнофранкской [GnaÜ], ср.:

(22) Sie het eineñ bruder vnd ein gefwieñ / die trug etwie vil tote kint da fant fie / nach in baiden vnd sprach zv im sich / bruder waift du niht daz gotes rache / auf dir ligt. nv waift du wol daz du / din fwiger beflaffen haft do von ster/ben alle dine kint uor der purt do voñ / erkenne dich vnd wird ein geiftlicher / man <...> / [GnaÜ: 36,05-13] ‘У нее были брат и невестка. Та носила очень много мертвых детей. Тогда послала она за ними обоими и молвила ему (брату): «Послушай (смотри), ты не знаешь, что кара Божья на тебе лежит. Ты знаешь, что ты спал со своей тещей. Поэтому все твои дети умирают [еще] до рождения. Покайся и стань духовным лицом»’.

Лексема geswîe₁ употребляется в приведенном примере одновременно со словообразовательной базой swiger stf. ‘теща’ и парафразируется как ‘jemand, der der swiger zugehörig ist’ / ‘тот, кто имеет отношение к swiger’. Это дает основание отнести geswîe₁ к социативным именам существительным.

Аналогичную функцию выявляет существительное *geswîe*₂ ‘зять’ (< *swiger stm.*), которое также включено в группу социативов.

Лексема *geerbe* ‘наследник’ (< *erbe stn.*):

(23) <...> *fī lint min / erbe. unde mine geerben.* / [WNot: 021va,18-19] ‘Они – мое наследство и мои наследники’.

В исследовательском корпусе *geerbe* приводится только один раз. Дериват используется вместе со словообразовательной базой и парафразируется как ‘*der das erbe mit jemandem teilt*’ / ‘тот, кто вместе с кем-то делит наследство’.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ТИП GE-GÎT

В. Вильманнс [Wilmanns 1930: 350] определил суффикс *-gît* как странный и необычный. К словообразовательному типу *ge-gît* относится одно существительное – *geswistergît*₁ (< *swester stswf.*) ‘сестры’, которое обнаружено в [Mart: 25rb,07] в одном контексте со словообразовательной базой. Именно это дает основание отнести *geswistergît* к словообразовательному типу *ge-gît*. Префиксально-суффиксальный дериват употребляется в переносном значении как метафора: сестрами названы в рукописи *triuwe stf.* ‘преданность’ и *minne stf.* ‘любовь’:

(24) *Trvwe ift d' miñne fwestir* [Mart: 25rb,05] ‘Преданность – любви сестра’.

Обозначения обеих добродетелей (ж. р.) ассоциируются с лицами женского пола, поэтому *geswistergît*₁ в данном случае можно парафразировать как ‘*die als swestern zu einander gehören*’ / ‘те, кто как сестры имеют отношение друг к другу’, в отличие от лексемы *geswistergît*₂, которая означает не только сестер, но сестер и братьев вместе, классифицируется как идиоматизированная и не рассматривается в настоящем исследовании.

Не только в корпусе рукописей, но и в словаре свн. языка М. Лексера [MHWI 1992: 941] приводится только одно имя существительное типа *ge-gît* – *geswistergît* – как вариант *geswisterde*. Ни первое, ни второе в современном немецком литературном языке не засвидетельствовано, их заменила лексема *Geschwister Pl.* (свн. *geswester, geswister*), которая может считаться семантически неразложимым (идиоматизированным) образованием, поскольку обозначает не только сестер (*Schwestern*), но и братьев.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обозначения лиц с социативным значением, исследованные в данном разделе, не декларируют сами по себе принадлежность к тем или иным языковым и/или культурным сообществам, тем не менее выражая разного рода связи между двумя и более людьми, в целом имеют отношение к понятию «сообщество».

Социативы составляют в корпусе свн. рукописей десятую часть субстантивных дериватов с *ge-*, а частотность их употребления превышает 15%. Имена существительные типа свн. *gevater* ‘крестный (отец)’, *gebruoder* ‘братья’ отнесены к лексемам с социативным значением, поскольку в этом случае на первый план выступает функция принадлежности, которую в сочетании с определенными суффиксами выражает *ge-*, а не совокупное множество, свойственное собирательным именам. Такому толкованию способствует трансформационная проба: *gevater* = «*mitevater*», *gebruoder* = «*mitebruoder*». Лица, которые называются во множественном числе, воспринимаются все равно как отдельные индивиды, имеющие отношение друг к

другу, а не как неделимая совокупность людей, которая отличает собирательные имена существительные от социативов.

Сравнение с другими лингвоисторическими периодами развития немецкого языка носит в данном случае довольно условный характер, поскольку не всегда совпадает распределение отдельных производных лексем по их функциям. Например, статус лексемы с социативным значением Р. Фриш [Frisch 1993: 32] «признает» лишь за ранненововерхнемецким *gevater*; *geselle*, *gespile* она считает лексикализованными образованиями, а социативы в целом – исчезающим классом слов. Автор подчеркивает, что лексема *gespile* утратила в рнвн. корпусе текстов семантическую связь как с этимологической именной, так и с глагольной мотивирующей базой.

Часть дериватов, отнесенных в исследовательском корпусе свн. рукописей к социативам (напр.: свн. *gebruoder*, *geswester*), исследователи современного немецкого языка считают собирательными (*Gebrüder Pl.*) или идиоматизированными именами существительными (*Geschwister Pl.*) [Wellmann 1975: 163], а свн. *gespile*₂ (в социативном значении) Г. Вельманн относит к остаточной группе анализа (как отглагольное образование) с «избыточной» функцией префикса [Там же: 50].

Некоторые существительные продолжают свое существование в современном немецком языке, однако с определенными стилистическими коннотациями: *Gespiele m.* – как устаревшее в значении ‘товарищ по игре’, как ироничное ‘возлюбленный’, а современное существительное *Gevatter m.* маркируется как устаревшее или устаревающее – в том же значении, что и в свн. языке, как ироничное – в значении ‘приятель, родственник или знакомый’ [Там же: 1324].

В словарях средневерхненемецкого языка зафиксировано довольно много обозначений лица с префиксом *mite-*, придающим базовой лексеме социативную функцию. Поиск ответов на вопросы, насколько широко они распространены в корпусе свн. рукописей, какой путь они прошли в течение всего свн. периода и до сегодняшнего дня, какова лингвогеографическая составляющая этого распространения, может стать следующей исследовательской задачей.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОСНОВНЫЕ СВЕДЕНИЯ О РУКОПИСЯХ, УПОМИНАЕМЫХ В РАЗДЕЛЕ

Athis und Prophilias. Жанр / тип текста: греческо-византийский роман [KNLL 1996: 290]. Время написания: середина XIII в. Локализация: средненемецкий диалектный ареал (гессенско-тюрингский переходный ареал) (*AthP*).

Christina Ebner. Von der Gnaden Überlast. Жанр / тип текста: Повествование о видениях монахини Ордена доминиканцев в Медингене [Salzer, Tunk б.г.: 254]. Время написания: до 1346 г. Локализация: восточнофранкский диалектный ареал (монастырь Энгельталь) (*GnaÜ*).

Die Kreuzfahrt des Landgrafen Ludwigs des Frommen von Thüringen. Жанр / тип текста: рыцарский эпос. Время написания: начало XIV в. Локализация: восточносредненемецкий диалектный ареал (Силезия) (*LuKr*).

Dietrichs Flucht. Жанр / тип текста: эпос о Дитрихе [Frenzel 1999: 50]. Время написания: конец XIII в. Локализация: баварский диалектный ареал (Нижняя Австрия) (*Diet*).

Evangelienbuch des Matthias von Beheim. Жанр / тип текста: фрагмент Евангелия. Время написания: 1343 г. Локализация: восточносредненемецкий диалектный ареал (*MBeh*).

Graf Rudolf. Жанр / тип текста: рыцарский эпос. Время написания: первая четверть XIII в. Локализация: гессенско-тюрингский переходный ареал (GRud).

Hartmann von Aue. Iwein. Жанр / тип текста: рыцарский эпос. Время написания: вторая треть XIII в. Локализация: южнонемецкий диалектный ареал (Iw).

Hartwig von dem Hage. Margaretenlegende. Жанр / тип текста: житие Св. Маргариты. Время написания: ок. 1348 г. Локализация: восточношвабский диалект (г. Аугсбург) (Hartw).

Hugo von Langenstein. Martina. Жанр / тип текста: житие Св. Мартины. Время написания: 1350 г. Локализация: алеманнский диалектный ареал (Mart).

Hugo von Trimberg. Renner. Жанр / тип текста: дидактический, нравоучительный текст. Время написания: 1347 г. Локализация: восточнофранкский диалектный ареал (Renn).

Kaiserchronik. Жанр / тип текста: историческая хроника. Время написания: последняя четверть XII в. Локализация: баварский диалектный ареал (Kchr).

Leben der heiligen Elisabeth. Жанр / тип текста: житие Св. Елизаветы. Время написания: первая половина XIV в. Локализация: гессенский диалектный ареал (г. Марбург) (Elis).

Mainzer Urkundenstrecke. Жанр / тип текста: грамоты. Время написания: 18.01.1346–03.09.1350 г. Локализация: рейнскофранкский диалектный ареал (г. Майнц) (Mainz).

Mitteldeutsche Predigten. Жанр / тип текста: проповеди. Время написания: середина XIII в. Локализация: восточносредне немецкий диалектный ареал (PrMJ).

Oberaltaicher Evangelistar. Жанр / тип текста: фрагмент Евангелия. Время написания: первая половина XIV в. Локализация: баварский диалектный ареал (ObEv).

Priester Wernher. Marienleben. Жанр / тип текста: житие Девы Марии. Время написания: 1220-1230 г. Локализация: баварский диалектный ареал (Mar).

Rappoltsteiner Parzival. Жанр / тип текста: рыцарский эпос. Время написания: 1331–1336 гг. Локализация: алеманнский диалектный ареал (Эльзас) (Rapp).

Ruprecht von Freising. Rechtsbuch. Жанр / тип текста: свод городского права. Время написания: 1328 г. Локализация: среднебаварский диалектный ареал (Rupr).

Salomons Haus (Salomônîs Hûs). Жанр / тип текста: дидактический, нравоучительный текст. Время написания: 1278 г. Локализация: рейнскофранкско-гессенский диалектный ареал (SalH).

Schwabenspiegel. Жанр / тип текста: свод земского и ленного права. Время написания: 23.08.1287 г. Локализация: алеманнский диалектный ареал (Лайзельгейм под Фрайбургом) (SwSp).

Stadtbuch der Stadt Augsburg. Жанр / тип текста: свод городского права. Время написания: после 1276 г. Локализация: швабский диалектный ареал (StBA).

Urkundenstrecke Freiburg. Жанр / тип текста: грамоты. Время написания: 02.05.1284–27.06.1300 г. Локализация: алеманнский диалектный ареал (г. Фрайбург) (Freib-IV).

Urkundenstrecke Freiburg. Жанр / тип текста: грамоты. Время написания: 24.07.1316–11.08.1320 г. Локализация: алеманнский диалектный ареал (г. Фрайбург) (Freib-V).

Urkundenstrecke Jena / Weida. Жанр / тип текста: грамоты. Время написания: 1317–1333 гг. Локализация: восточносредне немецкий диалектный ареал (Jena).

Wiener Notker. Жанр / тип текста: псалмы. Время написания: 1100 г. Локализация: баварский диалектный ареал (WNNot).

Windberger Psalter. Жанр / тип текста: псалмы. Время написания: последняя четверть XII в. Локализация: баварский диалектный ареал (Wind).

ЛИТЕРАТУРА

1. ИСТОЧНИКИ (ИЗДАНИЯ ТЕКСТОВ, КОРПУСЫ ТЕКСТОВ)

AthP – Athis und Prophlias. Berlin. Bibliothek / Archiv: SBPK. Signatur: A*. C*: mgq 846; Nachlass Grimm 196; Grimm Nachlaß 197 (Beilage) (A**); Museum für deutsche Geschichte, Inv. Nr. Do 63/1037 (Ab, Ac, Ad, Ae). Auswahl: nur Schreiber 1 (Schreiber 2 ab 7,001 ausgetrennt).

Diet – Dietrichs Flucht. Berlin. Bibliothek / Archiv: SBPK. Signatur: mgf 1067, fol. 63ra-102va. Auswahl: 63ra,01-67rb,48 (vv. 2328a-3174); 80va,15-85ra,16 (vv. 5691-6556); 97vb,47-102ra,04 (vv. 9233-10004) [außerdem vorhanden: 102ra,05-102vb,04].

Elis – Leben der heiligen Elisabeth. Darmstadt. Bibliothek / Archiv: LHB. Signatur: Hs. 2269. Auswahl: vv 1-880 (fol. 1r-19r,18); 4598-5523 (fol. 96v,24-116r,15); 9622-10534 (fol. 201v,08-220v,16) [zusätzlich vorhanden: vv. 881-1534 (fol. 19r,19-32v,24); 1915-2299 (fol. 41r-49r,01) [Blatt- / Lagenausfall fol. 33r-40v]; 5524-6178 (fol. 116r,16-129v,22); 8624-9621 (fol. 180v,24-201v,19)].

Freib-IV – Urkundenstrecke Freiburg. Bibliothek / Archiv: 1. 658 12; 2. 677 19; 3. 780 28 ; 4. 831 35; 5. 1371 104; 6. 1542 122; 7. 1639 130; 8. 1648 131; 9. 1651B 132; 10. 1678 134; 11. 1686 135; 12. 1768 141; 13. 1883; 14. 1958 153; 15. 1959 154; 16. 1985 155; 17. 2001 161 ; 18. 2008 163; 19. 2112 172; 20. 2133 175; 21. 2182 178; 22. 2277 182; 23. 2348 189; 24. 2461 199; 25. 2643 211; 26. 2681 213; 27. 2725 222; 28. 2733 224; 29. 2767 230; 30. 2780 231; 31. 2861 235; 32. 2909 240; 33. 2921 242; 34. 2936 243; 35. 3018 249; 36. 3042 252; 37. 3087 258; 38. 3231 262; 39. 3254 265; 40. 3355 268; 41. 3392; 42. 3473 273; 43. 3541 276; 44. 3560 277; 45. 283; 46. 300. 46 Urkunden.

Freib-V – Urkundenstrecke Freiburg I. Karlsruhe. Bibliothek / Archiv: Generallandesarchiv. 1. UB Frbg. III 414 / 13/448; 2. UB Frbg. III 419 / 23/485; 3. UB Frbg. III 424 / 14/569; 4. UB Frbg. III 442 / 20/880; 5. UB Frbg. III 443 / 24/429; 6. UB Frbg. III 451 / 44/5355; 7. UB Frbg. III 452 / 23/278; 8. UB Frbg. III 459 / 23/154; 9. UB Frbg. III 466 / 13/529; 10. UB Frbg. III 468 / 21/1958; 11. UB Frbg. III 469 / 20/2284; 12. UB Frbg. III 477 / 21/7798a; 13. UB Frbg. III 480 / 21/4537; 14. UB Frbg. III 487 / 20/381; 15. UB Frbg. III 488 / 23/45; 16. UB Frbg. III 490 / 11/4110; 17. UB Frbg. III 491 / 11/4111; 18. UB Frbg. III 494 / 23/257; 19. UB Frbg. III 495 / 21/1911; 20. UB Frbg. III 499 / 23/522; 21. UB Frbg. III 500 / 23/99; 22. UB Frbg. III 501 / 21/4538; 23. UB Frbg. III 504 / 22/54; 24. UB Frbg. III 506 / 21/1474; 25. UB Frbg. III 507 / 22/300; 26. UB Frbg. III 514 / 23/390; 27. UB Frbg. III 515 / 24/359; 28. UB Frbg. III 516 / 20/928; 29. UB Frbg. III 533 / 23/631. 29 Urkunden.

GnaÜ – Christina Ebner. Von der Gnaden Überlast. Nürnberg. Bibliothek / Archiv: GNM. Signatur: Hs. 1338. Auswahl: 1,01-38,02; 74,05-112.

GRud – Graf Rudolf. Braunschweig. Bibliothek / Archiv: Stadtbibliothek. Signatur: Ms. 5. Göttingen. Niedersächsische Staats- u. Universitätsbibliothek. Signatur: Cod. philol. 184,7. Auswahl: ganz.

Hartw – Hartwig von dem Hage. Margaretenlegende. München. Bibliothek / Archiv: SB. Signatur: Cgm 717, 16v-49v. Auswahl: 16v,04-33r,09.

Iw – Hartmann von Aue. Iwein (B). Gießen. Bibliothek / Archiv: UB. Signatur: Hs. 97. Auswahl: vv. 1–709 (fol. 1r-14v,05) ; 4818-5648 (fol. 93v,02-109r,26); 7378-8166 (fol. 144r,11-159v,18) [zusätzlich vorhanden: vv. 710-808 (fol. 14r,06-16r,26); 7346-8166 (fol. 143v,04-159v,18)].

Jena – Urkundenstrecke Jena / Weida. Jena. Bibliothek / Archiv: Stadtarchiv; Weimar: Thüringisches Hauptstaatsarchiv. 1. UB Jena Nr. 94 / StadtA Jena; 2. UB Jena Nr. 109 / StadtA Jena; 3. UB Vögte 573 / Thür. HStA Weimar; 4. UB Vögte 574 / Thür. HStA Weimar; 5. UB Jena Nr. 138 / StadtA Jena; 6. UB Vögte 719 / Thür. HStA Weimar; 7. UB Vögte 736 / Thür. HStA Weimar. 7 Urkunden.

Kchr – Kaiserchronik. Vorau. Bibliothek / Archiv: Stiftsbibl. Signatur: Cod. 276, 1r-73v. Auswahl: vv. 277-1136; 8096-8952; 16376-17283.

LuKr – Die Kreuzfahrt des Landgrafen Ludwigs des Frommen von Thüringen. Wien. Bibliothek Archiv: TMNB. Signatur: Cod. 2737. Auswahl: vv 1-2398 (fol. 1r-41r,02) [zusätzlich vorhanden vv 2399-2636 (fol. 41r-44v) (= 1. Hand); (2637-2714 [= 2. Hand].

Mainz – Mainzer Urkundenstrecke. Mainz. Bibliothek / Archiv: Stadtarchiv. 1. StA Mainz / III 116 / (3/78); 2. StA Mainz / U 320 / (3/79); 3. StA Mainz / 16318/3 / (3/80); 4. StA Mainz / III 101 / (3/83); 5. StA Mainz / III 77 / (3/93); 6. StA Mainz / III 435/2 / (3/94); 7. StA Mainz / St 119 / (3/97); 8. StA Mainz / III 695 / (3/98); 9. StA Mainz / III 383 / (3/101); 10. StA Mainz / U 111 / (3/104); 11. StA Mainz / III 221 / (3/106); 12. StA Mainz / III 603 / (3/107); 13. StA Mainz / 175/2 / (3/108); 14. StA Mainz / III 495 / (3/109); 15. 1348 April 30 / StA Mainz / III 324 / (3/110); 16. StA Mainz / III 633 / (3/111); 17. StA Mainz / II 27 / (3/112); 18. StA Mainz / III 197 / (3/113); 19. StA Mainz / III 514 / (3/114); 20. StA Mainz / St 132 / (3/121); 21. StA Mainz / III 326/2 / (3/122); 22. StA Mainz / ? / (3/126); 23. StA Mainz / III 421 / (3/127); 24. Mainz / III 325 / 3/130); 25. StA Mainz / III 623 / (3/131); 26. StA Mainz / III 637 / (3/132); 27. StA Mainz / III 253 / (3/133); 28. StA Mainz / I 586 / (3/135); 29. StA Mainz / III 515 / (3/136); 30. StA Mainz / III 126 / (1/142). 30 Urkunden.

Mar – Priester Wernher. Marienleben (D). Berlin. Bibliothek / Archiv: SBPK; derzeit Krakau, Bibliotheca Jagiellonska. Signatur: mgo 109. Auswahl: 06v,01-22r,23 (vv. 261-1138); 40r,04-54r,09 (vv. 2243-3161); 74r,01-91v,07 (vv. 4214-5110).

Mart – Hugo von Langenstein. Martina. Basel. Bibliothek / Archiv: UB. Signatur: Cod. B VIII 27. Auswahl: 1ra,01-23ra,26 (vv. 1,1-23,26) [außerdem vorhanden: 23ra,27-27vb,28].

MBeh – Evangelienbuch des Matthias von Beheim. Leipzig. Bibliothek / Archiv: UB. Signatur: Ms. 34. Auswahl: fol. 53r-54r, 55r,02-62r,16, 141v,08-149v,21, 227r,08-235r [zusätzlich lemmatisiert: fol. 54v, 62r-63r, 139v-141v, 141v-150r, 223v-227r].

ObEv – Oberaltaicher Evangelistar. München. Bibliothek / Archiv: BSB. – Signatur: Cgm 66. – Auswahl: pp. 23, 24, 25a, 26b, 32a, 34, 36, 38, 40, 41, 42, 52, 54, 56a.

PrMJ – Mitteldeutsche Predigten J («Jeitteles»). Berlin. Bibliothek / Archiv: Staatsbibliothek Preußischer Kulturbesitz. Signatur: Fragment 55. Auswahl: ganz.

Rapp – Wisse C., Colin Ph. Parzival, Hs. D («Rappoltsteiner Parzival»). Karlsruhe. Bibliothek / Archiv: Landesbibliothek. Signatur: Cod. 97. Auswahl: 116ra,01-119rb,49 (vv. 1-685); 201va,02-205rb,10 (vv. 17069-17793); 282ra,01-285va,27 (vv. 32460-33154) [außerdem vorhanden: 205rb,11-205rb,48; 285va,28-286rb,49].

Renn – Hugo von Trimberg. Renner (E). Erlangen. Bibliothek / Archiv: UB. Signatur: Ms B 4. Auswahl: 1va,05-6va,01; 74ra,10-78ra,11; 151va,01-156vb,15.

Rupr – Ruprecht von Freising. Rechtsbuch. München. Bibliothek / Archiv: Stadtarchiv. Signatur: Zim 1. Auswahl: fol. 8,01-13,28; 44,30-49,39; 66,29-79,20; 91,23-102,11 [außerdem vorhanden 102,12-103,34].

SalH – Salomons Haus (Salomônis Hûs). Gießen. Bibliothek / Archiv: nicht angegeben. Signatur: 876a, p. 1-162. Auswahl: p. 1-143,05 [Text ganz vorhanden].

StBA – Stadtbuch der Stadt Augsburg. München. Bibliothek / Archiv: BayHStA; als Dauerleihgabe im Stadtarchiv Augsburg. Signatur: RL Augsburg 32. Auswahl: 14ra,01-24vb,26; 68ra,01-82rb,26; 106va,01-122ra,12.

SwSp – Schwabenspiegel. Donaueschingen (heute Karlsruhe). Aufbewahrungsort: FFHB. Signatur: Cod. 738. Auswahl: 41rb,07-56rb,18; 108ra,01-122ra,09 [außerdem vorhanden 122ra,09-123va,11].

Wind – Windberger Psalter. München. Bibliothek / Archiv: BSB. Signatur: Cgm 17. Auswahl: 09r,01-27v,16; 80r,01-96r,12; 186v,01-204r,04 [außerdem vorhanden: 96r,13-98v,16; 204r,05-206r,16].

WNot – Wiener Notker. Wien. Bibliothek / Archiv: TMNB. Signatur: Cod. 2681. Auswahl: 5ra,06-44vb,09, 44vb,10-56va,15.

2. НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА, СЛОВАРИ

Булыгина, Крылов 1990 – *Булыгина Т.В., Крылов С.А.* Падеж // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1990. С. 355–357.

ССЭН 2000 – Словарь словообразовательных элементов немецкого языка / А.Н. Зуев, И.Д. Молчанова, Р.З. Мурашов и др.; под рук. М.Д. Степановой. 2-е изд., стереотип. М., 2000.

Ягупова 2007 – *Ягупова Л.М.* Мовно-географічна варіативність системи середньовісньонімецьких префіксальних іменників. Донецьк, 2007. (Типологічні, зіставні, діахронічні дослідження 4).

Brinkmann 1962 – *Brinkmann H.* Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung. Düsseldorf, 1962. (Sprache und Gemeinschaft).

DGW 1993 – Duden «Das große Wörterbuch der deutschen Sprache»: In 8 Bdn. / Hg. u. bearb. vom Wissenschaftlichen Rat u. den Mitarbeitern der Dudenredaktion; unter der Leitung von G. Drosdowski. 2., völlig neu bearb. u. erw. Aufl. Bd. 3. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich, 1993.

DWB 1984 – *Grimm J., Grimm W.* Deutsches Wörterbuch: In 33 Bdn. Nachdruck. Bd. 6. Nachdruck der Erstausgabe 1911. München, 1984.

DWDS – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: www.dwds.de

Erben 1993 – *Erben J.* Einführung in die deutsche Wortbildungslehre. 3. Aufl. Berlin, 1993 (Grundlagen der Germanistik 17).

Fleischer, Barz 1995 – *Fleischer W., Barz I.* Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Tübingen, 1995.

Frenzel 1999 – *Frenzel H.A., Frenzel E.* Daten deutscher Dichtung. Chronologischer Abriß der deutschen Literaturgeschichte: In 2 Bdn. Bd. 1: Von den Anfängen bis zum Jungen Deutschland. 32. Aufl. München, 1999.

Frisch 1993 – *Frisch R.* Substantivische Affixbildung im Frühneuhochdeutschen. ge-Präfigierungen und Ableitungen ohne explizites Suffix: ihre Morphologie und Semantik: Inaugural-Dissertation. Würzburg, 1993.

Gauger 1971 – *Gauger H.-M.* Durchsichtige Wörter. Zur Theorie der Wortbildung. Heidelberg, 1971. (Bibliothek der allgemeinen Sprachwissenschaft).

Klein, Solms, Wegera 2009 – *Klein Th., Solms H.-J., Wegera K.-P.* Mittelhochdeutsche Grammatik. Teil III. Wortbildung. Tübingen, 2009.

KNLL 1996 – Kindlers Neues Literaturlexikon. Studienausgabe: In 21 Bdn. / Hg. von W. Jens. Bd. 1. München. 1996.

MHW I 1992 – *Lexer M.* Mittelhochdeutsches Handwörterbuch: In 3 Bdn. Nachdruck der Ausgabe Leipzig 1872–1878. Bd. 1. Stuttgart, 1992.

MHW II 1992 – *Lexer M.* Mittelhochdeutsches Handwörterbuch: In 3 Bdn. Nachdruck der Ausgabe Leipzig 1872–1878. Bd. 2. Stuttgart, 1992.

Müller 1993 – *Müller P.O.* Substantiv-Derivation in den Schriften Albrecht Dürers: ein Beitrag zur Methodik historisch-synchroner Wortbildungsanalysen. Berlin; New York, 1993. (Wortbildung des Nürnberger Frühneuhochdeutsch 1).

Salzer, Tunk б.г. – *Salzer A., Tunk E. von.* Illustrierte Geschichte der deutschen Literatur: In 6 Bdn. Bd. 1: Von den Anfängen bis zum 16. Jahrhundert. Neubearb. u. aktual. von C. Heinrich u. J. Münster-Holzlar. Köln, б.г.

Wegera 2000 – *Wegera K.-P.* Grundlagenprobleme einer mittelhochdeutschen Grammatik // Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung / Hg. von W. Besch et al. 2., vollst. neu bearb. und erw. Aufl. 2. Teilbd. Berlin; New York, 2000. S. 1304–1320. (HSK 2.2).

Wellmann 1969 – *Wellmann H.* Kollektiva und Sammelwörter im Deutschen: Inaugural-Dissertation. Bonn, 1969.

Wellmann 1975 – *Wellmann H.* Das Substantiv / Deutsche Wortbildung. Typen und Tendenzen in der Gegenwartssprache. Eine Bestandsaufnahme des Instituts für deutsche Sprache Forschungsstelle Innsbruck. Zweiter Hauptteil. Düsseldorf, 1975. (Sprache der Gegenwart 32).

Wilmanns 1930 – *Wilmanns W.* Deutsche Grammatik. Gotisch, Alt-, Mittel- und Neuhochdeutsch. Zweite Abteilung: Wortbildung. 2. Aufl., unveränd. Neudruck. Berlin u. Leipzig, 1930.

3. ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ

Толкования Священного Писания. Толкования на Пс. 5:8. URL: <https://bible.optina.ru/old:ps:005:08>

Толкования стихов Ин. 18:15–16 – Новый Завет – Синодальный перевод Библии. URL: <https://azbyka.ru/biblia/in/?Jn.18:15,16>

Толкования на Евангелие от Луки 5:7. URL: <https://azbyka.ru/biblia/in/?Lk.5:7>

КОНЦЕПТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИЕРАРХИИ *CHEVALIER* ‘РЫЦАРЬ’ И *VILAIN* ‘КРЕСТЬЯНИН-ВИЛЛАН’ И ИХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В ДИСКУРСАХ ФРАНЦУЗСКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ¹

С.Е. Кремзикова

1. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Антропоцентрический подход в современной лингвистике ставит целью изучение человека сквозь призму языка и культуры и находит широкое применение в научных направлениях: коммуникативной лингвистике, когнитивной лингвистике, лингвоконцептологии, лингвокультурологии, социолингвистике, этнолингвистике [Апресян 1995; Воркачев 2005, 2010, 2016, 2017; Карасик 2009; Колесов 2016; Пименова 2011, 2016; Маслова 2004, 2019; Hagège 1985; Matoré 1985]. В работах этих направлений человек рассматривается в разных аспектах: человек физический (внешность, части тела), человек внутренний (душа, дух, ум, сознание, эмоции, сердце), человек как социальное явление (ценности, мораль), человек как духовная сущность [Маслова 2019: 24]; как представитель определенного социального слоя, профессии, социальный тип [Карасик 2002: 30], как участник деятельностной ситуации [Дейк ван 1989; Кремзикова 2010: 294, 307, 321]. Лингвисты отмечают, что социальная стратификация связана с оценкой статусных признаков человека, среди которых: 1) человеческие контакты (расстояние между участниками ситуации, громкость голоса, личное пространство); 2) статусная позиция вышестоящего, нижестоящего, равного человека; 3) поведение, соответствующее статусной роли [Карасик 2002: 70–71].

Каждая культурно-историческая парадигма вырабатывает свои представления о том, что необходимо, реально и действительно, а что случайно, надуманно и иллюзорно [Алефиренко 2005: 176]. При исследовании концептов как ментальных образований объектом изучения в лингвистическом плане является вербализованное знание. С этой позиции знание рассматривается как складывающееся исторически и упорядоченное посредством той или иной ценностно-смысловой структуры. Язык каждой эпохи воспроизводит определенный способ восприятия мира, представленный системой взглядов его носителей. В этой системе находит свое выражение картина мира, ее концептосфера. Без анализа ее сущности невозможно описание какой-либо реалии в системе культурных ценностей. В таком аспекте рассматриваются концепты, характеризующие феномен человека Средневековья: ментальный, эмоциональный, социальный, коммуникативный. Что же касается лингвоконцепта или лингвокультурного концепта, то он определяется как верба-

¹ Исследование проводилось в рамках инициативной научной темы ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет» «Лингвистическая креативность в системе и дискурсах разноструктурных языков (синхронический и диахронический аспекты)».

лизованный культурный смысл, как сложное (многомерное и многопризнаковое) ментальное образование (смысл), отмеченное культурной спецификой и имеющее имя (выражение в языке) [Воркачев 2010]; как «коллективные содержательные ментальные образования, фиксирующие своеобразие соответствующей культуры [Карасик 2009: 28]. ЛК-концепт характеризуется гетерогенностью и большим количеством признаков: этнокультурной спецификой, дискурсным представлением смысла (концепт меняет свое представление в зависимости от типа и вида дискурса, в котором он вербализуется), метафоричностью и эмотивностью такого представления, включением его имени в лексическую систему языка [Воркачев 2005: 76, 2016: 8]. В семантическом составе лингвокультурного концепта исследователи выделяют понятийную, ценностную и образную (образно-перцептивную) его составляющие [Воркачев 2016: 102; Карасик 2009: 28; Маслова 2004: 54–55]. Другие ученые отмечают его чисто ментальную сущность «концептум» и внешний уровень, на котором структуру концепта составляют содержательные формы – образ, понятие и символ [Колесов 2016: 45].

Концепты как информационные структуры сознания, содержащие совокупность вербальных и невербальных знаний, зарождаются в процессе познавательной деятельности, отражают и обобщают опыт человека. Одной из проблем определения концепта является его разграничение с понятием (их либо отождествляют, либо относят к разным сферам науки, либо включают понятие в структуру концепта). Отмечается, что концепты соотносимы с понятиями наиболее общего порядка, которые являются «ценностями данной культуры и человеческой культуры вообще» [Степанов 2001: 40]. Понятие, фиксированное посредством пропозиции и обозначенное определенной номинативной единицей, представляет ядро концепта [Болдырев 2002: 23–24; Кубрякова 2004: 316]. Второй дискуссионной проблемой является проблема речевой вербализации концептов: одни исследователи считают их полностью вербализованными; другие – частично, языкообразными или картиноподобными; или полностью автономными от языка [Селіванова 2006: 256–258]. Считается, что концепты не являются застывшими ментальными образованиями: они эволюционируют, взаимодействуют с близкими понятиями, образуя динамические разветвленные сети, фиксация которых происходит путем вербализации и актуализации информации, которую они представляют, в дискурсе.

Многоаспектность и междисциплинарная сущность понятия «дискурс» проявляются в различных определениях этого феномена. В современной лингвистической литературе отдается предпочтение широкому толкованию дискурса как родовой категории по отношению к понятиям речи, текста, диалога [Русакова 2011; Селіванова 2006: 119; Степанов 2001; Bourbello 2005, 2015; Charaudeau, Maingueneau 2002: 190]. Ученые считают, что разные типы дискурсов имеют общую основу, что позволяет говорить о дискурсе вообще и прототипичной модели дискурсивной деятельности, сущностью которой является «формирование смысла и его становление, фиксации как текста» [Бурбело 2004: 81].

В функциональном плане дискурс рассматривается как коммуникативное событие, ситуация, интегрирующая текст с другими ее составляющими – экстралингвальными факторами. Отмечается, что дискурс – это «форма и способ освоения в семиозисе собственной идентичности и окружающего мира во всех модусах их существования и взаимодействия» [Бурбело 2004: 82]. Уточняется, что дискурс включает не только тексты и высказывания, но и типовые модели речевого поведения и набор речевых действий, специфичных для определенного типа коммуника-

ции. Дискурс как система коммуникации существует в реальном и потенциальном измерениях. В реальном измерении – это поле коммуникативных практик, речевая деятельность в определенном социальном пространстве, а также тексты, возникающие в результате такой речевой деятельности. В потенциальном измерении дискурс – это семиотическое пространство, включающее вербальные и невербальные знаки, ориентированное на обслуживание коммуникативной сферы [Шейгал 2000: 11].

С этим утверждением коррелирует точка зрения, согласно которой тексты никогда не существуют вне дискурса, а функционирование определенных моделей текстов отражает типичные для данного периода правила дискурсивности [Трошина 2004: 110]. Обращается внимание на то, что различные типы дискурсивной деятельности (речевого потока, в котором отражаются менталитет и культура как национальная, всеобщая, так и индивидуальная, частная), осуществляются в коммуникативном плане и отмечены функциональной нагруженностью и социальной ориентированностью. Патрик Серьо считает, что именно социально-историческая ткань формирует дискурс и «делает некий дискурс определенным дискурсом» [Серьо 2001: 558].

В процессе формирования дискурса образуется общий контекст, участниками которого выступают действующие лица, объекты, обстоятельства. В каждом типе дискурса определенного исторического периода происходит взаимодействие концептов, которые наряду с основным значением актуализируют дополнительные значения, в том числе и исторические, формируя широкое многоядерное концептуальное поле, вербализованное словами, составляющими его лексико-семантическую сеть [Степанов 2001: 47; Picoche 1994: 23]. Поскольку дискурс понимается как деятельность, направленная на познание, отражение, преобразование и толкование мира, отмечается такая его особенность, как ценностность, которая является глубинным воспроизведением общих семиотических дискурсивных основ и проявляется как валоризация референта (означаемого), через его языковое выражение (означающее) и отношение, которое их объединяет [Бурбело 2003: 220].

Признание дискурса самой общей категорией организации языковой коммуникации акцентирует его динамичный характер и ставит вопрос о базовых единицах, составляющих его. Такой единицей в работе принята деятельностная ситуация. Типичная деятельностная ситуация, которая разворачивается вокруг ключевого слова, называющего действие, и компонентов, составляющих его пропозицию: S/субъект, O/объект, C/условия в определенной разновидности дискурса, – позволяет построить широкое и открытое концептуальное поле, имеющее вариативные разветвления на разных уровнях: лексическом (лексическое представление действия, его субъекта и других участников ситуации), синтаксическом (синтаксические конструкции, в которые они могут входить, функции, которые они выполняют), морфологическом, словообразовательном.

Поль Рикер отмечает, что действие, как и его проводник, принадлежат к одной концептуальной области, «включающей такие понятия, как обстоятельства, намерения, мотивы, выбор, свободное или несвободное движение, пассивность, принуждение, желаемые результаты» [Рикер 2002: 73]. Ключевым в сети концептов, связанных с действием, признается субъект действия, индивид, живущий в мире языкового и практического опыта и вербализующий его посредством высказывания. Деятельная ситуация представляет, таким образом, узел отношений, организующий языковые единицы в синтагматическом и парадигматическом планах и обуславливающий существование широкой валентностной (глубинной) сети вза-

имоотношений, которая на поверхностном уровне дискурса их (эти отношения) отражает в виде семантически и формально связанных слов [Кремзикова 2010: 54]. Деятельностная ситуация трактуется как лингвокогнитивная модель определенной онтологической ситуации, формула которой на концептуальном уровне отражает характер связи между сущностями реального мира и предполагает, что она является «функциональной аппроксимацией», «идеализацией объекта», исходя из многогранной природы языковых явлений, их семантики, структуры, взаимодействия с другими единицами категоризации, функционирования в речи [Кремзикова 2010, 2017, 2019].

Важным аспектом репрезентации концепта социальной иерархии является актуализация его структурных компонентов в определенной деятельностной ситуации в виде серии эпизодов, введение которых позволяет адресату принять описываемое явление на уровне его парадигматико-синтагматической детализации. Парадигматические проекции создаются лексическими сериями слов, синонимическими рядами, стереотипными образованиями, словообразовательными моделями. Исследование средств репрезентации различных аспектов многомерной структуры концептов социальной иерархии *chevalier* ‘рыцарь’ и *villain* ‘крестьянин-виллан’ в типичных деятельностных ситуациях, характеризующих различные типы дискурсов французского Средневековья, является основной задачей работы.

2. ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА *CHEVALIER* ‘РЫЦАРЬ’ В ДИСКУРСАХ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Известно, что синхрония старофранцузского периода относительна: она охватывает несколько столетий и характеризуется переходом в XII в. от феодального общества первой ступени развития к феодальному обществу второй его ступени, от одной формы мышления к другой [Burgess 1970: 74; Merisalo 1988: 6–19]. Старофранцузский период является эпохой духовных трансформаций, отмечен разнообразием дискурсов, в частности, историческим переходом в 1150–1151 гг. от эпических произведений к куртуазному роману, появлением в XIII в. делового дискурса, расцветом городской литературы. Наиболее характерными явлениями городской литературы в XIII в. были: фаблю (комические рассказы в стихах, анекдоты, басни), городская лирика, дидактическая и аллегорическая поэзия, миракли, сказы, жалобы, поэтические списки (стихи, в которых излагаются всевозможные полезные знания: правила образования или гигиены, привычки и обычаи ремесел, каталог улиц, церквей или крики зазывал Парижа), большое влияние на становление которых оказали фольклорные мотивы и образы. Как отмечают исследователи, имея неодинаковую литературную ценность, они тем не менее способствовали изображению сложного и очень живого персонажа – свободного крестьянина французских провинций, что свидетельствует о фундаментальных изменениях, изменении социального устройства общества, трансформации мировоззрения [Косиков 1987: 20–21, 53–56; Манухина 2011, 2012; Lorcin 2000].

2.1. ЯЗЫКОВЫЕ СТЕРЕОТИПЫ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ СТЕРЕОТИПИИ МЫШЛЕНИЯ И ДЕЙСТВИЯ И КАК СИМВОЛЫ КУЛЬТУРНЫХ КОДОВ

Понятие стереотипии как детерминированной культурой, упорядоченной структуры сознания, которая олицетворяет результат познания действительности определенными сообществами, нашло широкое применение в трудах лингвистов, социологов, психологов, культурологов. [Маслова 2004; Hausmann 2006; Kleiber

2007; Leyens. et al. 1996; Melkersson 1992; Schapira 1999] . Представители различных научных школ выделяют типичные, с позиций определенной науки, свойства стереотипа.

Признание стереотипа как определенного представления о реальной действительности приводит к пониманию того, что за каждой единицей языка находится стереотипный образ, который реализуется в речевом общении в стандартной для данной культуры ситуации [Маслова 2004: 57]. Основой формирования стереотипов считается психологическая привычка человека возвращаться к уже известным, неоднократно повторяющимся ситуациям, которые фиксируются сознанием в виде стандартных схем, а также стремление облегчить себе восприятие разнообразия мира и его оценку [Charaudeau, Maingueneau 2002: 544]. Как отмечают Leyens J.-P., Yzerbit V. и Schadron R., стереотипы – это общие убеждения в отношении личных характеристик, в основном личностных черт, но также часто и поведения группы людей [Leyens, J.-P. et al. 1996: 12].

Выделяют различные виды стереотипов: социальные стереотипы, стереотипы общения, ментальные стереотипы, этнокультурные стереотипы. Общими для всех разновидностей стереотипии есть две их важные черты: детерминированность культурой и способность быть средством экономии усилий и, соответственно, языковых средств.

В последнее время наблюдается новый подход к изучению стереотипии – дискурсивный, который позволяет лучше понять место стереотипных группировок в языке и дискурсе, помогает разработать новые критерии выделения их категорий и провести более систематическое описание их функционирования [Charaudeau, Maingueneau 2002; Resman 2012]. В анализе дискурса стереотип воспринимается как коллективная устойчивая репрезентация, которая отражает взгляды, верования, разделяемые членами данного общества, и делает возможной словесную интеракцию. Считается, что большинство языковых стереотипов имплицитно или эксплицитно отражают стереотипы мысли, которые фиксируют верования, убеждения, предрассудки и другие унаследованные идеи общества. Некоторые из них закрепляются в языке, они находят свое воплощение в устойчивых выражениях, которые нельзя изменить. Языковые стереотипы – это достаточно стойкие выражения, состоящие из двух или более слов, объединенных в синтагмы и даже фразы [Charaudeau, Maingueneau 2002; Schapira 1999]. Стереотипия функционирует в плоскости дискурса, актуализируя упорядоченные, схематические, детерминированные культурой картины мира.

Исследователи выделяют основные признаки, характеризующие стереотипы: образность, упрощенность, схематичность, символичность, целостность, оценочность, субъективность, категоричность, иллюзорность [Селіванова 2006: 579]. К стереотипным группировкам относятся экспрессивные синтагматические обороты, включающие буквализмы, метафорические выражения, аллюзии, клише. Отдельный слой стереотипных группировок составляют «лексически ограниченные взаимозависимости», или коллокации. Коллокации как отдельный тип синтагматических единиц по-разному толкуются в лингвистике [Blumenthal 2006: 15–30; Hausmann 2006: 3–7]. Во-первых, коллокации определяются по количественному критерию как две лексические единицы, которые регулярно появляются в более или менее узком контексте. Во-вторых, коллокации определяются по качественным критериям и толкуются как единицы, которые одновременно встречаются в тексте и характеризуются «лексически ограниченной взаимозависимостью» [Hausmann,

Blumenthal 2006: 3, Polguère, Mel'čuk 2006: 69]. Высказывается мнение, что коллокации занимают промежуточную позицию между идиоматическими оборотами и свободными объединениями слов [Gledhill, Frath 2007: 65]. Как представляется, в основе образования коллокации действуют законы семантической и синтаксической согласованности, что в какой-то степени коррелирует с понятием синонимии. Изучение стереотипных образований путем применения семантико-когнитивной схемы делает возможным выявление их нюансов. Рассматривая стереотипы на уровне деятельности сознания, ученые определяют их как культурно окрашенные компоненты концептуальных структур [Пименова 2011, 2016].

2.2. ОСОБЕННОСТИ ОБЪЕКТИВАЦИИ КОНЦЕПТА *CHEVALIER / CAVALIER* В ЭПИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Материальным символом важных концептуальных фактов являются имена концептов, опирающиеся на иерархию ключевых слов, по мнению А. Вежбицкой, на *ключевые слова культуры* [Вежбицкая 2001], или *mots-témoins* 'слова-свидетели' [Matoré 1985]. Слово-свидетель как имя концепта выражает значимое понятие или явление. В то же время это экспрессивный и смысловой элемент, который конкретизирует определенный факт цивилизации [Matoré 1985: 39]. Имени концепта присуща вариативность в зависимости от типа дискурса, в котором он вербализуется, а также способность менять имя в зависимости от позиции субъекта речи [Воркачев 2014: 75]. По количественным и качественным признакам таким 'словом-свидетелем' (именем концепта) в дискурсе Средневековья является существительное *chevalier / cavalier* 'рыцарь'. Так, в эпической поэме XII в. «Le Couronnement de Louis» имя концепта *chevalier* встречается в 72 ситуациях. Проведенный анализ подтверждает регулярность его функционирования в формах *chevalier / chevaliers* в последовательных рядах поэмы:

chevalier (37 случаев функционирования) 88, 104, 220, 223, 575, 593, 595, 612, 1127, 1166, 1169, 1243, 1455, 1486, 1525, 1564, 1619, 1630, 1634, 1642, 1736, 1793, 1874, 1912, 1936, 1976, 1988, 2038, 2048, 2059, 2307, 2319, 2336, 2349, 2371, 2438, 2444;

chevaliers (35 позиций) 123, 157, 188, 239, 388, 1271, 1410, 1472, 1504, 1559, 1597, 1645, 1653, 1654, 1659, 1697, 1700, 1731, 1824, 1829, 1844, 1949, 1956, 1968, 1978, 2024, 2079, 2083, 2110, 2152, 2173, 2176, 2249, 2268, 2413 (всего 72 примера функционирования) [Cour. L.].

2.2.1. Стереотипные конструкции как репрезентанты концептов социальной иерархии в эпическом дискурсе

Для старофранцузского (СФ) и старопровансальского (СП) эпического дискурса функционально значимыми в репрезентации концепта *chevalier / cavalier* 'рыцарь' по количественным показателям и качественным характеристикам являются деятельностные ситуации социальных отношений и батального действия. Так, старофранцузское существительное *chevalier* 'всадник, рыцарь', как и старопровансальское *cavalier*, согласно своей семантической структуре, коррелирует в дискурсе не только с мотиватором *cheval* (СФ) / *caval* (СП), (*cheval* – 'animal domestique qui sert de monture' – 'конь – домашнее животное для верховой езды'), но и рядом слов, которые указывают на социальное положение, происхождение, внешние черты, атрибуты, обязанности рыцаря, выступая в качестве компонентов

деятельностных ситуаций социальных отношений или батального действия, активным участником которых он является.

Потенциальные компоненты значения отражают референционную отнесенность слова к денотату, указывают на принадлежность к определенным институтам, предметам, явлениям объективной действительности. Эти компоненты относятся к понятийной составляющей концепта и реализуются в эпическом дискурсе, например:

(1) *Itel valor deit aveir chevaler Ki armes portet e en bon cheval set E en bataille deit estre forz e fiers* [Rol.: 140] 'Такие качества должен иметь рыцарь, который оружие носит и на добром коне сидит, и в битве должен быть сильным и отважным'.

Отметим, что в дефиниции *chevalier*, которую дают словари [DÉCT; GDAF; Gdf.], присутствуют те же компоненты: *guerrier noble qui combat á cheval* 'знатный воин, сражающийся на коне', 'благородный всадник'. Типичным для ситуаций социальных отношений 'рыцарь в иерархии общества', представленных в старофранцузском эпическом дискурсе, является объективация понятийного компонента 'социальный статус' / 'воин на службе королю и отечеству', оценочного компонента с положительным значением, которые вербализируются стереотипными конструкциями: *gentilz hom* 'благородный человек', *Gentilz om onorables* 'благородный человек, уважаемый', *chevaler de bon aire* 'рыцарь знатного происхождения', *bon vassal* 'верный вассал'; *vassal cumbatant* 'отважный вассал / воин', *merveillus vasselage* 'высокая доблесть'; *forz e fiers* 'сильный и смелый', *proz et vaillant* 'храбрый и отважный', *vertuus* 'доблестный', *sage* 'мудрый'; *sun seignur aider* 'обязанность помогать своему сеньору'.

(2) *E! Gentilz hom, chevaler de bon aire* [Rol.: 160] 'Благородный человек, рыцарь знатного рода'.

(3) *Gentilz om onorables A onor faire deit chascuns estre larges* [Cour. L.].

(4) *Ne chevaler s'il ne fust bon vassal* [Rol.: 18, 154]. 'Нет рыцаря, который не был бы хорошим вассалом'.

(5) *Blancandrins fut des plus saives paiens, De vasselage fut assez chevaler: Prodom' i out pur sun seignur aider* [Rol. L.3, 18].

(6) *Grandonie fut e prozdom, e vaillant e vertuus e vassal cumbatant* [Rol.: 18, 124].

Принадлежность *chevalier* к высшей ступени социальной иерархии подтверждается также его многочисленными корреляциями в эпическом дискурсе с представителями верховной власти в феодальной иерархии - королем, сеньором. Так, в эпической поэме «Couronnement de Louis» отмечено 103 ситуации с участием *seignor / seignor, sire, mesire* 'сеньор, господин':

seignor (23) 136, 342, 429, 1393, 1457, 1461, 1527, 1666, 1691, 1745, 1746, 1759, 1767, 1894, 1998, 2147, 2149, 2381, 2413, 2510, 2616, 2618, 2625; *seignor* (12) 1, 11, 119, 438, 1686, 1763, 1788, 1843, 1925, 1951, 1966, 1989; *sire* (62) 111, 117, 145, 148, 150, 219, 383, 392, 417, 455, 478, 502, 517, 544, 562, 565, 566, 728, 940, 958, 1007, 1062, 1176, 1223, 1302, 1323, 1340, 1351, 1352, 1386, 1389, 1401, 1408, 1444, 1521, 1537, 1549, 1556, 1560, 1582, 1616, 1628, 1631, 1649, 1687, 1711, 1722, 1736, 1760, 1764, 1785, 1793, 1842, 1887, 1927, 2048, 2172, 2220, 2267, 2399, 2422, 2641 *sires* (5) 399, 432, 2317, 2608, 2643; *mesire* (1) (103).

В старопровансальском эпическом дискурсе функционируют стереотипы-корреляты относительно характеристики *cavaler*, которые указывают на его принадлежность к верхушке социальной иерархии *baron, coms*, к знатному роду *de bon*

aire, характеризуют его как отважного и смелого воина *pros e valent*, храброго и воинственного *ardit e combatant*, воспевают его преданность королю *bos vassaus* ‘хороший подданный’, указывают на благородство и искренность рыцаря *Bos cavalers e larcs, gensor* ‘хороший рыцарь и искренний, и великодушный’. Например, в старопровансальском эпосе «La Chanson de la Croisade Albigeoise» рыцарь характеризуется целым рядом оценочных прилагательных, представленных стереотипными сочетаниями:

(7) *Un riche baron, qui fu pros e valent, ardit e combatant, savi e conoisent, Bos cavalers e larcs e pros e avinent.* ‘Богатый барон, который был смелым и отважным, храбрым и воинственным, мудрым и знающим, Красивый рыцарь, щедрый и отважный’ [Crois. Albige.: 36];

(8) *N’a cavalier milhor. Ni plus pros ni plus larg, plus cortes ni gensor.* ‘Нет лучшего рыцаря, ни более смелого, ни более щедрого, ни более благородного, ни более великодушного’ [Crois. Albige.: 15];

(9) *Mas els se defendero a lei de bos vassaus* [Crois. Albige.: 156];

(10) *Carl e valens coms joves, qu’es adreitz et prezans. E fo gentils e savis e adreitz e prezans* [Crois. Albige.: 160].

Как в старофранцузском, так и в старопровансальском эпическом дискурсе стереотипы реализуют понятийный аспект концепта *cavalier*: указывают на его социальный статус – принадлежность к верхушке социальной иерархии *baron, coms*, к знатному роду *de bon aire*; объективируют ценностную составляющую концепта – отмечают отвагу и смелость воина, который является *pros e valent* ‘смелый и отважный’, *ardit e combatant* ‘храбрый и воинственный’, *bos vassaus* ‘верный вассал». Но отличительными признаками объективации концепта *cavalier* в старопровансальском эпическом дискурсе являются компоненты, указывающие на такие качества, как его красота, щедрость, великодушные рыцаря, а также его воспитанность, учтивость и осведомленность *savi e conoisent, cortes, savis e adreitz e prezans*.

Функция этнокультурных стереотипов в деятельностных ситуациях как единицах дискурса заключается в том, что стереотипы играют особую роль в организации дискурса, заполняя деятельностно-коммуникативные лакуны. Считается, что представляя ситуацию в виде иерархически расположенных эпизодов, говорящий действует под влиянием уже существующих в сознании определенных стереотипных моделей. Стереотипная модель, с помощью которой упорядочивается опыт говорящего, толкуется как структура, определяющая концептуальную организацию опыта [Чейф 2001: 11]. В эпическом дискурсе стереотипы оценки связаны преимущественно с героическими качествами рыцаря-воина: *preus et vallant* ‘смелый и мужественный’; *hardi et combatant* ‘отважный и воинственный’, и лишь в старопровансальском эпосе, более позднем исторически (старофранцузский эпос «La Chanson de Roland» датируется 1080 г., а старопровансальский «La Chanson de la Croisade Albigeoise» XIII в.), наряду с ними, валоризуется более широкий спектр ценностных стереотипов: *savis e adreitz; adreitz et prezans, savi e conoisent, valens coms joves*.

2.2.2. Словообразовательные средства объективации концепта *chevalier / cavalier*

Изучение функционирования моделей в дискурсах определенного исторического периода предполагает выявление различного типа корреляций, в которых

участвуют производные данных моделей. Значительность роли словообразовательных единиц в объективации понятийной составляющей концепта неоднократно подчеркивали ученые в своих работах [Вендина 2001, 2002, 2004; Кубрякова 2004, 2006; Колесов 2016; Кремзикова 2010; Пименова 2016]. Исследователи рассматривают регулярность словообразовательных отношений как фактор, благодаря которому в языковых формах закрепляются связи и ассоциации о называемых объектах, явлениях, свойствах окружающей действительности [Харитончик 2001: 35]. Словообразовательно маркированная лексика позволяет выявить культурно-историческую специфику языка, а также связи между единицами языка и культурно значимыми концептами [Вендина 2001: 16]. Концепты, реализованные при помощи производной лексики, являются частью языковой картины мира. Согласно количественным показателям и качественным характеристикам наиболее функционально нагруженными являются производные, образующие многозвенные словообразовательные ряды [Катагощина 1980, 2010], которые и актуализируют ключевые концепты старофранцузского периода. Например, в эпических романах посредством словообразовательных рядов актуализируются концепты иерархического устройства феодального общества: *cheval* → *chevalier* → *chevalerie*; → *chevaleros* 'конь; всадник / рыцарь → рыцарство'; → рыцарский; *vassal* → *vasselage*; → *vassalement* 'рыцарь на службе у короля, доблесть / отвага; → отважно); *baron* → *baronage*; → *baronie* 'барон; баронство / владения барона; статус барона'; *seignor* → *seignorage*; → *seignorie* 'властелин / сеньор; власть, право сеньора; владения'; *escu* → *escuier* → *escuierie*; → *escuage* 'щит; оруженосец; функция оруженосца; обязанность, долг'. Исходными словами этого типа многозвенных словообразовательных рядов являются существительные, объединенные архисемой «социальная принадлежность» с различными категориальными характеристиками: а) лицо, одушевленность – *chevalier*, *vassal*, *baron*, *seignor*; б) одушевленность, неперсональность – *cheval*; в) предметность, неодушевленность – *escu*. Например, в «La Chanson d'Aspremont» реализуется ряд *chevalier* → *chevalerie*; → *chevaleros*:

(11) *Et chevalier hardi et combatant* [Aspremont. II, 6425];

(12) *Pros et hardis et molt cevalerous* [Aspremont., 2214];

(13) *Car Eaumes ert forment cevaleroux, fiers et hardis...* [Aspremont., 3651–3652];

(14) *Bon ert lo roi, for, sain et plain de vie; Fier et hardi, plain de chevalerie* [Aspremont. II, 6552–6553].

Будучи вторичным знаком, производное слово отражает итоги речемыслительной, познавательной и номинативной деятельности человека, поэтому, исследуя производные слова, можно судить о том, какова специфика этой деятельности на том или ином этапе развития языка [Кубрякова 2006]. Так, в эпическом дискурсе *proz / preus* 'смелый' коррелирует с прилагательными *vallant* 'храбрый', *hardi* 'отважный', *gentilz* 'благородный'. *E Oliver, li proz e li gentilz* [Rol.: 176]. Такие же корреляции сохраняют и существительные, мотивированные этими прилагательными, образуя стереотипный ряд производных имен: *prouece et hardemant* 'смелость и отвага', например: (15) *Que Deus te dont prouece et hardemant* [Aspremont.: 7486].

Языковые единицы, реализующие понятийный компонент концепта «рыцарь» *chevalier / cavalier* в старофранцузском и в старопровансальском эпическом дискурсе, коррелируют в деятельностных ситуациях батального характера с другими

производными именами со значением агентивности, образованными по словообразовательным моделям:

$N^1 + \text{Suf. -ier/-er} \rightarrow N^2\text{Ag}$ (*guerre* → *guerrier*);

$\text{Adj.} + \text{Suff. -ier/-er} \rightarrow N^2\text{Ag}$ (*destre* → *destrier*).

Они актуализируют, соответственно, ситуации, общие семы лексического значения «воин», «боец» и называют других участников батального действия, таких как: *guerrier* (AF) / *guerriers* (AP) ‘воин’, *soldeier* (AF) / *soldadier* (AP) ‘солдат’, *gunfanonier* (AF) ‘знаменосец’, *arbalestier* (AF) ‘арбалетчик’, *archier* (AF) ‘лучник’, *conseillier* (AF) ‘советник’, *escuiier* (AF) ‘оруженосец’, *destrier* (AF) / (AP) ‘боевой конь’. Например, в старофранцузском и старопровансальском эпическом дискурсе:

(16) *Li guens Rollant fut noble guerreier; Gualter del'Hum est bien bon chevaler* [Rol.: 2066–2067];

(17) *Puis sunt muntez sur lur curanz destrers; Adobez sunt a lei de chevalers E de bataille sunt tuit apareillez* [Rol.: 1143–1145];

(18) *Mes a.Guill. le nobile guerrier; Mes peres dit qu'estes bon chevalier* [Couronn.: 210; 220];

(19) *Per trastotas las terras, lai on sab soldadiers: Qui vol aur ni argent ni bos cavals corsers* [Crois. Albige., 159];

(20) *Pois, si torna a coita, manjarem los destriers* [Crois. Albige.: 159];

(21) *Us cavalers de lai, Girauds de Pepios, Qu'es ab lo comte de Foiss, del melhs de sos baros, Vai brochan lo destrier dels trenchans esperos* [Crois. Albige.: 96].

Исследование эпических поэм показало, что среди лексем, составляющих стереотипные коллокации, в процессе реализации концепта *chevalier* высокой частотностью отличаются *vassal* и *vasselage*. Так, в старофранцузском эпосе «Chanson de Roland» *vasselage* коррелирует с *chevalier* в 20 ситуациях, мотивируется исходным словом *vassal* и указывает на главный рыцарский долг, его назначение преданно служить королю, а также на основную черту истинного рыцаря – доблесть. Типичными для ситуаций социальных отношений «рыцарь в иерархии общества», представленных в эпическом дискурсе, являются стереотипные конструкции с оценочным компонентом ‘верноподданный’: *bon vassal* ‘верный вассал’, *vassal cumbatant* ‘боевой вассал’, *merveillus vasselage* ‘высокая преданность’; *forz e fiers* ‘сильный и смелый’, *gentilz hom* ‘благородный человек’, *de bon aire* ‘знатного происхождения’, которые характеризуют как французских рыцарей, так и их противников. В 14 случаях *vasselage* выполняет синтаксическую функцию атрибута при предикате широкой семантики, употребляется с глаголами *avoir* или *être*:

(22) *Rollant est proz e Oliver est sage Ambedui unt me[r]veillus vasselage* [Rol.: 1093–1094];

(23) *Bels fut e forz e de grant vasselage* [Rol.: 169];

(24) *Dist Oliver, ne sereit vasselage; Dient franceis, ci ad grant vasselage*, [Rol.].

Являясь частью предиката с глаголом широкой семантики, существительное *vasselage*, выражает абстрактную сущность – качество, которое характеризуется высокой оценкой в эпическом дискурсе в коллокации с прилагательным *grant* ‘большой’, *merveillus* ‘чудесный’. В эпическом дискурсе оно отражает ключевое

понятие концепта «рыцарь» – идею воинского долга, служения богу, отечеству, королю.

2.3. СПЕЦИФИКА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА *CHEVALIER / CAVALER* 'РЫЦАРЬ' В КУРТУАЗНОМ ДИСКУРСЕ

Куртуазный дискурс формируется в интеллектуально-культурной атмосфере эпохи Средневековья. В XII столетии произошел переход от феодального общества первой ступени развития к феодальному обществу второй ее ступени. Это обусловило фундаментальные изменения, трансформацию мировоззрения. Появляется новая картина социального устройства общества, которая и отражается в новых типах дискурсов. В частности, в старофранцузском куртуазном дискурсе (вторая половина XII ст.), представляющем поведение и манеры придворного человека, «искусство жить и любить, свойственное дворянству». Морально-этические принципы аристократии феодального общества четко сформулированы в куртуазном дискурсе. Кретьен де Труа так описывает двор короля Артура в романе «Erec et Enide», социальную структуру которого представляют верные рыцари, отважные, смелые и горделивые, богатые дамы и девицы, дочери королей, красивые и благородные: (25) *Ot li rois Artus cort tenue. / Ains si riche ne fu veüe; / Car mout i ot buens chevaliers, / Hardiz et corageus et fiers, / Et riches dames et puceles, / Filles a rois, jantes et beles.* [Erec : 29–34]

Исследователи обращают внимание и на специфику произведений переходного периода – античных романов, таких как «Roman de Troie», «Roman de Thèbes», сочетающих черты эпоса и рыцарского романа [Burgess 1970: 22]. Отмечаются следующие признаки культурного развития Франции XII–XIII вв.: рыцарство окончательно формируется в самостоятельное и могущественное сословие, оно приобщается к образованности и вырабатывает собственные культурные идеалы [Косиков 1987].

2.3.1. Стереотипные конструкции в художественном дискурсе

В разновидностях художественного дискурса, представленных куртуазным и античным романом, понятийная и оценочная составляющие концепта *chevalier* 'рыцарь' соотносятся с положениями куртуазной идеологии. Ключевым словом таких стереотипов является, мотивированное существительным *cort* 'двор', прилагательное *cortois / cortoise* 'куртуазный, любезный, воспитанный, учтивый', которое составляет семантический прототип среди данной группы лексем, коррелируя с прилагательными синонимического ряда, в частности: *sage* 'мудрый', *gentil* 'знатный, благородный', *enorable / honorable* 'уважаемый, знатный'; *saillant* 'веселый'; *larc, large* 'щедрый'; *franc / franche* 'честный, искренний', *acoitable* 'приятный, общительный', *cointe* 'любезный, изысканный', *bel / biaux* 'красивый', *bon parler* 'красноречивый', *bien appris* 'воспитанный, образованный'.

Отметим, что такие стереотипы не являются застывшими выражениями, их структура отличается разнообразием и допускает варьирование позиций членов ряда относительно друг друга. В античном романе «Roman de Troie», который сочетает признаки эпического и куртуазного дискурсов, *cortois* употребляется в 40 ситуациях, из которых в 27 случаях в отношении мужчин, а в 13 – применительно к женщинам. Например, в таких стереотипных коллокациях: *sages e cortois* 'мудрый и любезный' (170, 10257, 5210, 14578, 13086), *sages, cortois* (716, 4228), *franche e cortoise e proz e sage* (15266); *cortois, sage e proz* (11917); *cortoise e sage* (28677) («Roman de Troie»). Наиболее часто прилагательное *cortois* коррелирует

с прилагательными *sage* ‘мудрый’ и *proz* ‘отважный’. Подобные стереотипы зафиксированы и в куртуазном романе. Отмечены сочетания *cortois* с лексемами таких тематических рядов, как характеристика внешнего вида с прилагательным *bele* ‘красивый’: морально-этическая характеристика с компонентами *franche, corteise, e sage* ‘щедрый, куртуазный, мудрый’; уровень интеллекта – *sages e bien apris* ‘мудрый и образованный’, которые сопровождаются интенсификаторами лаудативной оценки *bon, bien – sages, cortois e bon parler* ‘мудрый, куртуазный, красноречивый’ (21796, 21960); *sages, cortois e bien apris* ‘мудрый, куртуазный и образованный’ (20166) («Roman de Troie»). Сравним с другими примерами.

(26) *Li chevalier congie ont pris Come cortois et bien apris* [Charrette: 595–596].

(27) *Por ce que preuz iere et cortois* [Erec, 687].

(28) *Tant fu jantis et enorable, De sages diz et acoitable*, [Erec, 2417–2418].

(29) *Biaus hon estoit, chenuz et blans, De bon'eire, jantis et frans* [Erec, 377–378].

(30) *Quatre vinz clers i ot contez, Jantis homes et enorables*, [Erec 2341].

(31) *Aucassins, gentix et sages, Frans damoisiex honorables*, [Auc.].

(32) *N'i ot chevalier plus loé; Et fu tant biaus, qu'an nule terre N'esteüst plus bel de lui querre. Mout estoit biaus et preuz et janz*, [Erec, 86–89].

Приведенные примеры высокой функциональной нагрузки лексемы *jantis / gentil* ‘знатный, благородный’ в процессе репрезентации концепта в куртуазном дискурсе в сочетании с *honorable / enorables* ‘уважаемый, знатный’, а также с лексемами *frans* ‘честный, искренний’ и *cortois* ‘куртуазный’ свидетельствуют об объективации прежде всего семы «социальный статус», что подтверждается и количественными данными. Как показал анализ материала, в куртуазном романе «Le conte du Graal» прилагательное *gentil* функционирует в формах *gentil* (3) *gentix* (4) *gent* (5) *gente* (6) *gentes* (2) *genz* (2) в оценочных конструкциях в 22 ситуациях. Следует отметить также регулярность стереотипных конструкций *cortois* ‘куртуазный’ с прилагательными *bel* ‘красивый’, *gentil (jantis, janz)* ‘благородный’, *frans* ‘свободный, великодушный’, *sage* ‘мудрый’, *vaillant* ‘отважный’, *honorable* ‘знатный, уважаемый’, *large* ‘щедрый’ и в других куртуазных контекстах.

(33) *Car cil qui soloient amer Se feisoient cortois clamer Et preu et large et enorable* [Yvain: 21–23].

(34) *Mout estoit biaus et preuz et janz* [Erec: 89]; *Le chavalier bel et adroit* [Erec: 150].

(35) *Erec come cortois et frans* [Erec, 1847]; *jantis et frans* [Erec: 378].

(36) «*Qui mout estoit vaillanz et preuz*» [Erec: 2193].

(37) «*Après li rois Cadovalanz / Qui mout fu sages et vaillanz*» [Erec: 315–316].

В ситуациях социально-иерархических отношений, вербализуемых в куртуазном дискурсе, главенствует морально-этический аспект (в средневековой Окситании он выходит на первое место) [Романова, 2015; Stenta 2011]. Как отмечают исследователи, этот этикет сложился при дворах (*corts*) феодалов юга Франции и представлял собой сочетание положительных качеств и действий, определяемых любовью к даме (*amors*) [Алисова 2011: 30]. В раннем Средневековье население земель, примыкающих к Пиренеям, создало поэтико-художественную культуру, отразившую идеалы, ценности и воззрения рыцарства этого периода [Dugros 2011]. Не случайно в поэзии трубадуров представители высшего сосло-

вия отмечены такими качествами: (38) «*Le coms de Tolosa val tant Aitals es com ieu lo deman Larcs, ardots, alegrez'aimant, Francs, de bela paria, Vertadièrs, drechura gardant, Leials e sens bausia, Bèls, gent parlant*» [Peire Cardenal]. 'Тулузский граф... щедрый, пылкий, веселый, любящий, откровенен, любит общество... правдив и прям... красив и красноречив'.

Окситанское общество XII–XIII вв., вместе с поэзией трубадуров, которые воспевали чувство радости любить, ставили его выше удовольствия быть любимым и провозглашали равенство мужчины и женщины в любви, восприняло новые ценности, которые впоследствии распространились по всей Европе в области лирики, музыки, языка, культуры [Dugros 2011: 41]. Новаторство трубадуров, как отмечают исследователи, заключалось в том, что их поэзия носила лирический, светский характер и воспевала возвышенную любовь: «...они не только выдвинули любовь на первый план, но и превратили ее в категорию, организующую всю систему куртуазных ценностей» [Косиков 1987: 34–35].

2.3.2. Словообразовательные корреляции в художественном дискурсе

Средством объективации концепта в куртуазном дискурсе являются также и словообразовательные модели. Функционирование стереотипных синонимических группировок приводит к появлению и мотивированных ими вторичных образований, например отадективных существительных по модели *Adj. + Suff. -ie, -ece* → *N*: *proe* 'отважный' → *proece* 'отвага'; *corteis* 'куртуазный' → *corteisie* 'куртуазность', объединенных в соответствующие стереотипные конструкции *corteis e proz* → *corteisie et proesce*. Функционируют также и ряды, мотивированные прилагательными *Adj. + Suff. -ement* → *Adv.*, например: *corteis e sage* → *cortisement e sagement*. Так, в деятельностной ситуации оценки в романе «Yvain» 'Рыцарь со львом' сначала функционируют стереотипные конструкции прилагательных, которые в дальнейшем развитии ситуации мотивируют существительные с абстрактным значением, выступающие как итог характеристики качеств рыцаря.

(39) *Mout vos vos* voi or preu et saillant, / Et certes mout m'est bel quant vos / Estes li plus cortois de nos.* [Yvain: 73–75].

(40) *Que vos avez plus que nos tuit / De corteisie et de proesce:* [Yvain: 79–80].

В отличие от эпического дискурса, в котором ценятся преимущественно качества рыцаря-воина, куртуазный дискурс характеризует его еще и как представителя куртуазного общества, соответствующего своеобразному придворному этикету, получившему название *cortoisie / cortesia* 'куртуазность'. Концептуальное поле *cortois* 'куртуазный' представляет узел отношений, связывающий языковые единицы в синтагматическом и парадигматическом планах, что делает возможным существование широкой структурно-семантической сети. Исследование показало, что в куртуазном дискурсе реализуются такие модели построения этой сети:

1) отыменные словообразовательные ряды:

$N^1 + Suff. -ois \rightarrow Adj + Suff. -ie \rightarrow N^2$: $N^1 cort \rightarrow Adj. cortois / cortoise \rightarrow N^2 cortoisie$

$N^1 + Suff. -er \rightarrow V + Suff. -able \rightarrow Adj + Suff. -ete \rightarrow N^2$: $N^1 honor \rightarrow V honorer \rightarrow Adj. honorable \rightarrow N^2 honorablete$

2) многозвенные отадъективные ряды:

Adj. + Suff-ece → *N*; → *Adv*: *Adj. large / larges* → *N largece*; → *Adv. largement*
 Adj. noble / nobles → *N noblece*; → *Adv. noblement*
 Adj. sage / sages → *N sagece*; → *Adv. sagement*
 Adj. cointe / cointes → *N cointise*; → *Adv. cointement*

Такие же словообразовательные корреляции наблюдаются и в старопровансальском куртуазном дискурсе: *larg* → *larguesa*; *pros* → *proesa*:

(41) «*Q'ieu n'ai chausit un pro e gen Per cui pretz meillur 'e genssa, Larc et adreig e connoissen, On es sens e conoissensa*» [Comtessa de Dia] 'Я выбрала одного достойного и благородного, щедрого, ловкого, знающего. У которого есть ум и мудрость'. [Comtessa de Dia];

(42) *De sa beutat, de sa larguesa, De son gent còrs, de sa proesa, E de son grant ensenhamment, Dont fa meravilhar la gent Com tant de pretz ni de beutat Son ensems en lei ajostats.* [Peire Cardenal].

Одной из ключевых лексем оценочного компонента концепта «рыцарь» в старофранцузском куртуазном дискурсе, является лексема *cointe*. Словарные дефиниции *cointe*, *cointes* включают такие определения, XI-е s.: 1) *prudent* 'осторожный', *habile* 'ловкий', *sage* 'мудрый'; 2) *élégant* 'элегантный', *gracieux* 'грациозный', *aimable* 'любезный'; 3) *vaillant* 'отважный', *brave* 'храбрый'; fin XII-е s. 1) *malicieux* 'лукавый', 2) *fat* 'щегольской', *agréable* 'приятный', *gracieux* 'изящный'; XIII-е s. 1) *galant* 'галантный', *vaniteux* 'тщеславный', *coquette* 'кокетливый', 'привлекательный'; 2) *rusé* 'хитрый'.

По результатам исследования романов «Érec et Enide» (Erec), «Cligès» (Cl), «Lancelot ou le Chevalier à la Charrette» (Charrette), «Yvain ou le Chevalier au Lion» (Yvain), «Perceval ou le Conte du Graal» (Graal) установлены основные коллокации этой лексемы, которые образуются вследствие актуализации определенных потенциальных сем. Так, присущие *cointe* семы 'élégant', 'gracieux' реализуются при описании физического портрета участников ситуации:

(43) *Li chevaliers au roge escu. et li meillor et li plus cointe Volsissent ester si acointe* [Cl. 4817].

В деятельностных ситуациях придворного этикета, реализуемых в куртуазном дискурсе, *cointe*, *cointes* коррелирует с лексемами, в семантической структуре которых присутствуют родственные семы. Лексемы *prudent* 'осторожный', *habile* 'ловкий', *sage* 'мудрый', *avisé* 'умный' реализуют стереотипные корреляции с *cointe*: *cointe et sage*, *cointe et avisé* при оценке манеры поведения. В ситуациях оценки социального поведения *cointe* реализует значение 'высокий социальный статус', коррелирует с прилагательным *noble* 'знатный', прилагательными, характеризующими качества человека, *preuz* 'отважный', *sage* 'мудрый', например: *sage et bele et cointe et noble*; *noble et cointe et preuz et sage*. См. также:

(44) *Et cil, qui pas ne s'an orguelle Ne plus n'an est nobles ne cointe* [Cl: 387];

(45) *Après ces .ii. au tierz s'acointe: Un chevalier mout noble et cointe* [Cl: 1756];

(46) *Et lors li chevaliers s'adresce Son cheval et fet une pointe Ancontre .i. chevalier mout cointe* [La 5968];

(47) *Je n'ai veisin qui ne me dot, Tant se face orguellex ne cointes* [Erec: 3855].

Реконструкция образа человека Средневековья и определение специфики действительностной ситуации в многообразии дискурсных сценариев происходят на основе анализа языковых данных, в том числе, стереотипных конструкций. Валоризация лица как участника действия, в том числе и активного деятеля, в различных типах дискурса с помощью определенных средств и приемов дает основание реконструировать соответствующие языковые картины мира. Если в эпоху раннего средневековья в эпическом дискурсе рыцарские ценности (доблесть, верность) имели по преимуществу военно-героический характер, то в куртуазном дискурсе создается представление о специфически рыцарском благородстве-куртуазии (от франц. *court* двор), где тесно переплетались такие категории, как щедрость, милосердие, а также вежливость, изящные манеры, владение музыкальными инструментами, умение слагать стихи, петь, танцевать [Косиков 1987: 20–21; Манухина 2011: 2012]. Как в старофранцузском, так и в старопровансальском куртуазном дискурсе, в отличие от эпического, оценочный аспект концепта «рыцарь» включает не только компоненты «сильный», «отважный», «храбрый», но и «щедрый», «веселый», «умный», «радостный», «любящий», которые актуализируются в соответствующих стереотипных конструкциях. Язык каждой эпохи воспроизводит определенный способ восприятия мира, представленный системой взглядов ее носителей. В этой системе находит свое выражение картина мира, ее концептосфера.

3. ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА *VILAIN* 'КРЕСТЬЯНИН-ВИЛЛАН' В ДИСКУРСАХ ФРАНЦУЗСКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Один из аспектов картины мира социальной иерархии в эпоху Средневековья представляет дихотомическая пара «*chevalier – vilain*». В этой иерархической системе, как следует из многих источников, крестьянству отводится особая роль: крестьянство представлено как сословие, к которому в целом относятся насмешливо, а иногда и открыто враждебно [Косиков 1987: 53–54; Lorcin 2000; De Combarieu 1978]. В исследованиях ученых обращается внимание на то, что в Средневековье 'крестьянин-виллан' находился в ситуации изгоя в феодальном обществе. Де Комбарьо отмечает его полное игнорирование представителями интеллектуальной и религиозной христианской среды [De Combarieu 1978: 72].

Словари фиксируют следующие толкования имени концепта *vilain* 'крестьянин-виллан': *vilain* (< *villa*) 'paysan libre, au Moyen-Âge, habitant d'une ferme' / 'свободный крестьянин, в Средневековье, живущий на ферме' [XIe s.:1090, TLF]. Суффикс *-ain*, кроме словообразовательного, актуализирует значение определенной функции или социального статуса лица по отношению к месту, на которое указывает производящая основа. Таким образом, в рамках словообразовательно-концептуальных отношений *vilain* коррелирует с другими производными, реализующими значение социального статуса лица: *chapelain* «prêtre qui dessert une chapelle» 'священник, служащий в часовне', *châtelain* «seigneur d'un château»; «celui qui possède un château, qui y réside» 'владелец замка', 'тот, кто владеет замком, кто там живет', *forain* «marchand ambulante, qui s'installe sur les foires et sur les marchés» 'торговец, который продает товар на ярмарках и рынках', *sacristain* «celui qui est préposé à la sacristie, à l'entretien de l'église» 'тот, кто отвечает за ризницу, за содержание церкви'. Отмечены оппозитивные составляющие в концептуальной характеристике *vilain*: 'свободного крестьянина' и *serf* 'раба', с одной стороны, и крестьянина-виллана и представителя *noblesse* 'аристократии, знати',

с другой, – в отличие от отношений с *bourgeois* ‘горожанами’, с которыми у крестьян были общие жизненные тяготы и развлечения:

(48) *Bourgeois et bourgeoises, vilains et vilaines se flairent, se choisissent à loisir. Il en va tout autrement pour les têtes couronnées* [Audiberti, Mal court 1947, II: 161, TLF].

Поскольку словарные определения передают только общее значение слова, а толковые словари – обобщенное представление о понятии, носителем которого является слово, к анализу привлечены разнообразные контексты из разновидностей художественного дискурса старофранцузского периода.

Репрезентация лингвоконцепта *vilain* в деятельностных ситуациях социальных отношений с участием представителей других рангов акцентирует различные его аспекты в зависимости от типа дискурса. Вербализованные ситуации, представляющие иерархические отношения в обществе эпохи Средневековья в эпическом дискурсе (который валоризует рыцарские ценности), свидетельствуют об отрицательной оценке *vilain* ‘крестьянина-виллана’, определяя его в целом как ‘простолюдина’. Из-за своего низкого происхождения он не может входить в властные структуры. Так, например, в поэме «*Couronnement de Louis*» («Коронация Людовика») высказываются предостережения против выбора плохого советника, которого сравнивают с *vilain*:

(49) «*Que de vilain ne faces conseilier*» [Couronn., A1–207]; «*Que de vilain ne fay ton consseillier*» [Couronn., B2–207].

В куртуазном романе Кретьена де Труа «*Le Chevalier au Lion*» («Рыцарь со львом») негативная характеристика *vilain* ‘крестьянина’, которого встречает в лесу рыцарь, путешествующий в поисках приключений, отражает эмоциональное состояние оценивающего субъекта. *Vilain* – уродливое существо, физически более напоминающее зверя, – вызывает чувство отвращения у героя, которое передается рядом гиперболизированных средств: эпитетов (50) *Grans et hideus a desmesure* ‘огромный и страшный безмерно’; *tres laide creature* ‘очень отвратительное чудовище’; и сравнений: (51) *Uns vilains qui resambloit Mor; qu’il eut grosse la teste Plus que ronchins ne autre beste* ‘простолюдин, который имел большую голову, большую, чем у тяглого скота или другого животного’; (52) *...Oreilles moussues et grandes Aussi con a.i. oliffans* ‘уши волосатые и большие, как у слона’; (53) *Chevez ot noirs et front pelu* ‘волосы черные и лоб покрытый шерстью’ [Yvain, 63 b. 275].

Эпитеты *hideus* ‘отвратительный’, *laide* ‘безобразный’ при существительном *creature* ‘чудовище’ представляются в плане информативности избыточными. Но в дискурсе в составе сообщения они выступают в качестве коммуникативных сигналов, объективирующих оценочный компонент концепта, создающих эмоциональный эффект.

Как следует из примеров и как подтверждают другие исследователи, крестьянин-виллан представлен в средневековых дискурсах, эпическом и куртуазном, как полная противоположность храброму и куртуазному рыцарю, как существо, наделенное всеми недостатками, грубое и недалекое, ненавидящее церковников и монахов [Lorcin 2000; De Combarieu 1978]. Совсем другие картины жизни крестьянина-виллана представлены в городской поэзии, фавлю, сказках, которые полны диалогов и, как считают исследователи, чрезвычайно точно передают нюансы реальной жизни [Lorcin 2000].

Оценка не существует без оценивающего субъекта – человека. Реалии мира, которые существуют объективно, и субъективное оценивание не всегда совпадают.

В частности, в поэтических списках «De l'Oustillement au vilain» (XIII в.) и в фольклорной разновидности старофранцузского дискурса «Des Vilains ou des .XXIII. menieres de vilains» представлены ситуации, которые концептуализируют понятие *vilain* «крестьянин, простолюдин» с различными социально ориентированными фокусами внимания или типами восприятия со стороны современников (жителей городов, представителей религии, лиц третьего сословия). Поэтические списки служат источником дополнительных знаний о социальном типаже *vilain*, отражающие не только иерархичность общества, но и его оценку представителями других социальных слоев населения. В составленном в Пикардии во второй половине XIII в. поэтическом списке «Des Vilains ou des .XXIII. menieres de vilains» предоставляется фактологическая информация о *vilain*, приводится перечень различных типов *vilain*, а также дается их характеристика. Высмеиваются недостатки, физические и моральные изъяны, приписываемые не только крестьянам, но в целом простолюдинам как лицам низкого происхождения. Упоминаются и представители ремесел, в данном списке их восемнадцать, в их числе менялы, суконщики, каменщики, плотники, ткачи, красильщики, глашатаи, бакалейщики, мясники, булочники, которых создатели списка проклинают за их грехи и посылают в ад:

(54) *Li changeor et li drapier; Li orfevre et li freprier; Li maçon et li chapantier; Li cirier et li espicier; Li celier et li cordouannier; Et li bouchier et li tripier; Li teisserant, il tainturier; herbergeor et cuisinier; Escrivain et parcheminier et cil qui sont de touz mestiers puissant en enfer trebuchier* [Des Vilains].

Считается, что формальной характеристикой лингвокультурного концепта является возможность его реализации и с помощью словообразовательных средств в дискурсивных ситуациях, что указывает на важность такого концепта для определенного социума. Анализ парадигматических и синтагматических языковых средств репрезентации имени концепта *vilain* в прозаической части текста показал, что его структура обогащается дополнительными компонентами при описании типов крестьян-вилланов. Это находит свое воплощение в том числе и в новых номинативных единицах, словообразовательно мотивированных. Так, функционирование образованного способом префиксации от имени концепта *vilain* семантически усложненного существительного *arcevilain* указывает на высшую степень качеств отдельного представителя этого сообщества и его более высокое положение среди вилланов. Кроме того, отыменные прилагательные, образованные при помощи суффиксов *-in*, *-ois* и характеризующие крестьянина-виллана, указывают на отношение *vilain* к окружающим его людям через семантику исходного слова, мотивирующего прилагательное. Например, в конструкциях:

vilain + Adj.-Suf-*in*: в конструкции *Li vilains porcins; Li vilains asnins*;

vilain + Adj.-Suf-*ois*: в конструкции *Li vilains chapetois; Li vilains marzoois*.

Поскольку такие синтаксические конструкции еще не приобрели идиоматический статус, они сопровождаются в дискурсе развернутыми толкованиями: «...это тот, кто...», объясняют смысл выражения. Сравним:

(55) *Li arcevilain anunce les festes desouz l'orme devant le mostier;*

Li vilains porcins est cil qui labeure es vignes et ne vuet anseignier de chemin as trespasanz, ainz dit a chascun: «Vos le savez miaus que je ne fas»;

Li vilains marçois si est cil qui ne voit goute en mars des le matin jusques a prime et des vespres jusqu'a la nuit;

Li vilains chapetois si est li povres clers mariez qui va laborer es vignes avec les autres vilains;

Li vilains asnins si est cil qui porte le gastel et le barril plain de vin a la feste;

Li villains mossus si est uns vilains fernicles qui het Dieu et sainte Eglise et toute gentillece;

Li vilains princes si est cil qui va plaidier devant le bailli por les autres vilains;

Li vilains escrevisserez si est cil qui vient dou bois bien chargiez de busche et entre en sa maison a reculons por ce que li huis de sa maison est trop bas;

Li vilains pou covetz si est cil qui n'a entre la cheville dou pie et le genoil que demi pie et a assez de .ii. Aunes de burel a faire cote et sorcote [Des Vilains ou des .XXIII. menieres de vilains].

Прилагательные, характеризующие определенный тип *vilain*, семантически согласуются с ним и реализуют ценностный компонент в структуре концепта. Относительные производные прилагательные, мотивированные существительными – названиями домашних или диких животных, указывают на их характерные признаки, которые приписываются *vilain*. Так, производное от *asne* ‘осел’ → *asnin* ‘ослиный’ в словосочетании *li vilains asnins* значит ‘крестьянин, выполняющий функции осла, носит тяжелую поклажу, бочки с вином на праздники’. Производное от *porc* ‘свинья’ → *porcin* ‘свиной, свинойский’ в *li vilains porcins* характеризует ‘крестьянин, который ведет себя по-свински, демонстрирует грубые манеры’. Мотивированное существительным *chien* ‘собака’ прилагательное *chenins*, *chienin* ‘собачий’ в *li vilains chenins* характеризует крестьянина-виллана, который поведением напоминает собаку. *Escrevisserez* ‘раковый’ производное от *escrevisse* ‘рак’ в *li vilains escrevisserez* реализует значение ‘простолюдин, который поведением напоминает рака’. Некоторые семантические связи уже достаточно затемнены с течением времени и объясняются только воспроизведением ситуации метонимического переноса (перенос отношений: целое / часть – предмет / его признак).

Например, деятельностная ситуация с *vilains porcins* в онтологическом аспекте представляет ‘крестьянина, работающего на винограднике и не желающего указывать путь тем, кто его об этом спрашивает, отвечая на просьбу «Вы знаете это лучше меня». *Vilains chenins* – это тот, кто «в праздник сидит возле своего дома, задевает прохожих и насмехается над ними». *Li vilains escrevisserez* – ‘крестьянин, который возвращается из леса с вязанкой хвороста и входит в дом, пятась’. Значение языковых единиц, в которых реализуется категория оценки, отражает информацию о ценностном отношении субъекта речи к определенному свойству, выявленному при рассмотрении того или иного объекта под определенным углом зрения.

В отличие от куртуазной разновидности художественного дискурса, где оценивающим субъектом выступает конкретное лицо – рыцарь, в поэтических списках оценка *vilain* отражает его восприятие анонимным говорящим. В подобных ситуациях говорится, что «оценивающим субъектом является неконкретизированная языковая личность, выражающая свое отношение, оценивая определенный предмет» [Бессонова 2002 : 27–28]. Очевидно, что обобщенная личность (субъект или группа лиц) при оценке опирается на принятую в данном социуме нормативную базу, основой которой в данном случае является становление нового (по отношению к феодальному) буржуазного уклада.

Общими семами, присущими всем типам *vilain*, представленным в поэтическом списке «Des Vilains ou des .XXIII. menieres de vilains», являются семы акси-

ологического плана с оценкой пейоративной или отрицательной. Они определяются, в основном, синтагматическим окружением имени концепта в той или иной деятельностной ситуации. В поэтической части изучаемого текста *vilain* функционирует преимущественно в семантическом поле отрицательной оценки.

Сравним фрагмент, где высказывается пренебрежительное отношение к *vilain* и посылаются все болезни на их голову:

(56) *Toutes vilainnes et vilain / Aient tuit mal saint Varain / Et goute flestre et goute artique / Et ce mal que l'on claimme etique.* [Des Vilains]

И другой фрагмент, в котором их обвиняют в неприязненном отношении к священникам и служителям церкви, чем и объясняются предыдущие проклятия:

(57) *Por ce he je touz les vilains / Qui n'aimment clers ne ne chapelains.* [Des Vilains]

В других типах поэтических списков присутствуют элементы дидактического или предписательного дискурса. Например, в списке «De l'Oustillement au vilain» деятельные ситуации, одним из участников которых является *vilain*, связаны с тематикой повседневной жизни совсем не бедного крестьянина, имеющего дом, землю, скот и все остальное имущество. Наивная картина мира отражает круг интересов *vilain* и обобщенное восприятие ценностей обычного жителя села, который в соответствии с его социальным положением должен иметь все необходимое в доме и в усадьбе. В концептуальную структуру *vilain* в таком контексте входят все составляющие крестьянского быта. Например:

(58) *Homme qui se marie / Moult par fet grant folie / S'il n'est si estorez / Et de pain et de blez / Et de fuerre et de paille / Que nule rien n'i faille* [Oustill.].

Авторы таких списков, в которых говорится о снаряжении крестьянина, свидетельствуют о хорошем знании крестьянской жизни и ее реалий: разграничиваются, например, такие строения, как *meson* 'дом', *bordel* 'рига', в которой хранят пшеницу, *buiron* 'овин, где складывают сено', толкуется их назначение:

(59) *Sachiez tout vraiment / Qu'il li covient meson / Et bordel et buiron; / En l'un mete son grain / Et en l'autre son fain* [Oustill.].

В поэтических списках, которые, являются отдельной разновидностью старофранцузского городского дискурса, взаимодействуют элементы других дискурсов, в частности предписательного, в котором сосредоточена прескрипция относительно определенных видов деятельности. Такие фрагменты (или весь текст) имеют форму пожелания и даже рекомендации – «должен / не должен»; «следует делать, иметь / не следует». Грамматически это находит свое выражение в формах Subjonctif; синтаксических конструкциях *il li covient... Il li estuet*:

(60) *Il covient que il ait Viaus une vache a lait A l'enfant alaitier* [Oustill.].

Кроме хозяйственных занятий крестьянин должен уметь защитить свой дом, свое имущество. По сравнению с воином – героем эпического дискурса, защищающим Францию, или с рыцарем – героем куртуазного дискурса, путешествующим в поисках приключений и с миссией защитить прекрасную даму, крестьянин вооружается, чтобы защитить свою усадьбу, свое имущество. Вооружение крестьянина отличается от рыцарского: вместо меча и копья у него *maçuele* 'дубинка' и *gibet* 'baton court avec une crosse' / 'короткая палка', названия которых мотивированы простыми существительными *maçue*, *gibe* и образованы по моделям N¹ + Suff. -el → N²; N¹ + Suff. -et → N². Он носит одежду, в наименования которой входят также суффиксы пейо-

ративного или диминутивного значения *-el; -et; -erie*: вместо *cotte* он носит *coterie*, вместо *hiaume* – *hiaumet*:

(61) *Puis le covient armer / Por sa terre garder: / Coterie et hiaumet, / Maçuele et gibet* [Oustill.].

Исследование дискурсов старофранцузского периода: эпического, куртуазного, фольклорного (фаблио), городской поэзии (стихотворных списков) – позволило установить, что в каждом из них разворачиваются типичные ситуации, участником которых является *vilain* ‘крестьянин-простолюдин’. В большинстве случаев разница между концептуализациями подобных ситуаций определяется по нескольким параметрам, в частности оценкой и фокусом внимания [Падучева 2004: 188]. Выражение оценки отражает дополнительную информацию о *vilain* (его характеристика через личное восприятие другим лицом, например рыцарем или жителем города, формируемая под влиянием определенных факторов). При этом оценка отражает как рациональную (фактуальную), так и эмоциональную (образную) стороны.

Отмечая сходство языковой и концептуальной картин мира, ученые обращают внимание на то, что концептуальная картина мира более подвижна и быстрее меняется под влиянием внеязыковых факторов социально-исторического и когнитивного характера [Чередниченко 2002: 9]. Концепт *vilain* эволюционирует на протяжении старофранцузского периода, что находит отражение в различных типах дискурса: *vilain* как представитель низшего сословия почти не упоминается в эпическом дискурсе (проведенное исследование подтверждает единичные примеры функционирования имени концепта *vilain* в эпической поэме «*Couronnement de. Louis*» *vilain sm* (1) 207); *vilain* ‘простолюдин’ / ‘чудовище’ в куртуазной разновидности художественного дискурса (XII в.), *vilain* ‘крестьянин’ со всеми его достоинствами и недостатками; *vilain* – ‘свободный крестьянин’ в разных жанрах городской литературы: фаблио, поэтических списках, жалобах, сказах (XIII в.). Качества *vilain* ‘сельского жителя’ как достойного прихожанина, несмотря на его низкое происхождение, валоризируются и в агиографическом дискурсе по сравнению с отрицательными чертами знатного хозяина:

(62) *Mielz valt fiz a vilain qui est prouz e senez, Que ne fait gentilz hum failliz e debutez* [St. Thomas, 2544–2545].

Учитывая доминирующий принцип иерархии, в том числе и иерархии ценностей, в организации любой средневековой структуры – формах общества, живой и неживой природы [Chédeville 2000], одним из ведущих концептов старофранцузского периода признается концепт социальной иерархии, в которой *vilain* ‘*raysan, homme de basse condition*’ / ‘крестьянин, человек низкого социального положения’, владелец *vile* ‘*maison de campagne, ferme, domaine rural*’ / ‘крестьянская усадьба, ферма’ занимает определенное место.

В деятельностных ситуациях социального характера, вербализованных в городском средневековом дискурсе, *vilain* общается, комментирует, действует, ссорится, выражает свои взгляды, реагирует, как любой другой персонаж. Поэтические списки XIII в., вербализуя концепт *vilain*, представляют его как небедного крестьянина с его землей, жилищем, скотом и прочими орудиями труда, он выступает как важная составляющая социальной иерархии общества позднего феодального периода, а не как причудливое существо рыцарских романов. Итак, концепт *vilain* имеет сложную многомерную структуру, которая включает кроме понятийного элемента все то, что делает его частью культуры французского Средневековья. Если базовое по-

нятие концепта осознается представителями национально-культурного сообщества практически одинаково, то периферийная его часть содержит немало индивидуального. Она включает ассоциации, эмоции и оценки, присущие носителям данной культуры, в том числе представителям разных социальных групп.

Вариативность концептов обусловлена разногласиями в наполнении их периферической семантики в зависимости от биологических, социальных и этнических характеристик носителей определенной лингвокультуры: пола, образования, возраста, места жительства. С другой стороны, вариативность концептов проявляется в форме их дискурсной реализации как отражение их функциональной направленности. Если в эпическом дискурсе социальный типаж крестьянина-виллана почти полностью «исключается» из деятельностных ситуаций как их участник, в куртуазном дискурсе он противопоставлен рыцарству – носителю культуры – как существо низшего порядка, наделенное признаками грубости и дикости, то в разновидностях городской литературы (фаблио, поэтических списках, жалобах) *vilain* обретает сущность социального типажа, участника ситуаций бытового характера в реальной среде.

Таким образом, концепты *chevalier* 'рыцарь' и *vilain* 'крестьянин-виллан' состоят из исторически разных наслоений, отличных по времени образования, по происхождению и семантике. Исследование концептов социальной иерархии в историческом контексте позволило определить, как совокупность различных языковых средств (лексических, словообразовательных, морфологических) участвует в вербализации типичных ситуаций, отражая шаблонность мысли и стереотипность дискурсов, связанных с социокультурными ценностями и нормами, и представляя характерные для данного периода языка способы мировосприятия.

ЛИТЕРАТУРА

1. ИСТОЧНИКИ (ИЗДАНИЯ ТЕКСТОВ, КОРПУСЫ ТЕКСТОВ)

Asprem. – La Chanson d'Aspremont. Chanson de geste du XII-e siècle. Texte du manuscrit de Wellaton Hall édité par Louis Brandin. T. 1–2. Paris, 1923; T. I. 208 p.; T. II. 211 p.

Cl. – Cliges. Chrétien de Troyes. Romans. 1994.

Couronn. – Le Couronnement de Louis, chanson de geste du XII-e siècle, (édition d'Yvan G. Lepage). Paris; Genève, 1978.

Ipomedon – Ipomedon, poème de Hue de Rotelande (fin du XIIe siècle) / Édité par A.J. Holden; Paris (Klincksieck), 1979. 10580 octosyllabes.

Rol. – La Chanson de Roland / Éditée par G. Moignet. 2e éd. revue et corrigée, Paris, 1971. Index lemmatisé (établi par P. Kunstmann).

Crois. Albig. – La Chanson de la Croisade albigeoise. Texte original. Adaptation de Henri Gougaud. Paris, 1989.

Charrette – Chrétien de Troyes. Le Chevalier de la Charrette (Lancelot) / Edition du texte par K.D. Uitti. Paris, 1989. 7134 octosyllabes.

St. Thomas – Guernes de Pont-Sainte-Maxence. La vie de Saint Thomas Becket. Paris, 1964.

Oustill. – De l'Oustillement au vilain, texte dans Urban Nystrom, Poèmes français, ouv. cité, vers 161–166.

Roman de Thèbes / Publ. par L. Constans. Paris, 1890.

Meyer P. Fragments du Roman de Troie // Romania. 1889. T. 18. № 69. P. 70–106.

Chrétien de Troyes. Œuvres complètes / Éd. Daniel Poirion, Anne Berthelot, Peter F. Dembowski, Sylvie Lefèvre et al. Paris: Gallimard (Bibliothèque de la Pléiade, 408), 1994, lix + 1531 p.

Vilains – Des Vilains ou des .XXIII. menieres de vilains. Ms. Paris, B.N. fr. 12581.

2. НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА, СЛОВАРИ

Алефиренко Н.Ф. Современные проблемы науки о языке: Учебное пособие. М., 2005.

Алисова Т.Б., Плужникова К.Н. Старопровансальский язык и поэзия трубадуров: Учебное пособие. М., 2011.

Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания, М., 1995. № 1.

Бессонова О.Л. Вербализация ядерных концептов оценочного тезауруса английского языка: гендерный аспект // Расширяя границы лингвистики: Сб. в честь 70-летия доктор филол. наук, проф. В.Д. Калиуценко / [Редкол.: Л.Н. Ягупова (отв. ред.), А.Г. Удинская, О.Л. Бессонова и др.]. Ростов н/Д, 2016. С. 285–294.

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: [Курс лекций по английской филологии]. Тамбов, 2002.

Бурбело В.Б. Аксиологічні параметри дискурсу в перспективі історичного розвитку // Мовні і концептуальні картини світу. Київ, 2003. С. 217–221.

Бурбело В.Б. Модель дискурсу в парадигмальному вимірі // Вісник Київського національного університету ім. Тараса Шевченка. Іноземна філологія. Київ, 2004. Вип. 37–38. С. 81–85.

Бурбело В.Б. Про моделювальні засади дискурсу // Мовні і концептуальні картини світу. 2015. Вип. 1. С. 104–119.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / [Пер. с англ.] М.: Русские словари, 1996.

Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / [Пер. с англ. А.Д. Шмелева]. М., 2001.

Вендина Т.И. Словообразование и «сокрытые смыслы» языка культуры // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2001. №2. С. 14–32.

Вендина Т.И. Словообразование как источник реконструкции языкового сознания // Вопросы языкознания. 2002. №4. С. 42–72.

Виноградова М.В., Викулова Л.Г. Статус рыцарства в средневековой Франции: социолингвистический аспект // Гуманитарные научные исследования. 2013. №7. URL: <http://human.snauka.ru/2013/07/3544>

Воркачев С.Г. Лингвоконцептология и межкультурная коммуникация: истоки и цели // Филологические науки. 2005. №4. С. 76–83.

Воркачев С.Г. «Куда ж нам плыть?» – лингвокультурная концептология: современное состояние, проблемы, вектор развития // Язык, коммуникация и социальная среда. Воронеж, 2010. Вып. 8. С. 5–27.

Воркачев С.Г. Семиотика лингвокультурного концепта и терминосистема лингвокультурной концептологии // Язык, коммуникация и социальная среда. Воронеж, 2014. №12. С. 50–69.

Воркачев С.Г. Lumen naturale: аксиология интеллекта в языке: монография. Краснодар, 2016.

Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.

Концепты социальной иерархии *chevalier* 'рыцарь' и *vilain* 'крестьянин-виллан'...

Игнатьева Т.Г. Куртуазная любовь как семиотический феномен средневековой культуры // Вестник Красноярского гос. пед. ун-та имени В.П. Астафьева / Под ред. В.А. Ковалевского. Красноярск, 2012. №3. С. 241–244.

Карасик В.И. Языковые ключи. М., 2009.

Карасик В.И. Язык социального статуса. М., 2002.

Катагощина Н.А. Как образуются слова во французском языке. 3-е изд. М., 2010.

Колесов В.В., Пименова М.В. Введение в концептологию: учебное пособие. 2-е изд., стереотип. М, 2016.

Косиков Г.К. Средние века // История французской литературы: Учебник / Л.Г. Андреев, Н.П. озлова, Г.К. Косиков. М., 1987. С. 9–140.

Кремзикова С.Ю. Словотвір та дискурс: діяльнісні ситуації у старофранцузькій мові: Монографія. Київ, 2010.

Кремзикова С. Е. (2017) Деятельностная ситуация как единица описания языковой картины мира в дискурсе (на материале старофранцузского периода) // Мир человека в пространстве языка: сб. статей. Вып. 13. СПб, 2017. С. 291–300.

Кремзикова С.Е. Когнитивный аспект осмысления деятельностной ситуации в дискурсе (на материале разноструктурных языков) // Мир. Человек. Язык: сб. науч. тр. Владимир, 2019.

Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Известия РАН. Серия литературы и языка. М., 2004. Т. 63. № 3. С. 3–12.

Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. М., 2004.

Кубрякова Е.С. Образы мира в сознании человека и словообразовательные категории как их составляющие // Известия РАН. Серия литературы и языка. М., 2006. Т. 65. № 2. С. 3–13.

Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. М., 2004.

Маслова В.А. Лингвокультурное введение в теорию человека // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. №3. С. 21–28.

Манухина А.О. Стереотипное и индивидуальное в оценочной картине мира старофранцузских хроник XIII века // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2011. № 14(620). С. 71–83.

Манухина А.О. Специфика оценочной характеристики в старофранцузской хронике XIII века как особом средневековом дискурсе // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2012. № 6(639). С. 71–79.

Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики М., 2004.

Пименова М.В. Концептуальные исследования и национальная ментальность // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. 2011. № 4. С. 126–132.

Рикер П. Конфликт интерпретаций. М, 2002. 622 с.

Романова Г.С. Концепт *larguesa* как моральная основа окситанской средневековой языковой личности // Романские языки и культуры: от античности до современности VII Международная научная конференция 28–29 ноября, 2013 г. Москва. Сб. материалов. М, 2015. С. 251–265.

Русакова О.Ф. PR-дискурс: теоретико-методологический анализ / О.Ф. Русакова, В.М. Русаков; Российская акад. наук, Уральское отд-ние, Ин-т философии и права. 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург, 2011. 333 с.

Селіванова О.О. Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія. Полтава, 2006.

- Семиотика: Антология / Сост. Ю.С. Степанов. 2-е изд., испр. и доп. М., 2001.
- Серьо П.* Анализ дискурса во Французской школе [Дискурс и интердискурс] // Семиотика: Антология / Сост. Ю.С. Степанов. 2-е изд., испр. и доп. М., 2001. С. 549–562.
- Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры. 2-е изд., испр. и доп. М., 2001. 990 с.
- Трошина Н.Н.* Социокультурные параметры дискурса // Социоллингвистика вчера и сегодня. М., 2004. С. 107–131.
- Харитончик З.А.* О когнитивной значимости словообразовательных явлений // Материалы Международной конференции, посвященной научному наследию профессора Марии Дмитриевны Степановой и его дальнейшему развитию. М., 2001. С. 34–38.
- Чейф У.* Память и вербализация прошлого опыта // Текст: аспекты изучения семантики, прагматики и поэтики: Сб. ст. М., 2001. С. 3–41.
- Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса. Волгоград, 2000.
- Batany J.* Collision de stéréotypes et formation d'un néo-discours dans la littérature médiévale // Le stéréotype: crise et transformation, Actes du Colloque de Cerisy-la-Salle, 7–10 octobre 1993. Presses Universitaires de Caen, 1993. P. 91–99.
- Bourbelo V.* Introduction à la discoursologie historique: l'ancien français. Kyiv, 2005.
- Burgess G.S.* Contribution à l'étude du vocabulaire précourtois. Genève, 1970.
- Blumenthal P.* De la logique des mots à l'analyse de la synonymie // Langue française. P., 2006. № 150. P. 14–31.
- Charaudeau P., Maingueneau D.* Dictionnaire d'analyse du discours. Paris, 2002.
- Dugros J.-Cl.* Les femmes cathares dans la société occitane du XIIe au XIVe siècles // XVIII Colloque 20 aout 2011 «Cadouin et l'hérésie cathare». [Association les amis de cadouin, sans un an]. P. 41–62.
- Gledhill C., Frath P.* Collocation, phrasème, dénomination: vers une théorie de la créativité phraséologique // La Linguistique. Paris, 2007. Vol. 43. № 1. P. 63–88.
- Hausmann F.J., Blumenthal P.* Présentation: collocations, corpus, dictionnaires // Langue française. P., 2006. № 150. P. 3–13.
- GDAF (2007) – Grand dictionnaire. Ancien français. La langue du Moyen Age de 1080 à 1350 / A.J. Greimas. Paris, 2007. 630 p.
- Gdf. (1881–1902) – *Godefroy Fr.* Le Dictionnaire de l'ancienne langue française et de tous ses dialectes du IX-e au XV-e siècle. T. I–X. Paris, 1881–1902. Var. p.
- Hagège C.* L'homme de paroles. Contribution linguistique aux sciences humaines. Fayard, 1985.
- Kleiber G., Schnedecker C.* L'intensité // Travaux de linguistique. Bruxelles, 2007. № 55.
- Lorcin M.-Th.* Des paysans retrouvés: les vilains du XIIIème siècle d'après quelques textes en langue d'oïl // Varia. 2000. № 2(45).
- Melkersson A.* L'itération lexicale. Étude sur l'usage d'une figure stylistique dans onze romans français des XII et XIII siècles // Romanica Gothoburgensia. Göteborg, 1992. XLI (№ 41).
- Merisalo O.* La langue et les scribes: étude sur les documents en langue vulgaire de La Rochelle, Loudun, Châtellerauld et Mirebeau au XIIIe siècle. Helsinki, 1988.
- Matoré G.* Le vocabulaire et la société médiévale. Paris, 1985.
- Pecman M.* Étude lexicographique et discursive des collocations en vue de leur intégration dans une base de données terminologiques // The Journal of Specialised Translation. Paris, 2012. Issue 18. P. 113–138.

Концепты социальной иерархии chevalier 'рыцарь' и vilain 'крестьянин-виллан'...

Polguère A., Mel'čuk I. Dérivations sémantiques et collocations dans le DiCo/LAF // Langue française. Paris, 2006. № 150. P. 66–83.

Schapira Ch. Les stéréotypes en français: proverbes et autres formules Paris, 1999.

Stenta M. Larguesa. Un art du don dans l'Occitanie médiévale. CRDP de l'Académie de Montpellier, 2011.

Tutin A. Les collocations lexicales: une relation essentiellement binaire définie par la relation prédicat-argument // Langages. 2013/1. № 189. P. 47–63.

TLF (1971–1994) – Le Trésor de la langue française. Dictionnaire de la langue du XIX-e et du XX-e siècle (1789–1960). Paris(t. 1–10); Gallimard (depuis le t. 11), 1971–1994. 16 vol. Var. p. 1er vol. 878 p.

3. ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ

Козн Г. История рыцарства во Франции. Этикет, турниры, поединки. М., 2010. URL: www.litres.ru/gustavkoen/istoriya-rycarstva-vo-francii-etiket-turniry-poedinki/ chitat-onlayn/

DÉCT (2014) – Dictionnaire Électronique de Chrétien de Troyes, version papier du site internet publié sous la direction de Pierre Kunstmann, 2014. URL: www.atilf.fr/dect

Rol (1971) – La Chanson de Roland (éditée par G. Moignet, 2e édition revue et corrigée, Paris, Bordas, 1971). Index lemmatisé (établi par P. Kunstmann). URL: www.uottawa.ca/academic/arts/lfa

Yvain (1996) – Chrétien de Troyes. Le Chevalier au Lion. Edition du texte par P. Sala, effectuée par P. Servet. Paris, Honoré Champion, 1996, 6807 vers. URL.: www.uhb.fr/alc/medieval/index.htm

De Combarieu M. Image et représentation du vilain dans les chansons de geste (et dans quelques autres textes médiévaux) // Exclut et systèmes d'exclusion dans la littérature et la civilisation médiévales. Nouvelle édition [en ligne]. Aix-en-Provence : Presses universitaires de Provence, 1978 (généré le 31 octobre 2023). P. 7–26. Disponible sur Internet: <<http://books.openedition.org/pup/3191>>: <https://doi.org/10.4000/books.pup.3191>

Guill. (1949) – Chanson de Guillaume, édité par D. Mc. Millan [Electronic resource]. Paris, 1949; Lyon: Equipe BFM. Publié en ligne par la Base de français médiéval. URL: <http://catalog.bfm-corpus.org/guill>

Érec – Érec et Énide, édité par P. Kunstmann [Electronic resource]. Ottawa; Nancy: Université d'Ottawa, Laboratoire de Français Ancien. Publié en ligne par la Base de français médiéval. URL: <http://catalog.bfm-corpus.org/ErecKu>, свободный.

Graal – Conte du Graal ou Perceval, édité par P. Kunstmann [Electronic resource]. Lyon: Equipe BFM. Publié en ligne par la Base de français médiéval, URL: <http://catalog.bfm-corpus.org/perceval>, свободный.

Yvain – Chevalier au Lion ou Yvain, édité par P. Kunstmann [Electronic resource]. Ottawa; Nancy: Université d'Ottawa, Laboratoire de Français Ancien, ATILF. Publié en ligne par la Base de français médiéval. URL: <http://catalog.bfm-corpus.org/YvainKu>, свободный.

Auc. (1929) Aucassin et Nicolette, édité par M. Roques [Electronic resource]. Paris, 1929; Lyon: Equipe BFM. Publié en ligne par la Base de français médiéval. URL: <http://catalog.bfm-corpus.org/aucassin>

Leyens J.-P., Yzerbit V. et Schadron R. Stéréotypes et cognition sociale: Monographie Bruxelles: Mardaga, 1996. URL: <http://hdl.handle.net/2078.1/161267>

Oustill. De l'Oustillement au vilain. Ms. Paris, B.N. Fr. 837, fol. 119 vb. URL: www.uhb.fr/alc/medieval/index.htm

TLFi: Trésor de la langue Française informatisé. URL: <http://atilf.atilf.fr/tlf.htm> | ATILF (CNRS/Université de Lorraine).

Thèbes: Le Roman de Thèbes (éd. Guy Raynaud de Lage), 2 tomes. Paris, 1966–1968 (CFMA 94, 96). URL: www.uhb.fr/alc/medieval/index.htm

Aucassin et Nicolette [Electronic resource]: <http://txm.ish-lyon.cnrs.fr/bfm/pdf/aucassin.pdf> (date accessed: 15.04.2022).

Peire Cardenal. Complete works by Peire Cardenal, in the original and in English translation. URL: http://trobar.org/troubadours/peire_cardenal/

Aurenga P. Ar resplan la flors enversa [Electronic resource]. URL: <http://www.trobar.org/troubadours/aurenga/aa39.php> (date of treatment: 15.03.2022).

Comptesse de Die. Ab joi et joven [Electronic resource]. URL: <http://archive.org/details/lacomptessededie00sangoog/page/n75/mode/2up?view=theater> (date accessed: 08.02.2022).

Peiteu G. de. Ab la douzor del temps novel [Electronic resource]. URL: http://www.trobar.org/troubadours/coms_de_peiteu/guilhen_de_peiteu_10.php (date accessed: 18.04.2022).

ОРФОГРАФИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО *КАЗАЦКИЙ* В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

В.В. Каверина

В настоящее время вновь растет внимание к особому культурному сообществу – казакам. Возрождение казачества, начавшееся в конце XX в., продолжается и в наши дни, а восстановление культурных традиций этого необычного сообщества закономерно вызывает повышенный интерес к его истории.

Прилагательное *казацкий* отмечается в памятниках русского языка начиная с XVII в. наряду со словом *казаческий*, которое с самого начала имеет особое значение – ‘состоящий из казаков’: *казаческое воинство* [Словарь 1980: 18]. Немного раньше, в текстах XVI в., зафиксировано притяжательное прилагательное *казачий* [Дювернуа 1894: 73].

Образование *казацкий*, вероятно, относится к периоду после падения редуцированных, однако ярко отражает его результаты: *казакЪ + ъск = казачьскыи > казацкий*. Вместе с тем в памятниках русского языка наряду со словом *казацкий* отмечается слово *казаческий*, которое имеет особое значение – ‘состоящий из казаков’: *казаческое воинство* [Словарь 1980: 18].

Варьирование орфографии образования *казаческий* связано лишь с меной *a/o* в корне производящего слова *казак*. Действительно, оформление границы морфем, где после исконно мягкого [ч'] следует гласный переднего ряда [e], не дает основания для фонетических изменений, которые могли бы отразиться на письме. Вообще, образования с суффиксом *-еск-*, возникшие под влиянием книжного церковнославянского произношения, распространились в русском языке гораздо шире собственно литургической сферы. По мнению Б.А. Успенского, «поскольку отражение книжного произношения имеет место в словообразовательных формах (таких, как приставки *со-*, *во-*, *воз-* или суффиксы *-еск-*, *-еств-*), постольку оно возможно в русском языке не только в словах, заимствованных из церковнославянского, но также и в неологизмах, оформленных по церковнославянскому образцу, т. е. в неологизмах типа *сопереживать* или *соавторство*» [Успенский 1997: 178]. Ученый считает, что такие пары, как *греческий – грецкий*, *купеческий – купецкий*, *молодеческий – молодецкий*, *дураческий – дурацкий*, *мужеский – мужской*, «отражают различные этапы взаимодействия церковнославянского и русского языков; говоря точнее, они отражают разные стадии церковнославянского влияния на русский язык» [Успенский 1997: 178]. Заметим, что в исследовании памятников деловой и бытовой письменности XV–XVII вв. Л.А. Илюшиной делается попытка фонетической интерпретации появления *e* в функции вокальной прокладки в варианте *ческ* [Илюшина 1988: 72], что в некоторых случаях может быть вполне оправданно, особенно если речь идет не о систематическом словообразовании, а об окказиональных написаниях. Если оба члена подобных пар закрепляются в языке, их семантика может быть как сходной, так и различной.

Однако нередко одно из образований утрачивается, как это произошло со словом *казацкий*, которое не отмечено в современных словарях [БАС 2007: 542–543].

Напротив, прилагательное *казацкий*, образованное с помощью форманта, отражающего падение слабого редуцированного, широко употребляется в современном русском языке. Если сейчас правописание данного слова очень устойчиво, то первоначально в его орфографии отражалась ассимиляция согласных на границе корня и суффикса, что являлось причиной появления вариантов.

Нами были исследованы тексты скорописных вестей-курантов XVII в., предшествовавших появлению в России печатной газеты. Данный памятник представляет так называемую приказную норму, сформировавшуюся в результате деятельности приказов и не совпадавшую с нормой книжной, закрепленной в церковных текстах [Живов 2017: 891–896]. В скорописных вестях-курантах, как и в памятниках деловой и бытовой письменности XV–XVII вв., исследованных Л.А. Илюшиной, прослеживаются «две тенденции в орфографии этой группы прилагательных: 1) независимо от произношения сохранять на письме фонемный состав производящей основы и суффикса, т. е. следовать тому принципу, который мы сейчас называем фонемным... 2) отразить на письме реальное произношение» [Илюшина 1988: 72].

В отличие от других образований с суффиксом *-ск-*, в словах с производящей основой на *к* в вестях-курантах заметно преобладает вторая тенденция. Так, в текстах 60-х гг. XVII в. (В-К VI) отмечено 34 написания прилагательного *казацкий*, соответствующих фонетическому принципу: *казацки^x* 9.42¹; *козацкие* 9.42; *казацкои* 20.75; *казацкихъ* 68.13; *казацкие* 68.13; *казацкие* 75.65; *козацких* 88.122; *казацкое* 101.22; *казацкое* 107.65; *казацкои* 108.44; *казацкои* 119.211; *казацкий* 142.27; *казацкие* 158.55; *казацкого* 162.36, 37; *казацкихъ* 162.36, 37 и др. Фонематическое оформление границы морфем здесь, на первый взгляд, не представлено ни разу, что вызывает недоумение, ведь в прилагательных с производящей основой на другие согласные (кроме *к* и *ц*) оно является предпочтительным.

Вторым по численности является написание слова *казацкий* через *тц*, которое В.Г. Демьянов относит также к фонетическим [Демьянов 2001: 21]: *каза^mцких* 23.49, 50; *каза^m|цкими* 23.49, 50; *каза^mцко^u* 43.128; *казатцко^u* 85.112; *каза^mцкие* 86.106; *каза^mцко^u* 90.128; *каза^m|цкие* 148.310. Влиянием произношения объясняет ученый и 4 написания через *тс*: *коза^mские* 88.121; *казатских* 165.66; *казатские* 167.106; *казатскои* 184.195.

В исследуемых текстах отмечено одно гиперкорректное написание *казат^uскои* 180.198, 204, которое дважды встретилось в тексте 180. Интерпретируя подобные «избыточные» написания в вестях-курантах, Н.И. Тарабасова полагает, что «над пишущим как бы довлело существование элемента *-ц-*» в случаях типа «да^tцкого II 73.522» [Тарабасова 1986: 60]. Ранее такие случаи были отмечены Л.А. Илюшиной в памятниках деловой и бытовой письменности XV–XVII вв. как единичные словоупотребления (Омутцское село) [Илюшина 1988: 72].

Нетрудно заметить, что при бесспорном преобладании фонетического принципа в передаче морфемного шва в прилагательном *казацкий* орфография вестей-курантов демонстрирует вариативность в написании данного слова. По мнению В.Г. Демьянова, произношение отражает не только буквосочетание *цк*, но и варианты *тск* и даже *тцк* [Демьянов 2001: 21].

¹ Здесь и далее число перед точкой обозначает номер текста, после точки – номер листа в издании В-К VI.

Однако появление на границе морфем образования *казакский* буквы *т* вызывает ассоциации с современным правилом: «Производные от слов с основой на «гласная + *к*», *тк*, *ц(к)*: слова на *-тчик*: *картотетчик* (картотека), *кабатчик* (кабак), *потатчик* (потагать), *дискотетчик* (дискотека)... *крупитчатый* (крупича)... слова на *-тчина*: *вахлатчина* (вахлак), *неметчина* (немец), *гайдамачина* (гайдамак), *туретчина* (турецкий), *Донетчина* (Донецк)...» [ОРОСС].

В.Ф. Иванова комментирует приведенное правило так: «Написание буквосочетания *тч* вместо *цч* и *чч* для обозначения |чч| чисто условно (в русских словах не приняты буквосочетания *цч* и *чч*...)» [Иванова 1976: 169]. Что же мешает интерпретировать подобным образом сочетания *тс* или *тц* вместо *ц* в слове *казакский* – как условные, имеющие целью обозначить морфемный шов? В этом случае *т* отходит к корню, а суффикс имеет вид *-ск-* или *-цк-*. Учитывая стремление к точной передаче морфемной структуры прилагательных с суффиксом *-ск-* в вестях-курантах, написания типа *казатский* или *казатцкий* можно объяснить действием данной тенденции. В таком случае мы не можем согласиться с В.Г. Демьяновым, видящим в них только отражение произношения. Действительно, лучше всего выполняет указанную функцию сочетание *цк*. И если вариант *тск* еще допускает подобную трактовку, то комбинация *тцк* явно требует дополнительного осмысления, поскольку с точки зрения фонетики буква *т* здесь, очевидно, лишняя. Можно понимать данный способ обозначения границы морфем как аналогичный современному сочетанию *тч* в словах типа *кабатчик* или *неметчина*. Заметим, что в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» зафиксирована лексема *казатчина*, орфография которой также могла повлиять на появление *т* в образовании *казатцкий*.

В поисках аналогии мы обратились к словам с производящей основой на *т*, созвучным исследуемому прилагательному. По нашим наблюдениям, для данной группы характерны «фонемно-фонетические (контаминационные)» [Демьянов, 2001: 16–17] написания, содержащие сочетание *тц*, как и образование *казатцкий*. Однако употребление *т* в исходе корня здесь обусловлено фонематически: *бра^тцкого* 85.108; *ббдрятцкие* 82.88; *гобра^тцкого* 36.20; *го^тцко^т* 1.280; *да^тцко* 1.275; *ко^те|дара^тцкие* 23.55; *маго|ме^тцко^т* 44.137; *са^тдацких^т* 6.469; *шляхетцкими* 107.65; *шкотцкого* 4.76 и под. Несмотря на разницу в исходе производящих основ, произношение согласного в месте морфемного шва данных образований и исследуемого прилагательного не различается, что может оказаться причиной употребления буквы *т* в слове *казатцкий* по аналогии. Подобным образом организована и орфография довольно многочисленных написаний прилагательного *купецкий*: *квп^тцки^т* 37.117; 39.27; 54.228; 55.243; *квп^тцкие* 39.26, 43.128; 51.209; *квп^тцки^т* 203.117; *квп^тцки^т* ПЗ.106.

Изложенные рассуждения привели нас к мысли о том, что пишущие, возможно, воспринимали производящую основу образования *казатцкий* как открытую. Следовательно, вставная *т* может быть определена как консонизатор. «Функция этого сегмента – образование особого, закрытого варианта открытой основы. Без него последняя не может соединиться с неприкрытыми, а также прикрытыми формантами, требующими перед собой закрытого варианта (ср.: *припе(в)|0*, *чита(ж)|ю*, *ста(н)|у*, *гре(л)|к|а* и пр.). Такой одноконсонантный сегмент создает вариант именно основы, поэтому все попытки присоединить его при морфемном членении к корню или предшествующему суффиксу оказываются несостоятельными и функционально неоправданными» [Кукушкина 2016: 132–133]. Перечисленные О.В. Кукушкиной функции консонизатора: «соединять и одновременно

разделять основу и формант, устраняя опасность зияния и перераспределения» [Кукушкина 2016: 133], – вполне применимы к вставке *t* в слове *казацкій*, где она восполняет потерю закрывающего согласного, произошедшую при ассимиляции в сочетании *чск* после падения редуцированных: *казакЪ + ъск = казачьскыи > казацкій*. Тем более что *t* является распространенным консонизатором (например, *поня(t)||н|ый*, *зна(t)||н|ый*), а выбор того или иного средства присоединения суффикса нередко определяется аналогией. Так, по мнению О.В. Кукушкиной, консонизаторы в словах *всегда(ш)||н|ий* и *кофе(j)||н|ый* «извлечены, очевидно, из финалей именных наиболее часто сочетающихся с соответствующими именными суффиксами. Ср.: *показух|а > показуш||ник*, *стат'j|я*, *статей|0 > постатей||н|ый* и т. п.» [Кукушкина 2016: 133].

Столь подробный анализ одного из способов передачи прилагательного *казацкій* – через *тц* – связан с тем, что на определенном временном отрезке оно было едва ли не преобладающим. По свидетельствам историков, именно такое написание использовалось при составлении официальных документов. Приведем лишь один пример.

Наше внимание привлекла грамота Ивана Грозного, направленная донским казакам 13 (3 по старому стилю) января 1570 г., первая из дошедших до наших дней. Приведем ее текст:

Такова грамота дана Ивану Новосилцову
От царя и великого государя Ивана Васильевича всея Росіи
на Донец Северной атаманом казатцким и казаком всем безотмены. Послали есмь для своего дела в Азов Ивана Петровича Новосилцова и где учнетъ вас (казаков) для нашего дела посылати или по вестем для береженья на кои места велит вам с собою иди и вы бы Ивана во всех наших делах слушали безо всякого ослушания тем бы есте нам послужили а мы вас за вашу за вашу службу жаловати хотим» [Маркедонов 2001].

Распространенное в средние века оформление слова со вставным (*t*) постепенно выходит из употребления, остается только вариант *казацкій*: он употребляется в печатных изданиях начиная с XVIII века, входит (с вариантами через *a* и через *o*) в «Словарь Академии Российской» 1789–1794 гг.: «*Козацкій*, кая, кое, прил. КазакамЪ свойственный, приличный, *Козацкія ухватки*, козацкое вооруженіе» [САР 1792: 687].

Именно это написание приведено в качестве примера в правиле правописания слов с суффиксом <-ск-> в Академической грамматике 1802 г.: «Прилагательныя имена произведенныя отъ существительныхъ на *да, дѣ, дь, та, ти, ть*, въ правописаніи сохраняютъ свое словопроизводство, т. е. писать надлежитъ прилаг.: отъ воевода *воеводскій*, отъ адъ *адскій*, отъ скоть *скотскій*, отъ плоть *плотскій*, а не *воевоцкій* или *плоцкій*, и проч. Напротивъ того прилагательныя произведенныя отъ существительныхъ кончащихся на *ка, кѣ*, и отъ нѣкоторыхъ на *чѣ*, вмѣсто сихъ буквъ принимаютъ букву *ц*, напр.: козакъ *козацкій*, мужикъ *мужицкій*, Угличъ *Углицкій*, и проч.» [Российская грамматика 1802: 27–28].

В «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г. отмечена словарная статья *Казацкій*: «КАЗАЦКІЙ, ая, ое, пр. Свойственный, приличный казакамъ. *Казацкое платье. Казацкія ухватки*» [СЦСРЯ 1847: 151].

Казалось бы, орфография слова окончательно установилась. Тем более удивляет появление через столетие написания *казакский*. Однако при внимательном рассмотрении можно понять, что так пишется прилагательное от слова *казак* в другом значении, соответствующем современному «казах». Казахский историк

М.К. Джусупов исследовал употребление слова в данном значении: «Термин “казак” известен издавна. Еще в X веке греческие историки называли часть хазаров казахами и касахами, а в арабских и других источниках – казаками. В русской летописи встречаются такие названия, как касаги, касоги» [Джусупов 2017]. Джусупов приводит доказательства того, что «прослеживается четкая последовательность по хронологии фиксации термина «казак»: сначала у хазар, затем у половцев и далее в период Золотой Орды [Джусупов 2017]. Историк полемизирует с Л.Н. Гумилевым, проводившим линию «от хазар к бродникам и дальше к предкам донских казаков», и утверждает, что «нужно вести казаков от хазар к кыпчакам, а от кыпчаков к ордынским казакам» [Джусупов 2017]. Однако, как отмечает Джусупов, «с момента присоединения Казахстана к России в первой половине XVIII века и вплоть до 1925 года казахи назывались киргизами или киргиз-кайсаками для того, чтобы отличать русских казаков от казахов» [Джусупов 2017]. Очевидно, именно этими причинами обусловлена орфография слова *казакский* в Постановлении Президиума Центрального Исполнительного Комитета Советов и Совета Народных Комиссаров Казакской АССР от 5 февраля 1936 года: «Для более правильного произношения на русском языке слова “Qazaq” и в соответствии с казакским произношением этого слова в производных от него последнюю букву “к” в русском произношении и письменном обозначении слова “казак” заменить буквой “х”, в соответствии с этим писать не “казак”, а “казах”, не “Казакстан”, а “Казахстан” и т. п.» [Медиаплатформа МирТесен].

Заметим, что словарь Д.Н. Ушакова 1935–1940 гг. еще не отражает указанного изменения и фиксирует слово в старой орфографии: «КАЗАКСКИЙ, казакская, казакское (нов.). Прил. к казаки. Казакская республика. Казакская литература. Казакский быт» [Ушаков 1935–1940]. Интересна помета «нов.» в данной словарной статье при том, что прилагательного *казацкий* в словаре нет, как и существительного *казах*. Словарная статья *казак* отсылает к привычному нам пониманию этого слова (например, *донской казак*), тогда как словосочетание *Казакская республика*, иллюстрирующее словарную статью *казакский*, очевидно, относится к Казакской АССР, переименованной в постановление от 1936 г. в Казахскую АССР. Таким образом, словарь Ушакова демонстрирует непоследовательность в семантизации прилагательного от слова *казак*.

Недостатки словаря Ушакова устранены в «Словаре русского языка» С.И. Ожегова 1949 г., где пока не отмечена лексема *казах*, есть только словарная статья *казак*: «КАЗАК, а, *мн.* и, ов *и* и, ов, *м.* 1. Член военно-земледельческой общины вольных поселенцев на окраинах Московского государства. *Запорожский к. Донской к.* 2. В нек-рых областях России: крестьянин, потомок этих поселенцев, а также боец воинской части из этих крестьян. *Дивизии кубанских и донских казаков.* || *ласк.* **казачок**, *чка, м.* || *прил.* **казачий**, *ья, ье и казацкий*, *ая, ое.* *Казачье войско. Казацкая сабля*» [Ожегов 1949: 260]. Данная словарная статья отражает возвращение к фонетическому написанию прилагательного *казацкий*, установившемуся в узусе еще в XVII в.

Итак, появившееся в XVII в. прилагательное *казацкий* в скорописи отличается вариативностью орфографии. Однако с самого начала преобладает фонетическое отображение данного слова, которое успешно конкурирует с морфологическим вариантом *ка(о)затицкий*. В результате словари и грамматики конца XVIII – XIX вв. кодифицируют написание *ка(о)зацкий*, в котором меняется только гласная корня. Появление варианта прилагательного *казакский* связано с употреблением его в зна-

чения «казахский», появившемся в результате восстановления в СССР древнего названия *казаки* для народа современного Казахстана. После короткого периода нестабильности в соответствии с постановлением правительства появляется наименование *казахи* и, соответственно, прилагательное *казахский*, а лексемы *казак* и *казацкий* освобождаются от двусмысленности и вариативности орфографии.

ЛИТЕРАТУРА

1. ИСТОЧНИКИ (ИЗДАНИЯ ТЕКСТОВ, КОРПУСЫ ТЕКСТОВ)

В-К VI – Вести-Куранты: 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг.: Русские тексты. Ч. 1 / Изд. подгот. В.Г. Демьяновым при участии И.А. Корнилаевой. Завершение работы над изд. и подгот. к печати: Е.А. Подшивалова, С.М. Шамин; под ред. А.М. Молдована и Ингрид Майер; Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН. М., 2009.

2. НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА, СЛОВАРИ

БАС 2007 – Большой академический словарь русского языка: В 30 т. / Под ред. К.С. Горбачевича. Т. 7. СПб., 2007.

Демьянов 2001 – *Демьянов В.Г.* Иноязычная лексика в истории русского языка XI–XVII веков. Проблемы морфологической адаптации. М., 2001.

Джусупов 2017 – *Джусупов М.К.* Происхождение казаков и этнический статус казачества // *Universum: Общественные науки: электрон. научн. журн.* 2017. № 3(33). URL: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/4484>

Дювернуа 1894 – *Дювернуа А.Л.* Материалы для словаря древне-русского языка. М., 1894.

Живов 2017 – *Живов В.М.* История языка русской письменности: В 2 т. Т. I. М., 2017.

Иванова 1976 – *Иванова В.Ф.* Современный русский язык. Графика и орфография. М., 1976.

Илюшина 1988 – *Илюшина Л.А.* Прилагательные с суффиксом -ск- в русском языке XV–XVII вв. (из истории орфографии) // *Вестник Московского университета. Серия 9: Филология.* 1988. № 2. С. 69–75.

Кукушкина 2016 – *Кукушкина О.В.* Морфонология современного русского литературного языка. М., 2016.

Маркедонов 2001 – *Маркедонов С.М.* «Первая» царская грамота донским казакам // *Донской временник. Год 2000-й / Дон. гос. публ. б-ка. Ростов-на-Дону, 2001. Вып. 8. С. 3–6.* URL: http://donvrem.dspl.ru/Files/article/m5/2/art.aspx?art_id=118

Ожегов 1949 – *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1949.

Российская грамматика 1802 – *Российская грамматика, сочиненная Императорскою Российскою академиею.* СПб., 1802.

САР 1792 – Словарь Академии Российской. Ч. 3. СПб., 1792.

Словарь 1980 – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 7. М., 1980.

СЦСРЯ 1847 – Словарь церковнославянского и русского языков Императорской Академии наук. Т. II. СПб., 1847.

Тарабасова 1986 – *Тарабасова Н.И.* Явления вариативности в языке деловой письменности. М., 1986.

Успенский 1997 – *Успенский Б.А.* Древнерусские кондакари как фонетический источник // *Успенский Б.А. Избранные труды. Т. III: Общее и славянское языкознание.* М., 1997. С. 209–245.

Орфография прилагательного казачий в истории русского языка

Ушаков 1935–1940 – Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Сост. Г.О. Винокур, проф. Б.А. Ларин, С.И. Ожегов [и др.]; под ред. проф. Д.Н. Ушакова. М., 1935–1940. URL: <https://ushakovdictionary.ru/>

3. ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ

Медиаплатформа МирТесен. URL.: <https://mirtesen.ru/>

ОРОСС – Ресурс «Орфографическое комментирование русского словаря». URL.: <https://oross.ruslang.ru/>

III. Язык и религия – язык религии

ЦВЕТО- и СВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ в Библии МАРТИНА ЛЮТЕРА

Ю.Н. Ус

Языковое сообщество – это совокупность людей, объединенных общими социальными, экономическими, политическими и культурными связями и осуществляющих в повседневной жизни непосредственные и опосредствованные контакты друг с другом и с различными социальными институтами при помощи одного языка или разных языков, распространенных в этой совокупности [Гамперц 2012].

Крысин Л.П. отмечает, что при определении понятия «языковое сообщество» важно сочетание лингвистических и социальных признаков. В качестве языкового сообщества могут рассматриваться совокупности людей, различные по численности входящих в них индивидов, – от целой страны до так называемых малых социальных групп. Критерием выделения в каждом случае должны быть общность социальной жизни и наличие регулярных коммуникативных контактов. Одно языковое сообщество может быть объемлющим по отношению к другим. Чем меньше численность языкового сообщества, тем выше его языковая однородность [Крысин 2021: 15].

Любое языковое сообщество или группа обладают коллективной языковой идентичностью, содержание которой определяется тем, как говорящие относятся к своему языку, как рефлексируют над ним в процессе его использования [Рассоха 2016: 49].

Библейский язык – это язык религиозного сообщества, под которым традиционно подразумевают сообщества, которые стремятся достичь религиозной цели через совместную жизнь.

При исследовании понятия «библейский язык» в первую очередь принимаются во внимание следующие его аспекты: общелингвистический (язык, на который переводится Священное Писание); лексико-фразеологический (совокупность лексических единиц и устойчивых выражений – «библеизмов», связанных с передачей содержания Ветхого и Нового Завета и вызывающих в памяти соответствующие ассоциации); лингвостилистический, придающий тексту определенную окраску.

С одной стороны, Библия предназначена для определенной аудитории в качестве текста для чтения; с другой – является важнейшим богослужебным элементом христианского (а ее ветхозаветная часть – и иудейского) культа. Как известно, в те или иные эпохи в различных религиозных традициях «библейские языки» в указанных сферах могут не совпадать. Если применительно к протестантским конфессиям можно говорить об их изначально едином характере, то в католической церкви дело обстояло иначе: от теории триязычия, означавшей, по существу, монополию латыни, через разрешение использовать переводы на народные языки

«для душеполезного чтения» – к закреплению последних и в литургической сфере [Хухуни, Осипова 2014: 47].

В Германии было несколько вариантов перевода на немецкий язык, среди которых наиболее известна версия М. Лютера. В Вартбурге М. Лютер смог перевести текст Нового Завета за одиннадцать недель. При переводе Ветхого Завета на немецкий Лютер пользовался еврейским и греческим текстами, а также латинским текстом Вульгаты. Перевод Ветхого Завета выходил частями, начиная с Пятикнижия Моисеева (1523) и заканчивая Пророками (1534). М. Лютера отличали глубокая вера в божественное происхождение Священного писания и тонкое знание родного языка [Иванов, Иванова 2017: 54].

Его перевод, изумительный по точности, силе и народности языка, открыл новую эпоху в истории религиозного самосознания немецкого народа. Лютеровский текст приобрел надрегиональную значимость и, возвышаясь над местными особенностями узуса, оказал воздействие на представителей разных языковых ландшафтов [Иванов 2017: 55].

В христианской культуре символика цвета имеет свои особенности, связанные с такими источниками, как Ветхий Завет и Святое Евангелие, церковное предание и традиции [Григорьева 2011: 1477].

Вопрос об использовании цветообозначений (далее – ЦО) в Библии находится в русле проблем лингвистического анализа сакральных текстов, где они играют немаловажную роль в реализации принципа «двоякого реализма», лежащего в основе сакральной литературы [Кожемякова 2011: 271].

В Библии М. Лютера ЦО и светообозначениям (далее – СО) также отведена особая роль.

Наиболее частотными ЦО в тексте Библии оказались прилагательное *rot* ‘красный’ (74 словоупотребления; далее – СУ) и его оттенки (10 единиц). В большинстве случаев красный цвет рассматривается как цвет крови, при этом в тексте употребляется устойчивое сравнение *rot wie Blut* ‘красный, как кровь’: <...> *schien den Moabitern das Gewässer in der Ferne rot zu sein wie Blut* [Luther I 1991: 324] – ‘Моавитянам издали показалась вода красной, как кровь’. Устойчивую сочетаемость прилагательное *rot* демонстрирует с существительным *Purpur* (31 СУ), как в следующем примере: *Sie sollen auch die Asche vom Altar fegen und eine Decke von rotem Purpur über ihn breiten* [Luther I 1991: 144] – ‘Пусть они также сметут пепел с жертвенника и накинут на него пурпурно-красное покрывало’.

В DWB [DWB 14 1984: 1291–1292] зафиксированы примеры употребления прилагательного *rot* для обозначения цвета солнечного неба, солнечных лучей, лунного света и звезд. Подобные примеры встречаются и в Библии М. Лютера, при этом *rot* получает дополнительный символический смысл.

Так, символическое значение имеют проповеди Бога-Отца: в одном из эпизодов Библии речь идет о том, что в зависимости от восприятия действительности один и тот же цвет может приобретать как позитивную, так и негативную окраску: *Des Abends spricht ihr: Es wird ein schöner Tag werden, denn der Himmel ist rot. Und des Morgens spricht ihr: Es wird heute ein Unwetter kommen, denn der Himmel ist rot und trübe* [Luther I 1991: 23] – ‘Вечером вы говорите: будет хороший день, так как небо красное. А утром вы говорите: сегодня будет непогода, так как небо красное и хмурое’.

Позитивность красного цвета в первом случае подкреплена словосочетанием *ein schöner Tag* ‘хороший день’, негативная окраска *rot* в последнем случае – лексемами *Unwetter* ‘непогода’ и *trübe* ‘хмурый’.

В Ветхом Завете в книге «*Der Prophet Sacharija*» («Пророк Захария») ЦО передают стороны света: *rot* символизирует восток, а метафора *die roten Rosse* ‘красные кони’ – восточные ветры: *Die roten Rosse ziehen nach Osten* [Luther I 1991: 897] – ‘Красные кони движутся на восток’.

В негативном значении *rot* употребляется в повествовании о красном драконе, который символизирует темные силы дьявола: *Und es erschien <...> ein großer, roter Drache, der hatte sieben Häupter und zehn Hörner und auf seinen Häuptern sieben Kronen <...>* [Luther II 1991: 297] – ‘И появился большой красный дракон, у которого было семь голов и десять рогов, а на головах его – семь корон’.

Функционирование *rot* в таком контексте свидетельствует о том, что красный цвет мог иметь демонический подтекст.

В Библии М. Лютера представлена широкая палитра оттенков красного цвета. Прежде всего, это композиты с последним компонентом *-rot*, в то время как первый компонент, существительное, – наименование реалии – носитель цвета: *blutrot* ‘крово-красный’, *feuerrot* ‘огненно-красный’, *scharlachrot* ‘багряный, алый’, *schamrot* ‘красный от стыда’. Данная модель словосложения является одной из наиболее продуктивных в германских языках [Матасова, Уфимцева 2019: 294].

ЦО *schamrot* зафиксировано в Ветхом Завете. Оно используется в негативном значении: от стыда краснеют люди [Luther I 1991: 341] и даже небесные светила, наделенные человеческими чертами: *Und der Mond wird schamrot werden und die Sonne sich schämen, wenn der Herr Zebaoth König sein wird <...>* [Luther I 1991: 680] – ‘И луна покраснеет от стыда, и застыдится солнце, если Господь Саваоф станет королем’.

Цветовыми метафорами являются также прилагательные *scharlachrot*, *blutrot*, *feuerrot*: *<...> und blaue Tücher mit leinenen und scharlachroten Schnüren eingefasst* [Luther I 1991: 524] – ‘и голубые платки, отороченные льняными и алыми шнурами’.

К группе лексем, передающих оттенки красного цвета, относятся следующие производные прилагательные: *götlich* ‘красноватый’, *weißrötlich* ‘бело-красноватый’. В эпизоде речи библейского Иова красный цвет передается при помощи причастия *gerötet*: *Mein Antlitz ist gerötet vom Weinen, auf meinen Wimpern liegt Dunkelheit <...>* [Luther I 1991: 534] – ‘Мое лицо покраснело от слез, на моих ресницах лежит тьма’.

Прилагательные с первым компонентом *rot-* (*rotgefärbt*, *rotfarben* ‘окрашенный в красный цвет’) и с последним компонентом *-farben* (*karmesinfarben* ‘окрашенный в кармезиновый цвет’, *scharlachfarben* ‘окрашенный в багряный цвет’) передают не просто цвет, а указывают на то, что определенные ритуальные предметы не бывают красными от природы, а приобрели этот цвет в результате окрашивания, например: *<...> die Decke von rotgefärbten Widderfellen <...>* [Luther I 1991: 104] – ‘покрывало из окрашенных в красный цвет овечьих шкур’.

В Ветхом Завете *karmesinfarben*, как и *scharlachfarben*, зафиксированы в обряде очищения от проказы и передают цвет шерсти, например: *Und er soll nehmen das Zedernholz, die karmesinfarbene Wolle, <...> und den lebendigen Vogel <...>* [Luther I 1991: 122] – ‘И он должен взять кедровое дерево, шерсть, окрашенную в кармезиновый цвет и живую птицу’.

Существительные Purpur ‘пурпур’ (59 СУ), Scharlach ‘багрянец, пурпур’, ‘ткань багряного цвета’ (32 СУ) могут употребляться для передачи красного цвета и его оттенков.

Отобранные из текста Библии существительные Purpur и Scharlach используются для обозначения дорогой одежды или ткани соответственного цвета. Такие вещи были нужны во время жертвоприношения, для украшения храма либо одежды священников и королей.

В этимологическом словаре существительное Purpur имеет следующие значения: краситель фиолетового оттенка, цвет и одежда королей и кардиналов [EWBD 1997: 1061]. Если рассматривать этимологию этого ЦО начиная с греческого языка, то следует учитывать параллельно существующие значения: ‘краситель пурпурных улиток’; ‘блеск’; синоним к лексеме ‘быстрый’ [Gipper 1955: 139]. Например, словосочетание purpurner Schnee не имеет отношения к цвету. Здесь реализуется значение лексемы как источника блеска [Gipper 1964: 57].

Purpur- выступает первым компонентом сложных существительных Purpurmantel (3 СУ), Purpurgewand (2 СУ) ‘пурпурная мантия’, Purpurkleider ‘пурпурное убранство’, Purpurwolle ‘пурпурная шерсть’, а Scharlach- – Scharlachwolle ‘шерсть темно-красного цвета’.

Употребление лексем Purpurkleider, Purpurwolle в Библии подчеркивает связь с богатством, властью: <...> und Purpurkleider, die die Könige <...> getragen hatten <...> [Luther I 1991: 321] – ‘и пурпурное убранство, которое носили короли’.

Purpurmantel – королевское убранство – фигурирует в эпизодах перед распятием Христа, в которых солдаты издевались над ним, как будто готовили его к коронации: Die Soldaten <...> zogen ihn aus und legten ihm einen Purpurmantel an <...> [Luther II 1991: 41] – ‘Солдаты раздели его, и положили на него пурпурную мантию’.

В другом Евангелии, в этом же эпизоде, вместо Purpurmantel, упоминается существительное Purpurgewand: Und die Soldaten flochten eine Krone aus Dornen und setzten sie auf sein Haupt und legten ihm einen Purpurgewand an [Luther II 1991: 136] – ‘И солдаты сплели терновый венец и возложили его на его голову, и надели на него пурпурную мантию’.

Багряница Христа становится символом его мученичества и поругания, а на императорском пурпуре остается след кровавой жестокости царского произвола [Григорьева 2011: 1480].

В тексте Библии функционируют также лексемы, в которых ЦО -rot, -röte – последний компонент: Morgenrot, Morgenröte ‘утренняя заря’. Как отмечает Н.А. Ганина, в средневековой религиозной литературе подобные описания являются уникальными [Ганина 2013].

Для лексемы Morgenrot характерны следующие значения: 1) красный цвет неба перед восходом либо во время восхода солнца; 2) время суток [DWB 6 1984: 2575–2576].

В Библии М. Лютера Morgenröte упомянута 16 раз, прежде всего в символическом значении. С утра начинаются важные дела, происходят важные события: Als nun die Morgenröte aufging, drängten die Engel Lot zu Eile <...> [Luther I 1991: 20] – ‘Когда взошла заря, Ангелы начали торопить Лота’. Утренняя заря становится наградой за хорошие поступки: Brich dem Hungrigen dein Brot, und die im Elend ohne Obdach sind, führe ins Haus. Dann wird dein Licht hervorbrechen wie die Morgenröte [Luther I 1991: 710] – ‘Раздели с голодным хлеб твой, и скитающихся бедных введи в дом. Тогда откроется, как заря, свет твой’.

Со светом утренней зари сравнивают женскую красоту: *Wer ist sie, die hervorbricht wie die Morgenröte, schön wie der Mond <...>* [Luther I 1991: 660] – ‘Кто эта, блистающая, как заря, прекрасная, как луна’.

Пожелание не увидеть рассвет является одним из суровых наказаний. Так, в «Книге Иова», он проклинает день своего рождения и желает, чтобы ночь никогда не встретилась с утренней зарей, не закончилась, так как она не помешала его матери и не скрыла беду от его глаз: *Die Nacht hoffe aufs Licht, doch es komme nicht, und sie sehe nicht die Wimpern der Morgenröte <...>* [Luther I 1991: 525] – ‘Ночь надеется на свет, но он не приходит, и она не увидит ресниц утренней зари’.

Превращая рассвет во тьму и наоборот, Бог демонстрирует жителям Содома и Гоморы свою безграничную власть: *<...> er zeigt dem Menschen, was er im Sinne hat. Er macht die Morgenröte und die Finsternis <...>* [Luther I 1991: 872] – ‘и показывает человеку намерения его. Утренний свет обращает в мрак’.

Прилагательное *weiß* ‘белый’ зафиксировано в тексте Библии 54 раза. Во многих случаях данное прилагательное передает цвет одежды. При этом ЦО употребляется в сравнительных оборотах, в которых эталоном сравнения становится свет или снег (*seine Kleider wurden weiß wie Licht* ‘его одежда стала белой как свет’ [Luther II 1991: 24]; *sein Gewand war weiß wie Schnee* ‘его одежда была белая как снег’ [Luther II 1991: 42]).

В составе некоторых устойчивых выражений *weiß* становится символом старости, указывает на преклонный возраст человека: *Sein Haupt war weiß wie weiße Wolle, wie der Schnee* [Luther I 1991: 289] – ‘Его голова была белой, как белая шерсть, как снег’.

Кроме этого, данное прилагательное сочетается с названиями других частей тела, например с существительным *Zähne*: *seine Zähne weiß von Milch* [Luther I 1991: 57] ‘его зубы белые от молока’.

В Ветхом Завете *weiß* фигурирует как признак проказы, но и как симптом выздоровления от этой болезни, контекстуальными синонимами в этом случае становятся лексемы *blaß*, *matt* и *verblasst*: *Und wenn der Priester die Stelle an der Haut sieht, dass die Haare dort weiß geworden sind <...>, so ist es schon alter Aussatz auf seiner Haut* [Luther I 1991: 118] – ‘И если священник увидит место на коже, где волосы стали белыми, то это старая язва на его коже’.

Если тело человека через какое-то время становилось белым, то считалось, что человек излечился от проказы: *<...> weil alles an ihm weiß geworden ist <...> er ist rein* [Luther I 1991: 118] ‘поскольку все на нем стало белым, он очистился’.

Реже *weiß* употребляется с существительными, которые связаны с природой (названиями растений: *ein weißer Koriandersamen* ‘белые семена кориандра’; животных: *ein weißes Pferd* ‘белая лошадь’; вида камня: *auf <...> weißem <...> Marmor* ‘на белом мраморе’).

ЦО *blau* ‘голубой, синий’ в Библии М. Лютера отличается повышенной частотностью (50 СУ) по сравнению с другими именами цвета.

В книгах Ветхого и Нового Завета *blau* 40 раз употребляется с существительным *Purpur*, которое обозначает сакральную ткань, окрашенную пурпурной краской, для украшения храма либо одежды священника.

Символическое значение ЦО в этих книгах связано с традиционным для многих культур восприятием синего цвета как божественного. Это цвет неба, а потому символизирует святость, таинственность, духовность [Кожемякова 2011: 271].

ЦО blau в Библии М. Лютера ассоциируется с земной и небесной властью и играет важную роль при окрашивании церковных ритуальных вещей: Decke ‘покрывало’, Kleider ‘одежда’, Panzer ‘латы’, Schnüre ‘шнурки’, Tücher ‘платки’: Ebenso sollen sie auch über den goldenen Altar eine blaue Decke breiten <...> [Luther I 1991: 144] – ‘Точно так же они должны расстелить голубое покрывало и на золотом алтаре’.

В число основных ЦО, упомянутых в Библии, входит прилагательное grün ‘зеленый’ (41 СУ). Зеленый цвет многообразен в символике цвета. В христианской культуре средних веков главное символическое значение зеленого – это поверхность земли, покрытая растениями [Григорьева 2011: 1479]. Так, в Ветхом Завете неоднократно повторяются словосочетания unter grünen Bäumen ‘под зелеными деревьями’ [Luther I 1991: 199] и das grüne Kraut ‘зеленая трава’ [Luther I 1991: 4].

В Новом Завете grün занимает важное место в эпизоде, в котором идет речь о въезде Иисуса Христа в Иерусалим; в знак уважения жители города устлали дорогу пальмовыми ветками: Viele breiteten ihre Kleider auf den Weg, andere aber grüne Zweige <...> [Luther II 1991: 58] ‘Многие же постлали свои одежды на дороге, а другие – зеленые ветви’.

Прилагательное grün зафиксировано также в сочетании с существительным Marmor. В этом контексте оно выступает не единично и передает один из возможных оттенков данного камня: <...> auf grünem, weißem, gelbem und schwarzem Marmor [Luther I 1991: 524] ‘на зеленом, белом, желтом и черном мраморе’.

Кроме основного ЦО grün, в тексте Библии упомянуто суффиксальное ЦО grünlich. Оно, как и rötlich, и weißrötlich, становится признаком проказы, которая появляется не на коже человека, а на одежде, ткани, кожаных изделиях и домах: <...> und wenn die Stelle grünlich oder rötlich ist am Kleid oder am Leder oder am Gewebten oder Gewirkten oder an irgendeinem Ding, das von Leder gemacht ist, so ist das eine aussätzigte Stelle; darum soll es der Priester besehen [Luther I 1991: 120] – ‘и если пятно будет зеленоватое или красноватое на одежде, или на коже, или на основе, или на утоке, или на какой-нибудь кожаной вещи, – то это язва проказы: должно показать ее священнику’.

В этом примере grünlich приобретает негативную окраску, в то время как почти все словоупотребления grün имеют положительную коннотацию.

В тексте Библии засвидетельствован также глагол grünen ‘зеленеть’, образованный от прилагательного grün.

В Библии М. Лютера schwarz ‘черный’ (18 СУ) в некоторых случаях приобретает положительную окраску. Именно черный цвет волос человека становится символом излечения от проказы: <...> und schwarzes Haar dort aufgegangen ist, so ist der Grind heil, und er ist rein <...> [Luther I 1991: 119] ‘<...> и черные волосы там выросли, то короста считается вылеченной и он [мужчина] чистый’.

ЦО schwarz может передавать цвет шерсти животных: Ich will heute durch alle deine Herden gehen und aussondern alle <...> schwarzen Schafe <...> [Luther I 1991: 34] – ‘Я хочу сегодня пройти по всем твоим стадам и отделить всех черных овец’.

В дальнейшей истории словосочетание das schwarze Schaf ‘черная овца’ становится фразеологизмом со значением ‘быть непохожим на других’. Происхождение идиомы как в немецком, так и в английском языках связано с тем, что черный цвет овец был аномальным. К тому же шерсть черных овец была менее ценной, так как ее нельзя было перекрасить в желаемый цвет [Кольцова 2018: 27].

В определенных контекстах прилагательное schwarz реализует значение ‘темный’ и свидетельствует об отсутствии света. Облачное небо кажется черным: <...> wurde der Himmel schwarz von Wolken und Wind [Luther I 1991: 377] – ‘небо почернело от туч и ветра’.

Негативную окраску schwarz получает в устойчивом выражении schwarz vor den Augen werden ‘потемнеть в глазах’, которое употребляется, когда человеку становится плохо: <...> denn mir wird schwarz vor den Augen, aber mein Leben ist noch ganz in mir [Luther I 1991: 320] – ‘потому что темнеет в моих глазах, но жизнь не покидает меня’.

Анализируемый фразеологизм (зафиксирован также в DWB [DWB 15 1984: 2301]) передает не только состояние человека, но имеет и визуальное чувство потемнения, поэтому в данном контексте schwarz также относится к лексемам цвета.

Прилагательное grau отобрано из Ветхого Завета 9 раз. Во всех случаях данное ЦО употребляется для обозначения седых волос и ассоциируется с преклонным возрастом.

При этом сочетание grau с существительными, обозначающими части тела человека, преимущественно головы, бороды, образует синекдоху и реализует оценочное значение ‘возраст, старость’: Vor einem grauen Haupt sollst du aufstehen und die Alten ehren [Luther I 1991: 128] ‘Перед седой головой ты должен встать и почтить старцев’.

Прилагательное gelb ‘желтый’ зафиксировано в Библии М. Лютера всего один раз и связано с описанием оттенков мрамора. Оттеночную гамму желтого цвета дополняют два композита goldgelb ‘золотисто-желтый’ и schwefelgelb ‘серно-желтый’, первым компонентом которых выступает существительное, обозначающее металл и вещество, обладающие оттенками желтого цвета.

ЦО goldgelb употребляется в Ветхом Завете как признак проказы: <...> und wenn <...> das Haar dort goldgelb und dünn ist, so soll er ihn unrein sprechen <...> [Luther I 1991: 119] ‘и если волосы там золотисто-желтые и тонкие, то он [священник] должен признать его [человека] нечистым’.

Сложное прилагательное schwefelgelb зафиксировано в Новом Завете в описании доспехов всадников, которые карали людей за их грехи. В этом контексте данное ЦО выступает не единично, а наряду с лексемами feuerrot и blau: <...> feuerrote und blaue und schwefelgelbe Panzer [Luther II 1991: 296] – ‘огненно-красные, и голубые, и серно-желтые латы’.

Следует отметить, что группу лексем дополняют два глагола, образованные не от основного ЦО gelb, а от оттеночного golden: goldglänzen ‘отблескивать золотом’, vergolden ‘позолотить’. Оба глагола употребляются в переносном значении и наряду с цветом передают также свет и блеск [Luther I 1991: 495].

Низкая частотность ЦО, обозначающих желтый цвет в Библии М. Лютера, очевидно, связана с символикой желтого цвета. В раннем европейском Средневековье желтый цвет воспринимался как позитивный. Это символ солнечного цвета и золота [Григорьева 2011: 1479]. Но в позднем Средневековье желтый цвет имел преимущественно негативную окраску, ассоциировался с бесчестием, вероломством, грехом и был характерен для одежды публичных женщин [Ганина 2013].

Основное ЦО braun ‘коричневый’ не зафиксировано в Библии М. Лютера. Однако в Ветхом Завете, в эпизодах, где описывается Давид, дважды упомянуто суффиксальное прилагательное bräunlich: Und er war bräunlich, mit schönen Augen und

von guter Gestalt [Luther I 1991: 301] – ‘И был он смуглый, с красивыми глазами и хорошей фигурой’.

Приведенный пример демонстрирует, что данный оттенок цвета кожи (смуглый) является признаком красоты и имеет положительную окраску.

Наряду с основными ЦО в Библии М. Лютера встречается лексема *bunt* ‘разноцветный, пестрый’ (23 СУ).

В современном немецком языке *bunt* обозначает смешение разных красок, цветов, тогда как в ранние исторические периоды это прилагательное имело значение ‘черно-белый’, а также могло обозначать ‘полосатый с пятнами’ [Ус 2020: 128].

В Библии М. Лютера ЦО *bunt* зафиксировано с лексемами – названиями животных: *Böcke* ‘бараны’, *Ziegen* ‘козы’, для которых также характерна черно-белая окраска.

Наряду с этим, ЦО *bunt* контекстуально становится цветом утренней зари: *Sie wandelt sich wie Ton unter dem Siegel und färbt sich bunt wie ein Kleid* [Luther I 1991: 548] – ‘Она меняется как глина под печатью и становится разноцветной, как одежда’.

В Ветхом Завете в единичном случае зафиксировано сложное прилагательное *buntgewirkt*, в котором первый компонент ЦО *bunt*, а второй – причастие *gewirkt* ‘вязаный, трикотажный’: <...> *einen buntgewirkten Gürtel* [Luther I 1991: 90] – ‘пестрый пояс’.

Из текста Библии отобраны следующие лексемы с значением ‘светлый’: *hell* (31 СУ), *licht* (18 СУ), *lichterloh* ‘ярко-горящий, полыхающий’. Два первых наименования являются основными прилагательными СО. При этом соотношение их частотности составляет 1,7 : 1.

Главной сферой употребления данных СО становится изображение природных явлений, преимущественно небесных светил. Свет, идущий от Бога, всегда сопровождается лексемами СО. Следует отметить, что часто лексемы со значением ‘светлый’ упоминаются в контексте с противоположными по значению СО – ‘темный’: <...> *und das Finstre würde ein lichter Morgen werden* [Luther I 1991: 554] – ‘и мрак станет светлым утром’.

Значение ‘темный’, как правило, передается лексемами *dunkel* (19 СУ), *finster* (30 СУ), *stockfinster* (2 СУ), *trübe* (2 СУ). В тексте Библии эти прилагательные употребляются прежде всего в качестве эпитетов к существительным *Auge* ‘глаз’, *Himmel* ‘небо’, *Wald* ‘лес’, *Wolke* ‘облако’: <...> *Mein Auge ist trübe geworden* [Luther I 1991: 554] – ‘Мои глаза померкли’; <...> *und dort war die Wolke finster* [Luther I 1991: 74] – ‘и там была туча темной’.

Все лексемы со значением ‘темный’ имеют негативную коннотацию. Темная окраска объектов окружающей среды, потемнение всегда предвещают негативные события: *Denn sie [Heuschrecken] bedeckten den Erdboden so dicht, dass er ganz dunkel wurde* [Luther I 1991: 69] – ‘Потому что она [саранча] покрыла землю так густо, что она стала совсем темной.’.

В таком же значении засвидетельствовано и менее употребительное прилагательное *stockfinster*, которое встречается в одном контексте с СО *dunkel* и *hell*: <...> *ins Land, wo es stockfinster ist und dunkel ohne alle Ordnung, und wenn es hell wird* <...> [Luther I 1991: 530] – ‘в страну мрака, где темно и нет никакого порядка, и если станет светло’.

Существительные данной группы (*Licht*, *Dunkel*, *Dunkelheit*, *Finsternis*) также употребляются для обозначения противопоставления света и тьмы: <...> *und da war Finsternis, Wolken und Dunkel* [Luther I 1991: 190] – ‘и была там тьма, тучи и мрак’;

<...> auf meinen Wimpern liegt Dunkelheit [Luther I 1991:534] – ‘на моих ресницах лежит тьма’; <...> dass sie in der Finsternis tappen ohne Licht [Luther I 1991: 531] – ‘что они блуждают во тьме без света’; Die Nacht hoffe aufs Licht, doch es komme nicht <...> [Luther I 1991: 525] – ‘Ночь надеется на свет, но он не приходит’.

Зафиксированный в Библии М. Лютера непереходный глагол *dunkeln*, который также можно отнести к группе СО, означает период сумерок: <...> *dunkelte es schnell* [Luther I 1991: 275] – ‘быстро стемнело’.

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод о том, что наиболее употребительными оказались ЦО *rot, blau, weiß, grün*. Хотя основной частью речи ЦО и СО являются прилагательные, в Библии функционируют также существительные и глаголы, имеющие семы ‘цвет’ и ‘свет’.

Наибольшее количество лексем зафиксировано для обозначения оттенков красного цвета, что можно объяснить важностью символики данного ЦО. В Библии употребляются все основные ЦО кроме *braun*, коричневый цвет передается только при помощи производного прилагательного *bräunlich*. Вместе с тем достаточно употребительно ЦО *bunt*.

В тексте Библии засвидетельствованы простые ЦО, производные с суффиксом *-lich*, а также композиты, образованные по моделям существительное + ЦО, ЦО + ЦО, либо ЦО + *farben / gefärbt*.

ЛИТЕРАТУРА

1. ИСТОЧНИКИ (ИЗДАНИЯ ТЕКСТОВ, КОРПУСЫ ТЕКСТОВ)

Luther I 1991 – *Luther M. Luther-Bibel. Das alte Testament. 1991.*

Luther II 1991 – *Luther M. Luther-Bibel. Das neue Testament. 1991.*

2. НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА, СЛОВАРИ

Гамперц 2012 – *Гамперц Дж.* Речевая общность // Социолингвистика и социология языка: хрестоматия / Отв. ред. Н.Б. Вахтин. СПб., 2012. С. 84–96.

Ганина 2013 – *Ганина Н.А.* Цветобозначения у Мехтильды Магдебургской // От языковых фактов – к построению теории: Сборник научных трудов к 70-летию со дня рождения проф. А.Л. Зеленецкого / Институт языкознания РАН. Калуга, 2013. С. 108–122.

Григорьева 2011 – *Григорьева Э.И.* Анализ развития цветовой символики в христианской культуре // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 13. № 2(6). С. 1476–1481.

Иванов, Иванова 2017 – *Иванов А.В., Иванова Р.А.* Языки Библии // TERRA LINGUAЕ: В мире языка, языки в мире. Пермь, 2017. С. 46–55.

Кожемякова 2011 – *Кожемякова Е.А.* Семантика цветобозначения синий в старославянском переводе Библии в сопоставлении с оригинальными и переводными библейскими текстами // Вестник Нижегородского университет имени Н.И. Лобачевского. 2011. № 6(2). С. 271–275.

Кольцова 2018 – *Кольцова С.В.* Лингвокультурный анализ фразеологических единиц с компонентом цвета (на материале русского, английского и китайского языков) // Вопросы методики преподавания в вузе. 2018. Т. 7. № 27. С. 23–32.

Крысин 2021 – *Крысин Л.П.* Очерки по социолингвистике. М., 2021.

Матасова, Уфимцева 2019 – *Матасова О.В., Уфимцева О.А.* Лексико-семантическая группа цветобозначений в современных германских языках // Известия Саратовского университета. Новая серия: Филология. Журналистика. 2019. Т. 19. Вып. 3. С. 293–297.

Цвето- и светообозначения в Библии Мартина Лютера

Рассоха 2016 – *Рассоха М.Н.* Языковые сообщества и дискурс о языке // Эволюция и трансформация дискурсов. Т. 1. Самара, 2016. С. 49–56.

Ус 2020 – *Ус Ю.Н.* О функционировании цветообозначения *bunt* в немецком языке XVI века // Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы V Международной научной конференции / Под общ. ред. С.В. Беспаловой. Донецк, 2020. С. 128–130.

Хухуни, Осипова 2014 – *Хухуни Г.Т., Осипова А.А.* Понятие «библейский язык» как переводческая проблема // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2014. № 1(13). С. 47–53.

DWB 6 1984 – *Grimm J., Grimm W.* Deutsches Wörterbuch: In 33 Bdn. Nachdruck. Bd. 6. Nachdruck der Erstausgabe 1911. München, 1984.

DWB 14 1984 – *Grimm J., Grimm W.* Deutsches Wörterbuch: In 33 Bdn. Nachdruck. Bd. 14. Nachdruck der Erstausgabe 1878. München, 1984.

DWB 15 1984 – *Grimm J., Grimm W.* Deutsches Wörterbuch: In 33 Bdn. Nachdruck. Bd. 15. Nachdruck der Erstausgabe 1878. München, 1984.

EWBD 1997 – Etymologisches Wörterbuch des Deutschen / [Unter der Leitung von W. Pfeifer]. [3. Aufl.]. München, 1997.

Gipper 1955 – *Gipper H.* Die Farbe als Sprachproblem // Sprachforum. 1955. № 1. S. 135–146.

Gipper 1964 – *Gipper H.* Purpur // Glotta. Zeitschrift für griechische und lateinische Sprache. Göttingen, 1964. № 52. S. 39–69.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КРУЖКА КИЕВСКИХ КНИЖНИКОВ В МОСКВЕ В 1650-Е ГГ.

Н.В. Николенкова

В середине XVII в. в Москве начинается деятельность кружка киевских книжников, приглашенных царем Алексеем Михайловичем в первую очередь для подготовки издания Библии и перевода сакральных текстов [Кузьминова, Литвинюк 2013]. Главой этого кружка считается иеромонах Епифаний Славинецкий, образованный и ученый книжник, приехавший в Москву вместе со своими менее именитыми и известными товарищами, среди которых мы назовем Арсения Сатановского и Исаяю (Чудовского), о деятельности которых вместе с Епифанием и будет идти речь. К киевским книжникам в течение их активной работы над переводом и справой книг в Москве будут присоединяться и московские книжники, благодаря чему формируется Чудовская книжная школа – авторитетное объединение, известное по многим лингвистическим проектам второй половины XVII в.

В 1650-е гг. идет становление лингвистических принципов Чудовской школы, в том числе они формируются при работе над текстами светского содержания, одним из которых становится латинский географический трактат *Theatrum orbis terrarum, sive Atlas novus* [Wlaeu 1645], называемый обычно Атлас Блау¹. Многотомный атлас делится между Епифанием Славинецким, Арсением Сатановским и Исаяей Чудовским: первому достается том, где рассказывается о северных странах Европы, славянских территориях, землях Германии и Голландии (ГИМ, рукопись Син. 779 (черновик), Син. 19 (беловик)); Сатановский переводит части о Франции, Испании и далеких землях (Азии, Африке и Америке) – рукописи Син. 781 (черновик), Син. 112 (беловик); Исаяе остается Италия, Греция, Британия и Шотландия (Син. 780 (черновик), Син. 204 (беловик), Син. 41 (черновик последнего тома, беловой экземпляр подготовлен не был))². Каждая часть имеет похожее строение: при описании отдельной страны / территории составители Атласа (отец и сын Блау) компилируют уже известные и составляют собственные рассказы о главных городах, реках, о занятиях жителей, о их вере и под.; рассказывается о самых ярких достопримечательностях этих земель. Каждая глава содержит рассказ о структуре власти в описанной территории, авторы перечисляют имена повелителей (князей, царей, императоров); важное место занимают рассказы о системе образования. Также Блау активно включают в текст цитаты античных и средневековых географов, в том числе совсем новые сочинения (к примеру, в главу «Европа» I тома целиком включена «Диатриба о языках европейцев» Иосифа Юста Скалигера, написанная в 1599 г. и опубликованная в 1610 [Николенкова 2018a]).

¹ Этому источнику посвящены статьи Н.В. Николенковой, см.: <https://istina.msu.ru/workers-beta/2758216/publications/>

² Все цитаты даются по беловым рукописям.

Очевидно, что основное внимание переводчики должны были уделять лексике. При разделении Атласа Блау на три части сохранялась опасность, что каждый из книжников будет следовать собственной стратегии при создании перевода, однако этого не произошло. Мы фиксируем существенное сходство в подходах авторов к своему тексту, что позволяет предположить предварительное обсуждение переводческих приемов.

В первую очередь, все три автора используют принцип грецизации перевода, осуществляемого с латинского оригинала. Это проявляется, во-первых, на уровне орфографии – частотной передачей латинской графемы «b» как «в», что зафиксировано еще в первом описании Атласа, сделанном А.И. Соболевским: «переводчикъ былъ знатокомъ греческаго языка: гиперворейскій и т.под.; переводчикъ пишетъ: Велгіа (= Бельгія), Восніа» [Соболевский 1903: 61]. В Атласе регулярно встречаем: Babylone (5a) → **Вавулноуъ** (Син. 19, 21), Obii amnis (5a) → **Обіи рѣки** (там же), Hyperboreum (5b) → **Вперворейское** (там же); abbatias → **авватства** (Син. 112, 26), Bolonia → **Водніа** (там же); Benedictum (45a) → **венедикта**³ (Син. 204, 177 об).

Во-вторых, грецизация осуществляется на уровне лексики. Такая модель известна в истории переводов, к примеру, в Геннадиевской Библии 1499 г. (Иез. 45:12: драгмъ – solitos [Ромодановская 2004: 247]), в переводах кружка Курбского (**хуро-тонисанъ** на месте *initiaetur* [Калугин 2003: 62] и **впарухъ** на месте *praefectus* [Чернышева 2004: 75]). Т.В. Пентковская отмечает стремление к грецизации в переводах Чудовской книжной школы с польского языка: например, в «Слове о милости», которое является переводом проповеди Петра Скарги, выполненным Славинецким или Евфимией Чудовским, грецизм **впаты** передает польское *króle* [Пентковская 2017a]. Широко распространена замена латинизмов на грецизмы и в переводе Атласа Блау. Приведем несколько примеров.

Учитывая содержание Атласа, частотным будет использование в нем слова «*provincia*» в значении ‘область’. С этой лексемой Славинецкий и Сатановский встретились до начала работы над переводом Атласа, составляя лексикон латинско-славянский, и передали как «*provincia*, **обла(с)т(ь)**. страна» [Німчук 1973: 336]; так передается и грецизм «*archia*, **епа(р)хія**, страна» (от греч. *ἐπαρχία*) [Там же: 180]. Установив тем самым тождество двух лексем, переводчики регулярно заменяют *provincia* → **епархія**:

Carolus Magnus Romanorum Imperio in Germaniam delato, in varias *provincias* atque Ducatus eam divisit (Germania hodierna 1a) → **Кароль великий Римское Повелительство, вГерманію внесъ, наразны Епархін, и княства радѣли** (Син. 19, л. 74);

inter omnes autem Borealium nationum populos, sola Slavorum *provincial* remansit ceteris durior, atque ad credendum tardio (Rugia insula 20b)⁴ → **между всѣми же Северныи страна людми, единая Славянъ Епархія превыистъ прочиухъ жестшата, и во еже вѣрити коснѣшата** (Син. 19, 104).

Для нехристианских территорий выбирается та же лексема:

Dividitur totum regnum in complures *provincias*, quas illi praefecturas vocant (Chinense Imperium 3a) → **Раздѣляется все Царство множиша епархін, таже они Предстательства наричѣтъ** (Син. 112, 193);

Dividitur in plurima regna & *provincias*, quarum nomina sunt (Africa 1a) → **Раздѣляется множиша Царства и Епархін, иже имена сѣтъ** (Син. 112, 216 об).

³ В Син. 204, в отличие от Син. 19 и Син. 112, нет передачи прописных букв.

⁴ Точная цитата из «Славянской хроники» Гельмольда (*scribit Helmondus in Chronica Slavorum cap. 6*) от 1163–1172 гг.; в латинском тексте цитата выделена курсивом, как и все обширное цитатное пространство Атласа Блау.

Лексема *επαρχία* как нейтральная для передачи единицы административного деления территории встречается во многих переводах Славинецкого и его учеников. Она широко используется в переводе «Слова о милости»: грецизм выбирается для передачи польского «z wielką wołością» → **ѣ великою Епархією**, а также при замене лексемы *powiat*, обозначающей территориально-административную единицу Речи Посполитой: *w tym powiecie* → **в цѣтвѣ сѣ^М, и егѡ Епархінхъ** [Пентковская 2017а].

Отмечается в переводе прилагательное от грецизма (с вариативным оформлением суффиксальной части):

Похваляютьъ оно, травники, вертоградѣи, стѣни, прекѣпи, пѣрги, сѣдища, твержи храми двѣ, оучилища особичнаѣ двѣ, Академіа, сѣдѣ Епаршныи, торговѣ годишніи три, низложѣніе товаровѣ, и впервыхъ блажаншихъ гражанъ челоувѣколюбіе, и вѣра (Син. 19, 94 об) ← *commendant illud prata, horti, muri, follæ, turres, curia, castrum, templa duo, scholæ particulares duæ, Academia, iudicium provincial, mercatus annui tres, deposition mercium, atque inprimis optimorum civium humanitas & fides* (Misnia 13b);

Лѣта ꙗ́ѣ ꙗ́ ꙗ́ оуставѣса въ Лѣпсѣи ѿ Альберта Саѣонскагѡ кнѣзѣ сѣ^Д Епархінный, иже ктомѣ такѡ ѿ Августа оучинисѣ, да внѣмѣ едѣнѣ вѣдетѣ ѿ гаднагѡ чѣна Сѣдіа пѣрвственѣ, или прѣсѣдѣтель, три блѣгороцы прѣсѣдѣтели, и толѣици Правдосовѣтници (Син. 19, 94 об) ← *Anno 1488 institutum est Lipsiæ ab Alberto Saxoniae Duce iudicium provinciale, quod etjam ita ab Augusto ordinatum est, ut in eo unus sit ex Equestri ordine iudex primatius sive Præses, tres nobiles Assestores, totidemque Iurisconsulti* (Misnia 13b)⁵;

вспоминаетѣ гради, но тѣкмѡ епаршескѣѣ, окрестѣ Рѣга положѣны (Син. 19, 176) ← *commemoret urbes, sed tantum provincials circa Rhenum sitas* (Brisgoia 61c).

Существительное «епархия» вошло в книжно-письменный язык со времени первых переводов [СлРЯ XI–XVII 1978: 52–53]. Также зафиксированы «епарховъ» и «епархийский» [там же], причем второе – в тексте Скрижали 1656 г., в составлении которой принимали участие книжники круга Славинецкого. Введение в оборот перевода Атласа Блау показывает пути поиска оптимальной формы прилагательного от существительного «епархия» в этот период.

Приведем еще один пример:

Слѣчисѣ ктомѣ времѣнѣ послѣдованіемѣ, такѡ Архіепѣскаѣ чѣстѣ, гажѣ в Гамбургѣ престѡ имѣше, и зпервагѡ основаніѣ, въ Брѣмѣ пренесѣса, ѡтѣдѣ родѣса слѣвно межѣ Цркѣми Гамбургскою, и Брѣменскою прѣвѣіе, ѡдостоинѣства пѣрвствѣѣ, ѡ еже послѣати въ ѣни Епархѣи, помѣщници, и соепаршескѣѣ епѣпи (Син. 19, 113 об) ← *Accidit etiam temporum successu, ut Archiepiscopatus honor, qui Hamburgi sedes habebat ex prima fundatione, Bremam transferretur, unde nata est crebra inter Ecclesias Hamburgensem & Bremensem concertation, de Dignitatis primat, de mittendis ad alienas provincias suffragantes, & comprovincialibus Episcopis* (Albis Fluvius 14b-c). Поморфемный перевод приводит к образованию *verba ficta*⁶ **соепаршескѣи**. Смысл этого окказионализма выявляется из контекста: рассказывается о дискуссиях о том, кто главнее (примат достоинства), между церквями Гамбурга и

⁵ Обратим внимание на перевод *ex Equestri ordine* как **ѿ гаднагѡ чѣна**. В [Німчук 1973: 182] предложены такие варианты: *equito*, **яздю**, *equitari*, **яздѣти**, *equitatio*, *equitatus*, **язденіе**, где обнаруживается стремление киевских переводчиков к использованию «я» в начале славянских лексем как элемент усиления славянизации текста.

⁶ Перевод с латинского языка *ex verbo verbum* приводит к избыточной передаче внутренней формы переводимого слова, в первую очередь к появлению приставочных образований, где сама приставка искусственно повторяет приставку латинского слова [Платонова 1997: 63].

Бремена после перенесения «чести архиепископства» в Гамбург⁷, и о трудностях отправки епископов в сопредельные области.

В Атласе Блау мы также находим случаи, когда разбираемый грецизм заменяет другую латинскую лексему:

Лѣта ꙗ́ с̄ ꙗ́ ꙗ́ Теодорикъ Мархiонъ ѿ Ландсѣ вѣрга обдѣрства граждѣны самозаконiемъ, да ѿ прѣсѣдателя званiи, недѣлженствѣютъ гавлатиса, но ѿ своеꙗ праведномъ мѡгѣтъ оу Епарха градскаго прѣтиса (Син. 19, 94 об) ← Anno 1263 Theodoricus Marchio de Landsbergo donavit cives autonomia, ut à Præside citati non teneantur comparere, sed de suo jure possint apud *Prætores* urbanum contendere (Misnia 13b);

Въ Магiстратехъ, впапи, провпѣти, Епархи, Кенсорн; Страженачѣлники, Сокровищники, Торжищезаконники, Прѣстѣла брашнѣ и ини (Син. 19, 142 об) ← In Magistratibus Consules, Proconsules, *Prætores*, Censores, Tribunos vigilum, Quæstores, Ædiles, Præfectos annonæ, aliosque (Coloniensis Archiepiscopatus 41b).

Последний пример демонстрирует еще одну лингвистическую особенность, общую для всех трех переводчиков. Это широкое использование в переводе композитов, причем и на месте латинского сложного слова, и на месте словосочетания, и даже вместо однокорневой лексики. К примеру, **Страженачѣлники** заменяют словосочетание *Tribunos vigilum*. В лексиконе латинском «*vigiliari(us)*» передается как «стражъ, храните(л)» [Німчук 1973: 413], в славяно-латинском для «стражъ» выбраны лексемы «*excubitor, præfectus vigilum, vigil, custos*» [Там же: 512]; для «*tribun(us)*» выбран окказионализм «народоводите(л)», но в однокоренных словах появляется наш корень: «*tribuniti(us), народонача(л)ни(й)*» [Там же: 403]. Обращает на себя внимание порядок расположения первого и второго элементов в композите в сопоставлении с порядком слов словосочетания – такие примеры обильно встречаются и в других переводах Чудовской школы.

Композиты с корневым «начальник» появляются в разных частях перевода Атласа как лингвистические эксперименты двух первых переводчиков – Славинецкого и Сатановского (перевод Исаии оригинальных решений не имеет). В ряде случаев нами отмечены расхождения в подходе двух книжников – оставить транслитерированный вариант или создать композит.

Таким примером оказывается лексема **архипелагъ** (от греч. *Αρχιπέλαγος*), которая отсутствует в словаре XI–XVII вв. и, по мнению лексикографов и этимологов, впервые употреблена как географический термин в переводе 1719 г. «Земноводного круга краткое описание, из старья и новья географии» Гюбнера («*Архипелагус*, называется страна, в которой много островов в близости обрѣтается, такая суть на индийском морѣ между азиєю и америкюю») [СлРЯ XVIII].

Употребление данного географического термина в переводе Атласе Блау происходит на полвека раньше:

Послѣдѣютъ авiе кѣвостокѣ, море Серское, Хиненское, и глѣбѡкость моря Гиппадскаго, овщеже Архипелагъ стѣгѡ Лазара (Син. 19, 9 об) ← Sequuntur mox ad Orientem, Mare Sericum, Chinense, & pelagus Hippadis, vulgo *Archipelagus* S. Lazari (Orbis terrarium 1c).

Но в переводе Арсения Сатановского (глава «Индия») обнаруживается авторский композит:

⁷ Эти события упоминаются в истории Германии. В 845 г. Гамбург был разграблен викингами, а Ансгарий (назначенный папой римский легат) бежал в Бремен, где по указу Людвига II стал епископом Бремена, и в 847 г. был издан указ об объединении резиденций Гамбурга и Бремена.

Кто́мъ то́ликии вездѣ острова покраплаетса море, такъ Мореначалникъ быти видитса, и островъ въ мѣръ (Син. 112, 182 об) ← Prætetea tot passim Insulis conspergitur mare, ut *Archipelagus* esse videatur, & Insularum mundus (2a).

Создание композита с передачей Archi- как **началникъ** находит объяснение в латинско-славянском лексиконе, где есть: «archiater, нача(л)нѣ(й)ши(й) врачъ; archi[e]unuchus, нача(л)ны(й) евнухо(м/в); archigrammatei, нача(л)нѣ(й)шии книжницы; archimimus, нача(л)ни(к) кошу(н)нико(м)» [Німчук 1973: 90]. В одном случае мы видим полный аналог словообразовательной модели: «arghigubernus, чинонача(л)никъ» (90). Значение компонента «архи-» как ‘начинающий / властвующий’ выявляется в значительном числе грецизмов, вошедших в русский язык [Малинаускене 2022: 121].

Отметим еще один грецизм с «архи-», зафиксированный в главе «Готия» I тома в форме, которая отсутствует в СлРЯ XI–XVII, – **архитектъ**:

Послѣдовахомъ въ сѣхъ, гаже до Швекин ѿносатса, такъ вѣкрижалехъ, такъ и внаписанихъ, изащнѣ мѣжъ Андрѣю Бурѣю де Боо, тѣнникъ Царскомъ, и высокошнемъ Царства Шведскаго **Архитектъ** (Син. 19, 38 об) ← Secuti sumus in his quæ ad Sueciam pertinent, uti in tabulis ita & in descriptionibus Cl. Virum Andream Buræum de Boo, Secretarium Regium & supermum Regni Sueciæ *Architectum* (Gothia 14d).

В СлРЯ XI–XVII есть варианты «архитектонъ» (в Вологодско-Пермской летописи за XVI в. и в азбуковнике XVII в.) и «архитектуръ» (в бумагах Петра за 1699 г.) [СлРЯ XI–XVII 1975: 53]. Форма «архитектъ» наряду с этими фиксируется в [СлРЯ XVIII], например: «Принужден нынѣшняго лѣта зачать каменный дом. Материалы всѣ... готовы, да *архитекта* не имѣю»; «Об *архитектъ* садовом писал в Париж к Волкову» [Там же]. Славинецкий и Сатановский в латинском лексиконе предлагают следующие варианты: «architectus, architecton. а(р)хите(к)тонъ; architectonic(us), архите(к)то(н)ски(й); architector, aris, зижду, назидая; architectonice. а(р)хите(к)то(н)ское художе(ст)во; architectura, тожъ. architectio, созиданіе» [Німчук 1973: 90]. Как мы видим, переводчики предлагали разные варианты решения, один из них – пример попытки поморфемного перевода словоформы «architecturæ» – представлен в главе «Глогав»⁸ I тома:

Граждане навсѣкъ дѣнь болѣе и болѣе зданіа своа попрѣписа **началоздательства назидаютъ, и оукрашаютъ, любѣ повеличашен части драване** (Син. 19, 90 об) ← Cives indies magis magisque ædisicia sua ex præscripto *Architecturae* exstruunt & ornant, quamvis maxima ex parte lignea (Glogaw 11a)⁹.

Таким образом, переводчики демонстрируют нам конкуренцию двух стратегий – оставить в переводном тексте грецизм, в том числе впервые вводя его в русский книжный язык, или создавать авторский композит, который будет понятен только в определенном контексте.

Есть в переводе Атласа Блау сложные слова, повторяющиеся у всех трех переводчиков. Такой подход мы обнаруживаем для латинских существительных «aucupium» (‘ловля птиц, охота на птиц’) и «piscatus» – ‘рыболовство’. Два этих существительных широко используются в Атласе, так как важные для жителей разных стран и территорий роды деятельности перечислены практически в каждой главе. К примеру, в главе «Готия» читаем: **различныхъ звѣрь лѣви, птицеловленіа, и рыболовленіа** (Син. 19, 37) ← variarum ferarum venationes, *aucupia*,

⁸ В современной передаче – Глогувское княжество, средневековое государство, входящее в состав Силезии, Чехии и Пруссии.

⁹ При пословном переводе удалось в целом передать смысл, что «горожане строят и украшают здания по предписанному архитектурному плану».

piscaturæque (13d); в качестве однородных членов обе лексемы встречаются достаточно часто: **птицеловлѣній, и рыболовлѣніи** (Син. 19, 80 об.) ← *auscipiorum, & piscationum* (Avstria 4c).

Словарь XI–XVII в. фиксирует лишь одно сложное слово с корнем *птиц-* («птицевражбитство» как ‘гадание’ по сделанному Сильвестром Медведевым переводу конца XVII в. [СлРЯ XI–XVII 1995: 38]), для лексем с корнем *рыб-* таких образований больше, среди них отмечается «рыболовство» и «рыболовье» – в текстах XVI и начала XVII в. [СлРЯ XI–XVII 1997: 272]. Вторая часть обоих слов – «ловление» в значении ‘охота’ – фиксируется в СлРЯ XI–XVII наряду с лексемой «ловля» в том же значении. Там же фиксируются словосочетания «рыбное ловление» (в Житии Антония Сийского) и «рыбная ловля» (Акты исторические конца XVII в.). Два авторских композита не входят в словарь, несмотря на то что еще при составлении латинско-славянского лексикона были составлены рассматриваемые композиты «птицеловленіе» и «риболовление»¹⁰ [Німчук 1973: 97, 317].

Вторая лексема более частотна в тексте, первая в одиноком употреблении не встретила:

Десатини селò рыболовлѣніа Царюò мздѣтъ (Син. 19, 27) ← *Decimas hujus piscaturæ regi solvent* (Norwegia 8b);

рыболовлѣніемъ ктомѸ богата (Син. 19, 39) ← *piscatione quod, dives* (Uplandia 15b).

Отмечается данная лексема и в переводе Исаяи:

яко да ниже звѣроловѣтельства, ниже рыболовлѣніа, ниже птицепохищеніа блгопотѣшителнаа неоскѣдѣвають (Син. 204, 178 об) ← *ut nec venationes, nec piscationes, nec ausipia jucundissima, desint* (Territorium Tarvisinum, 45b).

Важно отметить, что Славинецкий воспринимает элемент «-ловление» только в качестве второго компонента сложного слова. В самостоятельном употреблении использованы только **ловла** и **ловъ**, к примеру: **ловлами живѹтъ** (Син. 19, 20 об.); **врѣмя ловѣтвы ихъ есть Мѣцей Феврѹаріа, Мѣртіа, и Априліа** (25 об.); **рѣки лѣсосіи лѣвомъ знамениты** (36 об.); **рыболовлѣніемъ, и лѣвомъ тѣзѣмцы оублажаѣтъ** (73).

И лишь в одном случае Славинецкий нарушает этот принцип:

Идѣже нѣѣ ловлѣніа ради Балѣнъ оучаціають (Син. 19, 18 об) – *& hodie etiam ob balenarum piscaturam frequentatæ* (Polus Arcticus 4a).

Латинское *bālaena* (*ballaena*), *ae f* = ‘кит’; не производя композит *баленоловление, переводчик все же подчеркивает общность двух корней.

Рассмотренные композиты ведут за собой и другие сложные слова с начальными «птиц-» и «рыб-», не зафиксированные ни в одном памятнике XVII в.:

на селѣ своемъ Стѣрнбергѣнстѣмъ основаніа грѣвли рыбопитѣлном оубговлѣтъ (Син. 19, 86) ← *in agro suo Sternbergemsi fundamenta aggeri piscinario molitur* (Moravia 8a);

ОдерѸ наричють ѿ птицеловець, реченію измѣншѣса, смотрѣлица во еже птици ловити поставленнаа Одри наричѹтъ. И днѣсь такова смотрѣлица въморавіи оу истѣчника одери ѿ птицеловець поставлѣются (Син. 19, 87) ← *Oderam vocant ab auscipibus vocabulo mutuato, qui speculas a viribus captandis constitutas Odri aappellant. hodieque hojusnodi speculæ in Moravia ad fontem Oderæ ab auscipibus constituuntur* (Moravia 8c).

¹⁰ В данном написании отражается украинское происхождение переводчиков; в черновиках Атласа Блау подобные написания встречаются, однако в беловых экземплярах устраняются московскими писцами.

В главе *Karstia, Carniola* нами отмечен еще один авторский композит – «рыбопиталище»: **СѸмнѣтелно, едѧ ѿ вѡдѣ езеро, или ѿ рыбѣ рыбопиталище, или ѿ лѡва, нѣва нарицѧтисѧ имать** (Син. 19, 73 об.), в латинском оригинале «*Dubium an ab aquis lacus, au à piscibus vivarium, an à venatione argvum appellari debeat*» (35b). В этом случае Славинецкий непосредственно в тексте конкретизирует значение латинского «*vivarium*», ранее в лексиконе переведенное как «звѣрское жилище, питате(л)ница» [Німчук 1973: 415], создавая композит. Вторая составляющая композита (-питалище) отсутствует в структуре книжного языка.

Широкое использование композитов – яркая черта церковнославянского языка с первых его веков, сохраняется она и в латинских переводах Чудовской книжной школы, обогащая исторические словари новыми словами, среди которых можно обнаружить и вполне вошедшие в книжный язык. К последним относится, к примеру, прилагательное «многолюдный», отмеченное в таком контексте: **Грѧдѣ великъ, и многолюденъ** (Син. 19, 75) ← *urbs magna & populosa* (Servia 33b).

Лексема «многолюдный» и производные от нее («многолюдие», «многолюдственный», «многолюдствие») начинают фиксироваться в текстах с начала XVII в. [СлРЯ XI–XVII 1982: 206], в 1650-е гг. есть пример использования прилагательного в Проскинитарии Арсения Суханова («Халепъ градъ безъ числа многолюденъ и строенъ»), позже его широко употребляет П.А. Толстой в «Путешествии стольника П.А. Толстого по Европе» в 1697–1699 гг. [НКРЯ]. Использование Славинецким именно варианта «многолюдный» может быть связано с хорошим владением киевскими книжниками польским языком, где «*populus*» передается как «*lud*» [Sondel 1997: 761]. Лексема **людѣ** встречается далее во многих трудах Чудовской книжной школы, полонизация текста является такой же яркой особенностью книжников этого круга, как и грецизация [Пентковская 2016: 200].

В исследуемом переводе Атласа Блау слово **людѣ** не отмечается. Однако все переводчики включают полонизмы и югозападнорусизмы в перевод. Выходцы из Киева, Славинецкий, Сатановский и Исаяя владели польским языком. Знание польского как минимум они получили во время учебы в Киевской братской школе – уже в 1620 г. Патриарх Иерусалимский Феофан утвердил киевское училище в качестве «*наук еллино-словенского и латино-польскаго письма*» [ПЭ]. Полонизмы и югозападнорусизмы встречаются у каждого книжника. Скажем, в первых главах 1 тома (мы предполагаем, что именно при работе над начальными главами вырабатывалась общая переводческая стратегия) находим такой пример:

Вѧщшеє обѧче тѧмѡ ѿ лдѢ небезстрашіє єсть, егоже безмѣрныѧ крѣги плѧвають, двѣжщнхсѧ островѡвъ междѢ собѡю стѣкѧющнхсѧ подѡбіє нѡсѧтъ (Син. 19, 19) ← *Tum vero majus à glacie periculum. Cujus immensæ crustæ fluitantes. Mobilium insularum inter se concursantium speciem præbent*¹¹ (*Polus Arcticus*, 4b).

Лексему «крига / крыга» в значении ‘льдина; плавучий лед, глыба льда’ словарь русских говоров фиксирует для западных и южных диалектов (курск., пск., смол., орл., курск. и т.д.) [СРНГ 1979: 252]. Вариант с «ы» мы обнаруживаем в рукописи ГИМ Син. 642, где сохранилась копия начальных глав Атласа Блау: **безмѣрныѧ крѣги плѧвають** (л. 187 об.).

Включение полонизмов для перевода Славинецкого и Сатановского надо признать точечным, тогда как Исаяя уже довольно широко использует полонизмы

¹¹ Данное предложение выделено в издании Атласа курсивом и представляет собой окончание фрагмента цитаты сочинения Скалигера. Вероятно, Блау воспроизводит орфографию источника, который нам, к сожалению, обнаружить не удалось.

в своем переводе [Николенкова 2018b]. Отметим отдельно только одну особенность, которая могла бы стать не только лексической, но и морфологической чертой перевода: использование предложно-падежной конструкции **чрезъ** / **презъ** + вин. п. в значении средства или посредника действия. В большинстве более поздних переводов Чудовской книжной школы активно употребляется предлог **чрезъ**, причем опорный текст может быть как польским, так и греческим [Пентковская 2017b: 171]. В латинском оригинале Атласа Блау широко используется предлог «per», для его передачи книжники используют и общеславянский вариант **чрезъ**, и полонизм **презъ**, например:

Но **чрѣ** зѣмѣ, такъ индѣ мрачны: лѣтомъ свѣтлы: такъ **прѣ** сіе время оуже вышше возвозащеса, любо самое незрѣтса, ближнимъ обаче сіаніемъ, ближашаа освѣщаеть. **Прѣ** Слнце возвращеніе же нїєдннн, такъ тогда оуже авственнѣишее, несаніе токмо, но себѣ ктомъ часть величашю показзеть (28 об) ← sed per hyemem sicut alibi obscuræ; æstate lucidæ; quod per id tempus jam se altius evehens, quanquam ipse non cernatur, vicino tamen splendore proxima illustrat; per Solstitium vero nulla, quod tum jam manifestior non fulgorem modo, sed sui quoque partem maximam ostendat (Berga 9a);

Нижѣ вскъдѣваютъ, ради многихъ, **прѣ** весь островъ, лѣсовъ, еленн, квъзъ, зѣлцевъ и лисовъ лѣви (32) ← nec desunt, obmultas per totam Insulam silvas, cervorum, capreolorum, leporum atque vulpium venationes (Fionia 11a);

Радѣса Балѣтское, радѣса, то нанн днесъ сверѣпство содѣлалъ еси, такъ **чрѣтевѣ**, **преходѣ** намъ **ѡверстѣ** быти посѣмъ, тѣ нехотѣти, показалъ еси (33) ← Vale Balthicum, vale, eam in nos hodie sævitiam exercuisti, ut per te transitum nobis patere posthac te nosle ostenderis (Fionia 11d).

Мы полагаем, что переводчики могли первоначально ставить задачу распределить использование вариантов **чрезъ** / **презъ** для более точного обозначения, к примеру, лица и предмета или времени и места. Однако такая задача не была реализована – в том числе из-за скорости работы над переводами. Кроме того, она не могла быть понятна московским писцам беловиков, которые стремились к замене **презъ** → **чрезъ** (сначала писец беловика исправляет Славинецкого, потом отказывается от такой правки), второй вариант предлога был им привычнее, а тонкости грамматического понимания киевских книжников они не могли увидеть. Поэтому оппозиция **чрезъ** / **презъ** не была продумана и реализована; регионализм остался лишь как лексическая особенность первых глав перевода Атласа.

Подводя итоги, отметим, что перевод Атласа Блау, осуществленный в 1650-х гг. в Москве, обязательно должен стать источником словаря XI–XVII вв. или положить начало работе над словарем книжно-письменного языка XVII в. как важного этапа в формировании русского литературного языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. ИСТОЧНИКИ

Theatrum orbis terrarum, sive Atlas novus in quo tabulae et descriptions omnium Regionum. Editae a Guiljele et Ioanne Blaeu. Amsterdami. Anno 1645. Электронное размещение: <http://bdh-rd.bne.es/viewer.vm?id=0000001520>

2. НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА, СЛОВАРИ

Калугин 2003 – Калугин В.В. «Житие святителя Николая Мирликийского» в агиографическом своде Андрея Курбского. М., 2003.

Кузьмина, Литвинюк 2013 – *Кузьмина Е.А., Литвинюк Е.Е.* Епифаний (Славинецкий) // Православная энциклопедия. Т. 18. М., 2013. С. 552–556.

Малинаускене 2022 – *Малинаускене Н.К.* Церковная лексика греческого происхождения. История слов: учебное пособие для бакалавриата теологии. М., 2022.

Николенкова 2018a – *Николенкова Н.В.* Диатриба о языках европейцев» Иосифа Юста Скалигера в церковнославянском переводе XVII века // *Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies.* 2018. Т. 7. № 2, С. 163–192.

Николенкова 2018b – *Николенкова Н.В.* Переводческая деятельность в московском Чудовом монастыре: новые данные о кружке Епифания Славинецкого // *Вестник Московского университета. Серия 9: Филология.* 2018. № 6. С. 88–98.

Німчук 1973 – «Лексіконъ латинский» Є. Славинецького. «Лексикон словено-латинський» Є. Славинецького та А. Корецького. Сатановського / Підгот. до вид. В.В. Німчук. Київ, 1973.

Пентковская 2016 – *Пентковская Т.В.* Новый Завет в переводе книжного круга Епифания Славинецкого и польская переводческая традиция XVII в.: перевод аргументов к Апостолу // *Русский язык в научном освещении.* 2016. № 1(31). С. 182–226.

Пентковская 2017a – *Пентковская Т.В.* «Слово о милости» в церковнославянском переводе второй половины XVII в. и его польский оригинал: передача реалий // *Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies.* 2017. Т. 6. № 2, . С. 215–243.

Пентковская 2017b – *Пентковская Т.В.* Грецизация в церковнославянских переводах с польского Чудовской книжной школы второй половины XVII в. // *Классические языки в постклассический период.* Казань, 2017. С. 167–177.

Платонова 1997 – *Платонова И.В.* О переводческой технике в Геннадиевской Библии 1499 года // *Славяноведение.* 1997. № 3. С. 60–74.

Ромодановская 2004 – *Ромодановская В.А.* Заметки о переводе «латинских» книг Геннадиевской библии 1499 г.: библейский текст и энциклопедические глоссы // *Труды Отдела древнерусской литературы.* Т. LVI. СПб., 2004. С. 235–250.

СлРЯ XI–XVII 1975 – *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 1. М., 1975.

СлРЯ XI–XVII 1978 – *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 5. М., 1978.

СлРЯ XI–XVII 1982 – *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 9. М., 1982.

СлРЯ XI–XVII 1995 – *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 21. М., 1995.

СлРЯ XI–XVII 1997 – *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 22. М., 1997.

СРНГ 1979 – *Словарь русских народных говоров.* Вып. 15. Л., 1979.

Соболевский 1903 – *Соболевский А.И.* Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков. СПб., 1903.

Чернышова 2004 – *Чернышова М.И.* Агиографический свод князя А.Курбского: переводческая практика (предварительные наблюдения) // *Русский язык. Исторические судьбы и современность. II Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы.* М., 2004.

Sondel 1997 – *Sondel J.* Słownik łacinsko-polsski dla prawników i historyków. Kraków, 1997.

3. ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ

НКРЯ = Национальный корпус русского языка. М., 2003–2023. URL.: www.ruscorpora.ru

Православная энциклопедия. URL.: www.pravenc.ru

Словарь русского языка XVIII в. URL.: www.feb-web.ru

РУССКИЕ И НЕМЕЦКИЕ БИБЛЕИЗМЫ: ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ КОНТЕКСТЕ

К.В. Манёрова

БИБЛЕЙСКИЙ ТЕКСТ КАК ИСТОЧНИК СОВРЕМЕННОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Роль библейского текста в развитии европейских литературных языков и культуры признается многими исследователями [Бобылева 2007; Дубровина 2012; Карпенко 2017; Лилич 1995; Манёрова 2019, Цветаева 2015]. Ценности и нормы, которые определяют нашу культурную жизнь и сегодня, основаны на общей для обеих стран – России и Германии – христианской традиции, передаваемой из поколения в поколение через ритуал и библейское слово. В традиции вербализации многовекового христианского дискурса важное место занимают библеизмы, особые архаические фразеологизмы или же библейские формулы, закрепившиеся в немецком и русском языках с течением времени. В ряде работ, посвященных библеизмам в обоих языках, рассматривается история возникновения этих единиц и особенности их употребления в диахронии [Гак 1997; Мухамедова 2011; Мокиенко 1995; Харитоновна 2016; Шанский 1995; Forslund-Brondén 2004].

На протяжении многих веков религия оказывает огромное влияние на человеческое существование, язык и культуру. По мнению Хольгера Куссе, религия – это определенная форма знания, знания о смысле мира и о собственной жизни. Религия дает представление о человеке, космосе, конечности и вечности, смерти и жизни, вине и искуплении, начале и конце всего и т. д., в конечном счете, обо всем, что касается человека [Кузе 2012: 151–153]. По мнению Куссе, задача религиозного дискурса не в описании, в предписании: религиозные высказывания, убеждения, тексты призваны укреплять человека в его нравственных убеждениях, что соотносится с риторикой убеждения в веровании, фиксировать ценностно-нормативные основания социальных отношений, структур и связей, формировать систему ценностей в общении как с Богом, так и с ближним (там же). Религия – как в Германии, так и в России – в течение многих веков играла роль системообразующего элемента в социальной и культурной жизни, в становлении таких сфер общества, как образование, политика и право. Несмотря на процессы секуляризации в XIX–XXI вв. это влияние оставалось заметным, приобретало новые формы и интенсивность, в зависимости от развития религиозного дискурса в целом. Без развития религиозного предписывающего дискурса сама религия не могла бы распространяться, ее существование как формы мысли было бы поставлено под вопрос.

Религиозный дискурс можно охарактеризовать как семиотическую систему, обладающую своими установками и жанровой спецификой [Бобылева 2007], как совокупность коммуникативных актов или событий, направленных на передачу, сохранение и развитие религиозных идей [Лебедев 2016: 20]. Различают комму-

никативные практики религиозного институционального дискурса, которые могут быть использованы только в рамках определенной коммуникации, например богослужение, литургия или молитва в церкви, и свободные формы вероисповедания, предполагающие обмен мнениями религиозного содержания в частной беседе.

Наряду с сакральным библейским текстовым наследием выделяют следующие компоненты религиозного дискурса: 1) таинство – центральная практика религиозной культурной традиции, особое повторяющееся действие со своей символикой и языком; 2) пророческое откровение как особая форма общения человека с Богом; 3) тексты, восходящие к более ранним этапам развития религиозной традиции – саги и религиозные поэмы; 4) богослужение как особая религиозная коммуникация, в ходе которой используется особый сакральный формульный язык; 5) различные тексты, относящиеся к гомилетическим жанрам церковного красноречия, такие как проповедь, гомилия, изъяснительная беседа; 6) богословская литература – научные тексты с богословским содержанием; 7) обучающие тексты для передачи общепонятного религиозного содержания образования; 8) религиозная публицистика и художественная литература с религиозной проблематикой; 9) религиозный «разговорный язык» – повседневная речь в религиозных кругах или разговорный язык, используемый верующими людьми [Лебедев 2016: 21–22]. Отметим, что в обоих языках, в русском и немецком, названные коммуникативные практики являются источником фразеологизмов религиозного происхождения, и библеизмов, в частности.

Церковнославянский язык, на котором написана русская Библия, используется как язык богослужения и литургии и в настоящее время. История перевода Библии на германские языки, начавшаяся с перевода готского епископа Вульфилла в IV в., связана с этапом формирования и немецкого литературного языка. Первым примером перевода библейского текста на древневерхненемецкий язык являются так называемые фрагменты из монастыря Мондзее, написанные на старобаварском в начале IX в. и включающие первую часть текста Исидора Севильского «О католической вере из Ветхого и Нового Заветов против иудеев» («De fide catholica ex Veteri et Novo Testamento contra Iudaeos ad Florentinam sororem»). Однако некоторые исследователи считают, что эти фрагменты являются скорее комментарием к библейскому тексту, поскольку перевод писался параллельно с оригинальным латинским текстом [Мецгер 2002: 487–491]. В качестве текстов для немецких переводов Библии использовались Септуагинта, Масоретский текст и Вульгата. В 1546 г. на Тридентском соборе текст Вульгаты был признан каноническим для Римско-католической церкви [Мечковская 1998: 236–237], но впоследствии текст Вульгаты редактировался и исправлялся, последняя его версия была опубликована в 1979 г. [Стасюк 2006]. В 1466 г. Иоганн Ментелин издал в Страсбурге первый немецкий перевод всего библейского текста, так называемую Библию Ментелина, в основу которой был положен перевод Вульгаты, исполненный по технике перевода параллельных текстов «слово-в-слово». Вплоть до издания перевода Библии Мартином Лютером Библия Ментелина на ранненововерхненемецком языке считалась «народной Библией» [Дмитриев 1985: 87]. Библейский текст в переводе Лютера (период перевода 1522–1534 гг.), напротив, был переведен с древнееврейского и древнегреческого языков на ранненововерхненемецкий язык. В своем переводе Лютер реализовал протестантскую идею возвращения к первоисточнику веры: Ветхий Завет переведен с древнееврейского, а Новый Завет – с греческого.

В течение 20 лет этот перевод был опубликован 72 раза. К быстрому распространению Библии Лютера по всей Германии привели появление книгопечатания и образный, тем не менее понятный пастве язык библейского текста, который был очень близок к разговорному языку Верхней Саксонии. Впоследствии этот перевод неоднократно исправлялся, аннотировался и переиздавался [Forslund-Brondén 2004: 15–18]. Библия Лютера способствовала стандартизации языковой нормы и ее распространению в городах и княжествах, участвующих в Реформации. В основном это были северная и центральная Германия, а также некоторые города южной Германии. Евангелические тексты Лютера, содержащие словотворческую и литературную обработку, не только способствовали распространению этой литературной нормы [Москальская 1959: 49], но повлияли на фонетические, грамматические и лексические особенности развития немецкого языка [Москальская 1959; Дмитриев 1985; Arndt, Brandt 1983]. Публикация перевода Лютера оказала большое влияние и на появление новых немецких католических текстов, которые по большей части основывались на тексте евангелистов [Forslund-Brondén 2004: 15]. Среди важных католических переводов можно назвать «Католическую Библию Майнца» (1661 г.) и «Венскую Библию» (1791 г.). Вариант католической Библии «Священное писание Ветхого и Нового Завета» («Die Heilige Schrift des alten und neuen Testamentes», 1830–1836), выполненный Йозефом Францем фон Аллиоли, или Библия Аллиоли, был наиболее авторитетным вплоть до XX в. [Forslund-Brondén 2004: 15–18]¹.

Считается, что лютеранство допускает сближение церковного и светского языков [Гончарова 2007], в первую очередь, благодаря литургике, осуществляемой на современном языке, в частности немецком. В то же время церковная проповедь в католицизме была разрешена на немецком языке уже в IX в., но литургия и другие церковные обряды долгое время совершались на латыни. На Втором Ватиканском соборе (1962–1965) было разрешено проводить и католические богослужения на немецком языке, были рекомендованы новые переводы с языка оригинала [Тулынин 2013], что привело к появлению переводов Библии для католиков: «Иерусалимская Библия» (1968), «Библия» Ганса Брунса (1973), «Единый перевод Священного писания» (1980), «Библия на современном немецком языке. Благая весть» (1983). Основой для этих переводов, в которых заметно стремление к сохранению точности текста оригинала, послужили Ветхий Завет на древнееврейском и арамейском языках и Новый Завет на греческом языке. В работе принимали участие как католические, так и протестантские специалисты [Forslund-Brondén 2004: 18–20]. Таким образом, текстовый источник для обеих главных христианских конфессий в Германии написан на современном немецком языке.

ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ БИБЛЕИЗМОВ В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

Использование библеизмов в современном немецком языке объясняется распространением христианства и христианских обрядов в немецкоязычных странах, как в католической, так и лютеранской конфессиях. Священное Писание является одним из важнейших источников символики, ставшей основой для формульных единиц и фразеологизмов – как в немецком, так и русском языках. Библейские символы формировались на протяжении веков и при этом оказывали

¹ Список значимых переводов Библии: Библиотека земли Баден-Вюртемберг: https://www.wlb-stuttgart.de/fileadmin/user_upload/sammlungen/bibel/IndividNameTabelle1.pdf (дата обращения: 11.09.2023).

сильное влияние на литературную и филологическую традицию и в Германии, и в России. Библейские сюжеты, узнаваемые элементы мировой культуры, кодирующие общечеловеческие ценности и обличающие людские пороки, оказывают сильное эмоциональное воздействие на верующего человека и требуют личной интерпретации со стороны читателя. Библия играет роль связующего элемента между языками и культурами общего христианского мира, библеизмы, также называемые библейскими идиомами, фразеологизмами или идиомами библейского происхождения, библейскими фразеологизмами, в свою очередь связывают фразеологические системы разных языков. Что понимается под библеизмом?

В современной лингвистической литературе интерес к сакральной устойчивой лексике чрезвычайно высок. Обратимся к толкованиям термина «библеизм». Определение можно найти в немецко-русском словаре библейских фразеологизмов Х. Вальтера и В. Мокиенко: библеизм – это фразеологические и афористические единицы различного рода, вошедшие в язык из Библии или возникшие на основе библейского текста [Вальтер, Мокиенко 2009: 10]. Д.С. Кравцова приводит обзор многочисленных дефиниций этого и синонимичных ему терминов на основании данных словарей [Кравцова 2020: 175–176]; этот термин может быть определен следующим образом: библеизм – библейское слово или выражение, фразеологизм, вошедший в общий язык, взятый из Библии, связанный с содержанием библейского текста. Е.М. Верещагин понимает под библеизмом и «отдельные слов современного русского литературного языка, которые или прямо заимствованы из Библии (ад, ангел, суббота, диавол и т. д.), или подверглись семантическому воздействию библейских текстов. Наряду с отдельными словами, библеизмами называют и устойчивые словосочетания, а также целые выражения и даже фразы, восходящие к Библии» [Верещагин 1993: 97].

С точки зрения структуры все библеизмы делят на библеизмы-слова, библеизмы-словосочетания и библеизмы-предложения. Это наиболее простая и обобщенная классификация [Жевнерович, Сергиенко 2019]. Исследователи-лингвисты А. Бирих и Й. Матешич проводят следующее разделение (четвертый пункт дополнен Ю.А. Гвоздаревым): 1) выражения, которые уже в тексте Библии отличаются целостностью значения: русск. *хранить как зеницу ока, альфа и омега*; нем. *etw. wie seinen Augenapfel hüten, das A und O*; 2) фразеологизмы, образованные на базе свободных словосочетаний Библии, но получившие новое фразеологическое значение: русск. *зарыть талант в землю*; нем. *sein Pfund vergraben; sein Licht unter den Scheffel stellen*; 3) фразеологические единицы, не представленные данным лексическим составом в Библии, но семантически определенные ее текстами: русск. *запретный плод, в костюме Адама*; нем. *verbotene Frucht, im Adamskostüm*; 4) ФЕ, обусловленные общим содержанием Библии: русск. *конец света*; нем. *der Weltuntergang* [Бирих, Матешич 1994].

В современной отечественной филологии сформировались различные исследовательские подходы к изучению библеизмов, среди которых:

1) литературоведческий подход 90-х гг. XX в. [Борисенко 2002; Иезуитова 1995; Милютин 1995] – изучается использование библеизмов в произведениях художественной литературы;

2) проблемный переводческий подход к истории перевода Библии [Милютин 1995; Степовой 1999] – пристально рассматриваются тенденции развития современной теории перевода и истории перевода, а также роль Библии в истории культуры и соотношение стиля и смысла в канонических текстах;

3) лингвокультурный подход [Мокиенко 1985; Лилич 1995] – рассматриваются библейские идиомы как отражение историко-культурной ситуации и мировоззрения;

4) лингводидактический подход [Супрун 1995; Шанский 1995] раскрывает дидактическую ценность библеизмов через трактовку библейских тем, фразеологизмов библейского происхождения и отрывков из Священного Писания в литературных произведениях, способствующих пробуждению нравственности и исторической памяти;

5) лексикографический подход [Грановская 1998; Шанский, 1995; Мокиенко 2015] включает интерпретацию библейской символики, кодификацию и историко-этимологическое комментирование библеизмов как значительного пласта литературного языка. Словари и справочники, кодифицирующие библейские идиомы, служат фиксации и сохранению одного из древних языковых культурных слоев. В немецко-русской лексикографии следует отметить четыре словаря: «Опыт краткого немецко-русского – русско-немецкого словаря» Т.С. Александровой [Александрова 1996]. Этот словарь предназначен для помощи в чтении христианской литературы, в нем определены некоторые богословские термины и словосочетания, но без указания их происхождения и истории развития. В «Русско-англо-немецком словаре пословиц, поговорок, крылатых слов и Библейских изречений» Н.Л. Адамия [Адамия 2021] собраны многие русские фразеологизмы библейского происхождения, в том числе и вышедшие из употребления, с немецкими и английскими эквивалентами, без смысловых помет, стилистических маркеров и историко-этимологического комментария. «Немецко-русский словарь библейских фразеологизмов: с историко-этимологическими комментариями» Х. Вальтера и В.М. Мокиенко с цитатами и подробными комментариями к каждой идиоме [Walter, Mokienko 2009]. Русско-словацко-немецкий словарь «Из библейской мудрости / Z biblickej múdrosti / Biblical Wisdoms» авторов-составителей Д. Балаковой, Х. Вальтера, В.М. Мокиенко (2015) ставит целью систематическое и комплексное лексикографическое представление русских библеизмов, а также их сопоставление со словацкими и немецкими идиомами [Балакова, Вальтер, Мокиенко 2009];

6) исследователи в рамках психолингвистического подхода [Алексеева 1995] обращаются к носителям языка для верификации роли библеизмов в современном русском языке и их восприятия современными носителями языка, понимания их происхождения. Большое внимание уделяется также вопросу изменения смысла библеизма и соответствующим причинам семантической деривации;

7) сопоставительный подход (с учетом оценки эквивалентности). В.Г. Гак составил универсальную классификацию библейских идиом, основанную на результатах его сопоставительных исследований в этой области [Гак 1997: 55–64].

В.Г. Гак выделяет два основных фактора, обуславливающих различия между идиомами в разных языках:

- объективный фактор (реалии, свойственные одной стране и не встречающиеся в другой, сюда относятся структурные языковые особенности, из-за которых языковые единицы с одним и тем же значением выражаются одним словом в одной стране и несколькими словами в другой);
- субъективный фактор (природная или культурная особенность присуща обоим сравниваемым странам, но по-разному интерпретируется и используется).

В.Г. Гак выделяет пять оппозиций, указывающих на своеобразные корреляции между фразеологизмом и библейским текстом.

1) Контекстуальные и ситуативные библеизмы: контекстуальный библеизм представляет собой фрагмент или цитату из текста, которая также может быть несколько перефразирована: русск. *капля в море; не хлебом единым жив человек; никто не может служить двум господам / служить двум господам*; нем. *der Mensch lebt nicht vom Brot allein; zwei Herren dienen / niemand kann zwei Herren dienen*. Ситуативные отражают конкретную ситуацию из Библии: русск. *Содом и Гоморра; вера горами движет; возвращение блудного сына*; нем. *wie in Sodom und Gomorrah; der Glaube versetzt Berge; die Rückkehr des verlorenen Sohnes*.

2) Наличие и отсутствие того или иного библеизма в языке. Библейские сюжеты порождают идиомы, утвердившиеся не во всех языках, что можно объяснить, по крайней мере, двумя причинами: общей дифференциацией и историко-культурными факторами. Например, немецкие библеизмы *blinder Blindenführer; j-m Brief und Siegel geben, ein ellenlanger Brief* (слепой поводырь слепых, дать кому-л. письмо и печать, длинное письмо) не имеют эквивалентов библейского происхождения в русском языке.

3) Первичные и вторичные библеизмы: первичный библеизм – это словосочетание, которое встречается в библейском тексте именно в таком виде: русск. *альфа и омега; книга за семью печатями; камень преткновеня*; нем. *das A und O; ein Buch mit sieben Siegeln; der Stein des Anstoßes*. Большинство библейских идиом являются первичными. Вторичные библеизмы – это словосочетания, образованные путем сравнительного, аллегорического использования слов, предметов и символов из Библии: русск. *бедный, как Иов; в костюме Адама; умывать руки*; нем. *arm wie Hiob; im Adamkostüm; seine Hände in Unschuld waschen*.

4) Непосредственные и опосредованные библеизмы. Непосредственные библеизмы происходят из Библии, а опосредованные – заимствованы из другого языка или основаны на творчестве других авторов. Например, идиома *посылать кого-либо от Понтия к Пилату (von Pontius zu Pilatus schicken)* перешла из немецкого языка в русский. Или библейская идиома «А ты кто, который судишь другого» известна в русском языке в виде цитаты из пьесы А.С. Грибоедова «А судьи кто?».

5) Прямые и переосмысленные библеизмы: к переосмысленным относятся библейские идиомы, сохранившие свою внешнюю форму, но изменившие при этом смысловое значение. В этой связи можно привести в качестве примера русский библеизм *глас вопиющего в пустыне*. В Библии эта идиома обозначает предупреждение или привлечение внимания к какому-либо важному явлению, в современном русском языке эта идиома употребляется в значении страстного, горячего призыва, выражения отчаяния, без надежды на отклик.

Другая классификация предложена группой исследователей: Д. Балаковой, Х. Вальтером и В.М. Мокиенко [Балакова, Вальтер, Мокиенко 2009: 284–291]. В этой классификации выделяются шесть типов библеизмов по отношению к тексту источника.

1) Слова и словосочетания употребляются в Библии в прямом значении, а в художественных и других текстах – в переносном: русск. *от Адама; волосы встали дыбом; колосс на глиняных ногах; запретный плод*; нем. *seit Adam und Eva; jemandem stehen die Haare zu Berge; Koloss auf tönernen Füßen; verbotene Früchte*.

2) Слова и фразы, используемые в Библии как в прямом, так и в переносном значении: русск. *посыпать голову пеплом; нести свой крест; рвать на себе воло-*

сы; заблудшая овца; нем. *sich Asche aufs Haupt streuen; sein Kreuz auf sich nehmen; sich die Haare raufen; ein verirrttes Schaf.*

3) Фразы и выражения не используются в Библии как устойчивые единицы, они становятся библеизмами только в результате их последующего литературного использования: русск. *земля обетованная; нищий как Лазарь; внести свою лепту; проходить красной нитью; зарывать талант в землю;* нем. *das gelobte Land; armer Lazarus; sein Scherflein zu etw. beitragen; sich wie ein roter Faden ziehen; sein Talent verbergen.*

4) Словосочетания и предложения, используемые в Библии, а также в литературном обиходе как пословицы, устойчивые словосочетания: русск. *кто ищет, тот найдет; возлюби ближнего своего как самого себя; всему свое время;* нем. *wer sucht, der findet; liebe deinen Nächsten wie dich selbst; alles hat seine Zeit.*

5) Слова и словосочетания, которые из-за различий в переводах Библии выступают как устойчивые словосочетания в одном языке, но не в другом: русск. *стереть с лица земли; хромать на обе ноги / на оба колена; притча во языцех;* нем. *aus dem Lande vertreiben; auf beiden Beinen / Seiten hinken; ein Spottbild sein / Sprichwort und Spott sein.*

6) Слова и фразы, созданные в результате рецепции библейского текста и библейских сюжетов: русск. *святая простота; Фома неверующий;* нем. *ein einfältiges Gemüt / Heilige Einfalt!; ungläubiger Thomas.*

ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ РУССКИХ И НЕМЕЦКИХ БИБЛЕИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ КОНТЕКСТЕ

Выделяются два типа эквивалентности идиом [Добровольский 2013: 553]: 1) на уровне текста (когда идиома может быть адекватно переведена с одного языка на другой); 2) на уровне системы (когда в разных языках существуют идиомы со сходным значением и лексической структурой). Эквивалентность фразеологизмов, на наш взгляд, более точно передает тип соответствия фразеологизмов в языках, чем стратегии или тактики перевода. В контрастивных фразеологических исследованиях представлены четыре основных типа эквивалентности [Добровольский 2013: 553–557]:

1) полная эквивалентность – семантическая, синтаксическая и лексическая структуры идиом в сравниваемых языках совпадают, напр.: русск. *колосс на глиняных ногах* – нем. *Koloss auf tönernen Füßen*; русск. *заблудшая овца* – нем. *verirrttes Schaf*; русск. *внести [свою] лепту* – нем. *sein Scherflein beitragen*. Абсолютная эквивалентность на уровне языковой системы встречается крайне редко, во многих случаях контекстные условия оказываются несовместимыми как синтаксически, так и семантически;

2) частичная эквивалентность – значения практически идентичны, но синтаксическая, лексическая структура, а зачастую и образная основа идиом совпадают не полностью: русск. *нести свой крест* – нем. *jeder hat sein Kreuz zu tragen*; русск. *земля обетованная* – нем. *das gelobte Land*; русск. *глас вопиющего в пустыне* – нем. *ein Rufer in der Wüste / die Stimme des Predigers in der Wüste*; русск. *несть [нет] пророка в своем отечестве* – нем. *der Prophet gilt nichts in seinem [eigenen] Vaterland[e]*;

3) фразеологический параллелизм – основные значения идиом сходны, но переносное значение обнаруживает множество различий в одном из языков, напр.: русск. *умываю руки* – нем. *seine Hände in Unschuld waschen*;

Таблица 1.
Корреляции библеизма и текста источника

Классификация В.Г. Гака	Валаамова ослица – Bileams (Balaams, Walaams) Eselin	глас вопиющего в пустыне – ein Rufer in der Wüste / die Stimme des Predigers in der Wüste	стереть / исчезнуть с лица земли – aus der Welt verjagen / vom Erdboden verstoßen werden / vom Erdboden verschwinden lassen	зарыть свой талант – sein Licht unter den Scheffel stellen
Контекстуальный – ситуативный библеизм	контекстуальный библеизм (Ветхий Завет, Книга чисел, гл. 22, ст. 28).	контекстуальный библеизм (Ветхий Завет, Книга пророка Исайи, гл. 40, ст. 3)	контекстуальный библеизм (притча о Иове многострадальном. Ветхий Завет, Иов многострадальный, 18, вторая речь Виллада)	контекстуальный библеизм (притча о богатом господине и его рабах. Евангелие от Матфея 25: 17, 18)
Наличие и отсутствие того или иного библеизма в языке	в обоих языках	в обоих языках	в обоих языках	в обоих языках
Первичные и вторичные библеизмы	первичный	первичный	первичный	первичный
Непосредственные и опосредованные библеизмы	непосредственный	непосредственный	непосредственный	опосредованный
Прямые и пересмысленные библеизмы	пересмысленный	пересмысленный	прямой в русском, пересмысленный в немецком	пересмысленный

4) нулевая эквивалентность – отсутствие семантически соотносимых идиом в разных языках, напр.: нем. *blinder Blindenführer*.

Эквивалентность фразологизмов определяется не только в семантическом, синтаксическом, структурном аспектах, но и в аспекте их контекстного употребления. Так, исследовательница Б. Форслунд-Бронден в ее книге «Nicht auf Sand gebaut» провела диахронический, когнитивный и контекстуальный анализ библейских идиом в различных немецких переводах Библии за шестисотлетний период [Forsslund-Brondén 2004]. Автор выделяет четыре типа значений библейских устойчивых выражений: 1) буквальное значение (прямое значение идиоматического выражения); 2) конкретное (текстовое) значение (значение, которое идиома имела в исходном библейском тексте); 3) внеконтекстуальное кодифицированное идиоматическое значение (значение, представленное в словарях); 4) контекстуальное значение идиомы (значение, которое идиома имеет в современном контексте). По мнению исследовательницы, когнитивный анализ позволяет описать текстовый фрагмент с идиомой в трех аспектах: 1) с точки зрения семантики предложения (пропозициональная семантическая структура непосредственного контекста); 2) с точки зрения семантики текста (построение текста по ряду пропозиций); 3) с точки зрения когнитивной семантики (взаимодействие передаваемого смысла и текста начиная с буквального значения). Таким образом, сложная смысловая структура фразеологизмов возникает из контекстно-зависимого смыслового содержания, реализуемого пропозициями и пресуппозициями.

Для выявления эквивалентности русских и немецких библеизмов в современных контекстах были отобраны следующие пары библеизмов с иллюстрацией примерами из корпуса русских и немецких текстов XX–XXI вв.:

Валаамова ослица – Bileams (Balaams, Walaams) Eselin;

глас вопиющего в пустыне – ein Rufer in der Wüste / die Stimme des Predigers in der Wüste;

стереть / исчезнуть с лица земли – aus dem Lande jagen / vom Acker vertreiben;

зарыть свой талант – sein Licht unter den Scheffel stellen.

Обратимся к анализу корреляции библеизмов и текста источника согласно опозициям В.Г. Гака, которые приведены выше (Таблица 1).

Как видно из таблицы, все пары отобранных библеизмов контекстуальные, первично и непосредственно, за исключением последней пары, происходят из библейского текста, присутствуют в обоих языках, переосмыслены, за исключением библеизма «стереть с лица земли» в русском языке в его прямом значении «уничтожить».

Для установления контекстуальной эквивалентности обратимся к схеме сопоставительного анализа, предложенной Б. Форслунд-Бронден и рассмотрим возможные значения библеизмов в обоих языках: буквальное, конкретное, внеконтекстуальное кодифицированное, контекстуальное, сопроводив сравнение корпусными примерами.

1. Библеизм *Валаамова ослица* в русском языке имеет буквальное значение: ослица Валаама. Его конкретное (текстовое) значение относит библеизм к притче об ослице месопотамского волхва Валаама, отправившегося одолевать чарами израильтян по наущению царя моавитян Валака. Ослица, к великому удивлению Валаама, вдруг заговорила человеческим голосом, увидев вестника Господня с обнаженным мечом, преграждающего Валааму путь и невидимого им (Ветхий завет, Книга чисел, гл. 22, ст. 28). Внеконтекстуальное кодифицированное идиоматиче-

ское значение определяет область употребления фразеологизма применительно к молчаливым людям, неожиданно высказавшим свое мнение или возражение, к безропотным людям, решившимся на протест [Серов 2003]. Контекстуальное значение идиомы может быть проиллюстрировано следующими примерами из Национального корпуса русского языка. Контекстуальное значение, соотносящееся с внеконтекстным кодифицированным «молчаливый, безропотный человек», реализовано в примере:

Даже «**Валаамова ослица**» (так прозвали крепостного врача за его «политическую молчаливость») заговорила что-то на тему, что, мол, хорошо все вышло, – наконец в России будет конституция [Г.А. Гершуни. Из недавнего прошлого (1908)]².

Однако из контекстного употребления библеизма могут быть выведены другие значения, относящиеся к неодушевленному субъекту: природа, ее тишина как источник беспокойства:

Тут ведь очень тихо, особенно когда утихает ветер; тихо и просторно, а это действует на нервы не меньше, чем одиночка. Между прочим, к такой тишине я не привыкла, моей тишине всегда сопровождал или город, или лес, или море, или, в последние годы, гул человеческих жизней, никогда не раздражавший меня гул голосов. Северное же молчание, особенно в пасмурные дни, беспокоит меня. Жду не дождусь, когда же заговорит эта серая, седая, северная **валаамова ослица** – природа? (Ты помнишь, как Журавлев читает «Пиковую даму»? – «Графиня молчала»...) Боюсь ледохода: река перед самым носом, как бы нас не прихватила, разливаясь! [А.С. Эфрон. Письма Б.Л. Пастернаку (1948–1959)]³.

Значение библеизма «как Валаамова ослица», также близкое к оригинальному значению из библейской притчи, а именно соотношение с предвидением, с обозначением человека, обладающего даром видеть недоступное взору других, реализовано в следующем контексте:

В «тихой, похожей на Назарет Матвеевке», как писал мне один друг из Святой Земли, Мальцев бывал часто и сидел подолгу, как привыкший к одиночеству холостяк. Когда мы с дочкой Марией и котом Кешей собирались на кухне – он иногда с нами разговаривал. И вот однажды он сказал, что на отъезд уже не надеется. Тринадцатилетняя Мария, как **Валаамова ослица**, сразу произнесла: «Юра, вы до Пасхи уедете». Он вежливо объяснил, что чудес не бывает, печально послушал ее рассказы о домашних и общемировых чудесах и обещал, что, если уедет, немедленно пришлет ей самую лучшую книгу о кошках. Он уехал, именно до Пасхи [Н.Л. Трауберг. Сама жизнь (2008)]⁴.

Немецкий библеизм имеет три варианта *Bileams (Balaams, Walaams) Eselin*, из которых в современных контекстах частотен *Bileams Eselin*, например:

Johann legte sich noch enger zu Tell hin als vorher, streichelte ihn, wie er ihn noch nie gestreichelt hatte, holte die Bibel aus dem Regal und las Tell vor, was der Vater im letzten Winter, als sie über Engel gesprochen hatten, ihm vorgelesen hatte. **Bileams Eselin**. Das bist du, Tell, du bist der einzige, der gemerkt hat, daß es nicht ich, sondern der Engel war. Wie **Bileams Eselin**, die den den Weg versperrenden Engel sah, sich an ihm vorbeidrücken wollte, dann, weil der Engel das nicht zuließ, in die Knie ging, dreimal geschlagen wurde von Bileam, bis der Herr dem Bileam die Augen öffnete, daß er den Engel des Herrn auch auf dem Weg stehen sah [Walser Martin. Ein springender Brunnen. Frankfurt a. M.: Suhrkamp 1998. S. 262]⁵.

² <https://ruscorp.org.ru/> (дата обращения: 10.08.2023).

³ <https://ruscorp.org.ru/> (дата обращения: 10.08.2023).

⁴ <https://ruscorp.org.ru/> (дата обращения: 10.08.2023).

⁵ <https://www.dwds.de/r/?corpus=kern&q=Bileams%20Eselin&format=max> (дата обращения: 15.08.2023).

В примере немецкого контекста реализуется значение предвидения, с обозначением человека, обладающего даром видеть недоступное взору других: «Это ты Тель, ты единственный, кто заметил, что это был не я, а ангел».

2. Библейзм *глас вопиющего в пустыне* имеет в русском языке имеет буквальное значение: голос взывающего в пустыне. Его конкретное (текстовое) значение соотносит библейзм с отрывком из Ветхого Завета, Книгой пророка Исайи, гл. 40, ст. 3, где повествуется о голосе проповедника в пустыне, вопрошающего о пути для Господа. В русском языке внеконтекстуальное идиоматическое значение связано с неуслышанными, напрасными, отчаянными, безрезультатными призывами, с неудачной попыткой установить взаимопонимание, диалог [Серов 2003].

Контекстуальное значение библейзма, соотносящееся с внеконтекстуальным кодифицированным, реализовано в следующих примерах:

Кстати, мы можем даже и Вертинского сюда причислить. Почему уже понимая, что его жизненный и артистический путь заканчивается, он пишет это письмо в ООН – **глас вопиющего в пустыне**. Он понимает, что ничего не изменится от этого письма, в том числе, и его жизнь. Но, может быть, он думает, что что-то там шевельнется, и кто-то следующий, кто пойдет по его пути, окажется в этой ситуации [Александр Клейн. Путь воина и Путь артиста. Too Late! // «Пятое измерение», 2003]⁶;

Когда В.В. Путин, отмечая возрастающее значение и дефицит социального предвидения, а также жгучую потребность в управленческих кадрах нового поколения, взывает к ближайшим соратникам быть смелее в разработке политической стратегии, а также амбициознее в экономическом планировании, это напоминает **глас вопиющего в пустыне**. Почему? Дело не столько в умственном потенциале, сколько в интеллектуальной ориентации сознания и мышления. [И.Л. Андреев. Россия: взгляд из будущего (2003) // «Вестник РАН», 2004]⁷.

В немецком языке библейзм имеет три варианта: *ein Rufer in der Wüste / Prediger in der Wüste / die Stimme des Predigers in der Wüste*. Внеконтекстуальное значение первого частотного и второго синонимичного варианта соотносится с одушевленным лицом, третий вариант включает компонент голоса проповедника, со значением «не находить отклик, безрезультатно предупреждать об опасности, развитии»⁸.

Контекстуальное значение связано с внеконтекстуальным кодифицированным значением «не находить отклик»:

Im schwach gefüllten Saal des Brüsseler EuropaParlaments erscheint Johannes Voggenhuber wie ein Rufer in der Wüste. «Ich hätte mir mehr Visionen gewünscht für die ungeheure Herausforderung, eine übernationale Demokratie zu entwickeln», rief der Grünen-Abgeordnete aus Salzburg dem Kommissionspräsidenten Romano Prodi zu (Roland Sieglhoff: Prodi umwirbt die Europa-Abgeordneten. Berliner Zeitung, 06.12.2002)⁹.

(В частично заполненном зале Европарламента в Брюсселе раздается глас вопиющего в пустыне, Йоханнеса Фогенхубера: «Мне хотелось бы получить больше представлений о серьезной задаче развития наднациональной демократии», крикнул депутат от Партии зеленых из Зальцбурга Президенту Еврокомиссии Романо Проди);

Nehmt alles in allem, dann macht Schröder doch eher CDU-Politik, ob Steuer oder Rente. Die Proteste Lafontaines verhalten längst als die eines Rufers in der Wüste (Der Tagesspiegel, 04.02.2002)¹⁰.

⁶ <https://ruscorpора.ru/> (дата обращения: 10.08.2023).

⁷ <https://ruscorpора.ru/> (дата обращения: 10.08.2023).

⁸ Dwds.de (дата обращения: 15.08.2023).

⁹ Dwds.de (дата обращения: 15.08.2023).

¹⁰ Dwds.de (дата обращения: 15.08.2023).

(Если рассматривать все в целом, то Шрёдер (бундесканцлер Герхард Шрёдер, 1998–2005. – прим. К.М.) проводит скорее политику ХДС, по налогам ли или по пенсии. Протесты Лафонтена (Оскар Лафонтен. – прим. К.М.) уже давно похожи на глас вопиющего в пустыне.)

Контекстуальное значение варианта *die Stimme des Predigers in der Wüste* также связано с внеконтекстуальным кодифицированным значением «не находить отклик»:

«Nett anzusehen, aber nicht gerade ein Meisterwerk». Doch Sanchez ist die Stimme eines Predigers in der Wüste. Kardinalstaatssekretär Tarcisio Bertone, der ranghöchste Mann im Kirchenstaat nach dem Papst, schwärmt von «wundervollen Dialogen zwischen Maria und Elisabeth» [Die Zeit. 30.11.2006]¹¹.

(«Приятно на вид, но не совсем шедевр». Но Санчес – это голос проповедника в пустыне. Государственный секретарь кардинала Тарчизио Бертоне, самый высокопоставленный человек в Ватикане после Папы, восторженно отзывается о «чудесных диалогах между Марией и Елизаветой»).

3. Русский библеизм *стереть / исчезнуть с лица земли* имеет буквальное значение «уничтожить», конкретное (текстовое) значение соотносит библеизм с отрывком из Ветхого Завета, притчей о Иове многострадальном, 18, второй речью Виллада о карах и наказании Богом безбожников и грешников. Внеконтекстное кодифицированное значение библеизма и его же буквальное значение: «жестоко расправиться, погубить, уничтожить» реализуется в следующих примерах:

Простой ураган может **стереть с лица земли** целые поля, на которых высевали редкие сорта растений [Александр Голяндин. Семена Шпицбергена // «Знание-сила», 2012]¹²;

Он предчувствовал, что эта картина – смертный приговор и ему, и всем родным. Большевик идет не просто по людям, затопившим улицы, он идет на церковь. А церковь для Кустодиева – его личный мир, ее можно найти на каждой его картине, неслучайно же он говорил: «Это церковь – моя подпись». Большевик идет на художника, его хочет **стереть с лица земли** [Ю.Ф. Карякин. Дневник (2006), 2007–2016]¹³;

В войне с Ираном Саддама поддержал, как сегодня бы сказали, «весь цивилизованный мир»: исламская революция Хомейни представляла угрозу для всех без исключения игроков – от США и Великобритании до СССР и арабских монархий. И все-таки положение Саддама оказалось непрочным: у него был свой проект, и никто из крупных игроков не мог считать его своим «сукиным сыном». Он был светским идеологом, а значит, чужаком для набравшего силу глобального исламского проекта. Он угрожал **стереть с лица земли** Израиль, а значит, представлял потенциальную угрозу геополитическим интересам США. [Олег Храбрый. Ловушка для диктатора (2004) // «Эксперт», 20.12.2004]¹⁴

Таким образом, выражение устойчиво, метафорично, контекстуальное значение совпадает с буквальным.

Библеизм в немецком языке имеет три варианта *aus der Welt verjagen / vom Erdboden verstoßen werden / vom Erdboden verschwinden lassen*, в зависимости от перевода Библии. Например, Мартин Лютер в своем переводе Библии использовал словосочетание *vom Erdboden verstoßen werden*. В переработанной Библии Фран-

¹¹ Dwds.de (дата обращения: 15.08.2023).

¹² <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 10.08.2023).

¹³ Карякин Ю.Ф. Дневник русского читателя (Переделкинский дневник) // Октябрь. 1997. № 11; Знамя. 2007. № 11; 2009. № 4; 2014. № 11; Звезда. 2016. № 3–8; <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 10.08.2023).

¹⁴ <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 10.08.2023).

ца Шлахтера (2000; <https://www.schlachterbibel.de/de/bibel/>), в основе которой в переводе Ветхого завета лежит Масоретский текст, использовано словосочетание *aus der Welt verjagen*.

Это выражение встречается и в более ранних текстах:

Im Jahre 1806, so erzählt Schiemann, lief in Petersburg ein aus Moskau stammendes Flugblatt um, das die erregte Stimmung der Zeit folgendermaßen schildert. «Die Sünde – ist gestorben, das Recht – verbrannt, die Güte ist aus der Welt verjagt. Die Aufrichtigkeit hat sich versteckt, die Gerechtigkeit ist auf der Flucht [Die Grenzboten, Jg. 64, 1905. Erstes Vierteljahr]¹⁵.

(В 1806 году, по рассказам Шлимана, в Петербурге распространялась листовка из Москвы, отражающая беспокойное настроение того времени следующим образом: «Грех – умер, право – сожжено, добро стерто с лица земли. Искренность затаилась, справедливость в бегах»).

Частотное выражение *vom Erdboden verschwinden lassen* использовано в современной переводной версии Библии издательства fontika под названием «Надежда для всех» («Hoffnung für alle»), вариант *vom Erdboden verschwinden* (исчезнуть с лица земли) можно назвать самым частотным из трех эквивалентов, его коллокационная частотность равна 151 по статистике DWDS¹⁶.

4. Библейзм *зарыть свой талант [в землю]* не имеет буквального значения, его конкретное значение соотносится с притчей о богатом господине и его рабах в Евангелие от Матфея (25: 17,18), в которой речь идет о зарывании одним из рабов монеты «талант». «Талант» происходит от греческого слова *talanton* – названия денежной и весовой единицы в Древней Греции Месопотамии и Сирии [Ашукин, Ашукина]. Внеконтекстное значение библейзма переосмыслено в многозначности компонента «талант, дар, способность» и кодифицировано как «не проявлять, губить, попусту растрачивать свои способности» (экспресс.) [Федоров 2008].

Контекстное значение совпадает с внеконтекстным в следующем примере:

Громкий, звучный, он обладал удивительным покоряющим тембром, и она столько вкладывала чувства в свое пение, что у слушателей невольно набегали на глаза слезы. Да, она «зарыла» свой большой талант ради огромной любви к мужу, а потом пошли дети... И еще была причина – она знала, что дедушка Александр Михайлович был против брака своего племянника на ней, и не только, как на бесприданнице, он еще добавлял, что против брака на певице. Жалела ли она, что «зарыла» свой талант? Только однажды услышал я от нее: «Если бы я стала известной певицей, моих детей не гнали бы, не арестовывали бы» [С.М. Голицын. Записки уцелевшего. Предисловие (1989)]¹⁷.

Немецкий библейзм *sein Licht unter den Scheffel stellen* известен из лютеровского перевода Библии, это «авторский» фразеологизм, созданный Лютером при переводе. Его контекстное значение связано с пассажем о недальновидно утраченных возможностях и непосредственной цитатой из Евангелия «Man zündet auch nicht eine Leuchte an und stellt sie unter den Scheffel, sondern auf den Leuchter; dann leuchtet sie allen im Haus» (Не зажигают свечу и не ставят ее под ведро, но на подсвечник, и она светит всем в доме), где метафорически переосмысленный компонент «Scheffel» обозначает «мерное ведро для зерна, четверик». Внеконтекстное значение кодифицирует библейзм как сокрытие или умаление собственных способностей, таланта, с коннотацией значения «из скромности или вежливости». Контекстное значение немецкого библейзма связано с кодифицированным значением, например:

¹⁵ www.dwds.de (дата обращения: 15.08.2023).

¹⁶ <https://www.dwds.de/wp/>

¹⁷ <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 10.08.2023).

«So können wir uns ein Bild vom sozialen Umfeld des Bewerbers machen», sagt Köhler. Auf keinen Fall sollte der Bewerber **sein Licht unter den Scheffel stellen** und vergessen, seine Hobbys, Sprachkenntnisse und IT-Kenntnisse zu nennen. Denn die Unternehmen achten sehr genau darauf, ob man nur die Schule kennt oder auch schon Erfahrungen in anderen Bereichen gesammelt hat [Tim Schröder: Zu Lücken muss man stehen. Berliner Zeitung, 13.06.2001]¹⁸.

(Так мы можем составить представление о социальном окружении кандидата», – говорит Кёлер. Ни в коем случае кандидат не должен умалять свой талант и не должен забывать называть хобби, знание языков или навыки работы в IT. Потому что предприятия обращают пристальное внимание на то, окончил ли кандидат только школу или уже получил опыт в других областях).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Идиомы библейского происхождения часто используются в обоих языках и сегодня, несмотря на общее изменение рецепции сакрально-религиозной обрядовости. Их использование в немецком и русском языках можно объяснить тем, что старая форма библейских выражений в результате семантического развития наполнилась новым содержанием. Следует, однако, подчеркнуть, что различные трансформации в социальной жизни приводят к утрате ассоциативной связи между текстом Священного Писания и появившимися из него идиомами. Некоторые фразеологизмы в ходе этого процесса приобретают новое значение, не предусмотренное оригинальными библейскими текстами. Следует учитывать и то, что на современное значение некоторых библеизмов в немецком языке большое влияние оказали различные переводы Библии. Исторические события и хронологически различающиеся переводы Библии сформировали слова и выражения библейского происхождения: их внешнюю и внутреннюю форму. На основании корреляционного анализа оппозиции библеизма и религиозного текстового отрывка были выявлены контекстуальные, первичные и непосредственные библеизмы, происходящие из библейского текста, присутствующие в обоих языках, переосмысленные, за исключением библеизма «стереть с лица земли» в русском языке в его прямом значении «уничтожить».

Проверена и подтверждена гипотеза: несмотря на то что библейские идиомы в обоих языках происходят из одного сакрального текстового источника – Библии, хотя из разных переводных версий, они демонстрируют значительные различия в контекстуальном значении и употреблении. Фраземы из одного и того же текстового отрывка Библии используются в обоих рассматриваемых языках, однако их контекстуальное значение не тождественно. На основании проведенного анализа четырех пар русских и немецких библеизмов с анализом соответствия их буквального, внеконтекстного, контекстного и идиоматического значений можно сделать вывод, что говорить об их полной эквивалентности в современных контекстах не представляется возможным.

Так, в немецком языке наблюдаются синонимичные варианты, что объясняется разницей в конфессионально детерминированной переводческой традиции. Языковые пары библеизмов *Валаамова ослица* – *Bileams (Balaams, Walaams) Eselin; gлас вопиющего в пустыне* – *ein Rufer in der Wüste / die Stimme des Predigers in der Wüste; стереть / исчезнуть с лица земли* – *aus der Welt verjagen / vom Erdboden verstoßen werden / vom Erdboden verschwinden lassen* имеют разницу не только компонентных вариантов, но контекстных употреблений. Пара *Валаамова*

¹⁸ www.dwds.de (дата обращения: 15.08.2023).

ослица – *Bileams (Balaams, Walaams)* может быть определена как полно эквивалентная только в значении контекстов предвидения, с обозначением человека, обладающего даром видеть недоступное взору других. Пара *зарыть свой талант [в землю]* – *sein Licht unter den Scheffel stellen* выявляет семантическую разницу кодифицированного значения в отношении коннотации: неумение использовать свои способности из-за обстоятельств в русском языке, умаление собственных талантов в немецком. Очевидно соответствие в рамках фразеологического параллелизма. Соответствие русского библеизма *стереть / исчезнуть с лица земли* и немецких эквивалентов *aus der Welt verjagen / vom Erdboden verstoßen werden / vom Erdboden verschwinden lassen* можно определить как частичную эквивалентность по причине наличия немецких переводческих вариантов. То же относится к степени эквивалентности русского библеизма *глас вопиющего в пустыне* и его немецких соответствий *ein Rufer in der Wüste / Prediger in der Wüste / die Stimme des Predigers in der Wüste*. Эти различия, на наш взгляд, обусловлены культурно-историческими и переводческими причинами.

Все сказанное приводит к заключению, что анализ контекстуальной эквивалентности библеизмов является необходимым инструментом сопоставительной лингвистики, существенно дополняющим известные методы структурно-семантического сопоставительного анализа.

ЛИТЕРАТУРА

1. ИСТОЧНИКИ (ИЗДАНИЯ ТЕКСТОВ, КОРПУСЫ ТЕКСТОВ)

НКРЯ (2003–2023) – Национальный корпус русского языка. М., 2003–2023. URL: www.ruscorpora.ru

DWDS.de – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache, 1600 bis heute. URL: <https://www.dwds.de/>

2. НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА, СЛОВАРИ

Адамия 2021 – *Адамия Н.Л.* Русско-англо-немецкий словарь пословиц, поговорок, крылатых слов и Библейских изречений. М., 2021.

Александрова 1996 – *Александрова Т.С.* В помощь читающему христианскую литературу. Опыт краткого немецкорусского словаря (с приложением текстов для чтения). М., 1996.

Алексеева 1995 – *Алексеева А.А.* Популярность крылатых слов-библейзмов у разных групп носителей языка в последней четверти XX века // Сб. студ. науч. работ. Вып. 1. Тверь, 1995. С. 73–75.

Ашукин, Ашукина 1960 – *Ашукин Н.С., Ашукина М.Г.* Крылатые слова. М., 1960.

Балакова, Вальтер, Мокиенко 2015 – *Балакова Д., Вальтер Х., Мокиенко В.М.* Из библейской мудрости / *Z biblickej múdrosti / Biblische Weisheiten*. Грайфсвальд, 2015. 344 с.

Бирих, Матешич 1994 – *Бирих А., Матешич Й.* Из истории русских библейских выражений // Русский язык за рубежом. 1994. № 5–6. С. 41–47.

Бобылева 2007 – *Бобылева Е.В.* Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения). Волгоград, 2007.

Борисенко 2002 – *Борисенко Р.Н.* Закон Вселенной в классической литературе // Русская провинция. 2002. № 3(43). С. 117–118.

Верещагин 1993 – *Верещагин Е.М.* Библейская стихия русского языка // Русская речь: сборник научных статей. 1993. № 1. С. 90–98.

Гак 1997 – Гак В.Г. Особенности библейских фразеологизмов в русском языке (в сопоставлении с французскими библейскими фразеологизмами) // Вопросы языкознания: сборник научных статей. 1997. № 5. С. 55–65.

Гончарова 2007 – Гончарова Н.А. Религия в Германии. Религия в ситуациях повседневного общения. М., 2007.

Грановская 1998 – Грановская Л.М. Библейские фразеологизмы. Опыт словаря // Русская речь. 1998. № 1. С. 73–78; № 2. С. 73–81; № 3. С. 70; № 5. С. 75–80.

Дмитриев 1985 – История немецкой литературы. Т. 1 / Общ. ред. А. Дмитриев. М., 1985.

Добровольский 2013 – Добровольский Д.О. Беседы о немецком слове. М.: Studia Philologica, 2013. 52 с.

Дубровина 2012 – Дубровина К.Н. Библейские фразеологизмы в русской и европейской культуре. М., 2012.

Жевнерович, Сергиенко 2019 – Жевнерович Е.Э., Сергиенко О.О. Библеизм как фразеологическая единица. Классификация библеизмов // Лингвистика, лингводидактика, лингвокультурология: актуальные вопросы и перспективы развития: Материалы III Международной научно-практической конференции / Редкол.: О.Г. Прохоренко [и др.]. 2019. С. 467–471.

Иезуитова 1995 – Иезуитова Л.А. Семантика «чаши» в русской прозе начала XX века: Борис Зайцев. Иван Бунин. Леонид Андреев. Иван Шмелев // Библия и возрождение духовной культуры русского и других славянских народов. СПб., 1995. С. 56–63

Карпенко 2017 – Карпенко Е.И. Культурный сценарий как когнитивная основа синкретизма библеизмов (на материале немецкого и русского языков) // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект: Материалы XII Международной научной конференции, посвященной 65-летию кафедры русского языка. 2017. С. 262–264.

Кравцова 2020 – Кравцова Д.С. Фразеологические библеизмы как объект лингвистического изучения // Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте-VI: Сборник научных статей VI Международной научной конференции / Под редакцией Е.Е. Иванова. Могилев, 2020. С. 175–181.

Лебедев, Прилуцкий, Викторов 2016 – Лебедев В.Ю., Прилуцкий А.М., Викторов В.Ю. Религиоведение: учебник для академического бакалавриата. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2016. 467 с.

Лилич 1995 – Лилич Г.А. Библеизмы как отражение воззрений эпохи // Библия и возрождение духовной культуры русского и других славянских народов. СПб., 1995. С. 106–113.

Манёрова 2017 – Манёрова К.В. Дискурсивная секуляризация как условие формирования фразеологического значения в немецком языке // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2019. Т. 16. № 1. С. 88–104.

Мецгер 2002 – Мецгер Б.М. Ранние переводы Нового Завета: Их источники, передача, ограничения. М., 2002. С. 487–492.

Мечковская 1998 – Мечковская Н. Зачем одному народу две азбуки? (кириллица и латинка в коллизиях белорусского возрождения) // Slavia Orientalis. 1998. Т. 46. № 2. С. 277.

Милютин 1995 – Милютин Т.А. Христианские реминисценции в повести В. Распутина «Прощание с Матерой» как проблема перевода // Библия и возрождение духовной культуры русского и других славянских народов. СПб., 1995. С. 127–137.

Мокиенко 1995 – Мокиенко В.Н. Фразеологические библеизмы в современном тексте // Библия и возрождение духовной культуры русского и других славянских народов. СПб., 1995. С. 143–158.

Москальская 1959 – Москальская И.О. История немецкого языка. Л., 1959.

Мухамедова 2011 – *Мухамедова Э.В.* Религиозный дискурс как смыслогенерирующий источник библейских фразеологизмов // Гуманитарные исследования. 2011. Т.37. №1. С. 50–55.

Серов 2003 – *Серов В.* Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М., 2003.

Стасюк 2006 – *Стасюк Ю.А.* Латинский язык в современной католической церкви // Иностранные языки в научном и учебно-методическом аспектах. Вып. 6. Новосибирск, 2006. С. 91–101.

Степовой 1999 – *Степовой С.А.* Перевод Нового Завета на русский язык // Язык, культура и социум в гуманитарной парадигме. Тверь, 1999. С. 16–20.

Супрун 1995 – *Супрун В.И.* Библейский текст на занятиях в школе и в ВУЗе // Библия и возрождение духовной культуры русского и других славянских народов. СПб., 1995. С. 159–165.

Тулынин 2013 – *Тулынин Ф.П.* Историко-литургические особенности использования национальных языков // Религия. Церковь. Общество / Под ред. А.М. Прилуцкого. Вып. 2. СПб., 2013. С. 88–100.

Фёдоров 2008 – *Фёдоров А.И.* Фразеологический словарь русского литературного языка. М., 2008.

Цветаева 2015 – *Цветаева Е.Н.* Некоторые наблюдения за семантическими переходами в религиозном дискурсе: «Wetter», «Trost», «Elend» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2015. №716. С. 131–138.

Шанский 1995 – *Шанский Н.М.* Евангельский текст и фразеология русского языка // Русский язык в школе. 1995. №1. С. 45–50; №3. С. 49–53; №4. С. 55–57; №5. С. 53–57; №6. С. 54–59.

Arndt, Brandt 1983 – *Arndt E., Brandt G.* Luther und die deutsche Sprache. Wie redet der deutsche man jmn solchem Fall. Leipzig: Bibliographisches Institut, 1983.

Forslund-Brondén 2004 – *Forslund-Brondén B.* Nicht auf Sand gebaut. Diachrone und kognitive Studien zu Bibelidiomen. Stockholm: Uppsala, 2004.

Kuße 2012 – *Kuße H.* Kulturwissenschaftliche Linguistik. Eine Einführung. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2012. 275 S.

Walter, Mokienko 2009 – *Walter H., Mokienko V.M.* Deutsch-russisches Wörterbuch biblischer Phraseologismen. Mit historisch-etymologischen Kommentaren. Greifswald, 2009. 199 S.

3. ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ

Харитонова Е.Ю. Универсальные библейские символы во фразеологии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2016. №4. URL: <http://vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/10959> (дата обращения: 01.03.2018).

Библия Франца Шлахтера (2000). Die Bibel (Schlachter) URL: <https://www.schlachterbibel.de/de/bibel/>

Deutsche Luther-Bibel. URL: <https://old.bibleonline.ru/bible/deu/>

Русскоязычная Библия онлайн. URL: <https://azbyka.ru/biblia/>

ГРЕХ И СВЯТОСТЬ
В СОВРЕМЕННОЙ ЦЕРКОВНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ КОРПУСА
«ЖИТИЙ НОВОМУЧЕНИКОВ И ИСПОВЕДНИКОВ РОССИЙСКИХ
XX ВЕКА МОСКОВСКОЙ ЕПАРХИИ»)

Е.В. Суровцева

Один из важнейших жанров современной отечественной словесности – жанр жития (в первую очередь жития новомучеников и исповедников) – изучается не только богословами [Митров 2004; Полетаев 2007; Дамаскин 2018], культурологами (см., напр., фундаментальное исследование М.М. Лоевской [Лоевская 2005]) литературоведами (см., напр., [Макаренко 2010; Макаренко 2011; Санько 2018] и мн. др.), но и лексикографами (см., напр, исследование Т.А. Ивановой [Иванова 2004]). Практически не исследована современная агиография методами корпусной лингвистики; нам известен только один агиографический корпус – это СКАТ, созданный на материале русских житий XV–XVII вв. [СКАТ]. В настоящее время автором данной статьи в лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова с помощью автоматизированной системы работы с текстами и словарями «Диктум», созданной программистами специально для нашей лаборатории, ведется работа над созданием корпуса современных житий новомучеников и исповедников Московской Епархии (подробнее об этом см. в [Суровцева 2018]). Наш корпус основан на 8-томном собрании житий [Жития... 2002–2005]. Всего в издание входит 341 текст; тексты созданы двенадцатью составителями (в основном священнослужителями), что составляет примерно 390 000 словоупотреблений. На основе этого материала необходимо изучение важнейших понятий русской культуры, например святости и греха (последнее из названных понятий изучалось В.В. Сайгиным [Сайгин 2015]).

При помощи используемой нами системы мы отобрали в корпусе все лексемы с корнем *-свят-/-свяц-* и получили список из 71 единицы (в общей сложности 4 193 словоупотребления; список приводится по алфавиту, в квадратных скобках даются цифры, первая из них обозначает количество словоупотреблений, вторая – количество текстов, в которых данная лексема содержится):

водоосвящение [1; 1]
водосвятие [1; 1]
водосвятный [3; 3]
всехсвятский [3; 2]
высокопреосвященнейший [6; 4]
высокопреосвященный [5; 5]
лжесвященство [1; 1]
миссионер-священник [1; 1]

муж-священник [1; 1]
новопосвященный [1; 1]
освятить [16; 15]
освятиться [1; 1]
освящать [2; 2]
освящение [7; 5]
отец-священник [1; 1]
первосвяtitель [4; 1]
первосвяtitельский [1; 1]
первосвяtitенник [1; 1]
посвятить [62; 50]
посвящать [15; 14]
посвящение [5; 2]
преждеосвяtitенный [1; 1]
преосвяtitеннейший [2; 2]
преосвяtitенный [26; 16]
преосвяtitенство [4; 2]
пресвятой [51; 41]
святейшество [5; 1]
святейший [82; 30]
свяtitель [162; 64]
свяtitельский [1; 1]
святки [1; 1]
свято [4; 3]
свято-введенский [1; 1]
свято-владимирский [3; 1]
святогорский [1; 1]
свято-данилов [3; 3]
свято-духовский [3; 3]
святой [396; 109] – из них сокращение св. [3; 2] / свяtitый [3; 3]
свято-николаевский [1; 1]
свято-никольский [1; 1]
святоотеческий [9; 6]
свято-смоленский [1; 1]
святость [4; 3]
святотатственный [1; 1]
святотатство [2; 2]
свято-троицкий [22; 13]
святыня [38; 26]
свяtitенник [2384; 311]
свяtitенник-законоучитель [1; 1]
свяtitенник-миссионер [1; 1]
свяtitенник-осведомитель [1; 1]
свяtitенник-проповедник [1; 1]
свяtitеннический [36; 29]
свяtitенно- [3; 3] (в сочетании свяtitенно- и церковнослужители), свяtitенноар-
химандрит [1; 1]
свяtitеннодействие [7; 1]

священноинок [4; 2]
священноисповедник [21; 8]
священномученик [507; 247]
священномученический [1; 1]
священноначалие [33; 28]
священноначальник [1; 1]
священно-пастырский [1; 1]
священнослужение [7; 6]
священнослужитель [99; 80]
священноцерковнослужитель [9; 9]
священный [74; 44]
священство [30; 13]
священствовать [1; 1]
старец-священник [1; 1]
церковносвященнослужитель [1; 1]

В качестве иллюстрации приведем фрагмент базы данных с лексемой *освящение* – при помощи системы мы в одном фрагменте получаем заглавное слово, его постоянные грамматические характеристики в фигурных скобках (аббревиатура *СС* обозначает существительное среднего рода), частотность употребления лексемы, а также все контексты с указанием номера словоупотребления в базе (этот номер стоит до контекста после обозначения *N=*).

ОСВЯЩЕНИЕ{СС} 7

N=133780

| *Константин участвовал во многих церковных мероприятиях в Богородском уезде, в =>освящении <=нововоздвигаемых храмов, в съездах преподавателей церковных школ. Одним из центральных*

N=143656

| *как благодать Божию, как небесный хлеб, данный людям в благословение, =>освящение <=и подкрепление духовных и телесных сил, я с благоговением принял*

N=144350

| *посылаются человеку от Бога и необходимы для его очищения и =>освящения». <=После освобождения из лагеря архимандрит Гавриил вернулся в Мелекесс. Дом*

N=176905

| *этого сада в больших корзинах приносились в храм и после =>освящения <=раздавались прихожанам. Яблоки из батюшкиного сада были любимым лакомством сельской*

N=250244

| *до этого служили обновленцы. Перед началом богослужения владыка совершил чин =>освящения. <=Обращаясь к духовенству монастыря, он призвал его покаяться в обновленчестве*

N=258874

| *у иордани три оленя остановились и смотрят на это чудо =>освящения <=вод. Родственнице архиепископ в это время писал: «Меня хоть никто*

N=302628

| при Божественных службах есть одно из главных средств для нашего =>освящения. <=Молитва, принесенная в храме, имеет особенную силу и благодатные последствия

Далее при помощи той же системы мы получили лексемы с корнями *-грех-/-греш-* и получили список из 11 единиц (в общей сложности 141 словоупотребление):

грех [94; 36]

греховность [1; 1]

греховный [4; 4]

грехолюбивый [2; 1]

грешить [2; 1]

грешник [3; 3]

грешница [1; 1]

грешно [2; 2]

грешный [24; 8]

прегрешение [4; 4] / *прегрешенье* [1; 1]

прегрешить [3; 2]

В качестве примера приведем фрагмент базы данных со словом *прегрешение* / *прегрешенье*.

ПРЕГРЕШЕНИЕ{СС} 4

N=50395

| на меня милостивым оком, простишь мне многочисленные вольные и невольные =>прегрешения, <=что Ты сочтешь меня не как преступника, не как казненного

N=144739

| Бога за все полученные от Него милости, оплакивал все свои =>прегрешения, <=готовился к переходу в горний мир. Состояние здоровья ухудшилось. С

N=160492

| беседах, проводит антисоветскую агитацию, называя советскую власть «Божьей карой за =>прегрешения <=народа», и, «принимая во внимание, что дальнейшее пребывание» священника на

N=247287

| благодать углие огненное в совести моей, попаляя терние всех моих =>прегрешений <=в прочее время жизни моей, и да не низведен буду

ПРЕГРЕШЕНЬЕ{СС} 1

N=127760

| Тяжелые наступили времена, антихрист спустил своих слуг на землю за =>прегрешенья <=людские; каждодневно, ежечасно слуги антихриста запутывают в свои сети погрешивших

Изучение данного материала позволяет сделать целый ряд важных выводов.

Во-первых, бросается в глаза то, что лексемы с корнем *-грех-/-греш-* встречаются в корпусе реже, чем лексемы с корнем *-свят-/-свящ-*. Таким образом, на наш взгляд, можно говорить о том, что жанр жития «нацелен» в первую очередь на формирование идеала, на разговор о возвышенных сторонах человеческой души, и греховность является менее значимым предметом для размышления. Нам говорится прежде всего не «не греши», что абсолютно верно, но «будь свят» (известно, что согласно православному вероучению все верующие призваны к святости). Интересный факт: в анализируемых нами житиях речь идет не только о личной

греховности конкретного человека, но и о грехах народных, о коллективной ответственности за происходящее. Так, в целом ряде случаев произошедшая Октябрьская революция 1917 года оценивается как наказание за грехи всего нашего народа – и эта оценка принадлежит не нам, а современникам тех событий. Например, преподобномученица Вера (Морозова) (день памяти – 26 февраля по новому стилю) утверждала: «Вообще жить стало народу тяжело, в магазинах ничего нет, кругом стоит дороговизна. Но это все так и должно быть по Божьему Писанию. Бог нам послал такую власть за грехи, совершенные народом». Преподобномученица София (Селиверстова) (день памяти – 28 февраля по новому стилю) говорила, что «честных тружеников большевики ссылают и всех пересажали по тюрьмам, а у руководства власти поставили мошенников и лодырей. Но это все нам Бог послал за грехи. За нас теперь больше всех приходится страдать нашим защитникам – священникам, на которых сейчас идет гонение», она же отмечала богоборческий характер советской власти: «Выпустили конституцию, в которой говорится, что совершение религиозных обрядов допускается свободно, а на самом деле нам теперь приходится собираться в подвальных помещениях, чтобы никто не знал». Священномученик Иоанн (Восторгов) (день памяти – 5 сентября по новому стилю) уже и Февральскую революцию воспринял тревожно: «Неужели “времена исполнились”? Чудилось мне, что Москва не спит, а чует день расплаты за грехи свои и грехи отцов... Что камень уже сорвался с горы, и только Творец один может сдержать падение его на виновные и невинные головы...».

Во-вторых, обращает на себя внимание сочетаемость лексем. Слово *святой* употребляется в таких, например, словосочетаниях, как *святые молитвы*, *Неделя Всех Святых*, *Святые Христовы Тайны*, *святой архистратиг Михаил*, *святые праведные Захария и Елизавета*, *Святые Дары*, *святые заветы*, *святое дитя*, *святой долг*, *святое имя* (Христа) и др. Слово *грешный* употребляется в таких сочетаниях, как *грешный человек*; *человеческая грешная природа*; *грешный мирянин*; *грешный монах*, а также в молитвах и в уничижительных формулах.

В-третьих, полученные нами списки свидетельствуют, что корень *-свят-* в целом ряде случаев встречается в названиях церквей и храмов (*свято-введенский*, *свято-данилов* и др.).

В-четвертых, на основании подсчета лексем и словоупотреблений можно сделать вывод о значимости понятия святости и греха в русской культуре, что находит свое отражение прежде всего в жанре жития.

В-пятых, при изучении лексико-семантических полей (подробнее об этом см. в [Суровцева 2020]) нами выделена церковная лексика, в которую входят наименования православных праздников, церковных таинств, частей храма, богослужбной утвари, служителей церкви, приверженцев сект, богословских отраслей, богослужебных текстов. В список из пятнадцати самых частотных слов этого поля входят лексемы *священник* (2 384 словоупотребления), *священномученик* (505 словоупотреблений) (отметим, что корпус включает в себя жития 247 священномучеников), *святой* (396 словоупотреблений) (см. [5]). Изучение однокоренных слов значительно расширяет наши представления о функционировании в текстах понятия святости. Кроме того, интересно, что слова с корнем *-грех-/-греш-* в полученный нами «частотный» перечень не входят, что, на наш взгляд, также свидетельствует о важности «положительного идеала» в нашей культуре.

В-шестых, понятия религиозной и церковной жизни требуют богословского комментария (данная работа ведется с опорой, в частности, на «Православную

энциклопедию» [Православная энциклопедия] и словарь «Христианство» [Христианство]), в том числе ряд слов с корнем *-свят-/-свящ-*. Так, необходимо разъяснить, что *священномученик* – это мученик из священников, *священноисповедник* – это исповедник из священников, *священноинок* – старое наименование монашеского священника (теперь принято обозначение *иеромонах*).

В-седьмых, некоторые исследователи заговорили о феномене возрожденной лексики в русском языке. Под возрожденной лексикой понимаются слова, возвращенные в активное употребление после периода забвения [Андрейченко 2006]. В связи с изучением данной проблематики закономерно обращение к произведениям современной художественной литературы [Андрейченко 2006] и к современной журналистике [Суровцева 2011]. Не менее важно обращение к жанрам современной церковной литературы, в том числе к жанру современного жития. В частности, понятия святости и греха можно плодотворно изучать на материале житий новомучеников и исповедников.

На наш взгляд, полученные нами результаты правомерно использовать в курсе преподавания современной русской литературы и русского языка в иностранной аудитории. Житие является важнейшим жанром не только древнерусской, но и современной словесности, а изучение лексики, в частности связанной с понятием святости, поможет в изучении основных аксиологических констант русской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. ИСТОЧНИКИ (ИЗДАНИЯ ТЕКСТОВ, КОРПУСЫ ТЕКСТОВ)

Жития новомучеников и исповедников Российских XX века Московской Епархии: В 8 т. Тверь, 2: Булат, 2002–2005.

СКАТ – Санкт-Петербургский корпус агиографических текстов [Электронный ресурс]. URL: <http://project.phil.spbu.ru/scat/page.php?page=project>

2. НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА, СЛОВАРИ

Андрейченко Е.В. Возрожденная лексика русского языка в пространстве и времени культурного контекста // Болгарская русистика. София, 2006. № 3–4. С. 46–53.

Дамаскин (Орловский), архимандрит. Слава и трагедия русской агиографии. Причисление к лику святых в Русской Православной Церкви: история и современность: монография. М.: Региональный общественный фонд «Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви», 2018. 526 с.

Иванова Т.А. Лексические особенности жизнеописаний новопрославленных святых Русской Православной Церкви: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2004. 201 с.

Лоевская М.М. Русская агиография в культурно-историческом контексте переходных эпох: Дисс. ... доктора культурологии. М., 2005. 366 с.

Макаренко Е.К. Агиография XX века. Проблема жанра и методов его исследования // Святоотеческие традиции в русской литературе / Отв. ред. В.В. Соломонова, С.А. Демченков. Омск: Вариант-Омск, 2010. С. 155–164.

Макаренко Е.К. Агиография XX века. Проблема жанра и методов его исследования // Сибирский филологический журнал. 2011. № 1. С. 95–102.

Митров О. Опыт написания житий новомучеников и исповедников Российских. URL: <https://fond.ru/materialy-o-novomuchenikakh/rozhdstvenskie-chteniya/577-opyt-napisaniya-zhitij-svyatykh-novomuchenikov-i-ispovednikov-rossijskikh-problemy-zhanra-394-170>

Полетаев Л., священник. Современная агиография и русская житийная традиция: Дисс. ... канд. богословия. СПб., 2007.

Православная энциклопедия / Под редакцией Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2000–.

Сайгин В.В. Концептуальное поле «грех» в пространстве русской культуры: Опыт комплексного лингвокогнитивного описания: монография. Н. Новгород: Изд.-во ННГУ имени Н.И. Лобачевского, 2015. 258 с.

Санько А.Э. Жития святых: особенности редакционно-издательской подготовки // Кирилло-Мефодиевская традиция в культуре России. Шестнадцатый Славянский научный сбор «Урал. Православие. Культура» / Сост. О.В. Терехова. Челябинск: ЧГИК, 2018. С. 231–235.

Суровцева Е.В. Корпус житий новомучеников и исповедников (на материале «Житий новомучеников и исповедников Российских XX века Московской епархии»): Состав и подготовка текстов, лексические особенности // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. Вып. 60. М.: МАКС Пресс, 2018. С. 226–234.

Суровцева Е.В. О возрожденной лексике в русском языке конца XX – начала XXI века (на материале российских православных журналов) // Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке: коллективная монография / Под ред. М.Н. Володиной. М.: Академический проект, 2011. С. 313–320.

Суровцева Е.В. Церковная лексика в житиях новомучеников и исповедников Русской Православной Церкви (на материале житий новомучеников и исповедников Московской Епархии) // Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XXI Кирилло-Мефодиевские чтения: Материалы Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XXI Кирилло-Мефодиевские чтения» (в рамках Международного Кирилло-Мефодиевского фестиваля славянских языков и культур (Москва, 26–28 мая 2020 года)) / Гл. ред. М.Н. Русецкая М.: Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина, 2020. С. 355–359. [Электронное издание].

Христианство. Энциклопедический словарь / Гл. ред. С.С. Аверинцев: В 3 т. М.: Большая Российская энциклопедия, 1993–1995.

IV. Языковые и культурные сообщества в свете языкового разнообразия России

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ОСТРОВНЫХ НЕМЕЦКИХ ГОВОРОВ В АСПЕКТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ

Т.Н. Москвина

ОСТРОВНЫЕ НЕМЕЦКИЕ ГОВОРЫ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Островная диалектология как область классической немецкой диалектологии занимается изучением так называемых «языковых островов», т.е. языковых эксклавов, полностью окруженных ареалом распространения другого языка или языков. Понятие «языкового острова» в лингвистике многогранно и многоаспектно. Л. Ейхингер отмечает в историческом и лингвистическом плане такие аспекты, как длительное сосуществование культур, контакт и смешение языковых областей, языковую, культурную и религиозную идентичность носителей диалекта. Метафора «языкового острова» включает в себя три элемента: созданный языковым коллективом «отдельный / отделенный язык» (*abgrenzbare Sprache*), образ изолированного положения, что в свою очередь связано с отделением / отдаленностью от «материка», языка-основы (*sprachliches Festland*). В лингвокультурном плане речь идет скорее не о репрезентации исходной лингвокультуры, а о родственных, имеющих общие признаки дистантных субкультурах, суб-лингвокультурах (*Gebiete mit fehlender Adjazenz bei vorhandenem Bewusstsein der Rückbindung an die «Heimat» in einer Bezugskultur*). При этом элементы исходного языка и культуры консервируются (*werden fossilisiert*), выступают элементом идентичности, что полностью справедливо для немцев в России. При этом определенную роль играет и расположение языковых островов, что определяет характер их развития: контактные (Чехия, Венгрия, Италия), дистантные (Россия, Аргентина) и т.д. [Eichinger 1997: 155–165].

Подобные языковые острова немецкого есть в различных странах мира: Венгрия, Румыния, Италия, Россия, Украина, Казахстан, Бразилия, Аргентина, США и др. страны. Тем интереснее изучать пути развития данных вариантов немецкого языка в отрыве от исходной языковой и культурной области. Несмотря на различные условия существования и разнотипные языки окружения, в развитии немецких диалектов в этих странах наблюдается ряд схожих процессов, об этом свидетельствуют сравнительно-сопоставительные исследования немецких диалектов в Бразилии и Сибири П. Розенберга ([Rosenberg 2003]), а также немецких диалектов в Венгрии ([Knipf-Komlósi 2011]), Канаде ([Siemens 2012]) и др. При-

нительно к диалектным островам выделяются подходы с учетом специфики этих вариантов диалектов¹.

По отношению к существующим в России немецким диалектам принято название «островные немецкие говоры», они сохраняют черты исходного диалекта-основы, но в процессе длительного существования (почти 3 века) в отрыве от языковой среды (немецкий язык / немецкие диалекты) и в условиях иноязычного окружения (преимущественно русский язык) претерпели множественные изменения, а также в процессе языковых и культурных контактов и междиалектного смешения возникли новые диалектные образования, т. н. «островные немецкие говоры». Литературный немецкий язык оказал на них лишь незначительное влияние, они развивались без письменных традиций за исключением Библии и религиозных текстов вплоть до 20-х гг. XX в. В условиях языковой изоляции немецкие говоры имели все условия для сохранения исторически сложившихся закономерностей функционирования языковых единиц. При этом родной язык российских немцев не остался таким же, каким он был при первых переселенцах в Россию, под влиянием внутриязыковых тенденций и иноязычного окружения происходило его постепенное изменение. Наиболее крупными регионами с компактным проживанием российских немцев являются Омская область и Алтайский край, на диалектологической карте которого насчитывается 38 больших и малых «немецких» сел.

Носители немецких говоров на Алтае – это потомки переселенцев из Германии, которые во второй половине XVIII в. и в самом начале XIX в. основали немецкие колонии на территории Поволжья и Южной Украины. Немецкие села на Алтае были созданы гораздо позже, на рубеже XIX и XX вв. (около 200 деревень в Кулундинской степи с общим количеством населения более 55 000 человек). Эти поселения долгое время оставались в языковом отношении относительно замкнутыми, монолингвальными, мало подвергаясь внешнему языковому воздействию. Диалектный ландшафт кардинально изменился на рубеже 90-х гг.в, что обусловлено миграционными процессами (массовый выезд российских немцев на историческую родину, переселение в Алтайский край немцев из Казахстана), общим снижением уровня владения диалектом как родным языком среди среднего и младшего поколения, ростом функциональной значимости русского языка и культурно-экономическими контактами с Германией и использованием литературного немецкого языка в качестве языка институционального общения организаций российских немцев. На сегодняшний день на территории Алтайского края насчитывается около 40 немецких сел, так называемых дочерних колоний, основанных потомками переселенцев из Германии. «Немецкие» села расположены дискретно в районах Кулундинской степи (Немецкий национальный район, Табунский, Благовещенский, Суетский, Кулундинский, Бурлинский районы). Немецкие говоры в Алтайском крае представлены всеми основными диалектными группами (говоры, ориентированные на южнонемецкий, средненемецкий, западносредненемецкий и восточносредненемецкий диалектный ареал). Степень сохранности у этих гово-

¹ *Hutterer C.J.* Sprachinselforschung als Prüfstand für dialektologische Arbeitsprinzipien // *Dialektologie. Ein Handbuch zur deutschen und allgemeinen Dialektforschung* / W. Besch u.a. (Hg.). 2 HBde. Berlin, New York: W. de Gruyter, 1983. HBd. 1. S. 178–189; *Földes C.* «Sprachinsel»-Paradigma auf dem Prüfstand: Konzept, Terminologie und Forschungsmethodologie // *Zeitschrift für deutsche Philologie*, 125. Band, Heft 3, 2006. S. 321–341; *Mattheier K.* Sprachinseltod: Überlegungen zur Erntwicklungsdynamik von Sprachinseln // *Deutsche Sprachinseln weltweit: Interne und externe Perspektiven*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2003. S. 13–33.

ров различная, они частично сохраняют статус языка повседневного семейного общения. Самоидентификация носителей говора происходит изначально скорее по конфессиональному признаку и области переселения, чем только по языковому. Используемые при описании групп говоров частично самоназвания своего диалекта носителями по традиционному конфессиональному признаку («католические», «лютеранские», «меннонитские») не являются научными, но отражают распределение говоров по ареалам и селам, образованным исторически изначально по принципу общности диалекта и вероисповедания. Подробнее об истории и развитии островных говоров на Алтае см. [Москалюк 2002].

ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ В ОСТРОВНЫХ НЕМЕЦКИХ ГОВОРАХ

Условия развития и существования островных диалектов, языковое окружение, социокультурный контекст взаимодействия говорящих на них людей определяют направление протекающих в языке процессов, поскольку язык очень чутко реагирует на изменения внешних условий, контакты с языком окружения и междиалектное взаимодействие на условно ограниченной территории. Многочисленные исследования языковых островов на материале разных языков выделяют три основных вида языковых процессов: **изменчивость, вариативность и процессы выравнивания.**

В своей статье «О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании» Л.В. Щерба выделяет следующие аспекты: речевая деятельность, языковая система и языковой материал. Анализируя процессы изменения языка, Л.В. Щерба подчеркивает объективную обусловленность единства языковой системы общим прошлым определенной социальной группы и опытом совместной речевой деятельности. Изменения внутри языковой системы вызываются сменой условий речевой деятельности и ее содержания (языкового материала): «Единство содержания обеспечивает в этих условиях единство языка, и поскольку это содержание внутри группы остается тем же, язык может не изменяться (чего, конечно, никогда не бывает: практически можно говорить лишь о замедлениях и ускорениях процесса). Но малейшее изменение в содержании, т. е. в условиях существования данной социальной группы, как то: иные формы труда, переселение, а следовательно, и иное окружение и т. п., немедленно отражается на изменении речевой деятельности данной группы и причем одинаковым образом, поскольку новые условия касаются всех членов данной группы. Речевая деятельность, являясь в то же время и языковым материалом, несет в себе и изменение языковой системы. Обыкновенно говорят, что изменение языковой системы происходит при смене поколений. <...> Возможность смешения объективно заложена в определенных местах самой языковой системы» [Щерба 1974: 29–30].

Изменения условий проживания, коммуникации и общего жизненного уклада влияют на выбор языковых средств для разных ситуаций общения, вследствие чего может произойти со временем перестройка языковой системы говоров. В.М. Жирмунский в своей работе «Проблемы колониальной диалектологии»² еще в 1929 г. писал: «...изучение говоров немецких колонистов представляет для лингвистов большой интерес не только с фактической стороны – как описание говоров, до сих пор практически не исследованных, но и с точки зрения принципиальной, методологической: изолированные среди иноязычного населения немецкие колонии являются как бы экспериментальной лингвистической лабораторией, в кото-

² Жирмунский В.М. Проблемы колониальной диалектологии // Язык и литература. Л., 1929. Вып. 3.

рой на протяжении сравнительно короткого промежутка времени в 100–150 лет, в обстановке, удобной для наблюдения, совершались языковые процессы, обычно развертывающиеся на протяжении целых столетий». Большинство островных диалектов представляют собой небольшие языковые сообщества с ограниченным спектром коммуникации (семья, бытовое общение) и минимальными контактами с «внешней» языковой средой, как следствие возможно определение пространственных и языковых границ, которые можно описать с позиции их локализации и языковой ситуации в определенный период времени. Поэтому немецкие говоры в России как объект изучения традиционно рассматривают как «развернутую в пространстве диахронию». Эти языковые сообщества с сохранившимися архаичными чертами прежних этапов развития немецкого языка являются объектом наблюдения и условным средством реконструкции языковых признаков.

Вторым аспектом развития островных диалектов являются процессы выравнивания (Ausgleich). В зависимости от длительности проживания на определенной территории, ареала распространения разных диалектных вариантов, степень влияния других языков, наличие / отсутствие языковых и культурных контактов с основной немецкой языковой областью, а также другие факторы определяют формирование системы диалектных вариантов, говоров. В немецких поселениях, где немецкие колонисты владели изначально различными вариантами немецких диалектов, но проживали компактно на ограниченной территории и сохраняли традиционный немецкий уклад быта и культуры, произошло определенное смешение языковых вариантов, выработались со временем междиалектные формы. Процессы выравнивания включают в себя различные аспекты языковой конвергенции. Однако смешение говоров не привело к образованию более-менее единого варианта языка немцев в России. Все исследователи отмечают до сих пор большую сохранность нижненемецкого диалекта (Plautdietsch – Plattdeutsch) в разных регионах страны. При усилении смешения верхненемецких диалектов, в первую очередь в дочерних колониях, язык меннонитов претерпел минимальные изменения и не подвержен смешению с другими говорами. «Однако языковые изменения были вызваны не только языковой интерференцией, но и закономерными автохтонными процессами. Язык меннонитов стал символом религиозной, а отчасти и социально-культурной общности его носителей; для него характерна гомогенность – сохранение свойственных ему признаков в условиях разных контактов, в разных странах и даже на разных континентах. Обычно меннониты разных стран понимают друг друга. В таких случаях о языковой интерференции между плотдич и верхненемецкими диалектами говорить не приходится и по лингвистическим причинам, и в результате изолированности религиозных общин» [Найдич, Либерт 2020: 31].

В ходе полного и систематического исследования всех немецких говоров в Алтайском крае во время диалектологических экспедиций с учетом проведенных ранее изысканий и составленных Г. Дингесом диалектологических картах немецких диалектов Поволжья, диалектологического атласа под редакцией Н. Беренд (WDSA³) и других исследований Л.И. Москалюк констатирует полную или частичную утрату первичных диалектных признаков, но сохранение вторичных (по классификации В.М. Жирмунского). Согласно его подходу, в качестве первичных признаков выступают характерные сохраняющиеся черты доминирующего диалекта, при этом утрачиваются характерные черты другого диалекта. Менее характерные черты смешиваются и образуют т. н. вторичные диалектные признаки.

³ WDSA – Wolgadeutscher Sprachatlas / Hrsg. von N. Berend. Tübingen, 1997.

«В условиях длительной изоляции от языка прародины одни островные говоры сохранили лишь наиболее общий характер диалектов исходного языкового коллектива, другие не утратили многие специфические черты своих предшественников, третьи, занимая промежуточное положение, утратили при скрещении первичные, но сохранили вторичные признаки. <...> Основной причиной своеобразия этих говоров является то, что они возникли в результате многократного смешения первоначально различных немецких диалектов. Процессы выравнивания, начавшиеся на территории Украины и Поволжья, продолжались и на территории Западной Сибири после переселения туда российских немцев и создания дочерних колоний позднего времени. В течение последнего столетия происходило постепенное создание общего языка для каждого из немецких сел на Алтае. В одних селах победил говор одной какой-либо языковой группы, но и в этих случаях перенимались некоторые особенности других говоров, в других селах создавались новые говоры на основе смешения нескольких говоров, относящихся к разным языковым группам» [Москалюк 2014: 194]. Процессы выравнивания затрагивают все уровни языковой системы, вызывая изменения в фонологической, морфологической, синтаксической и лексической подсистемах немецких говоров. Так, Л.И. Москалюк отмечает, что «в островных диалектах в зонах наиболее интенсивных междиалектных и межъязыковых контактов в большой степени проявляется действие аналогии, стремление к унификации. При этом интенсивность преобразований в этом направлении затрагивает в большей степени морфологический уровень языка. Параллельность развития многих процессов в говорах можно рассматривать как результат ареальной конвергенции» [Москалюк 2014: 202]. Процессы междиалектного выравнивания на материале разных говоров и разных регионов России и мира, их общие закономерности представлены в научной литературе по диалектологии⁴.

Процессы изменчивости, смешения и междиалектного выравнивания, являясь перманентным свойством изолированных диалектных систем, протекающие одновременно и обуславливающие друг друга, имеют как следствие междиалектную вариативность. Наиболее очевидно все процессы языковых изменений проявляются на уровне лексики, что является доступным непосредственному наблюдению со стороны и отмечается самими носителями говоров, когда они в ходе бесед дают характеристику своему говору. Поэтому комплексный подход к изучению лексики островных говоров позволяет, с одной стороны, выявить все протекающие в них семантические процессы, а с другой стороны, дать им возможное объяснение с учетом всех аспектов языкового развития островных вариантов языка (изменчивость, вариативность, смешение и выравнивание, языковая конвергенция и интерференция).

Лексическая система представляет собой, с одной стороны, многоаспектно исследованный объект, с другой стороны, требует постоянных дополнений и дальнейших исследований, поскольку является наиболее динамичной и изменчивой подсистемой языка. Результаты изучения диалектной лексики островных немецких говоров в России представлены в различных лексикографических работах,

⁴ Labuda O. Russlanddeutsche Sprachvarietäten des Mittleren Ural: Morphosyntaktische Phänomene. Band 34. Mannheim: Institut für Deutsche Sprache, 2009. 290 S.; Knipf-Komlósi E. Wandel im Wortschatz der Minderheitensprache. Am Beispiel des Deutschen in Ungarn. Stuttgart, 2011; Rosenberg P. Varietätenkontakt und Varietätenausgleich bei den Rußlanddeutschen: Orientierungen für eine moderne Sprachinselforschung // Sprachinselforschung. Eine Gedenkschrift für Hugo Jedig / Hg. von N. Berend u. K.J. Mattheier. Frankfurt am Main: Lang, 1994. S. 123–164.

среди которых следует отметить словарь Г.Г. Едига и его коллег⁵, «Mennonitisches Wörterbuch» Дж. Тиссена⁶, «Lexikon der plautdietschen Sprichwörter, Gedichte und Rätsel» Х. Зименса⁷, «Словарь немецко-поволжского маркштадтского диалекта» под редакцией А.Я. Минора⁸, «Лингвистический атлас немецких диалектов на Алтае»⁹ и «Russlanddeutsches Dialektbuch» Н. Беренд¹⁰.

Применительно к диалектным языковым системам отмечается, что «высокая вариантность фонетического, словообразовательного, морфологического и семантического облика функционирующих в диалекте лексических единиц определяется рядом факторов как внешнего, так и внутреннего характера. К ним относятся: 1) устная форма существования говоров и отсутствие в них кодифицированной нормы, облегчающие возникновение словообразовательных и семантических единиц разной степени устойчивости по готовым моделям; 2) повышенный эмоциональный тонус народной речи, вообще характерный для разговорного языка; 3) номинативные процессы, результатом которых являются разномотивированные единицы с одинаковым значением; 4) разрушение архаического слоя говора, забвение звучания и значения многих слов, воспроизводимых неточно, в искаженном звучании и с достаточно неопределенной, «размытой» семантикой; 5) усвоение новой лексики, проникающей в говоры под влиянием городской культуры, часто связанное с трансформацией звучания и значения литературных слов; 6) территориальное варьирование говоров» [Нефедова 2008: 5].

В «Лингвистическом атласе немецких диалектов на Алтае» под редакцией Л.И. Москалюк представлено 165 карт распространения диалектных лексических вариантов по тематическим группам: Mensch: Haus, Tiere und Pflanzen, Feste, Arbeit und Wirtschaft, Kleidung, Zeit, Küche и др. [Лингвистический атлас 2010]. Результаты картографирования диалектных форм позволяют оценить весь спектр вариативности и варьирования в островных немецких говорах Алтайского края. Во всех примерах слова написаны с использованием принципов так называемой «полуорфографической записи» – популярной практической транскрипции, приближенной к орфографии современного немецкого языка с целью показать фонетические особенности говоров.

Tante: Poas, Paas, Paasl, Wees, Tande, Tounte, Momtje

schnell: flink, scharf, schnell, roasch, hastig, hortig

sich beeilen: sich tumla, sich toplä, sich spute, sich spudn, sech spoede

Bluse: Jupkala, Koft, Bluuz, Jankedl, Pluske

Rock: Rock, Klaat, T'läid, Gvont, Klait

jäten: kroasla, jede, krofla, jedn, woide

Pilz: Pilzge, Pilz, Schwamm, Grip, Pelstje

[Лингвистический атлас 2010: карты 8, 41, 52, 82, 85, 114, 152]

Уже в этих примерах мы наблюдаем процессы фонетического варьирования одних и тех же лексем (Poas, Paasl, Wees (Base), Pilzge, Pilz, Pelstje (Pilz)), а так-

⁵ *Валл Х.И.* Из опыта работы по сбору словарного материала нижненемецких говоров. Ч. 1 / Х.И. Валл, С.К. Ведель, Г.Г. Едиг // Вопросы структуры германских языков. Вып. 1–4. Омск, 1978–1981.

⁶ *Thiessen J.* Mennonite Low-German Dictionary. Mennonitisches Wörterbuch. Marburg: Elwert, 1977.

⁷ *Siemens H.* Lexikon der plautdietschen Sprichwörter, Gedichte, Rätsel und Lieders. Bonn: Tweeback Verlag, 2007.

⁸ Словарь немецко-поволжского маркштадского диалекта / Под ред. А.Я. Минора: В 2 т. Саратов, 2016.

⁹ *Москалюк Л.И.* Лингвистический атлас немецких диалектов на Алтае: В 2 ч. / Л.И. Москалюк, Н.В. Трубина. Барнаул: АлтГПА, 2010.

¹⁰ *Berend N.* Russlanddeutsches Dialektbuch. Halle: Projekte-Verlag Cornelius, 2011.

же наличие устаревших на территории Германии лексем и/или их значений. Так, Base присутствует в литературном немецком языке как синоним к Kusine, но имеет помету «veraltet». Лексикографические источники указывают на более ранний вариант значения Base (ahd. basa, wasa (9. Jh.) bezeichnet die Vaterschwester, mhd. base und asächs. wasa, mnd. wase gelten auch für die Mutterschwester, entsprechen also heutigem Tante) [DWDS; DWB]. При этом происходит расширение значения лексемы Base, по аналогии с Muhme она обозначает не только факт родства (Tante als Vater- oder Mutterschwester), но и имеет сему 'ältere weibliche Verwandte'. В диалектных текстах часто встречается описание Vetter + Vorname, Wäs + Vorname по отношению к взрослым и старшим людям.

Rock также сохраняется в прежнем более широком значении «Kleidung», что видно из вариативного ряда (Kleid, Gewand), встречается и лексема Männerrock. Можно наблюдать также явления заимствования, при котором слово из русского языка входит в состав немецкого говора и воспринимается исключительно как немецкое слово, при этом не всегда носители говора соотносят это с соответствующим русским словом, считая его исходным немецким (Grip (Pilz), Koft, Pluzke (Bluse) и др.).

Диалектные системы островных говоров характеризуют две противоположные тенденции: изменчивость и варьирование, с одной стороны, и стабильность базового словарного состава, в том числе сохранность старых форм и значений, с другой. При этом процессы архаизации морфологической формы и значения могут сопровождаться разными видами семантической деривации.

Для иллюстрации описываемых процессов в настоящей работе использованы материалы диалектологических экспедиций автора и коллектива научной школы «Островная немецкая диалектология» Алтайского государственного педагогического университета в села Немецкого национального района Алтайского края, материалы Текстового корпуса немецких диалектов на Алтае, а также примеры из шванков российских немцев.

В качестве архаичных языковых форм можно назвать сохранение двойного перфекта, старую, характерную для диалектов форму дательного падежа для обозначения принадлежности (по типу dem Vater sein Hut), что типично для многих немецких диалектов:

ti hen schon kschlofe khat un sen schon ufkstanna – Die haben schon geschlafen gehabt und sind schon aufgestanden.

ti hen ehm Pensija keve khat und ter isch toch foatkfahre – Sie haben ihm Rente gegeben gehabt und er ist doch fortgefahren.

Dem Stammlers Karl-Vetter sei Heinje hat schun lang den Soldetendinscht hina sich ghat, hat sich schun drei mol gnullt (war schun dreißig Jahr alt) un waa imma noch ledig. – Heinrich, der Sohn von Vetter Karl Stammler, hat schon lange den Soldatendienst hinter sich gehabt (war schon 30 Jahre alt) und war immer noch ledig.

«Mama, guck mol gut, is des net m Papa sei Brill?» un hot se hingstreckt. – Mama, guck mal, ist das nicht die Brille des Vaters? Und sie hat sie hingereicht.

Так, во всех говорах в качестве основного глагола говорения используется глагол vuzähle с контаминированной семантикой 'sprechen / erzählen'. Эта глагольная форма является специфической именно для говоров российских немцев, а варианты префикса er-/ver- можно объяснить их конкуренцией еще в древне- и средневерхненемецкий периоды, именно в этот период исследователями отмечается

также конкуренция схожих по значению *verba dicendi*: *sagen, sprehhan, quedan, jehen, sagen, reden* [Fritz 1998: 125].

In sellen Dorf, dart warn Russ gwohnt mit uns, da hat d Frau schnell Teitsch glernt, so praktisch schnell mit uns vazählt... – Im selben Dorf haben Russen mit uns gewohnt, da hat die Frau schnell Deutsch gelernt, praktisch schnell hat sie mit und gesprochen.

Интересен случай употребления разных глаголов говорения в одной ситуации: (Und die Deutschen, die in Schumanowka wohnen, die Mennoniten...?) *Mit ihne han mia Teitsch veazählt. Ich hab sie schwach verstana. Sie han so kak-to wie Gollandskij ksprocha.* – Mit ihnen haben wir Deutsch gesprochen. Ich habe sie schlecht verstanden. Sie haben so wie Holländisch gesprochen.

Нижненемецкий глагол *roppe* (*roppen*) и его верхненемецкий аналог *rupfa* (*rupfen*) встречаются в корпусе примеров в различных значениях. Словарь Гримма указывает на эту диалектную вариацию и спектр значений еще в средневерхненемецкий период: *jemandem sein Geld ablocken, durch List oder Drängen; sich rupfen, sich raufen, balgen; dialektische und besondere Bedeutungen: vorwerfen, vorrücken; а также современное значение «etw. herausziehen, abreißen; Geflügel rupfen»* [DWB, DWDS]. В пфальцском диалекте Германии лексема используется также в значении ‘*tadeln*’, ‘*schelten*’. В нижненемецких вариантах сохраняется значение ‘*abreißen*’:

Mich hotr jefroht: «No, mei Ottchen, wie oft hawe ich dich gesoht, wannmer die Äppel ruppen gann?» – *Mich hat er gefragt: Na, mein Otto, wie oft habe ich dir gesagt, wann wir die Äpfel «rupfen» gehen.*

В верхненемецких говорах встречается значение ‘*lügen*’, можно выделить отмеченную в исторических и диалектных словарях сему «*mit List*».

Mei Wäs hot mr a buntes Geschiche runngropft – *Meine Base hat mir eine bunte Geschichte erzählt.*

Эти немногочисленные случаи употребления требуют дальнейшей проверки узуальности этих значений.

Семантическая деривация сопровождается также различиями в объеме значений одной и той же лексемы в разных говорах, а также их стилистической дифференциацией, как, например, в глаголе *lauern*. В нижненемецких говорах глагол *lure* имеет нейтральное значение «*warten*», а в верхненемецких глагол используется преимущественно в сходном с литературным языком значении «*in feindlicher Absicht / in einem Versteck auf j-n warten*»:

Wea lura kaun, tjricht een Maun. – *Wer warten kann, kriegt einen Mann.*

D Papa luert ufe Enkelje, die Mama aach. – *Der Vater wartet schon auf die Enkel, die Mama auch.*

Wonn ich hoom komm pin, hun si mich schun kluurt. – *Als ich nach Hause kam, haben sie schon auf mich gewartet / gelauert.*

В качестве лексического варианта к *Schuhe* сохраняется старая лексема *Fußzeug*, которая считается в немецком языке устаревшей, но встречается в некоторых диалектных областях Германии.

Die Tage kam r ufs Fußzaich zu schwetze: er hätt in alter Zeit sei Fußwese viel länger getrage wie jezz. – *Eines Tages kam es im Gespräch auf Fußzeug/ Schuhe: er hatte früher seine Schuhe viel länger getragen als jetzt.*

Прилагательное *marode* выступает лексическим вариантом к *müde, verschmachten, matt*, что характерно для немецких диалектов, но уже практически не используется в современном немецком языке. Эти варианты встречаются в диалектных текстах, свободных высказываниях и в ходе сбора диалектного материала с помощью анкеты Венкера.

Nach ta Erwet woar ich kans matt – Nach der Arbeit war ich ganz müde.

Nach de Arbeit war ich ganz miede, hatt ich keine Kräfte mehr. – Nach der Arbeit war ich so müde, dass ich keine Kräfte mehr hatte.

Amol isch die Tochr Liesl vun dr Arweit haam kumme un hot sich uf dr Sofa ghockt: «Och, Mottr, ich bin awer heit so marodich, dass ich net wäscha mecht». – Einmal ist die Tochter Lise von der Arbeit nach Hause gekommen und hat sich auf das Sofa gelegt: «Ach, Mutter, ich bin aber heute so marode, dass ich nicht waschen möchte».

Mir sein marode un hun Tarscht. – Wir sind müde und haben Durst.

Сохранившиеся старые лексемы или лексико-семантические варианты слова сопровождаются часто изменением их морфологических характеристик и форм. Трансформации в говоре подверглась также лексема *jähzornig*. Произошло частичное выпадение компонента *-zorn-*. Первый компонент данного сложнопроизводного слова *jäh-* имел ранее значение «unerwartet schnell; plötzlich herabstürzend; heftig, leicht zornig», поэтому произошло семантическое усечение дублирующего семантического признака, в результате появилась стяженная форма *jähzig*¹¹. Таким образом, данная лексема претерпела в исследуемом говоре не только фонетическую, но и семантическую модификацию.

Диалектным вариантом для прилагательного *einsam, allein* выступает *alleinig*. При этом лексикографические данные свидетельствуют, с одной стороны, об отличии в объеме значения (в немецком языке *alleinig* используется преимущественно в значении *einzig, ausschließlich (der alleinige Besitzer u. a.)*, с другой стороны, о распространенности лексемы в значении «*alleinstehend*» в южно-немецком языковом ареале и Австрии. Это может косвенно свидетельствовать о сохранности лексемы и ее значения со времен переселения в Россию и об исходной диалектной области. В говорах в Алтайском крае используется преимущественно в верхненемецких говорах.

Mei Kinner sin schon groß und lewe for sich, so dass ich jetz ganz allaanig bin in mein Heisje, un 's kommt al-somol vor; dass ich mit mr seiwert schwätze tu. – Meine Kinder sind schon groß und leben für sich, so dass ich jetzt ganz allein bin in meinem Haus, und es kommt manchmal vor, dass ich mit sich selbst spreche.

«Ach, Mama, zum Heirate muss mr doch zum zweite sin, un ich bin allonich». – Ach, Mama, zum Heiraten muss man doch zu zweit sein, und ich bin allein.

«Du bleibst ach allonich, weil du net schaffe willst wie alli Leit». – Du bleibst auch allein, weil du nicht arbeiten willst wie alle Leute.

Особую группу лексики представляют собственно диалектные лексические единицы, которые являются уникальными. В ряде случаев необходимы дальнейшие изыскания по поиску соответствий в других диалектных группах и в историчес-

¹¹ В исторической семантике такие явления рассматриваются как «семантический эллипс», под которым понимается опущение частей словесного комплекса, когда значение опущенного фрагмента понятно говорящим, поскольку они обладают общими языковыми знаниями и ситуация общения предполагает однозначное понимание данного выражения [Fritz 1989: 51]. В качестве причин называют принципы краткости и языковой экономии. Данный феномен представляет собой очень сложный процесс, который невозможно однозначно реконструировать и интерпретировать на ограниченном диалектном материале.

ких словарях. Затруднения возникают из-за возможно ошибочной фонетической идентификации лексической единицы, неоднозначного толкования возможных компонентов («народная этимология» может служить в профессиональной среде отправной точкой для дополнительных поисков). Так, например, встречается лексема Foaldrach (*Fauldrache?) для обозначения ленивого человека. Возможно, это образование по аналогии с Lügenmaul, Streithals, Angsthase и другими образованными по данной модели единицами. Однако спорным является его диалектное происхождение. В данной области есть еще большое поле для открытий и поиска источников, лексические единицы Knippelkrieg, hatterich, vergastert, Dorfschulze, sei Nuppe habe, ahnich и многие другие еще требуют уточнения значений и возможностей использования в говорах.

Длительное контактирование с русским языком и постоянное снижение уровня владения диалектом у младшего поколения в силу объективных причин приводит ко все большему влиянию и вхождению элементов русского языка в островные немецкие говоры, причем как на морфологическом, так и на лексико-семантическом уровне. Явления языковых контактов «русский язык – островные говоры» не сводится исключительно к процессу заимствования. По отношению к немецким говорам терминологически уместно использование термина «проникновение» как одного из типов языковых контактов и этапа вхождения иноязычной лексемы в говор (так, например, Grip (гриб) наряду с немецким вариантом Pilz скорее пример проникновения, чем прямого заимствования). Собственно заимствования выполняют функцию заполнения лакун в лексической системе для покрытия языкового дефицита или являются признаком недостаточной диалектной компетентности носителя говора (т.е. есть немецкое слово с таким же значением, но оно не знакомо говорящему). Заимствования могут использоваться для обозначения реалий и предметов, которые не были известны немецким колонистам на момент переселения в Россию и, соответственно, не имеют немецкого наименования (например, телевизор и др.). Социолингвистические исследования употребления заимствований свидетельствуют о том, что иногда это зависит от того, переживалось ли это в контакте с русским населением и относится ли к русской культуре. В таких случаях нередко наблюдается переключение кода и использование одновременно лексем немецкого и русского языков для обозначения одного и того же явления, события. В контексте языковых контактов и семантической деривации важными являются случаи семантической интерференции и семантического заимствования, калькирования значения и передача его средствами родного языка. Часто это тоже связано с реалиями жизни в России, например:

So wamr Monatslohn krochte, do hot se des Geld fascht bis uf s letschte Kopie ufs Sparbuchelje glegt. – Wenn sie den Monatslohn kriegte, da hat sie das Geld fast bis auf die letzte Kopeke auf das Sparbuch gelegt (положить все до последней копейки на сберкнижку);

Wann sowas uf dr Markt kommt, renne die Weibslait iwernanner. Dawai, ich «nem Geld vom Buch un fahr». – Wenn so was auf den Markt kommt, rennen die Frauen übereinander. Komm, ich «nehme das Geld vom Buch» und fahre (снять деньги с книжки).

Другие примеры выражений, в которых однозначно прослеживается русскоязычный источник: *die Ärmel hoch un mit'm ganze Kopp ans Werk* (die Ärmel hoch krepeln und mit dem ganzen Kopf an die Arbeit – засучить рукава и с головой в работу), *'n Gruß iwrgewe (einen Gruß «übergeben» / ausrichten* – передать привет), *fufzeh Sutke ufbrenne* (mit 15 Tagen Haft bestrafen – впать 15 суток). В последнем

случае это действительно реалия советской России, для которой нет аутентичного эквивалента.

При этом исследования показывают, что заимствуются, как правило, слова с конкретным значением, часто вместе с обозначаемым предметом. Сохранность и лексическое разнообразие характерно именно для базового словарного состава языка, включая случаи архаизации и варьирования значения. Анализ процессов заимствований и интерференции, выявление их причин и форм, свидетельствует о достаточной устойчивости диалектной лексической системы, ее способности к развитию путем расширения семантического спектра немецких лексем под влиянием аналогичных русских слов, а также путем включения русских слов в свой говор с их последующей адаптацией к диалектным нормам¹².

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Одним из основных методологических подходов к изучению семантики лексикостроения островных диалектов является выявление факторов, влияющих на изменение значения. Исходным тезисом становится понимание языка как социальной деятельности, детерминированной историей говорящего на нем народа, социолингвистической ситуацией, длительностью языковых и культурных контактов, численностью языкового коллектива и др.

Внутренние законы развития говоров проявляются в случаях архаизации исходного значения, сужения и расширения значения слов по аналогии с другими близкородственными диалектами. Встречающиеся в говорах архаичные элементы (лексемы-архаизмы и сохранившиеся более ранние значения) свидетельствуют о внутренней устойчивости языковой системы островных диалектов и сохранении заложенных ранее принципов внутреннего развития языка. Процессы семантической деривации в говорах являются многогранными, но в ряде случаев не поддаются однозначной трактовке и интерпретации в силу невозможности изучения истории происхождения лексических единиц, неузальности их использования (редкие случаи употребления), отсутствия единой автоматизированной и аннотированной базы данных немецких диалектов в России с целью их сопоставления между собой.

Однако в целом исследуемые немецкие островные говоры позволяют проследить явления языковой конвергенции, языковой изменчивости и вариативности. Их выявление и сопоставление с другими диалектами, в т. ч. островными немецкими диалектами в мире, позволяет понять протекающие в лексико-семантической системе процессы, выявить внутриязыковые закономерности развития и степень подверженности влиянию других языков.

ЛИТЕРАТУРА

ИСТОЧНИКИ (ИЗДАНИЯ ТЕКСТОВ, КОРПУСЫ ТЕКСТОВ)

Лингвистический атлас немецких диалектов на Алтае / Л.И. Москалюк: В 2 ч. Ч. 1. Барнаул, 2010. 197 с.

¹² В теории языковых контактов выделяют внутренние и внешние аспекты. На необходимость учета внутренних, заложенных самой системой языка законов его развития указывает Б. Гавранек. Определяющим фактором при этом является, насколько иноязычное влияние соответствует возможностям внутриязыкового развития (см.: *Гавранек Б.* К проблематике смешения языков // *Зарубежная лингвистика* III. М.: Издательская группа «Прогресс», 1999. С. 56–73).

Текстовый корпус островных немецких говоров Алтайского края: основные направления и результаты исследований / Л.И. Москалюк, Т.Н. Москвина, Н.В. Трубакина. Барнаул, 2014. 198 с.

Auf Geheiß des Gewissens. Prosa. Poesie. Übersetzungen / W. Spaar, R. Ergardt (Hg.). Bar-naul, 1989. 382 S.

Günter 2015 – *Günther E.* Mr sin doch Landsleit... Schwänke, Humoresken und Fabeln. Slawgorod, 2015.

НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА, СЛОВАРИ

Москалюк 2002 – *Москалюк Л.И.* Современное состояние островных немецких диалектов. Барнаул, 2002. 292с.

Москалюк 2014 – *Москалюк Л.И., Москалюк Г.С.* Современное состояние немецких говоров Поволжья на Алтае // Вестник СПбГУ. Сер.9. 2014. Вып. 1. С. 187–203.

Найдич, Либерт 2020 – *Найдич Л.Э., Либерт Е.А.* Об изучении диалектов крымских меннонитских поселений (по материалам архива В.М. Жирмунского) // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2020. Т. 19. №2: Филология. С. 26–39.

Нефедова 2008 – *Нефедова Е.А.* Лексико-семантическое варьирование в пространстве диалекта: Автореферат дисс. ... доктора филол. наук / МГУ имени М.В. Ломоносова. М., 2008. 51 с.

Щерба 1974 – *Щерба Л.В.* О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 24–39.

DWB – Deutsches Wörterbuch. URL: <http://www.dwb.uni-trier.de/index.html>

DWDS – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: www.dwds.de

Eichinger 1997 – *Eichinger Ludwig M.* Deutsch in weiter Ferne. Die Verbreitung der deutschen Sprache außerhalb des zusammenhängenden deutschen Sprachgebiets: Deutsche Minderheiten // Varietäten des Deutschen: Regional- und Umgangssprachen / Hg. von G. Stickel. Berlin; New York, 1997. S. 155–182.

Fritz 1998 – *Fritz G.* Historische Semantik. Stuttgart: Weimar, 1998.

Knipf-Komlósi 2011 – *Knipf-Komlósi E.* Wandel im Wortschatz der Minderheitensprache. Stuttgart, 2011. 294 S.

Rosenberg 2003 – *Rosenberg P.* Vergleichende Sprachinselforschung: Sprachwandel in deutschen Sprachinseln in Russland und Brasilien // Linguistik Online. January 2003. Bd. 13. Nr. 1. URL: http://www.linguistik-online.de/13_01/rosenberg.html

Siemens 2012 – *Siemens H.* Plautdietsch: Grammatik. Geschichte. Perspektiven. Bonn, 2012. 270 S.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ПАРАМЕТРЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ СЕВЕРА УДМУРТИИ

О.В. Байкова, О.Н. Обухова

ВВЕДЕНИЕ

В любом полиэтничном государстве проблема этносоциального статуса национальных меньшинств всегда оставалась и остается актуальной. В последние десятилетия проблема российских немцев привлекает к себе большое внимание как российских, так и зарубежных ученых. Как справедливо отмечает А.А. Шепталин, «массовые репрессии и депортации, более чем полувековое положение изгоя и связанные с этим последствия сделали эту проблему одной из наиболее острых в национальной политике советского и постсоветского периодов. Особую актуальность, научно-теоретическое значение и практическое звучание проблема российских немцев приобрела в условиях их этноязыкового расселения» [Шепталин 1996].

Необходимо отметить, что для комплексного изучения нами выбрано не случайно немецкое этническое меньшинство севера Удмуртии, в частности, российские немцы города Глазова. Благодаря архивным документам, а также языковому материалу, полученному во время проведения диалектологических экспедиций в город Глазов, мы установили, что в данном населенном пункте проживают российские немцы, депортированные из Украины и Крыма в годы Второй мировой войны.

Изучение истории, языка и культуры этнических немцев севера Удмуртии (г. Глазова), было начато в 2007 г. на базе Глазовского государственного педагогического института имени В.Г. Короленко. Актуальность исследования обусловлена необходимостью детального изучения взаимодействия этнических групп и этносов на территории такого мультикультурного многоязычного региона, как Удмуртская Республика. Проведенные наблюдения позволяют уточнить приоритеты языковой и культурной политики в полиэтничной среде, направить усилия на всестороннюю поддержку традиций и обычаев отдельных этнических групп, создание благоприятных условий функционирования национальных языков.

Исследования этнических процессов и явлений в Удмуртской Республике, а именно в городе Глазове, вызывает особый интерес, поскольку данный город представляет собой специфическую этноконтактную зону. На небольшой территории города Глазова проживают представители около 100 национальностей: абхазы, азербайджанцы, армяне, башкиры, белорусы, бесермяне, грузины, евреи, казахи, киргизы, коми-пермяки, марийцы, немцы, осетины, русские, таджики, удмурты, узбеки, украинцы, чеченцы, чувашаи и др. В 2001 г. в Глазове был открыт первый в Удмуртской Республике Дом Дружбы народов, в стенах которого в настоящее время активно работают 9 национальных обществ: удмурты, немцы, русские, татары, азербайджанцы, бесермяне, евреи, армяне, казахи.

Следует отметить, что выбор тематики данного исследования связан с тем, что проблема формирования этнической идентичности и форм этнической идентификации в условиях Глазова как поликультурного региона, где вопросы этнического самосознания, этнической толерантности являются определяющими при взаимодействии представителей различных культур, становится все более актуальным. На примере вышеназванного региона становится возможным изучение проблемы формирования этнической идентичности у представителей разных национальностей, в частности у представителей немецкой национальности, в условиях дисперсного проживания в поликультурном пространстве малого города. Актуальность представленного исследования определяется необходимостью понимания и внимательного изучения феноменов этнической идентичности на территории Удмуртской Республики, в частности в городе Глазове: национального самосознания, сохранения / возрождения этнических культур, сохранения языковых традиций. Актуальность исследований в данном регионе объясняется также недостаточной эмпирической базой для проведения междисциплинарных исследований в области лингвоостровной диалектологии, слабой разработанностью способов выявления репрезентации этнолингвокультурной картины мира на ограниченном материале, фрагментарностью современной архивации данных, имеющих историко-лингвистическую, лингвокультурную и этноконфессиональную ценность; все это создает предпосылки для создания новых научных направлений в области исследования культуры и языка российских немцев, проживающих на территории Удмуртской Республики.

Цель представленного исследования состоит в комплексном изучении и анализе лингвокультурных параметров российских немцев города Глазова, на основе которых определяется их этническая идентичность.

В задачи нашего исследования входит изучение языковой ситуации российских немцев, проживающих на территории города Глазова, а также выявление фактов объективации их лингвокогнитивной картины мира, культурной адаптации и выявления перспектив развития при помощи полевых исследований.

Для решения поставленных задач в данном исследовании используются следующие методологические принципы: принцип теории модернизации, принцип историко-антропологического подхода к исследуемой проблеме, принцип единства теории и практики, принцип контрастивности, принцип исторического подхода к исследуемой проблеме, принцип объективности, принцип всесторонности изучения исторических, социолингвистических, лингвокультурологических, лингвистических процессов и явлений, принцип единства исторического и логического, принцип системного подхода к изучаемым объектам. В работе реализуются главным образом исторический и лингвокультурологический подходы к исследованию взаимосвязи народно-разговорной речи и традиционной культуры российских немцев города Глазова. Необходимо отметить, что общие методы и подходы к изучению региональных и миноритарных языков и диалектов определяются Европейской хартией региональных и миноритарных языков, подписанной, но не ратифицированной РФ, а решение конкретных вопросов регламентируется использованием международно признанных инструментов анализа региональных языков и диалектов: типологии носителей языков и шкалы нарушений трансгенерационной передачи языков. В методической части полевого исследования предполагается выделение двух главных составляющих: первая часть включает в себя приемы накопления и первичной обработки фактического материала, во второй

части представлены приемы общелингвистического метода научного описания, направленные на дальнейшую обработку эмпирического материала (верификацию, сравнение, интерпретацию, аргументацию, классификацию, обобщение), а также приемы формирующегося лингвоконцептуального анализа (соотнесение языковых и культурных данных, лингвоэтнографическое описание, установление случаев актуализации концептов в устно-разговорной речи и в показаниях метаязыкового сознания этнических сообществ, анализ парадигматики и синтагматики слов-репрезентантов изучаемых концептов и др.). Методологический арсенал полевого исследования включает в себя следующие приемы и методики: «метод социалингвистического анкетирования и интервьюирования реципиентов, метод сплошной фиксации языкового (диалектологического) материала с последующим транскрибированием текстов, метод «постоянного / включенного наблюдения», метод социально-дифференциального анализа языкового материала, статистический и сравнительно-сопоставительный анализ [Байкова 2012].

Эмпирической базой исследования являются собранные во время диалектологических и этнографических экспедиций в город Глазов в период с 2007 по 2020 г. магнитофонные записи и записи на диктофон естественной неподготовленной устной речи: анкетные данные и беседы на разные темы (рассказы об истории семьи, воспоминания о переселении в город Глазов, о войне, трудармии и т. п.).

1. СПЕЦИФИКА ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ ГОРОДА ГЛАЗОВА

Российские немцы города Глазова – специфическая этническая общность, точную численность которой на сегодняшний день нам не удалось установить (по нашим наблюдениям, это примерно 176 человек). В ходе полевых исследований российских немцев г. Глазова (2007–2020 гг.) было проведено анкетирование, направленное на выявление этнически значимых приоритетов, составляющих ценностное (аксиологическое) ядро в представлениях этнических немцев Глазова.

Ядро респондентского корпуса составили члены глазовского отделения Всероссийского общества «Wiedergeburt» («Возрождение»). К анкетированию привлекались также этнические немцы, не являющиеся членами общества «Wiedergeburt», участники немецкого хора и постоянные гости национальных календарных праздников, члены семей российских немцев. Было роздано 42 анкеты, заполнено 35. Двое респондентов (мужчины 63 и 69 лет) предпочли дать устные ответы под запись, 3 респондента отказались заполнить анкету, мотивировав свое решение неприятием «бумажной работы», «бюрократии», дефицитом времени (мужчины 51 и 48 лет, женщина 59 лет) [Орехова, Обухова 2010].

Особого упоминания заслуживает группа респондентов, которую можно условно обозначить как любители или поклонники немецкой культуры и ментальности (5 респондентов). Это этнические русские, удмурты, татары, одна респондентка именовала себя «интернационалка» (это традиция в данной русско-удмуртско-татарской семье). Все респонденты поют в немецком хоре, участвуют в театрализованных постановках или являются неперенными гостями на календарных праздниках. Среди аксиологически значимых для них признаков немецкой идентичности указываются «фольклор, песни, музыка» (11 респондентов), «черты характера, психология» (14 респондентов), «внешность» (6 респондентов), «обычай, обряды, традиции» (14 респондентов). Один из респондентов отмечает: «Чем больше я общаюсь с этническими немцами, тем более глубокое уважение я испы-

тываю к культуре и традициям этого народа, сочувствуя нелегкой судьбе российских немцев» [Орехова, Обухова 2010].

На основе проведенного анализа ответов представленной анкеты можно вывести следующие параметры, составляющие ценностное ядро в представлениях этнических немцев города Глазова.

1) Демографические параметры. Женщины-респонденты – 28 человек, мужчины-респонденты – 9 человек. Возраст респондентов – от 10 до 73 лет. Возрастные группы: I группа – до 20 лет, II группа – 20–30 лет, III группа – 31–50 лет, IV группа – 57–74 года. В браке состоят 25 человек, три респондента – вдовы. Вне брака находятся шесть респондентов возрастной группы 20–30 лет. Примечательно, что только два респондента находятся в разводе. Состоящие в браке в подавляющем большинстве имеют по двое детей (13 респондентов), выявлено только три однодетных семьи, и в одной семье насчитывается трое детей.

2) Образование. Респонденты в подавляющем большинстве получили хорошее образование: 48,3 % – высшее и неполное высшее, 14 % – среднее специальное, 32 % – общее среднее и 4 % – неполное среднее. Высокий уровень образования имеет четкие гендерные соответствия: это женщина с высшим образованием, со специальностью учитель, преподаватель (колледж, школа, вуз). Мужчины получили в основном среднее специальное образование и/или рабочие профессии (сварщик, техник-строитель, отделочник), двое респондентов-мужчин с высшим образованием. Подобная гендерная корреляция, возможно, связана с представлениями о функциях главы семьи, призванного обеспечить достойный уровень жизни. Последнее, в свою очередь, соответствует одному из архетипов немецкого менталитета о роли супруга и главы семейства (ср. [Прощина 2011]).

3) Этническая идентификация. Данный параметр является, пожалуй, наиболее значимым. Более 60 % респондентов идентифицируют себя как «немец», «немка», «российская немка». При этом материнским языком (диалект, или Hochdeutsch) могут изъясняться не более 10 человек, однако роль этнического языка в структуре идентичности как сложная теоретическая и прикладная проблема заслуживает самого пристального внимания. Согласно анкетированию, доминирующим параметром при определении национальности ребенка выступает параметр «национальность отца» (35 % респондентов), далее следует параметр «желание ребенка» (21,6 %), «родной язык» (20 %), «культура» (10 %), «другое» (12 %). Доминантность параметра «национальность отца», возможно, коррелирует с традиционным типом немецкой этнокультуры и ее архетипами, но это нуждается в дальнейшей верификации. В рубрике «Другое» в ситуации межэтнических браков (отец русский, мать немка) ряд респондентов делают свой выбор исходя из интереса к немецкой культуре, ментальности, родственных связей, уважения к семейной истории: 22 % респондентов говорят о своих немецких корнях (дед, прадед, наличие многих родственников в Германии, «немецкая культура мне ближе и интересней»). В смешанных браках всего 0,8 % не считают себя немцами, что требует более подробного изучения. Моноэтнических браков всего три (0,8 %); по этнической представленности в смешанных браках преобладают русский супруг /супруга, далее следуют удмурты (1,1 %), украинцы (0,9 %), татары (0,75 %).

Национальная принадлежность детей в смешанных браках определяется консенсусом: если дети не возражают (22 % учитывают мнение детей), то один из детей получает немецкую принадлежность. При этом жена-немка не возражает, если русский супруг рекомендует детям обозначить этническую принадлежность

к русскому этносу. Национальная принадлежность представляется аксиологически доминантной для 35 % респондентов, достаточно важна для 27 % и не является значимой для 1 %.

Для наших респондентов наиболее значимыми признаками, которые «роднят» их с народом российских немцев, представляются: обычаи, обряды, традиции (46 % ответов), черты характера, психологии (49 % ответов), родственные связи в Германии (35 % ответов), историческая судьба (30 % ответов), язык (21 % ответов) эпос, фольклор (19 % ответов); менее существенны внешность (5,3 % ответов), место проживания (0,6 % ответов). Этническая принадлежность влияет на культурную и на семейную сферы жизни (соответственно 43 % ответов и 38 % ответов), в меньшей степени на религиозную (1 % ответов) и профессиональную (0,5 % ответов) [Орехова, Обухова 2012].

Традиционные устои семейной жизни, этнокультурные обычаи, традиции, семейные ценности, «не однодетные» браки (хотя немецкие семьи всегда были многодетными) свидетельствуют о сохранении глубинных традиционных, этнических, моральных, культурных ценностей российских немцев.

Таким образом, анализ результатов анкетирования российских немцев города Глазова по блоку вопросов, связанных с самовосприятием, личным самоопределением, дает возможность утверждать, что этническая идентичность немцев в городе Глазове отличается подвижностью. Она существенно отличается в группах в зависимости от возраста. Российские немцы в абсолютном большинстве считают своей родиной Россию, что свидетельствует о ярко выраженной гражданской идентичности. Но при этом также большинство полагает, что российские немцы должны сохранять свои традиции, язык и историческое наследие. Это является свидетельством выраженной этнической идентичности.

2. ПАРАМЕТРЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ ГОРОДА ГЛАЗОВА

Общепризнано, что современные процессы глобализации с интенсивными межкультурными контактами, изменения социальной структуры, урбанизация оказывают влияние на межэтнические отношения, в том числе на этническую идентификацию. Дистинктивными признаками (лингвокультурными параметрами) этнической идентичности выступают следующие признаки: общность исторической судьбы; общность территории; религия; быт; семейный уклад; фольклор; традиционные ремесла; нормы поведения; общность психического склада; этнический язык. Вышеперечисленные признаки можно объединить в следующие аспекты применительно к исследованию российских немцев, проживающих на территории Удмуртии, в частности в городе Глазове [ср.: Orekhova, Baykova, Obukhova 2014]:

1) историко-демографический аспект, который направлен на получение и обобщение данных (в том числе и статистических) относительно географии расселения и численности российских немцев в исследуемом регионе, о возрастном составе, происхождении. К данному аспекту можно отнести следующие параметры (лингвокультурные параметры) этнической идентичности: общность исторической судьбы, общность территории [ср.: Байкова 2009];

2) культурологический аспект, который направлен на изучение культуры российских немцев; к данному аспекту мы относим следующие лингвокультурные

параметры: религию, быт, семейный уклад, фольклор, традиционные ремесла, нормы поведения, общность психического склада (ср. [Байкова 2009]);

3) социолингвистический и собственно лингвистический аспект, который дает возможность выяснить так называемую «лингвистическую биографию» дикторов и их владение родным немецким языком. Сюда относится этнический язык российских немцев города Глазова (ср. [Байкова 2009]).

Проявление данных признаков в диапазоне «доминантность – рецессивность» коррелирует с условиями бытования этноса (этнической группы) – политико-административными, социокультурными, межэтническими, и, соответственно, этническая идентичность – категория, изменяющаяся во времени.

Более подробно рассмотрим представленные лингвокультурные параметры этнической идентичности на примере рассматриваемой группы немцев севера Удмуртии, в частности города Глазова.

2.1. ИСТОРИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ: ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ПАРАМЕТРЫ

Общность исторической судьбы, общность территории

Нами установлено, что российские немцы с большим уважением относятся к собственному прошлому, особенно к семейной истории. При этом прошлое воспринимается не как набор сухих фактов и дат, а как глубокий личностный опыт. Историческая память является ключевым маркером идентичности: события середины XX в. (депортация, трудармия, спецпоселения), дополненные в 1990-е гг. массовым переездом немцев из стран СНГ в Германию, сформировали групповое самосознание российских немцев. Этот фактор объединяет все немецкое население России [Курске 2011].

Традиционные устои семейной жизни, обычаи, традиции, семейные ценности свидетельствуют о сохранении глубинных, традиционных этнических ценностей как доминантных в структуре этнической идентичности респондентов обеих исследуемых групп. На основе проведенных наблюдений можно также отметить сохранение, сбережение таких доминантных признаков, как этническая ментальность (чувство ответственности, организованность, законопослушность, воспитанность, бережливость) [Орехова, Обухова 2010].

Что касается параметра этнической идентичности общность территории, то он в условиях урбанистической, этнически разнородной среды не является валидным (этнические немцы не принадлежат к автохтонному населению России).

2.2. КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ: ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ПАРАМЕТРЫ

Религия, быт, семейный уклад, фольклор, традиционные ремесла, нормы поведения, общность психического склада

Благодаря приверженности своим традициям и обычаям, и особенно религии, проживающие на Северном Кавказе народы, как пишет И.А. Задворнов, «сумели сберечь себя в качестве целостных и самобытных этносов» [Задворнов 2000: 52]. Описывая диаспору, определяемую исследователями как «устойчивую совокупность людей единого происхождения, живущую в иноэтническом окружении за пределами своей исторической родины (или вне ареала расселения своего народа) и имеющую социальные институты для развития и функционирования данной общности», особенности ее формирования и функционирования, нельзя обойти

вниманием и религиозный фактор. «История диаспор показывает, что религия в ряде случаев стала цементирующим фактором в консолидации представителей единоверцев (часто совпадающих с определенной национальностью)», – отмечают Ж.Т. Тощенко и Т.И. Чаптыкова и приводят в пример огромную роль греко-католической церкви в сплочении украинцев в Канаде, Латинской Америке [Тощенко, Чаптыкова 1996: 37].

Религия также рассматривается как мощный этноконсолидирующий фактор. Однако наследие десятилетиями насаждавшегося «государственного» атеизма в значительной мере разрушило религиозное сознание. Евангелистско-лютеранская церковь и ее деятельность сохранились в крупных региональных центрах, в провинции это не институционализировано. Однако воспринятые в детстве религиозные обряды и традиции проведения Пасхи и Рождества в сообществе глазовских немцев поддерживаются. Это соблюдение традиционного протестантского Адвента (за месяц до Рождества), праздничное убранство зала, приготовление ритуальных блюд на Рождество и Пасху.

Следует отметить, что лютеранство продолжает оставаться лидирующей конфессией в среде российских немцев только за счет старшего поколения. Собранные эмпирические данные свидетельствуют о том, что носителем традиционной этнической идентичности оказывается старшее поколение (60 лет и старше), принадлежащее к лютеранскому вероисповеданию, хорошо владеющее немецким языком и знающее историю своей семьи и своего народа. Оно является «этническим ядром» и продолжает оказывать заметное влияние на другие возрастные группы (ср. [Курске 2011]).

Быт (жилье, пища, гигиена) также этнически специфичен. Неукоснительно соблюдается чистота, ухоженность, поддерживается продуманный уют, будь то квартира, коттедж или скромный дачный домик.

Российские немцы сохранили традиции декорирования предметов домашнего интерьера, где ими используются аналогичные с бытовавшими на Украине и в Поволжье наволочки, скатерти; как память сохраняются полотенца. Бережно хранятся старые фотографии, в том числе и свадебные. Традиционная одежда не сохранилась, фиксируются только воспоминания о домашнем производстве юбок, кофт глазовскими немцами. Обращает на себя внимание правило одеваться особо аккуратно, даже рабочую одежду дополняют рубашки с белым или голубым воротничком. Специфически воспроизводятся и традиции домостроительства и приусадебного хозяйства. Рядом с жилыми домами располагаются летние кухни, добротные постройки и ограждения для скота, курятники, огороды. Кроме обычного полива широко используется на огороде полив при помощи разных шлангов и приспособлений [Орехова, Обухова 2010].

Семейный уклад также имеет свою специфику. 95 % российских немцев состоят в браке, безбрачие крайне редко. Семьи полиэтнические, как правило, имеют двоих детей, разводы – редкое исключение. Национальность детей по паспорту определяется по желанию ребенка (нередко сын зарегистрирован как немец, дочь – русская и наоборот).

Фольклор. Нашим респондентам известны пословицы и поговорки, сказки и сказочные персонажи, они знают этнические песни. Регулярно проходят репетиции немецкого хора в Глазове. Немецкий мелос на русской почве претерпел изменения: от многоголосия к унисонному пению, открытому звуку, большей распевности.

Ремесла. В современном индустриальном урбанизированном социуме не столь востребованы кузнецы, часовщики, столяры. Эти профессии скорее являются личным хобби.

Нормы поведения в определенной степени, как мы полагаем, коррелируют с общностью психического склада. Устойчивость проявляют такие качества, как трудолюбие, чувство ответственности, деловитость, рациональность, способность к сопереживанию, готовность оказать помощь в сложной жизненной ситуации близким и знакомым, независимо от этнической принадлежности. Немцы чтят предков, знают семейную историю и фиксируют ее. Чаще всего в ходе исследования мы имеем дело с женщинами, и нас приятно удивило отсутствие таких распространенных привычек, как пустословие, пересуды, интерпретации чужих высказываний (эти свойства гендерно маркированы). Российские немцы проявляют постоянную трогательную заботу о престарелых соотечественниках. Это шесть человек в возрасте 90 лет и старше, бывшие трудармейцы, по 5–8 лет отработавшие в условиях трудармии.

2.3. СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И СОБСТВЕННО ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ: ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ПАРАМЕТРЫ

Речевое поведение российских немцев города Глазова

Понятие «речевое поведение» рассматривается обычно в рамках речевой деятельности и «определяется как процесс выбора оптимального варианта для построения социально корректного высказывания в условиях, определяемых ситуацией общения, эмоциями, действиями, поступками человека» [Швейцер, Никольский 1978]. В данной работе под речевым поведением российских немцев понимается определяемое речевой деятельностью поведение, в котором отражаются особенности, проявляющиеся под влиянием внутренних и внешних факторов в условиях иноязычного окружения (ср. [Байкова 2012]).

Внутренние факторы можно представить как собственно лингвистические, а внешние – экстралингвистические. Экстралингвистические факторы, в свою очередь, можно разделить: 1) на факторы социально-демографического характера (социально-исторические, социально-экономические, географические условия жизни, отсутствие или наличие смешанных браков, демографические параметры (пол, возраст), национальность, культурный фактор (уровень образования), среда проживания, профессия, участие в общественной жизни); 2) факторы ситуативно-переменного характера (тема, обстановка, характер отношений между коммуникантами, их социальный статус). При этом следует иметь в виду, что далеко не все случаи выбора речевых действий и языковых средств могут быть объяснены даже с учетом всей совокупности экстралингвистических факторов, так как возможны случаи экспрессивного использования языка, а также моменты, которые могут интерпретироваться лишь с учетом индивидуально-психологической мотивации или же должны рассматриваться как ошибки, произвольные отклонения от нормы, нарушения правил [Швейцер, Никольский 1978]. Таким образом, экстралингвистические факторы дают возможность вскрыть и объяснить принципы речевого поведения, процессы языкового взаимодействия и взаимовлияния в ситуации билингвизма. Исследование и учет этих факторов при анализе речевого поведения билингвов дают объективную основу для правильной оценки языковых явлений (ср. [Обухова, Байкова, Орехова 2019]).

Как уже указывалось выше, наиболее значимыми факторами социально-демографического характера, оказывающими влияние на речевое поведение билингва, являются историческая судьба, возраст, условия проживания (дисперсное проживание, полиэтническая среда города), доминирование во всех сферах общения русского языка.

Как показывает лингвистический материал, собранный в городе Глазове, объем функций немецкого языка у представителей старшего, среднего и младшего поколений различается (ср. [Байкова 2017]).

Основным отличительным признаком речевого поведения респондентов старшей возрастной группы является то, что подавляющее большинство владеет не только литературным немецким языком, но, прежде всего, одним из языковых вариантов существующих диалектов. Следует отметить: в этой возрастной группе наблюдаются довольно значительные различия в языковой (диалектной) компетенции. В результате проведенных исследований было выявлено, что этнические немцы старшей возрастной группы (80–90 лет) выросли и воспитывались в относительно гомогенной немецкой этнической среде. С раннего возраста, усвоив немецкий язык как материнский, респонденты имели возможность общаться, по крайней мере в кругу семьи, с родителями и ближайшими родственниками. Большинство респондентов проживали до периода депортации вместе с родителями в условиях компактного поселения на территории республики немцев Поволжья, Азербайджана, что означало активное использование немецкого разговорного языка во всех сферах повседневной жизни. Следует также отметить, что никто из опрошенных респондентов не обучался в национальной школе, а немецкий язык, как правило, изучали в школе как иностранный язык. Два респондента имели возможность закончить семь классов общеобразовательной школы. Один респондент завершил среднее образование в вечерней школе. Два респондента овладели литературным немецким языком во время обучения в вузе. Одна респондентка имела возможность закончить лишь три класса общеобразовательной школы, не может изъясняться на литературном немецком языке, не умеет читать и писать на родном языке, владеет устной диалектной формой, так как родители на протяжении всей своей жизни общались с ней только на диалекте. Анализ речи отдельных респондентов, ее особенностей на различных уровнях языка с учетом специфики речевого поведения респондентов, особенностей биографии, существования немецкого языка в условиях иноязычного окружения (дву- или многоязычия) позволил выявить следующие особенности речевого поведения этнических немцев старшей возрастной группы:

- беглый, естественный темп речи; свободное владение литературным немецким языком и, как правило, диалектом;
- наличие в речи респондентов небольшого количества калек, наиболее распространенные – лексические и синтаксические;
- интерференция основного языка общения – русского, в речи некоторых респондентов прослеживается интонационное и фонетическое влияние русского (частично удмуртского) языка.

Средняя возрастная группа включает респондентов в возрасте 40–60 лет. Как правило, это этнические немцы, родившиеся уже на территории Глазова. У респондентов данной возрастной группы отмечается:

- замедленный (неестественный) темп речи;
- владение «школьным» немецким языком (Schuldeutsch);

- высокий уровень интерференции; в речи всех респондентов наблюдается интонационное и фонетическое влияние русского (частично удмуртского) языка.

Следует особо отметить, что респонденты средней возрастной группы осознают свою национально-культурную идентичность, но материнским языком не владеют или имеют низкий уровень языковой компетенции. Необходимо признать, что ситуация угасания языка в семьях этнических немцев имеет политические, идеологические, социопсихологические корни. Через многие десятилетия сказываются последствия репрессивных мер тоталитарного режима: депортация, насильственная репатриация, непосильный труд, голод и лишения и в особенности клеймо «наказанного народа». Немецкий язык был языком «врагов народа». Это привело к тому, что этнические немцы не только не обозначали свою этническую принадлежность, часто скрывали ее, но и осознанно отказывались от родного языка («MutterSprache»), отдавая предпочтение доминантному русскому языку. Все эти моменты обусловили вытеснение немецко-русского билингвизма не только **во** **из** внесемейной, но и внутрисемейной сферы общения, – казалось бы, достаточно целесообразной модели личностно-семейного речевого поведения [Орехова, Иволина, Перевощикова 2008: 112–113]. Немецкий язык, по признанию респондентов средней возрастной группы, – это язык родителей, бабушек и дедушек, который не является для них родным языком. Этнические немцы города Глазова младшей возрастной группы родились и воспитываются в семьях, где основным средством общения является русский язык. Респонденты, как правило, не владеют немецким языком или знают лишь несколько обиходных фраз, как правило: приветствия и традиционные фатические формулы: «Guten Tag! Grüß Euch / Dich! Wie geht's?»

В данном случае немецкий язык играет второстепенную роль, так как у российских немцев нет нужды использовать его в речи. Таким образом, происходит вытеснение немецкого языка и всех его диалектных проявлений, и это наблюдается не только во внесемейной, но и во внутрисемейной сфере общения. Как показывают результаты анкетирования, русский язык стал необходимой формой общения, с помощью которой достигается взаимопонимание. В беседах на темы о современной жизни, технике или политике респонденты используют русский язык, особенно если углубляются в тему. Это приводит к тому, что преобладание немецкого диалекта среди языковых форм общения, которое было характерно для старшего поколения, исчезает. «Языковой водораздел» между поколениями пролегает на стыке старшей и средней возрастной группы [Байкова 2009].

Этнический язык российских немцев города Глазова

Как известно, этнический язык – один из важнейших признаков этноса, отражающий все многообразие бытия народа, его духовный потенциал, неповторимую картину мира. У немцев города Глазова языковая компетенция крайне гетерогенна, от полного нигилизма до полноценных коммуникативных навыков. Некоторые респонденты самостоятельно изучали немецкий язык, посещали курсы, имеют достаточную компетенцию (около 20%), остальные понимают текст средней сложности и знают обиходные речевые клише, воспринимают несложные высказывания. Те же, кто овладел материнским языком в семейном общении, являются носителями сохранившихся до наших дней немецких диалектов – южнонемецких, включая швабский, и нижнемецких. Конечно же, иноязычное

окружение, а это русский язык как повседневный язык общения, оказывает сильное интерферирующее влияние на всех уровнях. Упрощается синтаксис (порядок слов, несоблюдение рамочной конструкции), склоняемые формы контаминируются, частотны русские лексемы (ну, вот, да, так). Просодический рисунок фразы, в отличие от немецкого, более плавный, менее ритмизированный, темп речи снижается под влиянием русского языка. Помимо необходимости использовать русский язык в повседневном общении, сокращение коммуникации на родном языке мотивировалось нередко негативным отношением к немецкому языку в школе и на работе в 1950-е гг. Имеются устные свидетельства о том, что в детском саду малышей наказывали за немецкую речь. Целое поколение рожденных в 1950-х гг. было лишено возможности овладеть этническим языком в естественных условиях (а это самый эффективный способ) – в семейном общении. Однако есть и примеры очень высокой мотивации к овладению немецким языком в зрелом возрасте – и путем обучения, и во внутрисемейном общении.

Немецкий язык у этнических немцев города Глазова сохраняется в виде отдельных идиолектов: южнонемецких (швабский) и нижненемецких. Однако необходимо отметить, что имеющиеся в нашем распоряжении диалектные материалы свидетельствуют о смешанном характере представленных в изучаемом регионе идиолектов. Это объясняется 1) изначально смешанным характером диалектов как материнских (Mutterkolonien), так и, в особенности, дочерних колоний (Tochterkolonien); 2) исключительно широким географическим диапазоном представленных в регионе немецких идиолектов; 3) сложностью личных судеб информантов-дикторов, прошедших путь от родного села в местах компактного проживания немцев (до 1941 г.), через насильственное переселение и связанные с ним места проживания в областях депортации (Сибирь, Северный Казахстан), где были представлены все немецкие диалекты, смешанные между собой, что было не характерно в предвоенное время, и, наконец, послевоенные миграции в совершенно новые регионы расселения в азиатской части бывшего Советского Союза – на Урале, в Западной Сибири, в среднеазиатских республиках (ср. [Обухова, Байкова, Орехова 2019]).

Черты идиолектного смешения и выравнивания свидетельствуют о процессах внутриязыкового взаимодействия, которые после 1941 г. приобрели специфический характер. Особенность периода с 1941 по 1956 г. для большинства этнических немцев, депортированных в Сибирь и Среднюю Азию, заключалась в том, что это время отмечено переходом от одноязычия (или индивидуального немецко-русского двуязычия) к массовому немецко-русскому двуязычию. Начавшаяся массовая смена языка усилила тенденцию к языковому выравниванию: разнородные немецкие диалекты были какое-то время практически единственным средством коммуникации для этнических немцев в местах депортации, что не могло не способствовать устранению в них наиболее резких (первичных) диалектных признаков. Эта тенденция отчетливо проявляется в идиолектах двуязычных этнических немцев города Глазова.

Из контактных языков изучаемого района наиболее мощное воздействие на язык немецкого национального меньшинства оказывает русский язык. Лексические заимствования из русского языка, а также синтаксическое калькирование широко представлены в немецких идиолектах, бытующих в городе Глазове. Лексемы, заимствованные из русского языка, в известной мере приспособились к проносительной и грамматической «норме» того или иного идиолекта: словоизме-

нение в приведенных примерах осуществляется по правилам немецкого языка, о чем свидетельствуют формы артикля, притяжательных местоимений, прилагательных, употребленных в атрибутивной функции (ср. [Байкова 2012, Сержанова 2004]).

Нередки случаи включения в немецкую фразу русского слова в грамматической форме, соответствующей контексту эквивалентного по смыслу и по структуре русского предложения. Это особенно заметно в тех случаях, когда русское слово стоит в форме косвенного падежа: *iç ha:bə`g(ə)arbait an bətri:b kranoffək(ə)m* (я работала на заводе крановщиком) (ср. [Байкова 2012]).

Функцию соединения отрезков речи, будь то отдельные предложения или словосочетания, осуществляют служебные слова. В речи немцев эта функция часто осуществляется с помощью русских соединительных элементов: *ну, ну вот, ну что, это, конечно*, или, *но, раз* и др.: *rəs mis tən, dən mis tən* (раз нужно, так нужно), *ni`vot, iç ha:bə`lanə`g(ə)arbait* (ну вот, я долго работал). Помимо вводных слов и союзов, осуществляющих связь между собой отрезков речи, важную функцию структурирования словосочетания выполняют предлоги. Предложное управление в речи этнических немцев города Глазова находится под сложным влиянием русского языка, вследствие чего словосочетание, имеющее в своем составе предлог, часто представляет собой своего рода кальку с соответствующей русской конструкции. Русскому предлогу «на» часто соответствует немецкий предлог «auf»: *of di`vəinaxtə`* (на Рождество), *uf ostə`* (на Пасху) (в немецком языке в данном словосочетании используется предлог «zu»); *i ben jets ouf dr pensə`* (я сейчас на пенсии) – идет дословный перевод русского словосочетания «(быть) на пенсии» с использованием предлога «auf» и заимствованной из русского лексемы «пенсия», соответствующая немецкая фраза не требует предлога: «*jetzt bin ich Rentner / Rentnerin*» [ср.: Байкова 2012].

Очень интересны словосочетания с числительными, обозначающими даты. Наш языковой материал демонстрирует ряд конструкций, каждая из которых в какой-то мере отклоняется от нормы немецкого языка, копируя в чем-то соответствующую русскую конструкцию. Полной калькой с русского языка является вариант: *ən tsvəiontʃi:rtsəçstə`ja:r* (в 1942 году), близка к нему конструкция типа *iç ben gbo:rə`naintsəhondrzi:bnondrəizəç* (я родилась в тысяча девятьсот тридцать седьмом году) – информант употребляет порядковое числительное и ставит после него существительное «год», как этого требует русская модель, предлог «в» опущен; может звучать и такой вариант: *iç ben gbo:r on nuintsəhondrfinfontsvantsəç* (я родилась в 1925-м) – в данной конструкции информант употребляет перед числительным предлог «on» (*in*), отсутствующий в немецком, опускает слово «Jahr» (ср. [Байкова 2012]).

Рассмотренные выше случаи русско-немецкого языкового взаимодействия относятся исключительно к индивидуальной речи этнических немцев города Глазова. Однако, учитывая то обстоятельство, что контакты (в том числе и языковые) между немецкими поселенцами и русскоязычным населением осуществлялись практически повсеместно на территории России и бывшего СССР с момента появления первых немецких поселений, представляется возможным констатировать с большей долей вероятности, что факты, засвидетельствованные в идиолектах изучаемого региона, обладают известной универсальностью, отражая общие тенденции влияния русского языка на диалекты (идиолекты) этнических немцев на уровне слова, словосочетания и предложения.

Таким образом, говоры этнических немцев города Глазова рассматриваются в работе как идиолекты их носителей. Диалектное членение осуществляется по признаку преобладания в идиолектах верхненемецких или нижненемецких черт. Особое значение приобретает взаимодействие немецких идиолектов на межъязыковом уровне. Влияние контактных языков (русский, удмуртский языки) обнаруживается на всех уровнях. Особенно мощно русский язык вторгается в такие подсистемы немецких диалектов, как лексика и синтаксис. Исследование в городе Глазове показало, что для речи двуязычных представителей немецкого национального меньшинства характерны заимствования обозначений реалий и понятий, а также построение словосочетаний и предложений по русским моделям.

Сопоставление социолингвистических данных в рассматриваемом регионе свидетельствует о вытеснении немецкого языка. Из трех его разновидностей – литературный, обиходный, диалект – у российских немцев только последняя разновидность представлена собственно немецкими средствами коммуникации – идиолектами, хотя роль их ограничена сферой домашнего общения. Носителями и хранителями идиолектов являются представители старшего поколения этнических немцев.

Итак, при проведении социолингвистического и собственно лингвистического обследования российских немцев города Глазова нами был обнаружен ряд обстоятельств, способствующих достаточно высокой степени языковой ассимиляции немецкого населения в пользу русского языка. Наиболее важным представляется то обстоятельство, что в изучаемом регионе нет чистых немецких поселений, так как российские немцы представляют собой небольшую по численности этническую группу, они остаются на уровне одного из национальных меньшинств, рассеянных среди многонационального населения. Вторым важным обстоятельством следует назвать пестрый национальный состав города Глазова, в который входят абхазы, азербайджанцы, армяне, башкиры, белорусы, бесермяне, грузины, евреи, казахи, киргизы, коми-пермяки, марийцы, немцы, осетины, русские, таджики, удмурты, узбеки, украинцы, чеченцы, чувашаи и др. Именно это обстоятельство, являющееся следствием сосредоточения здесь полинациональных миграционных потоков послевоенного периода, способствовало превращению русского языка в язык межнационального общения для всех представленных в регионе этнических групп, в том числе и для немцев. Еще одним обстоятельством, не препятствующим языковой ассимиляции этнических немцев рассматриваемого региона, является отсутствие роли институтов, поддерживающих языковую компетенцию в отношении родного языка и способствующих его использованию в повседневной жизни.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Актуальная задача сохранения этнокультурного многообразия российской нации, оптимизации и гармонизации межнациональных отношений в современном российском обществе выдвигает в качестве первоочередных вопросов выяснение реального положения народов, современных этнических процессов, этнокультурных потребностей и запросов, определение тенденций этнического развития и эффективности осуществляемых мер в области этнокультурной политики.

Данная статья представляет результаты исследования параметров этнокультурной идентичности российских немцев города Глазова, проживающих в иноязычном, иноэтничном и иноконфессиональном окружении. В работе исследо-

ваны языковая ситуация, языковая компетенция, а также языковые традиции, прежде всего, проведен анализ языка как дистинктивного признака этнической идентичности российских немцев города Глазова. Языковую ситуацию в отношении немецкого языка можно рассматривать как явно несбалансированную, поскольку во всех коммуникативных сферах этнических немцев Глазова доминирует русский язык. Немецкий язык используется исключительно редко при общении в быту с родственниками, проживающими в Германии и не владеющими русским языком, а также в искусственно созданных ситуациях языкового общения (при организации и проведении некоторых мероприятий в рамках культурного общества «Wiedergeburt» и др.). Иначе говоря, в современных социокультурных условиях сохраняется лишь его экстралингвистическая ипостась: культура, традиции и обычаи, менталитет. На фоне «угасания» разговорного немецкого языка все же отметим, что представители этнической общины немцев Глазова активно привлекают детей к участию в национально окрашенных праздниках («Ostern», «Weihnachten» и др.), стараются учить детей немецкому языку.

Анализ результатов анкетирования российских немцев города Глазова по блоку вопросов, связанных с самовосприятием, личным самоопределением, дает возможность утверждать, что этническая идентичность немцев в городе Глазове отличается подвижностью. Она существенно отличается в группах в зависимости от возраста. В ходе исследования подтвердилась наша гипотеза об этноконсолидирующей роли параметра общности исторической судьбы как одного из доминантных параметров этнической идентичности российских немцев. Российские немцы связаны общими воспоминаниями о трудностях, лишениях, несправедливости депортации и последующих нелегких годах. Это создает мощное консолидирующее эмоциональное поле. Можно видеть его проявления в поколениях детей и внуков, которые интересуются семейной историей и знают ее, изучают немецкий язык, фольклор, знакомятся с традициями. Растет новое поколение немцев – полноправных граждан России.

В целом этническая идентичность представляет собой изменчивую, динамическую категорию. Проявление тех или иных дистинктивных признаков обусловлено как объективными причинами: политическая система, этническая политика государства, территориальное администрирование, так и личностно-субъективными причинами: мотивация сохранения языка, культуры, традиций. Российские немцы в абсолютном большинстве считают своей родиной Россию, что свидетельствует о ярко выраженной гражданской идентичности. Но при этом также большинство полагает, что российские немцы должны сохранять свои традиции, язык и историческое наследие. Это является свидетельством выраженной этнической идентичности (ср. [Орехова, Обухова 2009]).

ЛИТЕРАТУРА

Байкова 2017 – *Байкова О.В.* Русские заимствования в языке этнических немцев Кировской области как результат лингвокультурного контактирования // *Russian Linguistics*. 2017. Vol. 41. Issue 1. P. 43–60.

Байкова 2012 – *Байкова О.В.* Функционирование немецких диалектов в условиях меж- и внутриязыкового взаимодействия в рамках языкового острова (теоретические проблемы и полевые исследования в Кировской области): Автореф. дисс. ... доктора филол. наук. Киров, 2012.

Байкова 2009 – *Байкова О.В.* Немецкие островные диалекты в условиях языковой интерференции: Монография. Киров, 2009.

Задворнов 2000 – *Задворнов И.А.* Северный Кавказ: этнополитические и религиозные особенности социокультурной идентичности // Социс. 2000. № 10. С. 52.

Курске 2011 – *Курске В.С.* Множественная этническая идентичность: теоретические подходы и методология исследования (на примере российских немцев): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2011.

Обухова, Байкова, Орехова 2019 – *Обухова О.Н., Байкова О.В., Орехова Н.Н.* Этническая идентичность российских немцев: лингвокультурные маркеры: [монография]. Киров, 2019.

Орехова, Ивонина, Перевощикова 2008 – *Орехова Н.Н., Ивонина В.Н., Перевощикова Н.А.* Этнические немцы Глазова сегодня: Язык и культура // Актуальные проблемы немецкой островной диалектологии (памяти Г.Г. Едига): Материалы Всерос. науч.-практ. семинара, Красноярск 2–4 июня 2008 г. Красноярск, 2008. С. 109–119.

Орехова, Обухова 2012 – *Орехова Н.Н., Обухова О.Н.* Этносоциологическое направление в исследованиях лингвокультуры немцев Глазова (по материалам полевых исследований) // Два с половиной века с Россией (к 250-летию начала массового переселения немцев в Россию). Москва, 24–26 августа 2012 года. М., 2012. С. 38–47.

Орехова, Обухова 2010 – *Орехова Н.Н., Обухова О.Н.* Говоры этнических немцев Глазова (предварительные результаты полевых исследований) // Немцы новой России: Перспективы развития: Материалы 2-й междунар. науч.-практ. конф. 7–9 декабря 2009 г. М., 2010. С. 124–127.

Орехова, Обухова 2009 – *Орехова Н.Н., Обухова О.Н.* Полевые исследования говоров глазовских немцев: наблюдения и результаты // Материалы Всерос. науч.-практ. семинара. Красноярск, 2009. С. 105–113.

Прощина 2011 – *Прощина Е.Г.* «Неужели всегда нужно быть настолько немцем?»: иронический контекст немецкой идентичности в романе Д. Кельмана «Измеряя мир» // Вестник нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. Н. Новгород, 2011. № 6. Ч. 2 (т. 2).

Сержанова 2004 – *Сержанова Ж.А.* Проблема выбора языкового варианта на примере речевого поведения немцев Сибири // Немцы в Сибири: История, язык, культура: Материалы междунар. науч. конф., г. Красноярск, 13–16 октября 2004 г. / Ред. В.А. Дятлова. Красноярск, 2004. С. 194–199.

Тощенко, Чаптыкова 1996 – *Тощенко Ж.Т., Чаптыкова Т.И.* Диаспора как объект социологического исследования // Социс. 1996. № 12. С. 37.

Швейцер, Никольский 1978 – *Швейцер А.Д., Никольский Л.Б.* Введение в социолингвистику: Учеб. пособие. М., 1978.

Шепталин 1996 – *Шепталин А.А.* Немцы в Вятско-Камском регионе (историко-этнографические очерки): Дисс. ... канд. филол. наук. Ижевск, 1996.

Orekhova, Baykova, Obukhova 2014 – *Orekhova N.N., Baykova O.V., Obukhova O.N.* German Ethnic Minority in Glasov and in the Kirov Region: Field Research of Ethnic Identity // World Applied Sciences Journal. 2014. Vol. 31. № 8. P. 1531–1534.

АДАПТАЦИЯ КРЫМСКИХ ТОПОНИМОВ В ЯЗЫКЕ МЕННОНИТОВ

Л.А. Долгополова

Обращение к истокам языкового наследия способствует углублению знаний о языке и культуре народов. Несмотря на бурное развитие новых лингвистических направлений, формирующихся на стыке языкознания с другими гуманитарными и негуманитарными науками, исследования сравнительно-исторического характера все же остаются в приоритете языкознания. Сегодня историко-лингвистические исследования все в большей степени приобретают меж- и полидисциплинарный характер, при котором используются наработки исторической социолингвистики и лингвопрагматики, лингвокультурологии и др.

Топонимическая система Крыма по историческим меркам является одной из старейших в Европе. В ней закреплены факты проживания многочисленных этнических культур разных исторических эпох, дающие богатый материал для исследования специфики формирования региональной топонимии различными этносами, а также особенностей их взаимодействия и взаимопроникновения. Стоит также отметить, что за последние три столетия топонимика полуострова пережила нескольких процессов переименования административных и географических объектов. Они были вызваны сменой политической обстановки в стране, но в большей мере – изменением этнического состава Крыма.

Среди народов, проживавших в Крыму в XIX–XX вв., были выходцы из немецкоязычных регионов Европы. В 1803 г. около 200 семей из Вюртемберга, Unterelsaß, Rheinbaiern und Baden по морю прибыли в Одессу. 60 семей продолжили свой путь в Крым. Это были лютеране, малая часть – католики [НВ 1960: 34].

Через полсотни лет в Крыму появились и дочерние колонии меннонитов из Хортицы. Постепенно количество меннонитских поселений увеличивалось, и к концу 1926 г. в Крыму насчитывалось свыше 70 населенных пунктов (сел и хуторов), где проживало 5,233 тысяч меннонитов [НВ 1960: 36], преимущественно в степной части полуострова.

В отличие от других поселений на юге российской империи, где меннониты проживали компактно, их поселения в Крыму были рассредоточены по всей территории. Многие из семей меннонитов преднамеренно покупали отдаленные участки земли, где строили дома и создавали хутор 'Gut'. Часто на таком участке находилось четыре-пять домов, и такой хутор обязательно получал собственное название.

История появления колонии меннонитов имела следующие особенности.

1. Меннонитские поселения появились в Крыму гораздо позже, чем немецкие поселения лютеран и католиков. Первые католико-лютеранские колонии были созданы в первом десятилетии XIX в., меннонитские относятся к 60–80-м гг.

XIX в. Известно, что первые четыре поселения меннонитских колонистов созданы в 1860 г. по окончании Крымской войны.

2. Если немецкоязычные католики и лютеране приехали на полуостров из Европы, то меннониты в основном прибывали в Крым из южных областей Российской империи, создавая в Крыму дочерние колонии '*Tochterkolonie*', а это значит, что они уже были знакомы с культурой южных регионов России и в различной степени владели русским языком.

Меннониты стремились сохранить свой язык, который они сами называли «плотдич». Языковые контакты с другими народами оказали влияние только на лексический состав [Найдич 2020: 31]. Отметим также и тот факт, что в первые десятилетия своего пребывания на территории Российской империи все немецкие колонисты освобождались от обязательного изучения русского языка. После введения в школьную систему обязательного изучения государственного языка знания русского языка у колонистов были слабыми [Велицын 1890: 143].

Значительная часть крымских меннонитов покинула полуостров в начале XX в. и переехала в Канаду или Германию; оставшиеся были высланы в начале Великой Отечественной войны в Сибирь, на Дальний Восток или Казахстан. В 1950 г. в Штутгарте было создано общество «Землячество немцев из России» (*Landsmannschaft der Deutschen aus Russland*), в задачи которого входило «понимание собственной истории и культуры» [Самсонова 2016: 57]. Бывшим российским немцам предлагалось поделиться воспоминаниями о своей жизни в российских регионах. Благодаря записям, оставленным крымскими меннонитами, и их потомками в виде заполненных анкет, писем или рассказов, мы имеем ценный материал, свидетельствующий в том числе о лингвокультурологических особенностях формирования топонимики мест проживания. Наиболее ценным в этих записях представляется воспроизведение тех топонимов, которые были распространены среди самих колонистов и их потомков.

Выбор материала исследования обусловлен тем, что воспоминания представляют собой историческую память, в которой сохраняется специфика восприятия и передачи культурно-исторических ценностей, а также фактов иноязычной культуры.

В работе мы используем следующие источники:

- материалы сайта *Chortitza. Mennonitische Geschichte und Ahnenforschung. Krim Kolonie* (<https://chortitza.org/FB/D0713.html> [Chortitza]). Сайт содержит данные, предоставленные крымскими меннонитами, проживающими сегодня в различных регионах мира. Информационная страница включает названия населенных пунктов, дату их создания, местонахождение на современной карте Крыма и дополнительные источники сведений, в том числе полученные на основе анкет, разработанных администраторами сайта. Данный ресурс представляет наиболее ценный материал для исследования адаптационных процессов иноязычных топонимов, поскольку включает всевозможные варианты названий населенных пунктов, распространенных среди крымских меннонитов;
- *Die Krim war unsere Heimat* [Die Krim 1977]. Книга воспоминаний бывших крымских колонистов-меннонитов, проживающих в государствах Северной и Южной Америки; составлена Мартином Дурксом (Martin Durksen) в 1977 г. Орфография топонимов, полученных от информантов, также сохранена; представляет также ценный материал о крымскотатарских и русских заимствованиях в языке меннонитов, описания их быта.

Для уточнения спорных или неясных данных были также привлечены справочные материалы:

- *Verzeichnis der deutschen Siedlungen auf der Halbinsel Krim, bearbeitet von Dr. K. Stumpp und Th. Eisenbraun* [НВ 1960: 182–190]. В списке указаны в алфавитном порядке все немецкоязычные поселения, включая часть хуторов, название административного района, церковного округа для лютеранских и католических поселений, конфессиональная принадлежность (лютеране / католики / меннониты), год основания населенного пункта, количество жителей 1918/1926 гг. и др.;
- *Ortsverzeichnis der Krim mit ortsweisen Nationalitätenangaben nach der Zählung vom 17. Dezember 1926* [OV 1944];
- *Die Deutschen Russlands. Siedlungen und Siedlungsgebieten. Moskau, 2006* [НР 2006];
- *Немецкие населенные пункты в СССР до 1941 г., Москва, 2002 г.* [ННП 2002];
- *Топонимика Крыма 2010, Симферополь, 2010* [ТК 2010].

Формирование топонимики немецкоязычных поселений в Крыму проходило длительно и обладало определенной спецификой. Переселенцы в подавляющем большинстве случаев обживали населенные пункты, имеющие административно закрепленные названия, чаще всего крымскотатарского происхождения. На момент появления в Крыму первых поселений меннонитов согласно *Списку населенных мест Российской Империи. Таврическая губерния. 1865 г.* топонимия полуострова состояла преимущественно из названий крымскотатарского происхождения [АТП 1999: 142–228].

По воспоминаниям самих колонистов, их соседями на тот момент были евреи, крымские татары и русские [Die Krim 1977: 25].

Данные сайта *Chortitza* указывают на то, что меннонитские поселения в Крыму преимущественно обладали полиномией. Из 70 названий списка, представленного сайтом, только 21 топоним не имел дополнительных имен. Среди них топонимы немецкого происхождения: *Neusatz, Marienruh, Hoffnungsberg, Annenfeld*, в числе которых крупные смешанные поселения, где проживали немецкоязычные колонисты лютеранского вероисповедания, которые прибыли в Крым ранее, напр. *Neusatz*. Этот населенный пункт к моменту появления там меннонитов уже имел закрепленное немецкое название. Лютеране и католики по прибытии стремились переименовать свое новое поселение, давая ему чаще всего название той местности или города, откуда они приехали, напр.: *Цюрихталь, Кроненталь, Гейльбрун, Эльзас, Карлсруе, Люксембург, Богемка* и др.

Топонимы *Marienruh, Hoffnungsberg, Annenfeld* – это имена хуторов, создаваемых самими меннонитами, и они изначально получали немецкие названия. Остальные топонимы имеют крымскотатарское происхождение, как *Burnasch, Bachschill, Bakschaj, Barak, Busul, Karassan, Kirk, Spat* и др. или русское: *Васильевка, Зеленая, Сафроновка*.

Часть топонимов, указанных в источниках, не подлежит идентификации, что может быть вызвано либо сильным искажением иноязычного топонима в записях меннонитов, либо весьма ограниченным распространением среди самих меннонитов и других жителей полуострова.

Процесс создания полиномии топонимии меннонитских поселений проходил таким образом:

1) населенный пункт получает собственное название, которое широко употребляется среди колонистов, но не носит официального характера, напр.: Нейфриденталь – офиц. *Булачи*, Фрейденталь – офиц. *Окречь*, Адамсфельд – офиц. *Джелал* и др. Такие топонимы используются в различных источниках как имена-дублиеты, в некоторых случаях функционируют как основное название;

2) населенный пункт сохраняет иноязычное название, но к нему добавляется идентификатор *немецкий / deutsch*, напр.: Бюок-Кабан немецкий, Кирк немецкий, Дейч-Кутюке и др. При этом при передаче топонима на немецкий язык сохраняется русское слово в немецкой транслитерации, напр.: *Ischung-Nemetzky*; в записи на русском языке может сохраняться идентификатор *дейч*: Дейч-Кутюке, Дейч-Ишунь;

3) крымскотатарское название населенного пункта калькируется на немецкий язык, напр.: Ак-Сакал '*Weißer Bart*'; Ак-Кобек '*Weißer Hund*'; Бешаран '*Fünf Brunnen*'. Такой процесс носит ограниченный характер, так как механизмы образования топонимии в крымскотатарском и немецком языках не имеют полного совпадения.

Причинами адаптации, а также смены иноязычных топонимов меннонитами, проживающими на полуострове, могут быть:

1) неудобопроизносимость иноязычных названий. Русский и крымскотатарский язык относятся к славянской и тюркской языковым группам и имеют значительные расхождения фонетической и морфологической базы с германскими языками;

2) громоздкость иноязычных названий. Русские и крымскотатарские названия, как правило, многосложны и обладают непрозрачной для германской лингвокультуры структурой;

3) стремление к закреплению топонима за своей лингвокультурой. Немецкое название – знак проживания в населенном пункте немецкоязычных жителей. При этом меннониты стремились также отгородиться от немецких колонистов другого вероисповедания. В отличие от немецкоязычных лютеран и католиков они создавали топонимы, отражающие географические особенности местности, напр.: *Ebenfeld, Hochfeld, Schöntal* [Die Krim 1977: 28–34]; один из компонентов мог содержать фамилию / имя хозяина земельного участка, на котором располагался населенный пункт, напр.: *Wiebental, Lustigstal, Phillipstal*;

4) маркирование религиозного характера проживающей общины. Меннониты часто давали населенному пункту имя наиболее почитаемого брата по вере или односельчанина, напр.: с. Иоганнисру названо в честь одного из богатейших меннонитов юга Российской империи Иоганна Корниса [Die Krim 1977: 26]. В названия также включались и другие религиозные маркеры, как «брат», «сестра», напр.: *Bruderfeld, Schwesterthal / Schwesterdorf / Schwesterfeld*;

5) изменение исторических условий. Во время Первой мировой войны многим селам, имеющим немецкие названия, были возвращены исконные крымскотатарские или присвоены русские названия. В речи колонистов при этом сохраняются старые и используются новые названия населенных пунктов.

Чаще всего многоименность населенного пункта появляется в результате адаптации крымскотатарских и русских топонимов, в результате возникают дополнительные названия. Как правило, принятие лингвокультурой иноязычной лексики сопровождается ассимиляционными процессами, характерными для языка-реципиента. Язык меннонитов имеет свои особенности, отличающие его от Hochdeutsch. Он относится к прусскому типу нижненемецких диалектов, но

окончательно он сформировался на юге России в виде двух диалектов: хортицкий плотдич и молочанский плотдич [Найдич 2020: 31]. Наиболее детально язык меннонитов описан в работах Л.Е. Найдич, Е.А. Либерт на материале фольклорного и диалектического архива В.М. Жирмунского [Найдич 2020:], а также в работах И.А. Бахмутовой [Бахмутова 2012], Е.А. Либерт [Либерт 2016; 2019].

В языке меннонитов иноязычные топонимы ассимилируются на фонетическом, графическом и морфологическом уровнях.

ВИДЫ ФОНЕТИЧЕСКОЙ / ГРАФИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ТОПОНИМОВ

Замена согласных звуков. Чаще всего происходит замена глухих согласных [t] и [k] на звонкие парные, напр., /t/ < /d/: Спад ‘Спат’, Adartschik / Aderchik ‘Отарчик’; /k/ < /g/: Kodagaj / Kadagai / Kodagei / Кодагай ‘Кадыкой’. Встречаются также и случаи замены звонких [d] и [g] на парные глухие [t] и [k], напр., /d/ < /t/: Kotagaj / Kafagay ‘Кадыкой’, Tschambuldi ‘Джамбулду’; /g/ < /k/: Okus-Tebe ‘Огуз-Тобе’. Этот вид замены свойственен плотдич, в котором отсутствует второе передвижение согласных (*p-t-k*) [Либерт 2016: 38].

Употребление парного глухого согласного вместо звонкого характерно также для звука [v]: Danilofka ‘Даниловка’. Отметим также единичные случаи замены непарных звуков, как /t/ < /p/: Apartschick ‘Отарчик’; /k/ < /x/: Axtachi-Buzau ‘Бузав-Актачи’; /n/ < /m/: Olgase-Kamrat ‘Алгазы-Конрат’; /h/ < /g/: Ferngejm ‘Fernheim’; /g/ < /r/: Dshara-Schekh-Eli ‘Джага-Шейх-Эли’; /l/ < /b/: Jabantusch ‘Яланташ’; /r/ < /s/: Tesekly-Ischun, Тесеклы-Ишунь ‘Тереклы-Ишунь’. Замена немецкого /h/ в начальной позиции на щелевой /g/ является результатом «русифицированного произношения», приобретенного в процессе овладения меннонитами литературным немецким языком через опору на русский язык [Бахмутова 2012: 126].

Замена гласных звуков. В этом процессе задействованы звуки [a], [o], [i], [u], [e], которые существуют в крымскотатарском, русском и немецком языках и звук [ы], отсутствующий в немецком языке. Чаще всего заменяются гласные [a] и [o], напр.:

/a/ < /i/: Adschi-Imbet / Аджи-Имбет ‘Аджи-Мамбет’ Japuntschi ‘Япунджа’;

/a/ < /e/: Adshembet / Аджембет ‘Аджи-Мамбет’, Бешеран ‘Бешаран’, Montenai ‘Монтанай’;

/a/ < /u/: Jaluntusch / Ялунтуш / Ялантуш ‘Яланташ’;

/a/ < /o/: Baragon ‘Бораган’, Donilowka ‘Даниловка’;

/o/ < /u/: Karatubel ‘Кара-Тобель’, Tikulchak ‘Токульчак’;

/o/ < /a/: Baragan / Бараган ‘Бораган’, Мантанай-Эльгеры ‘Монтанай’, Tschakmack ‘Чокмак’;

/o/ < /e/: Okus-Tebe ‘Огуз-Тобе’;

Реже встречается замена звуков [e], [u], [i] и [ы], напр.:

/e/ < /a/: Mara ‘Маре’, Minlartschick ‘Менлерчик’;

/e/ < /i/: Timir Bulat ‘Темир-Булат’, Минлерчик / Minlartschick ‘Менлерчик’;

Kutyuki / Kutjuku / Kutjuki Deutsch ‘Кютюке’;

/u/ < /a/: Катюке ‘Кютюке’;

/u/ < /o/: Токульчак ‘Токульчак’, Moni ‘Муни’;

/i/ < /e/: Дейч-Кютюке / Deutsch-Kutjuka ‘Кютюки’;

/ы/ < /a/: Sarabasch ‘Сары-Баш’.

Замену долгих гласных [a] и [e] можно объяснить общегерманской тенденцией к их сужению /a:/ < /o:/ < /u:/ и /e:/ < /i:/, которая сопровождалась многочисленными колебаниями в произношении [Либерт 2019 : 35].

Отметим также замену сочетания звуков [ав] в крымскотатарских топонимах немецким дифтонгом [œ], передаваемым на письме сочетанием *au*: Aktatschi-Busau 'Бузав-Актачи', Tschongrau 'Чонграв'. Наблюдается также дифтонгизация долгого звука /ɔ:/ < /au/ у топонима Augus-Tobe / Аугустебе 'Огуз-Тебе'. В русском варианте топонима обнаруживаем дополнительный звук [т], что делает название созвучным с немецким именем Аугуст. Этот факт подтверждает также и наличие сокращенного топонима *Густебе*: *Аугуст* < *Густав*.

Графические знаки. Письменная фиксация в языке меннонитов опиралась на максимальное сближение с нормами немецкой орфографии [Либерт 2019: 35]. Расхождения в написании одного и того же топонима в первую очередь связано с передачей отсутствующих в немецком языке звуков, напр.,

[ж] (чаще всего в сочетании с [d]) передается буквенными сочетаниями:

sh: Adshambet 'Аджи-Мамбет', Japundsha 'Япунджа', Dshaga-Schejch-Eli 'Джага-Шейх-Эли';

ch: Yarpuntchi 'Япунджа';

sch: Adschambet 'Аджи-Мамбет';

zch: Dzchaga-Shekh-Eli 'Джага-Шейх-Эли';

буквой *j*: Kuru-Djaga-Scheich 'Джага-Шейх-Эли', Karakudja 'Кара-Годжа'.

[ы] передается буквой *y*: Baschlytscha 'Башлыча', Sary-Pascha 'Сары-Паша-Чокмак' или буквой *i*: Buslitscha 'Башлыча', Sari-Pasha-Chokmak 'Сары-Паша-Чокмак'.

При передаче звука [ю] употреблялись как буквенные сочетания *ju*: Katjuka 'Кутюке', Vijuk-Busaw 'Бюк-Бузав'; *yu*: Kutjuk 'Кутюке', Viyuk-Busau 'Кутюке', Djujmen 'Дюрьмень', так и буква *u*: Kutuki 'Кутюке'.

Наблюдается вариативность воспроизведения существующих в немецком языке звуков, которые на письме передаются буквенным сочетанием, напр.: [ʃ] воспроизводится через *sch* и *sh*: Sary-Pascha / Sari-Pasha-Chokmak 'Сары-Паша-Чокмак', Alt-Schirin / Shirin 'Ширин'.

Звук [ч] на письме может быть выражен буквенным сочетанием *ch*: Alach 'Алач', Aderchik 'Отарчик', Sari-Pasha-Chokmak 'Сары-Паша-Чокмак', Tukulchak 'Токульчак', Menlerchik 'Менлерчик'; или, согласно орфографическим нормам немецкого языка, как *tsch*: Alatschi 'Алач', Adartschik 'Отарчик'.

Отметим вариативность передачи звука [й] в сочетании с гласными звуками [a] / [e]: Kodagaj / Kadagai / Kodagei / Katagay 'Кадыкой', Dshaga-Schejch-Eli / Dshaga-Scheich-Eli 'Джага-Шейх-Эли', Montanaj / Busau-Montenai 'Монтанай'.

Звук [ja] также на письме имеет неоднозначное соответствие, напр.: Jalantasch / Yalantusch / Ialantush 'Яланташ Новый'.

Процесс онемечивания характерен для звука [n], находящегося в конечной позиции. На письме к нему добавляется буква [g], что, по видимости, отражает гуттурализацию [n] < [ŋ]: Menglertschik 'Менлерчик', Ischung-Nemetzky 'Ишунь Немецкий', Djurmeng 'Дюрьмень'; у топонима Barangan, напротив, перед звуком [g] появляется *n*.

Знак *j* употреблялся для обозначения палатализованного *n*: Vijuk-Kabanj 'Бюк-Кабан Немецкий', Dshurmenj 'Дюрьмень'. Как отмечают исследователи плотдич, палатализация согласных являлась яркой чертой языка меннонитов, а *j* счи-

тался информантами-меннонитами, участвующими в заполнении анкет, показателем «мягкости» [Найдич 2020: 32].

Использование удвоения согласных для передачи краткого предыдущего гласного, как в топонимах *Ottartschik* ‘Отарчик’, *Kiatt* ‘Кият’, *Scheich Elli* ‘Джага-Шейх-Эли’, *Tokull-Tschak* ‘Токульчак’, скорее всего, связана с правилами орфографии меннонитов, ныне проживающих в Канаде, где они признаются отдельной этнической группой со своим языком. В 1984 г. в Канаде Х. Ремпелем был издан словарь, регулирующий правила написания на плотдич [Rempel 1984].

Отметим еще два случая передачи согласных *t* в сочетании с буквой *h*: *Schwesterthal* ‘Швестерталь’, *Wiebenthal* ‘Вибенталь’; и конечного *k* в сочетании с буквой *s*: *Apartschick* ‘Отарчик’, *Beckbuslatschi* ‘Бек-Болатчи’, *Tokultschack* ‘Токульчак’; в топониме *Minlartschic* ‘Менлерчик’ звук [к] передается одним знаком *s*, что в большей степени характерно для английского языка.

Морфологическая адаптация. Для крымскотатарской топонимики характерные сложные названия, как, напр., *Бюок-Бах*, где *бюок* (кртат. *бююк*) – ‘большой’, *бах* (кртат. *багъ*) ‘виноградник’ [ТК 2010]. Начиная с *Камерального описания Крыма 1784 г.* и *Списка населенных мест Российской империи. Таврическая губерния. 1865 г.*, сложные крымскотатарские топонимы подаются через дефис [АТП 1999]. В рассматриваемых нами списках населенных пунктов меннонитов такое написание в целом сохраняется. В то же время выделяются такие случаи его нарушения:

1) перестановка компонентов сложного топонима: Мамбет-Аджи / Аджи-Мамбет; *Aktatschi-Busau* / *Busav-Atkachi*; Эссенбах-Ишунь / Ишунь-Эссенбах; *Tok-Saba-Kutschuk* / *Kutschuk-Tok-Saba*; *Elgeri Montanai* / *Montanaj-Elgeru*. В сложных названиях, где один из компонентов идентификатор «deutsch», также наблюдается его перемещение как в начальную, так и финальную позицию: *Deutsch-Kutjuke* / *Kutjuki Deutsch*. Неясно, характерен ли это процесс только для немецкоязычных жителей Крыма, но в указателях новых и старых наименований населенных пунктов Крыма топонимы с такой перестановкой не фиксируются.

2) отсутствие дефиса в сложных топонимах: *Temir Bulat*, *Elgeri Montanai*, *Kurt Itschki*, *Scheich Elli*; и наоборот, дефис добавляется в сложном топониме, где его изначально не было: *Tokull-Tschak*;

3) слитное написание сложных названий *Dortkul*, *Sarybasch*, *Sarabasch*, *Beckbuslatschi*, *Kurtitschky*;

4) стяжение: *Adschambet* / Аджамбет / Аджабет ‘Аджи-Мамбет’, *Schichel* ‘Джага-Шейх-Эли’, *Terkle* ‘Тереклы-Шейх-Эли’, *Semistka* ‘Семисотка’;

5) добавление конечного *i*: *Alatschi* ‘Алач’.

Искажение. В списке топонимов присутствуют также искаженные названия поселений, по всей видимости возникшие в результате неверно услышанного имени или попытки сделать иноязычную номинацию более удобной для употребления. Среди таких топонимов выделим следующие: *Achubet* / *Dshamitschi*, ‘Аджи-Мамбет’, *Bosletchie* / *Buslachik* / *Buslitscha* / *Bosletchie* ‘Башлыча’, *Menlerdshuk* / *Menlerdsduk* / *Minlartschick* ‘Менлерчик’. Топонимы *Falantush* ‘Яланташ’, *Филлррсталь* ‘Филиппсталь’, *Seienaja* ‘Зеленое’ скорее всего изначально были ошибочно написаны самими информантами.

Часть зафиксированных в источниках названий не подлежит идентификации в первую очередь из-за сильно искаженного написания или малоупотребительного характера, что не позволило зафиксировать топоним в каких-либо официальных источниках. Среди таких названий встречаются топонимы немецкого происхож-

дения, как *Hoffnungsberg, Kronsgarten / Kronsgart*; иноязычные *Andraevka / Andrajewka; Arkaschin / Aschaja / Aschaya, Bachschill / Bubschik, Dsanbore / Usnajak* и др.

Адаптации или переименованию в первую очередь подвергались сложные топонимы крымскотатарского происхождения. Так *Кутюке Немецкое* на сайте *Chortitza* насчитывает 12 вариантов названий, среди которых 1 немецкого происхождения: *Alexanderfeld*; остальные 11 – фонетически / графически и морфологически адаптированные иноязычные названия: *Kutjuki, Kutjuki Deutsch, Deutsch-Kutjuke, Kutjiewka, Kutjewka, Kutievka, Kutuki, Kutuyuki, Kutjuku, Katjuke, Камюке*.

Меннонитско-лютеранское поселение *Аджу-Мамбет* располагает двумя именами немецкого происхождения – *Friedenstein* и *Bechtle*, девятью вариантами крымскотатарского названия: *Adshi-Mambet / Adschambet / Adshambet / Adshembet / Adesembet / Dshamitschi / Achubet / Аджабет / Adshi-Imbet*. Также 9 фонетическо-графических вариантов насчитывает топоним *Менлерчук*: *Menglertschik / Menlerchik / Menlerchick / Menglertschnik / Minlertschick / Minlertschik / Menlerdshuk / Menlerdsduk / Minlartschick*.

Остальные топонимы на сайте *Chortitza* имеют в среднем от 4 до 6 вариантов именования.

Анализ топонимов меннонитских поселений выявил наличие следующих групп.

Топонимы немецкого происхождения

Более крупные поселения – сёла, деревни – имели сложные названия, образованные по правилам словосложения существительных немецкого языка: *Alexanderfeld, Annenfeld, Bruderfeld, Ebenfeld, Ettingerbrunn, Franzfeld, Fernheim, Freidorf, Friedenstein, Hochfeld, Johannesruh, Lustigstal, Meinfeld, Marienfeld, Philipps-tal, Schöntal, Schottenruh, Schwesterthal / Schwesterdorf / Schwesterfeld, Wiebental*. Чаще всего основным компонентом выступают «-feld» ‘поле’ и «-tal» ‘долина’, отражающие особенности местного рельефа, что характерно для образования топонимов в целом. Среди определяющих компонентов распространены имена собственные *Alexander, Anna, Franz, Johann, Lustig, Maria, Philipp, Wiebe*. Как уже было сказано выше, такие названия были связаны с наиболее почитаемыми меннонитами главами общины или владельцами земли, на которой находилось поселение. Отметим, что населенные пункты колонистов других конфессий также часто носили имя *Александр* в честь российского императора Александра I, что было распространено среди пиетистов из немецкого города Вюртемберг. Пиетисты отвергали внешнюю церковную обрядность, призывали к углублению веры. Переезд в Россию в начале XIX в. они совершили по религиозным мотивам, поскольку считали, что мистически настроенный император Александр I хотел таким образом укрепить веру в своем государстве.

Наличие тройного имени с компонентом *Schwester* ‘сестра’ – *Schwesterthal / Schwesterdorf / Schwesterfeld* – говорит о неустойчивом характере данного топонима, о колебании выбора жителями базового элемента композита для именования населенного пункта.

Имя владельца особенно четко прослеживается в названиях меннонитских хуторов, напр.: *Bechtle, Cornies, Danilowka, Dinzer, Fast, Golderbein, Gossen, Meier, Martens, Pennner, Ramchen, Roth, Schneider, Schröder, Seibel, Wall*. Меннонитские хутора нередко дополнительно получали название близлежащего населенного пункта; иногда происходила смена названия, если у него появлялся новый хозя-

ин. На картах Крыма и в перечнях наименований населенных пунктов подавались двойные / тройные названия, напр.: «САЛГИРКА (также Валла К.К. / Wall, Фаста Г.Г. / Fast), до 1917 – Таврическая губ., Симферопольский у., Табулдинская вол. (в наст. время – Республ. Крым, Красногвардейский р-н). Менн. хутор. К сев.-вост. от Симферополя. Назв. по р. Салгир. Жит.: 44 (1915)» [НР 2006: 447].

У населенного пункта с иноязычным именем могло быть два хозяина. В этом случае каждая из половин селения получала имя хозяина, которое добавлялось к официальному топониму, напр.: Япунджа-*Мейер* и Япунджа-*Ротт*.

СОСТАВНЫЕ НАЗВАНИЯ ИЗ ИНОЯЗЫЧНОГО И НЕМЕЦКОГО ИМЕН

Наиболее распространенными являются составные названия с национальным маркером *Deutsch* / дейч / немецкий, который добавлялся к официальному топониму, напр.: *Kutjuki Deutsch* / *Deutsch-Kutjuke* / *Дейч-Кутюке*, *Чуча немецкая*, *Дейч-Ишунь*, *Бюк-Кабан-немецкий*, *Бараган немецкий*, *Яланташ немецкий*, *Ширин немецкий* / *Deutsch-Alt-Schirin*. Маркер часто занимает постпозицию (*Kutjuki Deutsch*), что нехарактерно для немецкого языка, но приемлемо для русской топонимики. Указание на этнический характер населения в целом был типичен для Крыма конца XIX – начала XX в. На карте Крыма 1926 г. можно увидеть и другие этнические маркеры, напр.: *Джанкой немецкий*, *Джанкой греческий*, *Джанкой русский* или *Кринички болгарские*, *Кринички греческие*; *Тюмень немецкий*, *Тюмень русский*, *Тюмень татарский* [АТБ 1999: 17–45].

СОСТАВНЫЕ НАЗВАНИЯ С КОМПОНЕНТОМ NEU-

Элемент *neu-* добавлялся к иноязычному названию. Такой прием достаточно распространен в образовании новых топонимов как в русском, так и немецком языках. Для меннонитских поселений специфичным является его использование не для именования новых поселений, а для указания, скорее, новых обитателей, напр.: *Neu-Jalantush* / *Ней-Яланташ*, *Neu-Telentschi* / *Ново-Теленчи*, *Ней-Чонграв*. В списках встретился также компонент *alt* ‘старый’ в топониме *Alt-Schirin*, который в некоторых источниках подается одновременно с национальным маркером *Deutsch-Alt-Schirin*.

Стоит также отметить, что искаженные формы топонимов попадали в официальные списки. Так, в немецких изданиях о Крымской топонимике употребляется *Kutjuke (deutsch)* [OV 1944]; *Kutjuke-Nemezk* [DDK 1942], *Kutjuki* [НВ 1960]. В последних двух случаях мы имеем дело с транслитерацией разговорных вариантов топонима. Составитель карты немецких поселений Виктор Пекау транслитерирует русский вариант маркера – *Кутюке Немецкий* [DDK 1942].

Проведенный анализ топонимов немецких колонистов-меннонитов в Крыму демонстрирует, что восприятие элементов «чужой» культуры и их адаптация представляют сложный и многомерный процесс, для изучения которого недостаточно знаний и методологии одной дисциплины.

Для осознания общего и специфического в адаптации элементов иноязычной культуры необходимы в первую очередь исторические знания, которые помогают воссоздать условия восприятия или отторжения «чужого».

Исторические условия для меннонитов в Крыму складывались таким образом, что им приходилось в большей степени обживать населенные пункты, закрепленные за другой лингвокультурой или лингвокультурами.

Наличие поликультурного пространства усложняло восприятие, поскольку участвовал фактор опосредованного влияния культуры, чаще всего топонимия крымскотатарского происхождения подавалась в интерпретации русскоязычного населения. Для анализа таких кросскультурных явлений необходимо привлекать методы и приемы этнографии, культурологии.

При исследовании условий формирования топонимической номенклатуры Крыма определенного периода важны также знания регионоведения, которые помогают в полной мере воссоздать культурную карту полуострова и выявить причины национального своеобразия употребления тех или иных названий населенных пунктов.

Как видим, лингвистика для достижения поставленной нами цели дает нам широкий диапазон знаний по истории языка, лексикологии, теории перевода, но этих знаний оказывается недостаточно. Только при междисциплинарном подходе мы можем утверждать, что вариативность топонимии в воспоминаниях бывших немецких колонистов полуострова обусловлена целым рядом исторических, региональных, культурных, религиозных и языковых особенностей.

Поликультурное пространство Крыма на период их заселения преимущественно создавали тюркские и славянские народы, лингвокультура которых значительно отличалась от немецкоязычной.

Адаптация иноязычных топонимов была неоднородной и зависела от религиозной принадлежности колонистов (лютеране / меннониты), а также от времени их появления на полуострове. В целом анализ названий меннонитских населенных пунктов показывает, что изменение топонимической ситуации проходило в двух направлениях: 1) полное сохранение основы существовавшей топонимии преимущественно крымскотатарского происхождения и образование нового пласта на немецком языке / плотдич, 2) приспособление иноязычных топонимов к своему языку в виде фонетической / графической и морфологической адаптации.

Выбранный нами для анализа топонимов материал – воспоминания бывших жителей Крыма и их потомков – свидетельствует о том, что не отредактированная письменная разговорная речь в большей степени демонстрирует адаптационные процессы, происходящие при восприятии и воспроизведении явлений другой культуры, отражает адаптационные механизмы «чужого».

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения полученных результатов в процессе преподавания ряда гуманитарных дисциплин, а также при создании различных материалов по регионоведению. Нам представляется важным дальнейшее изучение процесса адаптации и интерференции своей / иной лингвокультуры в поликультурном регионе.

ЛИТЕРАТУРА

1. ИСТОЧНИКИ (ИЗДАНИЯ ТЕКСТОВ, КОРПУСЫ ТЕКСТОВ)

Die Krim 1977 – Die Krim war unsere Heimat. Zusammengestellt von Durksen Martin. Winnipeg, Manitoba, 1977. URL: https://openlibrary.org/books/OL26530452M/Die_Krim_war_unsere_Heimat

НВ 1960 – Heimatbuch der Deutschen aus Rußland. Bearb. Von Dr. Karl Stumpp, Stuttgart, 1960.

Weigun 1990 – *Weigun D. Damals auf der Krim*, Stuttgart, 1990.

2. НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА, СЛОВАРИ

АТП 1999 – Административно-территориальные преобразования в Крыму. 1783–1998 гг. Справочник. Симферополь, 1999.

Бахмутова 2012 – *Бахмутова И.А.* Лингвистические и социолингвистические особенности литературного немецкого языка российских немцев-меннонитов Омской области // Вопросы языкознания. 2012. № 3. С. 122–144.

Велицын 1890 – *Велицын А.* Немецкое завоевание на юге России // Русский вестник. 1890. Т. 206. Январь. С. 142–174.

Либерт 2019 – *Либерт Е.А.* Письменность языка меннонитов Plautdietsch // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17. № 3. С. 32–41.

Либерт 2016 – *Либерт Е.А.* Язык меннонитов Западной Сибири: к материалам очередной экспедиции / Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. Т. 14. № 1. С. 37–43.

Найдич 2020 – *Найдич Л.Э., Либерт Е.А.* Об изучении диалектов крымских меннонитских поселений (по материалам архива В.М. Жирмунского) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19. № 2. Филология. С. 26–39.

ННП 2002 – Немецкие населенные пункты в СССР до 1941 г.: География и население. Справочник / Сост. В.Ф. Дизендорф. М., 2002.

НР 2006 – Немцы России: населенные пункты и места поселения. Энциклопедический словарь / Сост.: В.Ф. Дизендорф. М., 2006.

Самсонова 2016 – *Самсонова Л.О.* «Землячество немцев из России» и его деятельность в современной Германии // Вестник АГУ. 2016. Вып. 1(174). С. 55–59.

ТК 2010 – Топонимика Крыма 2010: Сб. статей памяти И.А. Белянского. Симферополь, 2010.

DDK 1942 – Deutsche Karte Krim (1942). URL: <https://chort.square7.ch/FB/4/p64847.jpg>

OV 1944 – Ortsverzeichnis der Krim mit ortsweisen Nationalitätenangaben nach der Zählung von 17. Dezember 1926, Wien, 1944.

Rempel 1984 – *Rempel H.* Kjennt jie noch Plautdietsch? A Mennonite Low German Dictionary. Winnipeg, Manitoba, Canada, 1984.

3. ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ

Chortitza – Chortitza. Mennonitische Geschichte und Ahnenforschung. Krim Kolonie. URL: <https://chortitza.org/FB/D0713.html>

ОБЩЕРУССКОЕ СЛОВО *ДОХЛЫЙ*
И ДРУГИЕ ЛЕКСЕМЫ С КОРНЕМ *ДОХ/ДЫХ*
В АРХАНГЕЛЬСКИХ ГОВОРАХ:
ЯЗЫКОВАЯ И КУЛЬТУРНАЯ СЕМАНТИКА¹

А.Б. Коконова

Общерусское слово – это «исторически сложившаяся, генетически исконно русская языковая единица, активно функционирующая во всех подсистемах национального языка, являющаяся устойчивым общим, объединяющим словом в языковой системе, не имеющая территориальных и социальных ограничений» [Пак 2010: 14].

Коллектив кабинета диалектологии МГУ, много лет работающий над изданием «Архангельского областного словаря», к настоящему моменту имеет огромный опыт работы с семантикой общерусского слова в диалектном пространстве. Работы Е.А. Нефедовой, И.Б. Качинской, Е.А. Ковригиной, защищенные выпускные квалификационные работы, магистерские и кандидатские диссертации дают интереснейший материал для наблюдения за функционированием общерусского слова.

«Опыт работы над Архангельским областным словарем показывает, что общерусские слова, функционирующие в говорах, даже в своих исходных, непроемных значениях обнаруживают разнообразные отличия от литературного языка. Прежде всего это отличия сочетаемостного и ассоциативно-деривационного характера. Обычно общерусские слова имеют в говорах развитую семантическую структуру. В условиях устной речи при отсутствии жесткой кодифицированной нормы они раскрывают свои семантические потенции в производных значениях, отсутствующих в литературном языке», – пишет Е.А. Нефедова [Нефедова 2010: 93].

Развитие значений общерусского слова в диалектной системе часто основывается на культурных метафорах, существующих в сознании представителей языкового сообщества. Такие метафоры не осознаются говорящими, но продуцируют создание новых значений слова. Рассмотрим этот механизм на примере лексем с корнями *дох/дых*.

Дóхлой

В «Большом толковом словаре русского языка» под ред. С.А. Кузнецова у слова *дóхлый* фиксируется два значения:

¹ Исследование выполнено на материале архангельских говоров. В качестве источников используются «Архангельский областной словарь» [АОС], его бумажная и электронная картотеки [КАОС], [ЭКАОС]. Диалектные примеры даются в упрощенной транскрипции, принятой для «Архангельского областного словаря»; при контекстах дается указание на район Архангельской области, где была произведена запись. Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ (номер проекта № 23-18-00027 от 15.05.2023 г. Архангельский областной словарь: вып. 24, 25, 26).

1. *Издохший, мёртвый* (о животных, насекомых). Дохлые мухи. Дохлая крыса. Дохлая кошка. Дохлая ворона.

2. *Пренебр. хилый, тцедушный, слабосильный* (о человеке). Уж очень он на вид дохлый! Совсем дохлый, ведра поднять не может! [БТСРЯ URL].

Значения развиваются метафорически: слабосильный, хилый человек похож на умирающего.

В архангельских говорах у лексемы *дохлой* отмечается уже четыре значения. Подробно рассмотрим каждое.

1. *Издохший, мертвый*

Щяз дохлятину-ту, теляд дохлых с фёрмы выбрасывают, не зарывають, вот кабанам да медведям жоровина готобая. ПИН. *Йели траву да лошадь дохлую, картошку гнилу.* КАРГ. *Я дажэ в войну йела дохлую конину.* ЛЕШ. *Ну, он там бежыт, штобы ф колечко шэйей, и он душыца. Приходиш, а он ужэ дохлый* (об охоте на птиц с помощью силка). ПИН.

В народном сознании некоторые мертвые животные обладают магической силой. А.В. Гура отмечает, что «кошке присущи черты домашнего покровителя» [Гура 1999: 638]. Поэтому связаны кошка и благополучие хозяина дома: *Йейо нельзя закапывать, дохлу кошку – хозяин дома умрёт. Дохлу кошку надо закопать подальше от дома.* МЕЗ. Сравните контекст с глаголом *сдохнуть*: *Йесли кошка умрэд в доме – г головэ. Кошка дома здохнет – говоряд – г головэ, – кто-то помрэт ис семьий, да?* МЕЗ.

Не любящая воды, кошка может служить оберегом от наводнения: *От наводнения надо кошку закопать.* (Живую?) – *Жыву ли дохлу, ты не помниш?* – *котят.* МЕЗ.

В этимологическом словаре М. Фасмера слово *дохлый* возводится к глаголу *дышать*: «Дохнуть, дохнуть, вздох (см.), ст.-слав. въздъхнѣти «вдохнуть» и т. д. || Родственно лит. *dūsauti* «вздохнуть», *dūsiù, dūseti* «пыхтеть, задыхаться», вост.-лит. *dųsù, dūsti* «дышать, протухать», лтш. *dušu, dust* «пыхтеть» <...> [Фасмер URL]. Анна А. Зализняк пишет о том, что «в языковой картине мира дыхание является важнейшей, обеспечивающей жизнь <...> функцией организма, т. е. тела, – и, одновременно, формой репрезентации и эманации души <...>. В частности, дыхание является признаком жизни именно потому, что свидетельствует о присутствии души в теле» [Зализняк 2012: 337]. Мертвое существо лишено души и возможности дышать, потому и описывается как *дохлое*.

2. *Болезненный, хилый, физически слабый*

Второе значение развивается на основе метафоры. Болезненный, физически слабый человек близок к смерти. Носители диалекта чувствуют эту семантическую связь и прямо описывают ее: *Пропашчэй говорят, или согласен пропасьть. Помереть значит. Пропасьть собрался. Хилой, дохлой, как пропась собрался.* ПИН.

Количество жизненных сил воспринимается как данное высшими силами, о чем и рассуждают информанты: *Бох лесу не уровнял, тагжэ и людэй. Котора сосна хороша, котора гнила, тагжэ и люди: которы крепки, ядрены, а которы дохлы.* ПИН. Метафорическое сравнение с деревом можно увидеть и в синониме слова *дохлой* – *засохлой*: *Он весь дохлой, засохлой ходит.* УСТЬ.

Часто здоровьем и крепостью наделяется поколение бабушек и дедушек, в отличие от людей сегодняшних: *И йещё крепче, чем нонешний нарот, нынче-то он*

дóхлый. ПИН. *Стáры лю́ди крѣпкий наро́д был, а мы-то дóхлы, а тепѣрь-то йе́ше́ дохлѣ́е.* ПРИМ. *А ны́нь дóхлы́е мы фсѣ́.* КАРГ.

Физически слабый человек часто болеет: *Я-то дóхла, дак меня́ фсѣ́ продува́т.* ПИН. *Мужы́к у не́й дóхлой, фсѣ́ ка́шлят.* ЛЕШ. *Йѣсьли чя́сто болѣ́ет, мо́гут сказа́ть: «дóхлый». Ну ты́ и дóхла!* МЕЗ. *Когда́ она́ попра́вица, дóхлой приде́т.* ВИЛ. *Ско́лько годо́в бы́л дóхлым, стреля́лся, да не мо́к на́смерть застрели́ца.* В-Т. *Оттого́-то мы таки́ дóхлы, ни ру́ки ни но́ги не влади́ют.* ПЛЕС.

Физическая слабость также связывается с медлительностью, неспособностью быстро реагировать: *Не на́а мне́ таки́у дóхлых, кто на ходу́ усну́л.* ПИН.

Слабость, болезненность, свойственная некоторым животным, воспринимается как не-норма: *Дóхлая соба́ка, на што́ таки́ую де́ржут?* В-Т. *Фсѣ́ кото́ф одби́л, ту́т коты́ фсѣ́ дóхлы́е, фсѣ́ вы́топтал везде́, как с ко́шками гуля́ет.* уСТЬ. *Ма́ленького цыплѣ́нка, дóхлого тако́го принесли́. Во́т вы́ходился.* ЛЕН. *А пер-вотѣ́лок –пе́рвый рас те́лица и тро́йни ре́дко быва́ют. Че́, дóхлы фсѣ́.* МЕЗ. *Цы-га́ну ло́шатъ прода́л, хоте́л бо́льшэ́ прода́ть, цыга́не сказа́ли: они́ у тебя́ дóх-лы́е о́чень.* ВИН. *И што́, на-ко ты, заче́м дóхлово тако́во привезли́ (поросенка)?* ШЕНК.

Слабое физическое развитие, болезненность часто связаны с худобой человека: *Дóхлый, говори́т, он.* ВИН. *Зна́ю, зна́ю, Волóдью, тако́й страху́йлина на лицо́-то, дóхлый тако́й.* КОН. *Ну родила́, а те́тка-то срáзу мне́ и говори́т: «Ой, кусо́к мя́са родила́». То́т дóхлый бы́л, э́тот-то бы́л дóхлый, а э́тот-то наобо́рот. Где шэ́и, да́жэ шэ́и не ви́дно, вот та́к бы́ло, де́йстви́тельно, кусо́к мя́са, во́т.* НЯНД. *Та́ уш не така́ была́ дóхла.* ЛЕШ. *Я-то дóхла, а она́ по́лненька.* ПИН.

Употребляя лексему *дóхлой* в значении 'худой', информанты часто поясняют ее семантику с помощью синонимов *худой, худоца́вой, ху́денькой, то́щей*: *Дóхлый – это́ значит худоца́вый, ну Ле́ха и дóхлый. Дóхлой ли то́шый – та́к ска́жут, а то́лстый – так здо́ровуши́ый, как медве́ть.* МЕЗ. *То́лстова ка́к жэ́ (вспоминает, как называли) – разы́елась, как коро́ва. Йѣсли худо́й – дóхлый.* ПЛЕС. *Дóхлый, ху-до́й значит.* ХОЛМ. *Про́жы́ли, не по́мерли, вот таки́ худы́е, дóхлы́е и вы́росли.* КАРГ. *Да я ма́ленькая, ху́денькая была́, дóхлая.* ОНЕЖ.

Худоба и слабость становятся основанием для употребления лексемы как бранной: *Напи́лась, килька́ дóхлыя.* ПЛЕС.

Худоба животных в сознании диалектоносителей связана с недостаточным питанием: *Йѣсьли не дайо́ш моло́ка, то они́ зарахи́туют. Да́к фсѣ́ тако́й рахи́т и бу́дет росы́ти, дóхлый ходи́ть, пуза́н (про рахитичных козлят).* ПИН.; недавними родами: *Родила́ – да́к дóхлая тепѣ́рь (о кошке).* ШЕНК.; старостью: *Волк дóхлый, он йѣ́ле полс, он голо́дный, у йево́ нет зубо́ф, охóтьник йему́ ро́т-то росто́пырил, откры́л рот, а у нево́ нед зубо́ф.* ВИН.

3. Несвежий, протухший

Третье значение связано с первым также на основе метафоры, по сходству запаха от мертвой плоти и несвежих продуктов питания: *Дóхло веть мя́со, да́к и засто́яло, и ви́т не тако́й.* ОНЕЖ. *Се́но-то – ко́рм дóхлой.* ЛЕШ. *Муку́ надава́ли дóхлу каку́-то.* ЛЕШ. *Да де́-то взела́ пеце́ньи́е на Бе́ре́зьнике, оно́ како́-то дóхло.* ПИН.

4. На основе метонимии от третьего значения возникает значение 'отдающий гнилью, сыростью; затхлый'. Это значение фиксируется в сочетании *дóхлой за́пах*. *За́пах от ма́сла бу́дед дóхлый.* ЛЕШ. *Он, мо́жэ́т, оцсы́рѣл, да́г дóхлой за́пах.* ПРИМ.

Развитие значений 3 и 4 закономерно и отмечается не только в архангельских говорах. По данным ЭССЯ, похожие семантические параллели есть и в других языках: «сербохорв. *dlsati* ‘благоухать, пахнуть’ <...>, словен. *disati* ‘пахнуть’, ‘быть по вкусу’, ‘нюхать’ (Plet. I, 139)» [ЭССЯ, Т5: 205].

Дóхленькой, дохля́тенькой

Развитие семантики слова *дóхлой* мы видим и в других образованиях от того же корня.

Прилагательные *дохля́тенькой, дóхленькой* по отношению к человеку и животному обозначают удобу и физическую слабость: *Тако́й небольшо́й, дохля́тенький* (о баране). МЕЗ. *Вну́к-то был небольшо́й тако́й, дóхленький, а он фсе́ зза́ду шо́л, дак я йево не узна́ла. Тот тако́й был небольшо́й ростóчком, – дóхленький, а ста́л тако́й симпаті́чный – располне́л, тако́й молоде́ц!* КАРГ. *Така́ жэ дóхленька была́ как Ле́ша, худа́ така́.* ПРИМ.

Употребление прилагательного *дóхленькой* по отношению к растениям, грибам подчеркивает их небольшой размер, невзрачность: *Цветóчки дóхленьки таки́, цвесті́-то порá.* КРАСН. *Вон то́жо цвёт набира́т, был тако́й ма́ленькой, дóхленькой.* ШЕНК. *Там, наве́рно, подберёзовики дóхленькийе, се́ренькийе, на то́нкой но́шке, на боло́тинке, наве́рно, вы́росли, пойду́ туда́.* ВЕЛЬ.

Кроме того, лексема *дóхленькой* может применяться и по отношению к неживым объектам, которые потеряли свои основные функции: *Вот ви́ш, какі́йе дóхленькийе ру́чки* (у сумки), *дак шо́ с йи́ми де́лать, дак отрубі́ть да и бро́сить, страи́ны-то.* ПРИМ. или не обладают свойством упругости, которая часто связывается в народном сознании с юностью: *Свя́зывает цэ́ны* (деревянные планки, используемые при ткачестве). *На́до бу́дет две вере́фки, што́бы подвяза́ть, што́п не дóхленькийе бы́ли* (были хорошо натянуты). ВЕЛЬ.

Наречие *дóхло* расширяет семантику до ‘переставший функционировать’: *Э́то сеча́с ра́диво не́т, каг допервобе́тны лю́ди, первобы́тны лю́ди, фсе́ ржа́во, фсе́ дóхло, нукуды́ не го́дно ста́ло.* ЛЕШ.

Существительные с корнем -дох-

Существительные с рассматриваемым корнем (*дохле́ц, дóхлица, дохля́га, дóхлять*) чаще всего обозначают слабых, болезненных живых существ: *Пу́зь за дохлеце́м йе́дет, не жорéт.* ПИН. *Там меня́ изнаси́льничают, такую́ дóхлицу.* ВЕЛЬ. *Кре́пкий был ста́рый наро́т, а мы́ дохля́ги.* ПРИМ. *Йш какі́ дóхлы, какá дóхлять.* ЛЕШ.

Отмечается также кличка собаки *Дохля́тка*: *Вначя́ле он боязли́вый бы́л – я: «Иди́, Дохля́тка – я тебя́ поткормлю́».* ВИН.

Лексема *дохля́тина* фиксируется в двух значениях:

1. ‘Падаль’.

Я нали́ма не люблю́ пошто́-то – она́ дохля́тиной пита́еца. ШЕНК. *Дохля́тину йе́ли, да не у́мерли.* КАРГ. *Дохля́тина, пропади́на* (погибшая лошадь) – *поросю́хам дава́ли. А щя́с выпи́сывам где́-то, на́м набью́т в ба́нки дохля́тины, да мы́ ие́дим.* КАРГ.

2. ‘Слабое, болезненное существо’.

Она́ обо мне́ горю́ет, я, дохля́тина, боле́ю. Э́ва, какáя дохля́тина была́. ЛЕШ. *А э́ту (корову) мы́ купи́ли, ой, была́ дохля́тина.* ПРИМ. *На́ша, дохля́тина така́я, а окоти́лась три́ ра́за! Ой, дохля́тина ко́шка! Она́ ве́ть фсе́ ужэ́ выно́силаз, бе́д-*

ная! ЛЕН. *Дохлятина тока стало – это он уш сйёл лягуху* (кот). ХОЛМ. *Весь-то выхудал* (пес), *дохлятина*. ШЕНК. *Ф колхоз сведу, меняла дак, голова на голову. А оттуда возьму опять каку-нибудь дохлятину, и роцию три года*. КАРГ.

В значении ‘падаль’ употребляются и слова *дохлятинка*, *дохляк*: *Онй жэ летают по лесу, жора себе ищут. А здысь уш им дохлятинку приготóвили. А у меня в бóчке рак жывёт. А мóжэт, ужэ и дохляк лежыт*. ПИН.

Глаголы с корнем *дох/дых*

Глаголы с корнем *дох/дых* в архангельских говорах в основном обладают семантикой недостатка воздуха и умирания.

«Этимологические словари славянских языков однозначно указывают на то, что глаголы со значением ‘дышать’ имели также значение ‘дышать тяжело / шумно, задыхаться’. <...> На наличие значения ‘задыхаться’ у глагола *дохнути/дышати* в древнерусском языке указывает, в частности, глагол *душити* (‘каузировать задохнуться’) <...>. От глагола *дохнуть* образовано прилагательное *дохлый* – букв. ‘задыхающийся, едва дышащий’» [Зализняк 2012: 349].

Дóхнуть

В «Большом толковом словаре русского языка» для слова *дохнуть* отмечено одно значение: ‘*издыхать, околевать (о животных, насекомых)*’. Лошади дохнут от голода. Скотина дохнет от сибирской язвы. // *Разг.-сниж. О человеке. Семья с голоду дохнет* [БТСРЯ].

В архангельских говорах встречается четыре значения:

1. ‘*Испытывать недостаток воздуха, задыхаться*’.

Наговорилась с вами допристали, дохнуть стала. ОНЕЖ. *Стал дохнуть-то веть*. ЛЕШ. *Вакурат доу был – йей стало душно – фсё замёрзло – она нацяла дохнуть – это и называюцца, што дох*. ВИЛ. *Получялось так, што когда сильные морозы, рыба задыхалась, она выскакивала на лёт, дохнет, называецца дохнет*. КРАСН. *Подо льдом в озёрау замор рыбы идёт, она дохнет, йей воздуха не хватат*. ПИН.

Это значение можно считать наиболее архаическим, отсылающим нас к историческому значению, отмечаемому этимологическими словарями славянских языков.

2. ‘*Умирать, погибать*’.

Этот глагол часто употребляется по отношению к животным, насекомым: *А на Вадюге был пятнадцатого июля празьник, так ы назывался – Вадюшский Петровден – говорили, конский празьник: фсех коней, дажэ с Выйсково сельсовета, сводили, штоп онй разводились, не дохли*. В-Т. *Земельку пахали во время войны – пятнадцать человек ф плук фпругались, лошади дохли*. ВЕЛЬ. *С клуба понатакала афиш, а ребята тут поначеркали от комароф – онй фсё туд дохли*. УСТЬ. *А сечяс – телята дохнут, болеют – башки-то у них (работников) нет ухаживать за ними*. ВЕЛЬ. *Пропадаёт много. Дохнут (коровы)*. ШЕНК. *Сначала кроликов разводили, че-то потом дохнуть стали*. КОТЛ. *Начяли дохнуть лошади, коровы, весной стало пахат не на цем*. МЕЗ. *Йесьть глас нехороший; што на ребёнка глянут родяця, што на скота. И офцы у меня стали дохнуть, как один кряду*. ХОЛМ. *А ныне-то коровы стоят на чистом сене дак, свойи-то, а ф колхозе-то коровы начинюд дохнуд дак, с середины года. С середины года – это с ново-го-то года, сразу после*. ШЕНК.

Также находим и употребление по отношению к человеку: *Дóхнуд, да máло* (пьяницы). КАРГ.

Причины смерти отмечаются с помощью конструкций с предлогами *с, от*: *З гóлода не дóхли?* – *Нéт, не дóхли*. ХОЛМ. *Рáдио говорило: «берегите муцiн», так чé их берекчi-то, дóхнут кáждый дéнь, от спiрта-то*. КРАСН.

Выражение *от рабóты кóни дóхнут* иронически указывает на тяжелую жизнь крестьянина: *Конéшно, от рабóты кóни дóхнут*. ЛЕН.

Гибель большого количества людей описывается фраземами *дóхнуть как мúхи* (тараканы): *Как мúхи, мужыкi дóхнут, на летú*. ВИЛ. *Умирайет нарóт, што мúхи дóхнут*. УСТЬ. *Нашынкúют тепёрь какóй зарáзой* (продукты привезенные), *йéште, жрiте, дóхните, как тараканы*. ПИН.

Значение ‘умирать’ является общим для говоров и литературного языка, но семантика его расширяется. На основе генерализующей метафоры происходит перенос на неживые существа, например, растения:

‘Увядать, засыхать. О растениях’. Я сéдня цветi таскáю на лéсницу, хóлодно – онi дóхнуть стáли. ВЕЛЬ. *У меня или máло солнышка хватáло, ёи дóхли* (цветы). ПИН. *Хóлодно, дак онi дóхнуть стáли* (о цветах). ВЕЛЬ. *А сéйгот капúста дóхнёт*. УСТЬ.

3. *‘Спать, интенсивно дыша’: Закрóйеца и дóхнет. Она́ ведь заусьнёт – дак как сiвый мёрин дóхнет*. КАРГ.

Это значение, как нам кажется, можно произвести из первого: спящий человек часто храпит или, дыша во сне, производит громкие звуки, которые могут связываться с недостатком воздуха.

4. *‘Гнить от сырости, тепла, преть’: Сéно дóхнет*. ПРИМ.

Последнее отмеченное в АОС значение связано со значением ‘умирать’, в котором сочетается семантическое расширение (распространение на неодушевленные предметы) и связь смерти с гниением.

Дóхнуться

Диалектный возвратный глагол *дóхнуться* имеет три значения.

1. *‘Задыхаясь от недостатка воздуха, умирать. О рыбе’. Рýба стáла дóхнуца, хóлодно стáло*. В-Т. *Рýба дóхнеца, йéй дúшно*. ПИН. *В рекé рýба дóхлась, фсá подымáлась ввёрх. Зимóй рýба-то дóхлась*. В-Т. *Она́ дóхнуца начинáют – водá несвёжа, ключéй нéт*. ВИН. *На Вáршэ рýбы мнóго дóхлось. Она́ фсплывáют и дóхнеца*. МЕЗ. *А когдá дóхнеца рýба, дак колóду вiдолбить, дак никакá ловушка не нáдо*. В-Т.

Это значение сочетает в себе семы умирания и недостатка воздуха, что вполне обоснованно, так как рыба умирает из-за недостатка кислорода, невозможности дышать.

2. *‘Тяжело дышать, задышаться’. Побежýт, дóхнеца вéсь*. ПРИМ.

Второе значение развивается параллельно к значению невозвратного глагола.

3. *‘Теряя влагу, увядать’. Дóхнеца порáто, сóхнет* (лук). ЛЕШ.

Это значение связано с народным представлением о болезни, которая *сушит* человека или животное, забирая его телесные соки (ср. *высохнуть, иссохнуть от болезни*). Здесь прослеживается семантическая связь смерть – потеря влаги. Сравните уподобление сохнувшей травы с иссыхающим от болезни человеком в фольклорных текстах: *Вот вдру́к взáмуш вiйдеш, а свекрóфь тебá не взлúбит, дак вóт тебé скажú ця́с. Тра́фка сóхни, тра́фка сóхни, у милóво мáмка здóхни*,

здóхни, лю́тая зьмея́, возьми́, милéночек, меня́. ВЕЛЬ. Йо́лка, со́хни, йо́лка, со́хни, у милóго ма́ти здóхни. Здóхнё лю́тая змея́ – возьме́т милéночек меня́. ПИН.

Вы́дохнуть, вы́дохнуться, здохле́ть

Значение глагола *вы́дохнуть* развивается аналогичным образом: первое значение – ‘умереть’: *На се́йгот вы́дохла ры́ба-то. В-Т. Мно́го бы́ло, она́ фся́ вы́дохла. НЯНД. О́чень мно́го вы́дохло. То́ ли они́ вы́дохли. ЛЕШ.*

Второе значение – ‘перестать функционировать’: *Ту́т батаре́йка вы́дохла, не ходи́ли (часы). ЛЕШ.*

Значение возвратного глагола *вы́дохнуться* аналогично этому значению: *Я́ бы прине́сла ра́дио, да батаре́йки вы́дохлись, на́до в магази́не купи́ть да влепи́ть. МЕЗ.*

Значение глагола *здохле́ть* – ‘покрыться плесенью, заплесневеть, испортиться’ не противоречит семантике других глаголов с этим корнем. *Здохле́ло фсе́, до полде́н ма́нят (ждут), а к ве́церу гребу́т, го́ре со се́ном. ЛЕШ.*

Сдо́хнуть

Глагол *сдо́хнуть* развивает следующие значения:

1. ‘Умереть’.

Глагол часто употребляется по отношению к животным: *Во вре́мя войны́ нам нагонили́ с Пу́доги, дак фсе́ коро́вы здóхли потóм. Мно́го скоти́ны бы́ло нагонено́, да корми́ть не́чем, здóхла фся́. КАРГ. Моя́ (собака) о́коло са́мого до́ма росе́тя-ну́лась, здóхла. ПИН. И закрýла (с помощью колдовства сделала невидимой) она́ коро́ву цю́-то, и она́ здóхла. ПРИМ. На́до како́й-то отра́вы накла́сать, што́п они́ здóхли (о кротах). Коро́вёнке твое́й не дава́ли с по́ля трави́нки прине́сти – пузь здóхнет. А лю́ди бы́ли ху́жэ скоти́ны, го́лод был. КАРГ. Вы́весьти на́до, и здóхнуть мо́жот коро́ва. ХОЛМ.*

Как бранный глагол употребляется по отношению к пьяницам и нехорошим людям: *Здо́хнут-то она́ не мо́жот, про́пась-то, стару́ха. КАРГ. На Оле́шку бра́та глянула́, он по́мер, ак потóм и она́ здóхла, го́ды-ти. ПИН. Вы́ бы без ру́ских давно́ здóхли, за́мерли (о цыганах). ПИН. Кото́рыие пью́т, дак здóхли фсе́, про-па́ли, буть они́ про́кляты. Фсе́ и у́мерли, фсе́ и здóхли. Съпи́лись, са́дались фсе́. УСТЬ. Да́м тебе́ иго́лку, ты во што́ воткне́ш, с тово́ она́ начьне́т и хиле́ть и здóхнет. ПРИМ. Сноха́ со свекро́фкой ху́до жы́ли. Сноха́ сказа́ла: «Здо́хнеш, по-мина́ть не ста́ну». УСТЬ. Здо́хнеш ты да́ле, че́рт с тобо́й, вы́-то пийте́. ПИН. Во́т допыйи́те, што́ здóхните. ПРИМ. Да ты здóхнеш, йе́сли я тебе́ де́нек да́м (на бутылку). НЯНД. Йи́ не побежу́, ходь здóхни (искать пьяного мужа). ШЕНК.*

Этот глагол, в отличие от литературного аналога, может употребляться как нейтральный по отношению к людям: *Я веть о́дин жы́ву: жо́нка здóхла и коро́ва умерла́, нет, та́ка мне не на́ть. ПИН. Похра́нивай мужы́ка, потхра́нивай (бере-ги), фсе́ мужы́ки здóхли, без мужы́ка пло́хо. ВИЛ. Мо́жэ́т не здóхнели, мо́жэ́т парализова́ть веть, уходи́цца. ПРИМ. Кто́-то о́пять, ви́дно, здóхнет, околéет. Он в маши́не и здóхнул, пропа́л в маши́не ф Строе́фско́й. УСТЬ.*

Часто глагол *сдо́хнуть* употребляется в ситуациях, когда смерть чуть было не наступила: *Я́ бы здóхла, йе́сли ф цэ́ркофь не сходи́ла, фся́ заболéлась. ПИН. Я́ по ва́ре́ньи́е ходи́ла, чу́ть не здóхла с ва́ре́ньи́ем ф подва́ле. Лежу́, ниче́во не ва́рила́ дак. УСТЬ. За це́т то́го вы́жыли, што́ дере́вья дра́ли, а то б мы́ фсе́ здóхли. КАРГ. Ва́с гнусы́ не йе́дят, а мы́ бес препо́ноф (пологов) здóхли бы. ЛЕШ. Я́ ду́мала́,*

здóхнёт тóтоки. УСТЬ. Мир дóбрый в́ыкормил, не дáли здóхнуть (добрые люди подавали хлеб во время голода). Жы́ва бóду, не здóхну óколо нóчи. КАРГ.

В контекстах подчеркивается неотвратимость смерти, и употребление глагола *здóхнуть* как бы смягчает страх перед небытием: *Придёт время, и я здóхну, не вéчьный кощóй.* КАРГ. *Мнóго годóф, мóжно здóхнуть уш.* УСТЬ. *Мы-то штó, мы не севóдня-зáfтра здóхнем.* ПИН. *Я веть скóро здóхну, Мíшке кварти́ра бóдет.* ЛЕШ. *Бывáт и фпередí (раньше кого-то) здóхнём ешо.* МЕЗ. *А как здóхну, так пóуть дéлают, што хотя́т.* КАРГ.

Сдóхнуть можно от каких-либо причин: *Она́ пи́ла, пи́ла, дочегó допи́ли, недéлуу не топíли пéчки. Ну фсé – вóт тóжо здóхла от пья́нки.* ПРИМ.

Экспрессивное употребление глагола связано с ситуацией «нехорошей» смерти, не освященной обрядом: *Фсё, коньци́ схорóнены, и фсé. Здóхнеш – не узнáть, кто гдé.* ПРИМ.

Расширение семантики глагола приводит к тому, что лексема начинает употребляться в значении ‘перестать существовать’ с неодушевленными существительными: *Болóта осуш́или, дак фсé я́годы и здóхли.* КАРГ. *Óй, у меня́ скóро фсá здóхне (капуста от вредителей), зайедáют фсё.* ПИН.

В переносных значениях глагол *здóхнуть* указывает на сильную, смертельную усталость: *Топíть-то пéчи здóхнеш. Нáдо открывáдь да закрывáть ф какóу вы́ш ползáть.* ШЕНК. или плохое самочувствие: *Задыхáлись (от жары). Я дóумала, я бóле здóхну.* ПИН.

Фразема *здóхнуть сó смеху* описывает продолжительный смех, во время которого человеку трудно дышать: *Я чють сó смеху не здóхла, над бáвкой на сено-кóсе-то.* ВИЛ.

Употребление глагола *здóхнуть* указывает на метафорические представления, связанные со смертью.

Так, примеры показывают связь смерти с землей: *Вы штó меня́ в могíлу гóните, мою́ зéмлю берё́те! Óсенью это копá, фсё поткáпыва́ эту межóу. Фсéх скóро поткопáш – фсé здóхнут! Земл́и говоря́т своейéй нельз́я отдавáть никомóу. Нельз́я отдавáть своейéй земл́и.* ПИН.

В следующем примере можно усмотреть связь между смертью и холодом: *Мы́ беж́ым в лés огн́я оклáсьть, фсе здóхли (замерзли).* УСТЬ.

Смерть может описываться как потеря влаги: *В ведр́е держу (пряники), штóбы не здóхли дак.* ШЕНК. *Ф парникé, навёрно, уш фсé здóхло.* УСТЬ. *Жарá вот такáя сто́ит, ни дождя́, ничегó, фсé здóхло.* ПРИМ.

2. ‘Быть болезненным, хилым, часто болеть’. *Вот оттогó-то мы фсé дóхли нóнь, фсé здóхли (из-за тяжелой работы в молодости).* ПЛЕС. *Ни у одново́ рибéнка нáсморка не бывáло, у людéй болéют да болéют, а у меня́ ни одíн не здóхнет.* ЛЕШ.

Это значение поддерживается интенсификатором *весь*: *Фся здóхла.* УСТЬ.

3. ‘Перестать функционировать’. *Што такóйе, навёрно, батарéя здóхла.* ПРИМ.

Подóхнуть

В «Большом толковом словаре русского языка» слово трактуется как ‘околеть, издохнуть (о животных)’. *Лошади подохли от бескормицы.* Отмечается и значение ‘умереть (о людях)’ с пометой разг.-сниж. *И когда только подохнешь? Чтóбы ты подох!* [БТСРЯ URL]. В архангельских говорах отмечаются те же значения.

1. ‘Умереть’.

О животных: *Фчѣра офца подохла, в яму закопают.* МЕЗ. *Я ходила навязывала (привязывала, чтобы она паслась) ейей, козу, на лук; однажды навязала козу на трафку, так уи понравилось мне трафка, а коза как начяла ейей лупить, йестьи эту трафку, а потом смотрю – у ейей пена изо рта, я побежала на двор к мамы, а мама говорит: ой, дѣвка, отпой ейей водой, – ну ничевó, отпоилась она, не подохла.* ХОЛМ. *Лони у меня подошли недоноски.* ВИЛ. *Кролики йесть – не знаю скока, збилась со щѣта. Две матери подошли – видимо, вода не давала ф ту пору, вот ы фсѣ.* КАРГ. *Было тут как-то, опять чем-то обйелись, не знаю (овцы падают). Одну дорезали, горлышко перерезали, успели, а остальныие подошли – отвезли туда в дюны.* ПРИМ. *З горóху-то, найелись корóвы сколько хотели, фьсѣх корóф вздуло, их бегали-бегали, лечили, ветеринары; подошли фсѣ корóвы, хоронили их.* ШЕНК. *Скота гнилым сеном покормиш – ак подохнет.* ПИН. *Скотина ли собака подохнет, вот мы и зовѣм падлом.* ХОЛМ. *Дѣвок много, дѣвок много, дѣвок некуда девать, скоро лошади подохнут – будем дѣвок запрягать.* ВЕЛЬ. *Он один не рожжылся, подох.* ВИЛ. *Ту собаки схватили за горло, подохла дак.* ПРИМ.

Этот глагол часто употребляется по отношению к алкоголикам и нехорошим людям: *Он подох, запылся. Слава богу, што запылся. Шóбы подохла она, алкогольична свóлочь. Я выхватила у него бутылку, роздохнете фсе, подохнете.* ПИН. *Тѣсьтя-то у йѣтой нѣту, подох тóжсо, свинья.* ВИЛ. *Штó он обожраца не мок, хóдь бы подох.* КАРГ. *Лиза лóктем перекресытилась, што Ондрюха подох (так была счастлива). А йего здвизнула – да не подох, уснул. Тут протрезвился. А сам-от подох – неделю я з гаком прожыву, фсѣ будѣ. Докатился, шо сам боле подох. Мíха подох, Пóсьникоф подох, дураки-то. Тепѣря хулиганы-ти подошли, запылися. Дак óн помалу и пожыл и подох, пил безбожно. А после он подох, замесытитель стáл, он грít, Мишук, ты будѣш жоница – менѣ на свáдьбу пригласи.* ПИН. *Фсе генералисьсимусы, фсе подошли. Икóты проклятыие.* ОНЕЖ. *Они фсѣ подошли ужэ (люди, ломавшие храм). Ну лáдно, подохне – туды и дорóга, но фсѣ ровнó материнско серыцѣ, фсѣ жáлко.* ПИН. *Подохнудь бы йему скоряйе, свóлоци такóму.* КАРГ. *Фсѣм бы им стáть бы на голову и подохнуть (об олигархах).* НЯНД.

Употребление глагола *подохнуть* по отношению к человеку может быть экспрессивным, если речь идет о ситуациях, в которых говорящий не может оставаться равнодушным: *Одна жэница нежэната была, на поветку бросила, он и подох парень. Как рóжсон две недели (ребенок).* ВИЛ. *Милиóноф бес чóту давай-те, жырнуйте, а люди рабóчи мрите, подыхайте.* МЕЗ. *Она (невестка) задушит меня, скажот – она сама подохла. А я не хóчу йейной смѣртью, я хóчу своейей смѣртью.* ПИН. *Хватиссе, мать-то подохне (о себе), хватисся матери. Мать-то подохне, два вѣка жыть не буду.* ПИН. *Эх, тóпну я, да притóпну я: не платите мне зарплату – не подохну я.* ВЕЛЬ. *Ф такой деревнюшке (маленькой деревне) и живѣм, тут и подохнем.* МЕЗ.

Глагол *подохнуть* употребляется и в ситуациях, связанных с «нехорошей» смертью. Л.Н. Виноградова отмечает, что «к признакам достойной, человеческой смерти причислялись обязательные ритуалы обмывания покойника, обряжания его в смертную одежду, отпевание, церковная служба и ряд других, т. е. соблюдение обязательных похоронных ритуалов считалось необходимым условием, чтобы смерть была признана «хорошей»» [Виноградова 2008: 52–53]. Следовательно, смерть без соблюдения таких обрядов воспринимается как «нехорошая» и вызывает ассоциации со смертью животного, а не человека: *Подохне и будѣш лежать гнить тутотки. Беда, помру, подохну, выгнию в доме-то.* ПИН.

С другой стороны, человек всегда надеется на достойное упокоение: *Подóхну – навёрьу земли не бóду лежáть, кто-нить схорóнит*. ПИН.

Смерть как неминуемое событие провоцирует на употребление экспрессивно-го глагола, чтобы снизить тревожность, возникающую при мыслях о смерти: *Мы фсе подóхнем, токо не вдрук*. ПИН. *Я давнó на таблётках сушэствую, смёрти нёту, дак не подóхнеш*. Не, *никуда я не собираюсь, куда ле скóре подóхну, никуда не собираюца*. МЕЗ. *Бывá йещё подóхну в зимы-то, фсе умира́ть сряжа́юца*. *Я подóхну, Госпóдь Бóх приберёт на Рóднемский бór (кладбище)*. *Придэца опеть йэхать ф Карпогóры-ти, как не подóхну*. *Осенью я вá подóхну, говорю́*. *Лáдно, сёдня жыву́ – зафтра подóхну*. ПИН.

Смерть воспринимается как освобождение от земных страданий: *Хоть бы скорéйе подóхнуть, не нáдо бóдет пережывáть*. *Фсяко приходило́сь, хóдь бы скорéй подóхнуть да бóле не пережывáть*. ЛЕШ. *Онó вётъ подóхнуть немóжно, от та-ко́й жызыни*. МЕЗ.

Анализируемый глагол также частотен при описании ситуаций возможной смерти или сильного недомогания: *Йего́ так наказáло, он немно́го не подóх*. ШЕНК. *Туд бы я подóхла, навёрно, ка́бы не выйехать-то*. ВЕЛЬ. *Делала пластически оперáций – чють не подóхла (о Пугачёвой)*. ВИЛ. *Я угорела в бáне-то – аг дотогó, мáло не подóхла*. *Я тепёрь не сьтира́юзь в бáне-то*. *Я мáло как не подóхла со фсёй собáкой*. *Умертвила́ ей э́ту икóтишицу (болезнь, насылаемую колдунами), подóхла-подóхла-подóхла бы тáм*. ПИН. *Гóлову каг дайóд дак, как дás в э́то мéсто, думáйеш, вот сечя́с подóхну*. ВИЛ. *Я оди́н кóлышэк взяла́, а снэк порáто глубóкой, я пáла, бортыхáлась-бортыхáлась, думала – подóхну*. *Ры́бы взелá шчыпóк оди́н – я тут подóхну! Мне жáреного нельзя́*. *Кáг жэ не пойду́, как мали́на тўтотки в глазáх*. *Вот тепёрь немно́шко поберу́ да пойду́, а то я в э́том мали́нике паду́ да подóхну*. ПИН. *Думала, подóхну, хорошó, жэна́ отводила́*. УСТЬ. *А тут целый́ дéнь да дóвго мы си́льно стоя́ли, Мавзолей Лéнина, да э́ка-то жарá бы́ла, чуть не подóхли*. *Стáлин быв тогдá йещё не убран*. ВИЛ.

Еще один оттенок значения возникает, если речь идет о невозможности выполнить что-л.: *Ребáта – соскладите́ мнэ дровá в дровя́ник, штóб не запáздывали*. *Ты жэ подóхнеш – дровá-ти колóть*. ПИН.

Фразема *гóлодом подóхнуть* указывает на одну из причин смерти: *Дэфки меня́ кажды́й прáзьник поздрáвят – Свет, корми́ до дéнег, штóб гóлодом нé подóхли*. ХОЛМ.

В переносных значениях, как и у глагола *сдóхнуть*, прочитываются метафоры, связанные со смертью:

Метафору смерти как потери дыхания мы видим в сочетании *подóхнуть со смеху*: *Отéц чўть со смéху не подóх*. *Чўть со смéху не подóхли*. ВИЛ.

С недостатком кислорода связано и значение 'потухнуть': *Он потóм подóхнет, кáк не вытáскивать (угли)*. ПИН.

Метафора смерть-холод прочитывается в следующих контекстах: *Мы-то фсе подóхли да сўдороги взя́ли (от холода)*. УСТЬ. *Тáк и холóнёт (холодеет) на глазáх, бўтто щя́с подóхнет*. ПЛЕС.

Метафора смерть – потеря влаги возникает в ситуациях, связанных с растениями: *У тебя́ ростёт, а у меня́ потрáтилось, подóхло (о цветах)*. *Тот тóлько повы́сох, не софсём умер, хоть бы он не подóх у меня́*. ВИЛ.

Расширение значения глагола приводит к возникновению значения 'перестать функционировать': *Телевизор подóх у меня́ вéсь*. КАРГ.

Вывод

Таким образом, проанализированные примеры показывают значительное расширение семантики общерусских слов с корнем *дох/дых*. Все лексемы, независимо от их частеречной принадлежности, варьируют свои значения с опорой на культурное содержание: метафоры смерти, существующие в народном сознании, оказывают свое влияние на формирование новых значений описываемых лексем.

Представим это в виде таблицы 1.

Таблица 1
Семантика общерусских слов с корнем *дох/дых*

Лексемы с корнем <i>дох/дых</i>	Семы					
	болезнь	гниение	потеря влаги	потеря основных функций	недостаток воздуха	холод
<i>до́хлой</i>	+	+				
<i>до́хленькой,</i> <i>дохля́тенькой</i>	+		+	+		
<i>до́хло</i>				+		
<i>дохле́ц, до́хлица,</i> <i>дохля́га, до́хлять</i>	+					
<i>дохля́тина</i>	+	+				
<i>дохля́тинка, дохля́к</i>		+				
<i>до́хнуть</i>		+	+		+	
<i>до́хнуться</i>			+		+	
<i>вы́дохнуть,</i> <i>вы́дохнуться</i>				+		
<i>сдохле́ть</i>		+				
<i>сдо́хнуть</i>	+		+	+	+	+
<i>подо́хнуть</i>	+		+	+	+	+

Из таблицы следует, что в значениях лексем с анализируемым корнем наиболее частотными являются семы болезни, гниения, недостатка влаги. Расширение значений лексем формирует более широкую сочетаемость на основе семы 'потеря основных функций'. Глагольная лексика приобретает новые значения на основе сем 'недостаток воздуха' и 'холод'.

Приложение

Сокращения районов Архангельской области

В-Т	Верхнетоемский	МЕЗ	Мезенский
ВЕЛЬ	Вельский	НЯНД	Няндомский
ВИЛ	Вилегодский	ОНЕЖ	Онежский
ВИН	Виноградовский	ПИН	Пинежский
КАРГ	Каргопольский	ПЛЕС	Плесецкий
КОН	Коношский	ПРИМ	Приморский
КОТЛ	Котласский	УСТЬ	Устьянский
КРАСН	Красноборский	ХОЛМ	Холмогорский
ЛЕН	Ленский	ШЕНК	Шенкурский
ЛЕШ	Лешуконский		

ЛИТЕРАТУРА

ИСТОЧНИКИ

АОС – Архангельский областной словарь / Под ред. О.Г. Гецовой, Е.А. Нефедовой. Вып. 1–. М., 1980–.

КАОС – Картотека «Архангельского областного словаря». Кабинет диалектологии МГУ имени М.В. Ломоносова.

ЭКАОС – Электронная картотека «Архангельского областного словаря».

НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА, СЛОВАРИ

Виноградова 2008 – *Виноградова Л.Н.* Смерть хорошая и плохая в системе ценностей традиционной культуры // Категории жизни и смерти в славянской культуре: Сб. статей. М., 2008. С. 48–56.

Гура 1999 – *Гура А.В.* Кошка // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Рос. акад. наук. Ин-т славяноведения и балканистики; под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 2. М., 1999. С. 637–640.

Зализняк 2012 – *Зализняк Анна А.* Константы и переменные семантики глагола отдыхать // Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. М., 2012. С. 337–353.

Нефедова 2010 – *Нефедова Е.А.* Общерусское слово в диалектном словаре // Межкафедральный словарный кабинет им. Б.А. Ларина: Сб. статей. СПб., 2010. С. 91–101.

Пак 2010 – *Пак М.К.* Общерусское слово в диалектной системе (имя существительное): Автореф. ... доктора филол. наук. Республика Казахстан, Алматы, 2010.

ЭССЯ 1978 – Этимологический словарь славянских языков. Праoslavянский лексический фонд. Вып. 5 / Под ред. О.Н. Трубачева. М., 1978.

ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ

БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar>

Фасмер – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. URL: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/>

V. Концептуальный и социокультурный анализ языковых сообществ

Эволюция лексики как отражение развития материальной культуры (на примере синонимического ряда обозначений копья в немецком языке)

А.А. Фомичева

ВВЕДЕНИЕ: «СЛОВА И ВЕЩИ» – ИСТОРИЯ ВОПРОСА

Исследование языковых явлений с привлечением экстралингвистического материала представляет собой в германистике давнюю традицию: взаимосвязь предмета и слова, его обозначающего, впервые последовательно проблематизируется в работах лингвистов конца XIX в., ассоциирующих себя с так называемой школой «Слова и вещи» (Wörter und Sachen). Труды Гуго Шухардта и Рудольфа Мерингера, двух центральных фигур данного направления в немецкой лексикологии того времени и, в сущности, противников в споре о том, что первично – слова или вещи, закладывают основы для того, что позднее будет обозначено как два разнонаправленных, но при этом дополняющих друг друга подхода в лексикологии: ономаσιологический подход – от понятия к слову, его обозначающему, и семасиологический подход – от слова к его значению [Reichmann, Wolf 1998: 611, 613].

Однако для исследователей школы «Слова и вещи», в отличие от позднее развивающихся классических ономаσιологии и семасиологии, между словом и вещью, которую оно обозначает, нет никакой «промежуточной величины», т. е. аспект значения слова в данном случае полностью игнорируется, что является основным поводом для критики основателей и последователей данного направления [Reichmann, Wolf 1998: 611, 613]. Логичным выходом из образовавшегося методологического тупика становится апроприация лексикологами первой половины XX в. концепции Ч.К. Огдена и А.А. Ричардса о тройной структуре языкового знака: между словом и вещью появляется понятие [Reichmann, Wolf 1998: 612].

Размежевание слова как языкового явления и его семантики открывает для направления «Слова и вещи» новые исследовательские горизонты: способность нескольких слов обозначать одну и ту же вещь, с одной стороны, и одного и того же слова – обозначать разные вещи, с другой стороны, получает необходимое основание в явлениях синонимии и многозначности, соответственно, и усиливает интерес исследователей к изучению связей между фактами языка и действительности. Вопрос о характере этих связей и способе их описания становится центральным для современных ономаσιологии и семасиологии, а исторический аспект исследования взаимосвязи слов и вещей, уходящий корнями в этимологию-

ческие штудии компаративистов XIX в. и младограмматиков, получает необходимое развитие в рамках изучения эволюции лексики языка.

В данной работе, которая представляет собой исследование взаимосвязей между эволюцией конкретной группы лексем в немецком языке и историей их экстралингвистических коррелятов, руководствуясь тезисом О.Н. Трубачева о том, что «в исследовании лингвистическом по преимуществу данные о реалиях... занимают законное место» [Трубачев 2008: 397], был взят на вооружение принцип исследования лексического материала языка в русле традиции направления «Слов и вещей», т. е. в сопоставлении с реалиями внеязыковой действительности. Однако простое, ономаσιологическое по своей сути, исследование обозначений копия в немецком языке в диахронии было дополнено лексико-семантическим анализом, который, как представляется, полнее раскрывает потенциал исследования подобного рода, что будет продемонстрировано в соответствующей части статьи.

SACHWANDEL И ЭВОЛЮЦИЯ ЛЕКСИКИ

В исторической лексикологии обращение к экстралингвистическим реалиям может иметь разные трактовки. Так, О. Райхман подразделяет историческую лексикологию на ряд дисциплин, которые включают историческую семасиологию и ономаσιологию, в задачи которых входит систематическое описание эволюции значений и обозначений, словообразование, этимологический подход к исследованию лексического материала языка, который с опорой на фонетические законы описывает историю развития обозначений и, наконец, историко-культурно ориентированное изучение лексики, во многих аспектах пересекающееся с первым направлением, однако методологически подкрепленное также культурологическим анализом исторических реалий [Reichmann 1969: 51].

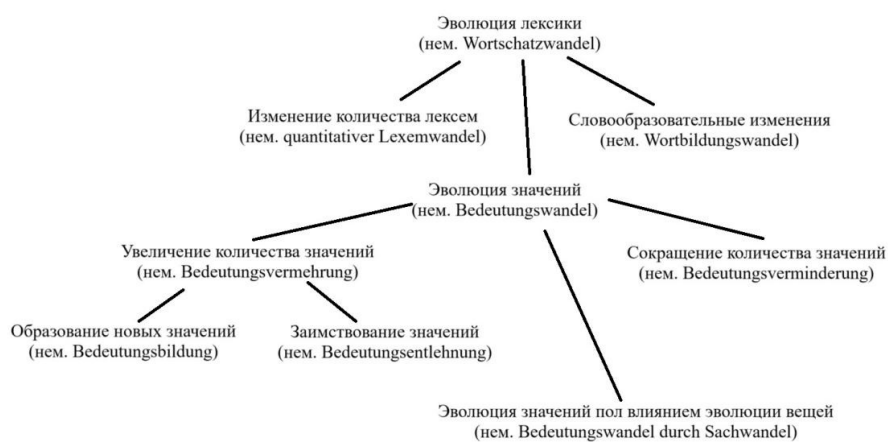

Рисунок 1

Отнюдь не методологическое направление, но собственно тип развития словарного состава языка видит в «эволюции значений под влиянием эволюции вещей» Х. Мунске (Bedeutungswandel durch Sachwandel), соответствующим образом выстраивая свою классификацию (см. рис. 1), в которой названный тип эволюции лексики, наряду с образованием новых значений и займствованием значений, является подтипом собственно эволюции значений, но при этом опирается на внеязыковые факторы [Munske 2005: 1386].

Здесь речь идет о двух противоположных процессах, а именно о смене денотата для какого-либо обозначения или об изменении самого денотата при сохранении за ним обозначения [Munske 2005: 1393]. Таким образом, эволюция значения состоит здесь в том, что слово «переживает» реалию, которую когда-то обозначало, либо по причине того, что реалья перестала существовать и слово отсылает теперь к иному явлению, либо из-за того, что сама реалья претерпела некоторые трансформации (при сохранении обозначения) и в результате трансформировалось и значение слова, которое ее обозначает. Данный тип эволюции значений непосредственно связан с процессами архаизации лексики и появлением историзмов.

Обращение же к понятиям архаизма и неологизма представляет собой еще один способ описания и изучения эволюции лексики. Как отмечает Т. Шиппан, «в лексике языка находят отражение когнитивные и коммуникативные потребности» его носителей: в ней закрепляются постоянно изменяющиеся представления и оценки реалий и ею же удовлетворяется потребность в обозначениях для новых или изменившихся реалий [Schippan 2005: 1373]. Функционал старых обозначений меняется под влиянием экстралингвистических факторов и процессов в самом языке, появляются новые обозначения, которые также способствуют эволюции исконной лексики и ведут к реструктуризации словарного состава языка. К примеру, архаизация зачастую имеет своим следствием перемещение устаревших слов на периферию лексической системы языка, поскольку в таком случае утрачивается их «коммуникативная значимость» [Schippan 2005: 1376]. Частным случаем архаизации являются историзмы – слова, обозначающие исчезнувшие реалии, характерные для определенной эпохи [Schippan 2005: 1377]. Напротив, неологизмы, связанные с появлением новых реалий, так называемые «модные слова» (Modewörter), занимая определенное место в лексической системе языка, как правило, вытесняют старые обозначения с центральных позиций в соответствующих лексических группах.

В данной статье обращение к понятиям архаизмов и неологизмов, а также культурологический анализ денотатов исследуемых лексем формируют основу такого подхода к изучению эволюции лексики, который позволяет исследовать взаимосвязи между развитием материальной культуры и, собственно, эволюцией словарного состава языка. И именно историко-культурному экскурсу посвящен следующий раздел статьи.

КОПЬЕ КАК ЭЛЕМЕНТ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Данный раздел статьи содержит краткое изложение истории копья у тех языковых и культурных сообществ, история которых связана с немецким языком, а именно у древних германцев эпохи Раннего Средневековья, государственных образований германцев эпохи Высокого Средневековья и Нового времени.

Происхождение копья, которое классифицируется как древковое оружие, Э. Окшотт возводит к простому сочетанию «лезвия ножа и палки», отмечая при этом, что формы этого оружия мало изменились с бронзового века до XIX в. [Окшотт 2004: 68–69]. При этом в группе древкового оружия выделяют два типа копья: копьё всадника и копьё (или пику) пехотинца. Главное различие этих двух видов копья состоит не в длине древка или форме наконечника, хотя все это также существенно, а в том, что центр тяжести у копья колющего типа, или пики, расположен дальше от середины древка, чем у метательного копья. Использование пехотой копья как метательного орудия неудобно, так как при небольшой скорости нужно

много силы для броска, способного пробить щит или кольчугу противника. При этом нападающий сам лишается оружия, словно бы отдавая его врагу, в чей щит попадает его копьё [Mödlinger 2011: 55].

Германцам с древнейшего периода были известны оба типа копья, причем более предпочтительной оказывалась пика с тяжелым длинным древком, наводившая ужас на римлян [San-Marte 1867: 158], однако со второй половины первого тысячелетия до н. э. практически у всех германских племен под влиянием латенской культуры усиливается роль метательного копья с направленными в противоположную острию сторону зубцами [Hürper-Droge 1983: 151].

Дальнейшее развитие копья в первых веках н. э. у разных германских племен неодинаково: как пишет об этом Д. Хюппер-Дрогге, тонкие, острые наконечники находят на континенте, тогда как для скандинавских находок характерны более широкие острия [Hürper-Droge 1983: 157–158]. По археологическим находкам в болотах Дании, относящимся примерно к I–V вв. н. э., можно судить о большой функциональной дифференциации копья у северных германцев того периода: длина древка, обычно из ясеня, колеблется в пределах от 80 см до 3 м, разнообразием отличается и форма наконечников, многие из которых снабжены шипами прямо под острием. Такой тип копья еще называют «крылатым» копьем.

Нужно отметить, что в связи с совершенствованием мастерства германских кузнецов и оружейников становится возможным изготовление более тонких, но не менее прочных изделий, что проявляется, к примеру, в увеличении шейки наконечника – теперь половина копья могла быть из железа, что существенно повышало его прочность и улучшало баллистические характеристики. Большая длина древка может указывать на то, что такие копья использовали как пики, так как скандинавы не сражались конно [Окшотт 2004: 142].

Копье в эпоху Меровингов тяготеет к многофункциональности, т. е. может служить и как колющее, и как метательное оружие [Hürper-Droge 1983: 179]. Скорее всего, это связано с появлением более прочных доспехов и более широким использованием кольчуг и прочего защитного вооружения, которое легкое метательное копьё не могло пробить. В эпоху Каролингов копьё продолжает развиваться согласно тенденциям эпохи Меровингов, совершенствуя форму наконечника. Примерно в IX в. появляется несколько модифицированный тип «крылатого» копья, шипы которого располагаются теперь в одной плоскости, что могло символизировать крест (по аналогии с эфесом / гардой меча) [O'Sullivan 2013: 43]. С усилением роли кавалерии в армии Карла Великого начинают регулярно различаться, с одной стороны, копьё всадника, колющее оружие с тонким и острым наконечником, имеющем в сечении ромб, прототипом которого являются копья готов и лангобардов IV–VI вв. н. э., а с другой – копьё пехотинца, колюще-рубящее оружие с широким и плоским обоюдоострым лезвием, являющееся прообразом рубящего копья, алебарды.

В эпоху Высокого Средневековья копьё всадника не претерпевает значительных изменений: оно по-прежнему делается из хрупких пород дерева для того, чтобы его можно было сломать, если копьё застрянет после удара в доспехах или теле врага, поэтому после первого удара рыцари обычно бросали копья и сражались мечами. Увеличивается разве что длина копья, так как именно этот фактор становился решающим при противостоянии двух рыцарей верхом. Во время Крестовых походов излюбленной тактикой рыцарской кавалерии была так называемая «шоковая атака» [O'Sullivan 2013: 44], которой верховые отряды сметали

пехоту: невозможно было выдержать громадной силы удар, которым рыцарь выбивал противника из седла, развивая на коне необходимую скорость и добавляя к удару собственный вес и вес полного доспеха.

Кроме того, существовало так называемое «турнирное копьё», появление которого связано с регламентацией правил участия в турнирах [San-Marte 1867: 171]. Острие у него было выполнено в форме коронки из нескольких коротких и толстых зубьев, а внутри такое копьё было зачастую полым для того, чтобы – опять же – легче сломаться при ударе, таким образом стремились сделать рыцарские турниры более безопасными, ведь сломать копьё противника означало одержать победу в турнирной схватке [San-Marte 1867: 171–172].

Копья пехоты, наоборот, изготавливались из особо прочной древесины, чтобы выдержать ту самую «шоковую атаку» – остановить коня на скаку. С усилением роли пехоты к концу Высокого Средневековья развивается и копьё пехотинца: с одной стороны, это различные модификации, связанные с расширением функциональности, – алебарда и все ее разновидности, о которых уже было сказано, а с другой – совершенствование самой пики, появление нового типа войск, пикинеров. Вместе с появлением английского лука это знаменует торжество нового способа ведения боя – сражений, где главная роль отводится пехоте.

Вплоть до XVIII в. копьё пехоты не выходит из активного использования из-за простоты и дешевизны изготовления (по сравнению с более многофункциональной алебардой), однако постепенно начинают проигрывать все более распространяющемуся огнестрельному оружию, что происходит и с копьём конницы, которое по причине своей хрупкости потеряло свое центральное место в вооружении всадника уже к концу эпохи Высокого Средневековья, хотя ситуативно использовалось вплоть до Первой мировой войны.

Культурное значения копьё не исчерпывалось его непременным использованием в рыцарских турнирах и в сражениях. Отмечается, что оно, как и меч, было символом власти и рода: по мнению Сан-Марте, штандарт и флагшток ведут свое происхождение именно от копьё [San-Marte 1867: 157]. А. О'Салливан пишет, что копьё было в эпоху Раннего Средневековья даже популярнее меча, что, по всей видимости, связано с дороговизной металла, которого на изготовление меча необходимо больше, и сложностью техникиковки мечей [O'Sullivan 2013: 36].

Броском копьё или выстрелом из лука в древности открывали битву, этот обычай сохранялся и средневековой Европе [Jolles: 1929]. Копьё также считалось носителем христианской символики, оно участвовало в некоторых церковных обрядах, богослужениях, празднествах [Schröder: 1920]. Очевидно, что в рыцарской культуре копьё как предмет вооружения рыцаря играло важную роль.

В эпоху Меровингов и Каролингов копьё было самым распространенным оружием пехотинца [Hürper-Droge 1983: 187]. Капитулярии Карла Великого предписывают в качестве обязательного вооружения пешего воина щит и копьё, но не меч, или сакс, или топор [O'Sullivan 2013: 40]. Высокое Средневековье, в свою очередь, рассматривает копьё как неотъемлемую часть экипировки рыцаря как во время турнирных поединков, так и в сражении.

Таким образом, складывается довольно неоднородная картина в плане многообразия типов копьё у германцев, однако историю этого оружия можно проследить до древних времен, и при этом данный вид оружия не терял с течением времени своей значимости вплоть до Нового времени. Очевидно, что все модификации копьё являются следствием эволюции способов сражения и появлением но-

вых типов вооружения. Современный же функционал копья, ограничивающийся ролью спортивного снаряда, обуславливается кардинальной сменой культурно-исторической парадигмы, в которой холодное оружие ближнего боя уходит далеко на периферию.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Обратимся теперь к лингвистическим данным, т. е. к лексическим коррелятам рассмотренных в предыдущем разделе статьи реалий. В соответствии с поставленной исследовательской задачей и при использовании корпуса современного немецкого языка¹ был сформирован синонимический ряд обозначений копья в немецком языке, состоящий из пяти обозначений, приведенных далее вместе с их словарными толкованиями из корпуса:

1. *der Speer* – длинная, снабженная металлическим острием палка (из дерева) для метания (спорт. или историч.);

2. *der Spieß* – известное с каменного века оружие, особо популярное в Средние века, состоящее из длинного древка и обычно ромбовидного наконечника для колющих и метательных ударов;

3. *der Ger* – историческое метательное копье древних германцев;

4. *die Lanze* – колющее оружие рыцаря в Средние века, состоящее из длинного древка и ромбовидного наконечника, использовавшееся в конных войсках вплоть до Первой мировой войны;

5. *die Pike* – историческое длинное копье, оружие пехоты эпохи Позднего Средневековья.

На основе приведенных словарных толкований был проведен лексико-семантический анализ с выделением отдельных сем в значении каждого элемента синонимического ряда. Визуализацию результатов проведенного анализа можно увидеть в *Таблице 1*.

Таблица 1.
Лексико-семантический анализ синонимического ряда обозначений копья в современном немецком языке

	метательное	колющее	истор.	среднеvek.	пехота	всадники	спорт
1.	+		+				+
2.	+	+	+	+			
3.	+	–	+	+			
4.	–	+		+	–	+	
5.		+	+	+	+	–	

Важным дополнением для лексико-семантического анализа стал анализ контекстов употребления рассматриваемых лексем в корпусе современного немецкого языка, проливший свет на особенности реализации семного состава обозначений копья в современном немецком языке. Так, лексема *der Ger*, по всей видимости, действительно, обладает коннотациями архаизма, что хорошо видно по примерам наподобие следующего (1), где копье фигурирует в качестве оружия мифических, легендарных, сказочных существ:

¹ DWDS – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de/>

(1) Die Riesen schlugen mit dem Ger die Drachen todt, / Doch brachten sie vielmehr die Zwerge selbst in Noth². [Rückert, Friedrich: Die Weisheit des Brahmanen. Bd. 4. Leipzig, 1838].

А вот *der Spieß*, *die Lanze* и *die Pike* обладают потенциалом к метафорическому переносу значения и употреблению в переносном значении в составе устойчивых выражений. Следующие примеры призваны проиллюстрировать идиомы (2) «изменить ситуацию» (буквально перевернуть копье, обратить острие в другую сторону), (3) «сломать копье» (буквально сразиться в поединке, что является отсылкой к традициям рыцарских поединков, описанных в предыдущем разделе статьи) и (4) «с самого начала, с основа, с нуля» (буквально - снизу вверх, согласно направлению ударов колющего оружия пехоты):

(2) ... wie er den Spieß umkehren wollte und uns vorwarf, wir hätten euch nicht genügend auf diesen Einsatz vorbereitet³. [H. Kant, Aula, 234]

(3) Weil der Erfolg nur gemeinsam möglich war, möchte ich an dieser Stelle auch eine Lanze brechen für die Arbeit der Betriebsräte in den Unternehmen und für die Arbeit der Gewerkschaften⁴. [Rede von Johannes Rau, 25.01.2001]

(4) Junior-Banker lernen ihr Metier im Geldinstitut von der Pike auf und studieren gleichzeitig an der Frankfurter Hochschule für Bankwirtschaft⁵. [Die Zeit, 02.09.1999, Nr. 36]

Таким образом, синонимический ряд обозначений копья в современном немецком языке обнаруживает следующие закономерности в своей структуре:

– обозначение *der Speer* содержит меньше всего сем и обладает, соответственно, наибольшим экстенционалом, что позволяет предположить у него свойства центрального элемента ряда, а наличие актуальной для современного использования копы семы «спорт» подтверждает это предположение;

– практически все словарные толкования содержат пометы «историческое», что согласуется с историей реалии, вышедшей из активного пользования в своей первоначальной функции холодного оружия на территории современной Европы (при этом третье обозначение тяготеет к употреблению в контекстах, связанных со стилистическим потенциалом архаизации лексики);

– у пары обозначений *die Lanze* и *die Pike*, при совпадении семы колющего оружия, наблюдается распределение по семе владеющего оружием, отсутствующее у первых трех элементов ряда;

– у трех элементов ряда имеются переносные значения, позволяющие им реализовываться в составе идиом.

Следующим этапом исследования, призванным продемонстрировать эволюцию обозначений копья в немецком языке, стало обращение к диахронии; данные исторических словарей немецкого языка и этимологический анализ лексем дополнили лексико-семантический анализ и сформировали необходимые для эволюционного подхода в исследовании словарного состава языка хронологические срезы. Далее приведены словарные толкования из этимологического словаря В. Пфайфера⁶, интегрированного в корпус современного немецкого языка:

1. *der Speer* – двн. (с VIII в.) *sper*, свн. *sper*, от общегерм. **speru-* – снабженное острием метательное копье;

² Aus den Historischen Korpora des Digitalen Wörterbuchs der deutschen Sprache.

³ Aus dem DWDS-Kernkorpus (1900–1999) des Digitalen Wörterbuchs der deutschen Sprache.

⁴ Aus dem Korpus Politische Reden (1982–2020) des Digitalen Wörterbuchs der deutschen Sprache.

⁵ Aus dem DWDS-Kernkorpus (1900–1999) des Digitalen Wörterbuchs der deutschen Sprache.

⁶ Pfeifer. URL: <https://www.dwds.de/d/wb-etymw>

2. *der Spieß* – двн. (около 800 г.) *spioz*, свн. *spiez*, происхождение лексемы неизвестно – древнее метательное и колющее оружие;

3. *der Ger* – двн. (IX век) *gēr*, свн. *gēr*, от общегерм. **gaiza-* – метательное копье древних германцев, около 1800 г. – попытки возрождения архаичной лексемы (особенно в языке гимнастов XVIII в.);

4. *die Lanze* – свн. (XII в.) *lanze*, заимствовано вместе с прочими куртуазными словами из старофранцузского – ст.-франц. *lance*, от лат. *lansea* – длинное оружие для нападения рыцаря, боевое копье пехоты;

5. *die Pike* – позднее свн. *pieke*, *rueske*, позже *Picke* (XVII в.), заимствовано через средненижненемецкий из старофранцузского – ст.-франц. *pique* – пика, копье ландскнехтов (немецкой наемной пехоты эпохи Возрождения).

Данные этимологические выкладки могут быть дополнены лексикографическими сведениями из словарей средневерхненемецкого языка, представляющего собой один из хронологических срезов эволюции лексики немецкого языка. Так, в словаре М. Лексера этимон первой из рассматриваемых лексем, свн. *sper*, имеет довольно универсальное определение – «рыцарское оружие для броска и удара»⁷, что хорошо согласуется с ролью опорного слова для синонимического ряда обозначений копья, тогда как свн. *gēr* характеризуется как «метательное копье, древнее копье героев для броска и удара»⁸, что дает основание считать его архаизмом уже в средневерхненемецком языке и относить к периферии синонимического ряда.

Вторая же из рассматриваемых лексем имела в средневерхненемецком тенденции обозначать охотничье копье, по этой причине ее «избегали придворные поэты XIII в., предпочитая свн. *sper*»⁹ – сема охотничьего оружия отодвигает данное обозначение на периферию синонимического ряда обозначений копья в средневерхненемецком языке (но не в современном немецком).

А вот обозначение свн. *lanze*, этимон четвертого элемента синонимического ряда, наоборот, является куртуазным заимствованием для обозначения копья рыцаря: в словаре Бенеке, Мюллера, Царнке значение этого слова определяется как «пика, оружие пехотинцев», но также отмечается, что словом могло обозначаться и копье рыцаря наряду с пикой пехотинца¹⁰.

Интересен также факт отсутствия пятого элемента синонимического ряда в средневерхненемецких словарях, это говорит в пользу достаточно позднего заимствования (за пределами эпохи Высокого Средневековья) и согласуется с семантической характеристикой слова, наблюдаемой в современном немецком языке: появление нового обозначения в синонимическом ряду в данном случае, по всей видимости, было обусловлено развитием именно оружия пехоты, а не конницы (конный способ ведения боя начал постепенно уходить на задний план с началом Нового Времени).

При этом оба последних обозначения являются заимствованиями из старофранцузского и в средневерхненемецком имеют коннотацию «модных слов», куртуазных неологизмов, связанных с распространением рыцарской культуры, что делает их характеристику отнюдь не нейтральной для данного периода в истории немецкого языка и может служить обоснованием более узкого значения каждой из двух лексем в современном немецком языке по сравнению с первым обозначением *der Sper*.

⁷ Lexer. URL: <https://www.woerterbuchnetz.de/Lexer?lemid=S06189>

⁸ Lexer. URL: <https://www.woerterbuchnetz.de/Lexer?lemid=G02302>

⁹ Lexer. URL: <https://www.woerterbuchnetz.de/Lexer?lemid=S06314>

¹⁰ Benecke, Müller, Zarncke. URL: <https://www.woerterbuchnetz.de/BMZ?lemid=L00252>

Визуализацию расширенного диахроническим аспектом лексико-семантического анализа можно увидеть в таблице 2, в которой, помимо приведенных в таблице 1 семных характеристик, в двух первых столбцах представлены сведения о наличии лексемы в определенном историческом периоде немецкого языка (древневерхненемецком и средневерхненемецком), а предпоследний и последний столбец демонстрируют степень архаичности лексемы и происхождение слова (исконное или заимствованное) соответственно.

Таблица 2.
Лексико-семантический анализ синонимического ряда обозначений копья
в немецком языке в диахронии

	двн.	свн.	метательное	колющее	охота	пехота	всадники	архаизм	заимств.
1.	+	+	+	+				–	–
2.	+	+	+	+	+			–	–
3.	+	+	+	+				+	–
4.	–	+				+	+	–	+
5.	–	+				+	–	–	+

Заключительным этапом лексико-семантического анализа стало сравнение семантической характеристики лексем на разных этапах их бытования. При проведении сравнительного анализа данных из таблицы 1 и таблицы 2 были выделены следующие паттерны эволюции значений элементов синонимического ряда обозначений копья в немецком языке (нумерация соответствует приведенному выше списку лексем):

1. специализация значения (появление специального значения для спортивной сферы), сохранение центральной позиции в ряду;

2. генерализация значения (утрата семы «копье для охоты») и архаизация в современном немецком (историзм);

3. архаизация значения (уже в средневерхненемецком) и появление соответствующей стилистической окраски;

4. стилистические свойства куртуазного неологизма в средневерхненемецком, специализация (сужение значения до «копья всадников») и архаизация в современном немецком (историзм) и идиоматизация (появление переносного значения);

5. стилистические свойства неологизма в Позднем Средневековье, архаизация в современном немецком (историзм) и идиоматизация (появление переносного значения).

Общее направление эволюции синонимического ряда обозначений копья в немецком языке можно, таким образом, охарактеризовать как количественное расширение ряда в средневековом немецком за счет заимствований со специальным значением и последующую генерализацию значения опорного элемента ряда с постепенным сдвигом на периферию остальных лексем, приобретающих стилистические коннотации разного рода. Как подобная эволюция языкового материала коррелирует с развитием реалий, которые стоят за этим языковым материалом, необходимо изложить отдельно в выводах к настоящему исследованию.

ВЫВОДЫ

Чтобы проследить закономерности эволюции лексики языка в ее связи с экстралингвистическими коррелятами в случае с синонимическим рядом обозначений копья в немецком языке, необходимо связать историю реалии с развитием ряда ее обозначений в языке. В случае с копьем и пятью лексемами, являющимися элементами синонимического ряда обозначений копья в немецком языке, можно сделать следующие выводы:

1. количественное расширение синонимического ряда в средневерхненемецком связано с распространением куртуазной культуры и особым значением копья в вооружении рыцаря (как практическим, так и символическим);

2. отсутствие изначально специализации или четкого распределения «колющее / метательное оружие» и «копье всадника / копье пехоты» у исконных немецких лексем (*der Sper*, *der Spieß*, *der Ger*) можно соотнести с универсальностью копья в эпоху Раннего Средневековья;

3. специализацию заимствованных лексем в средневерхненемецком необходимо связать с эволюцией способов ведения боя: усилением в Высоком Средневековье роли всадников, появлением рыцарских турниров и особого типа боевых и турнирных копий, с одной стороны, и дальнейшим развитием способов сражения в Позднем Средневековье, где доминирующей силой оказывается пехота; это согласуется с фактом позднего заимствования лексемы *die Pike*, а также со специализацией значения *die Lanze* уже в современном немецком языке;

4. заимствования из старофранцузского, развивающие переносные значения в современном немецком, обладают специализацией по признаку «копье всадника / копье пехоты», тогда как *der Ger*, связанное, по всей видимости, со старым универсальным копьем древних германцев, становится архаизмом уже в средневерхненемецком языке и сохраняет эту стилистику в современном немецком;

5. генерализация значения лексемы *der Spieß* обуславливается, очевидно, потерей значимого для Средневековья и в том числе рыцарской культуры противопоставления боевого копья и копья для охоты, тогда как лексема *der Sper*, сохраняя центральные позиции в ряду синонимов, получает, по всей видимости, благодаря своим свойствам опорного слова актуальную специализацию, связанную со спортивной сферой.

Таким образом, очевидной оказывается взаимосвязь истории развития реалии и эволюции лексических средств для обозначения этой реалии в немецком языке. История копья как предмета вооружения в европейской культуре находит отражение в том, какие изменения претерпевает синонимический ряд обозначений копья в немецком языке – от древности до современности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение, возвращаясь к вопросу о связи слов и вещей, необходимо со всей осторожностью отметить, что, наблюдая описанную в статье корреляцию между языковым материалом и экстралингвистическими явлениями, можно лишь ответить на вопрос о том, какими путями следует эволюция лексики языка в ее связи с историко-культурными процессами, но невозможно дать ответ на вопрос о причинах подобного развития. Это и не входит в задачи лингвистического по своей сути исследования лексики языка. Однако выявление связей и взаимовлияния между языковыми и культурными сообществами, общих паттернов развития языка и культуры его носителей представляет собой основную задачу историко-куль-

турного подхода к изучению эволюции лексики языка в русле направления «Слов и вещей», что и было продемонстрировано в данной статье при рассмотрении конкретного случая эволюции синонимического ряда обозначений копья в немецком языке в ее связи с историей самой реалии.

ЛИТЕРАТУРА

Окшотт 2004 – *Окшотт Э.* Археология оружия. От бронзового века до эпохи Ренессанса. М., 2004.

Трубачев 2008 – *Трубачев О.Н.* Труды по этимологии: Слово. История. Культура. Т. 3. М., 2008.

Benecke, Müller, Zarncke – *Mittelhochdeutsches Wörterbuch von Benecke, Müller, Zarncke*, digitalisierte Fassung im Wörterbuchnetz des Trier Center for Digital Humanities, Version 01/23. URL: <https://www.woerterbuchnetz.de/BMZ>

DWDS – *Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache*. URL: <https://www.dwds.de/>

Hüpper-Dröge 1983 – *Hüpper-Dröge D.* Schild und Speer. Frankfurt am Main; Bern; New York, 1983.

Jolles 1929 – *Jolles A.* Die heilige lanze // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. Halle; Saale, 1929. S. 63–64.

Lexen – *Mittelhochdeutsches Handwörterbuch von Matthias Lexen*, digitalisierte Fassung im Wörterbuchnetz des Trier Center for Digital Humanities, Version 01/23, URL: <https://www.woerterbuchnetz.de/Lexen>

Mödlinger 2011 – *Mödlinger M.* Herstellung und Verwendung bronzezeitlicher Schwerter Mitteleuropas. Bonn, 2011.

Munske 2005 – *Munske H.H.* Wortschatzwandel im Deutschen // Lexikologie. Ein internationales Handbuch zur Natur und Struktur von Wörtern und Wortschätzen. Berlin; New York, 2005. S. 1385–1398.

Pfeifer – *Pfeifer W. et al.* Etymologisches Wörterbuch des Deutschen. 1993. Digitalisierte und von Wolfgang Pfeifer überarbeitete Version im Digitalen Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de/d/wb-etymwb>

Reichmann 1969 – *Reichmann O.* Deutsche Wortforschung. Stuttgart, 1969.

Reichmann, Wolf 1998 – *Reichmann O., Wolf D.* Historische Lexikologie // Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung. Berlin; New York, 1998. S. 610–643.

San-Marte 1867 – *San-Marte* (pseud. Schulz A. van). Zur Waffenkunde des älteren deutschen Mittelalters. Leipzig, 1867.

Shippan 2005 – *Shippan T.* Neologismen und Archaismen. Fallstudien // Lexikologie. Ein internationales Handbuch zur Natur und Struktur von Wörtern und Wortschätzen. Berlin; New York, 2005. S. 1373–1379.

Schröder 1920 – *Schröder F.R.* Eröffnung des Kampfes durch Speerwurf // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. Halle; Saale, 1920. S. 348–349.

ЭПИСТЕМЫ ЭФФЕКТИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ИСТОРИИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Г.А. Баева, Л.Ф. Бирр-Цуркан

Auf die Enderung der Sprache folget eine Enderung der Sitten.
Verenderte Sitten pflegen gemeiniglich das gemeine Leben also zu enderen,
daß Unglückk und Untergang auf dem fusse daher folget.

J.G. Schottel. Neu erfundenes Freuden Spiel genandt Friedens Sieg

1. ВВЕДЕНИЕ. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Одной из значимых, базовых функций языка является эпистемическая, связанная «с основной общественно значимой (опосредованной мышлением) формой отражения окружающей человека действительности и самого себя, т.е. формой хранения знаний о действительности» [Кибрик 1990: 604]. В то время как познавательная, или когнитивная, функция как средство получения нового знания о действительности связана, как указывает А.Е. Кибрик, прежде всего «с мыслительной деятельностью человека (в единицах языка и их свойствах материализуются структура и динамика мысли), т.е. языковые единицы приспособлены как для номинации элементов действительности (и, далее, хранения знаний), так и для обеспечения потребностей мыслительного процесса», эпистемическая функция «связывает язык с действительностью (в единицах языка в виде гносеологических образов закрепляются элементы действительности, выделенные, отображенные и обработанные сознанием человека)» [Кибрик 1990: 604].

Одну из форм проявления языковой эпистемности представляют собой правила хорошего тона (*gutes Benehmen*), которые можно условно интерпретировать как социально приемлемые нормы поведения [Schwarz-Friesel 2007: 25–26], включающие в себя выработанные в обществе и регулируемые им эпистемы эффективного коммуникативного взаимодействия. Правила хорошего тона – это свод этикетных предписаний, которых необходимо придерживаться, чтобы считаться хорошо воспитанным, добрым, учтивым, корректным, «своим» в определенном обществе или его части [Paul, Hafnerland 1996; Формановская 2007: 126–127]. Следование таким правилам предполагает фактическую или желаемую групповую принадлежность участников коммуникации, поэтому ее можно рассматривать как средство установления индивидуальной и коллективной идентичности [Althoff 1994]. Они отражают культурные и социальные ценности (иерархию, социальные роли, личностные, возрастные, гендерные и др. отношения) и служат установлению и поддержанию отношений между участниками коммуникативного взаимодействия. Отсюда вытекает тот факт, что эпистемы правильного, хорошего поведения подвергаются социокультурным измерениям, т.е. являются социально «чрезвычайно динамичной конструкцией» [Ehrhardt, Neuland 2009: 11], которая имеет и диахронические, и социальные особенности, подчиненные культурно-историческому развитию общества и в этом

смысле является результатом «цивилизационных процессов». Другими словами, формы и стратегии правил хорошего тона и вежливости – индекс социальных и культурных ценностей общества на разных этапах его развития.

Коммуникативный феномен правил хорошего тона в немецком языке связан с лексемой *Höflichkeit* (вежливость), восходящей к *Hof* (ср. также *hofieren*, *höflich*; *mhd. hoflich*, *hovelich* = *hofgemäß*, *fein*, *gesittet* u. *gebildet*) [Lexner 1992], и, собственно, указывает на место, где практиковалось «вежливое поведение» (*höfliches Verhalten*), т. е. на рыцарский средневековый двор XII–XIV вв. [Ehrismann 1995]. Поведенческий кодекс рыцарского сословия отличался ритуальностью и особым речевым этикетом, базирующимся на рыцарских добродетелях, таких как честь, мужество, благородство, воспитанность, умеренность. Многие коммуникативные формулы того времени, претерпев определенные социально-исторические изменения, сохранились и в современном немецком языке [Баева, Третьякова 2012; Бирр-Цуркан 2012; Lechtermann 2003].

Дворянское, «высокое» происхождение лексемы *Höflichkeit* отразилось в том, что практически до конца XIX в. в сословном обществе вежливость выполняла функцию кодирования социальной принадлежности и иерархии: «[D]istance politeness has been characteristic of the middle and upper classes in most of Europe for a very long time» [Lakoff 1990: 37].

Условно история эпистем хорошего тона и поведения базируется на историко-социальных этапах в развитии немецкого общества и языка: период придворной культуры Средневековья, аристократическое общество эпохи барокко и «аламоде», буржуазный период XVIII–XIX вв. и, наконец, период демократизации общества в конце XIX в. и в XX в. [Linke 1996: 72–74]. Рассмотрим некоторые особенности формирования правил культуры речи и эпистем эффективной коммуникации в отдаленные эпохи.

2. ЭПИСТЕМЫ ЭФФЕКТИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ В СРЕДНИЕ ВЕКА

В придворном обществе Германии в XII в. развивается сложная система поведения с объединением христианских добродетелей и социальных норм поведения [Bumke 2002]. Именно в этот период зарождается так называемая «регламентированная вежливость» (*geregelte Höflichkeit*) [Wenzel 1991: 21], направленная на самовыражение представителей высших слоев общества и их презентацию во внешнем мире. Фигуре дворянина и рыцаря противопоставлялся необразованный, грубый крестьянин, «мужлан», «дереवेशина», который вошел в придворную литературу того времени как *villain* или *dörper* [Ehrismann 1995; Lexner 1992]. Специфика речевого поведения героев рыцарских романов достаточно хорошо исследована [Wenzel 1988; Unzeitig, Miedema, Hundsnurscher 2011; Miedema 2012; Бирр-Цуркан 2012].

При анализе литературы немецкого Средневековья противопоставляют учтывые и неучтывые речи персонажей, перечисляя основные лингвистические средства вежливой коммуникации:

Höflichkeit äußert sich [...] in der Verwendung bestimmter performativer Verben (z.B. ‚fragen‘, ‚bitten‘), Modalverben (etwa ‚dürfen‘) und Partikeln bzw. hedges (z.B. ‚nur‘, ‚ja‘, ‚doch‘), in der Wahl der Satzarten (insbesondere in der bevorzugten Verwendung von Frage statt Aussagesätzen, sowie von Konditionalgefügen) und im Gebrauch des Modus (d.h. des Konjunktivs).

Wichtiger noch ist jedoch die Tendenz zur Abschwächung der Illokutionsindikatoren, insbesondere im Bereich der Direktiva: Statt eines Befehls, einer Aufforderung, wird eine Bitte

verwendet, die möglichst in Form einer Frage formuliert wird. So entstehen Formen kommunikativer Indirektheit, bei denen die eigentlichen Illokutionen nicht allzu offensichtlich zur Schau getragen werden [Miedema 2007: 191]¹.

Набор указанных в цитате выше средств передачи вежливости сохраняется и в современном немецком языке. К ним присоединяются местоименные обращения «ihr» и «du» для маркирования социальной дистанции при асимметричном обращения: равенство допускает симметричное, по крайней мере, для высших слоев общества, для низших применимо только «du», ср.:

Sozialer Abstand bewirkt Asymmetrie der Anrede, Gleichstand lässt symmetrisches ir oder auch du zu, wenigstens bei den Oberen, bei den ‚Niederer‘ gilt nur du [Besch, Wolf 2009: 117; Besch 1998; Simon 2003].

Эпистемы эффективного речевого поведения и культуры речи широко обсуждались в дидактической литературе позднего Средневековья в духе воспитательно-назидательных и предписывающих рекомендаций. Помимо описаний нравов и обычаев общества в них хорошо «расписана» палитра эпистем хорошего тона в соответствии с конкретной коммуникативной ситуацией. Глубина и важность следования этим правилам, значимость взвешенной во всех отношениях речи обобщается, например, в поэме «Bescheidenheit» Фрейданка (Freidank), странствующего поэта начала XIII в. Уже в самом названии заложен основной смысл поэмы – житейская мудрость [Lexner 1992: 16].

В поэме Фрейданка «как в мировом зеркале» (В. Гримм) показаны различные сословия, от пап и императоров до слуг с их добродетелями и пороками. Здесь дано значительное число мудрых сентенций, зачастую не связанных друг с другом, но проникнутых благочестием, любовью к людям, верой в торжество свободы и правды. Лейтмотивом поэмы могут служить следующие высказывания о языке и речи:

Guot rede ist ûf der erde / im aller hœhsten werde [Freidank I, 42, 5] – Хорошая речь в высочайшем почете на земле.

Vî rede erkenne ich tôren, / den esel bî den ôren [Freidank II, 82, 10] – По речи я узнаю дурака, точно так же как осла по ушам.

Другой современник Фрейданка – Томан / Томазиус фон Церклере, автор поэмы «Welscher Gast», название которого можно перевести и как «Заморский гость» и как «Гость-невежа», – создает свод правил хорошего тона, написанный «от противного» в традициях гробианской литературы, т. е. повествующий о том, как не надо себя вести и почему. Концентрируясь, главным образом, на правилах поведения за столом, автор тем не менее в разных частях поэмы обращает внимание на «речевое поведение» [Wenzel 1991]:

Swer übele zu dem andern reit, / des wirt im zwirnt als vil geseit [Zerclaere VII, 124].

¹ «Вежливость выражается в использовании определенных перформативных глаголов (например, ‚fragen‘, ‚bitten‘), модальных глаголов (типа ‚dürfen‘) и частиц или *hedges* (например, ‚nur‘, ‚ja‘, ‚doch‘), в выборе типов предложений (в частности, предпочтительны вопросительные предложения вместо повествовательных, а также условные придаточные) и в использовании модуса (т. е. конъюнктива). Еще важнее, однако, тенденция к ослаблению иллокутивных индикаторов, особенно в директивах: вместо приказа, побуждения используется просьба, которая по возможности формулируется в виде вопроса. Так возникают формы коммуникативного дистанцирования, при которых собственные иллокуции становятся не так очевидны» (здесь и далее перевод наш. – Г.Б., Л.Б.-Ц.)

Swer hâ tugenthaften muot, der sol nicht sprechen niwan guot. / daz guot man gütlichen sol / sprechen, swer wil sprechen wol. / swelich man kann merken wenne / er spreche, der spricht nâch rehte denne [Zerclaere VII, 561–566].

В последней из приведенных цитат описывается добродетельный человек, сдержанный в своих высказываниях и никогда не говорящий дурного, которому противопоставляется «плохой» человек, вызывающий своими речами раздор и ссоры.

В построенных от противного правилах эффективности речевого общения автор указывает на главные составляющие речевой ситуации: с кем, о чем, с какой целью, когда и при каких обстоятельствах ведется разговор, незнание или пренебрежение которыми ведет к дурным поступкам:

Ich hân gehôrt unde gelesen, / man sol ungerne müezec wesen. / ein ieglich biderbe man sol / zallen zîten sprechen wol / ode tuon ode gedenken: / von dem wege sol er niht wenken <...> Swenn man niht ze tuon hât, / man habe den sin und ouch den rât / daz man eintweder spreche wol / od gedenke daz man sol [Zerclaere VII, 141–152].

И далее в тексте:

Ich will iu sagen, swelich man / mit sinne niht erahten kan / von wem, ze wem, way, wie und wenne / er rede, ez schadet im entwenne. / Man sol sehen von wem man seit: / der vrum ist von dem böesn gescheit. / dehein man sol dem klaffære / sagen tougenlîchiu mære. / swer hât tugenthaften muot, / der sol niht sprechen niwan guot. / daz guot man gütlichen sol / sprechen, swer wil sprechen wol. / swelich man kann merken wenne / er spreche, der spricht nâch rechte denne [Zerclaere VII, 553–566].

Как вердикт звучат слова о том, что тот, кто не примет эти советы автора, – плохой (*unsælec*) человек:

...swer si (die rede) niht enkan / rihten, ist ein unsælec man [Zerclaere VII, 987].

Доминирует в произведении сочетание прилагательного *bæse* с наименованиями речевых действий, обычно *bæse rede*, т. е. неучтивая, непродуманная, «злая» речь, следствием которой может стать не только непонимание, но и дурные поступки: злодеяние, ненависть, гнев, презрение, враждебность и др.:

nâch bæser rede kumt missetât ... (VII, 210); bæser schimph macht haz, zorn, nôt, / zorn vîntschafft, vîntschafft tôt [Zerclaere VII, 667–668].

Не отстает от упомянутых выше авторов и Гуго фон Тримберг. В его поэме «Скакун» достаточно много прямых и косвенных упоминаний о речевой деятельности человека. Здесь, как и в предыдущих наставлениях, звучит поучение использовать «сладкие слова» *süeziu wort* (Trimberg VI, 565) вместо «плохих слов» *vil bæser worte*, которыми часто сопровождается речевое поведение подвыпившего человека. После советов для «праведной жизни» и перечисления смертных грехов, автор списком дает несколько оценочных словосочетаний и глагольных лексем, многие из которых являются *verba dicendi* (например: *rüemen, tratzen, spotten, schallen, dröuwen, smêhen, übel sprechen, liegen, triegen, fluochen, schelten, sweren*). Ср.:

Ketzerie, rüemen, tratzen, / Spotten, schrîen, roufen, kratzen, / Schallen, brehten, reien, springen, / Stürmen, vehten, loufen, ringen, / Rouben, brennen, morden, stechen, / Dröuwen, smêhen, übel sprechen, / Stôzen, twingen, vâhen, slahen, / Rennen, sprengen, würgen, hâhen, / Vürnêmischiu hertikeit, / Stolzieren und bæsiu glîchsenheit, / Loter wise und loter kleit. / An trinken, an spîse unmêzikeit, / Zoubern, goukeln, liegen, triegen, / Fluochen,

schelten, sweren, kriegen: / Diz ist der hôchferle ingesinde, / Bî dem ich selten iht guotes vinde [Trimberg VI, 285–300].

Далее, в главе «О лжи» (Von liegen), Тримберг сосредотачивает свое внимание исключительно на отрицательных характеристиках речи: *врать, предавать, ругать, угрожать, кричать, гневаться, бушевать* и др.:

Liegen, triegen, schelten, brehten, / Drôen, sweren, gein got vehten, / Trätzen, schrîen, übel sprechen, / Morden, stürmen, triuwe brechen / Sint des zornes drabe knehte, / Die alle rûschent mit gebrehte, / Den man iren rûm muoz lâzen, / Swenne si varnt die frîen strâzen. / Bescheidenheit muoz in entwîchen, / Des nîdes gesinde siht man slîchen / Bî der strâzen ûf den stîgen: / Snudern, smocken unde swîgen, / Innen ruoz und ûzen krîden, / Nâchkôsen, als ein scharsach snîden, / Metten, liegen, nase rimpfen, / Spotten, gucken, valschez schimpfen, / Itewîzen, fluochen, smêhen, Valschez rûnen, dieplich spehen, / Ougen spitzen, zene wetzen, Valsche rête, mörtlich hetzen, / Nîthart, Siurinc, Slangenzagel, / Billunc, Nîdunc, Tugenden hagel / Sint des nîdes spiezslîfêre, / Aller untugende nâchgrîfêre [Trimberg VI, 14149–14172].

Поучительно также звучат наставления с целью избежать отрицательных последствий от произнесенной речи в главе «О языке» (Von der zungen).

Обобщая описанное выше, можно констатировать, что куртуазная придворная культура речи и эпистемы вежливости в духе рыцарского кодекса, несомненно, соотносятся с хорошими манерами, элегантностью в поведении и утонченностью в словесном выражении. Здесь становится очевидным прогрессирующее семантическое сближение понятий «вежливый» и «культурный». Начиная с конца XIV в. зарекомендовавшие себя рыцарские правила поведения перенимаются дворянским сословием и зажиточными бюргерами.

3. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ РОДНОГО ЯЗЫКА И КУЛЬТУРА РЕЧИ

Эффективность речевого поведения на немецком языке тесно связана с распределением сфер влияния языка в обществе: в Германии довольно долго в общественных, религиозных и образовательных сферах господствовала латынь, и проникновение немецкого языка в эти сферы было процессом медленным.

В XIV–XVI вв. происходит медленный переход делопроизводства на немецкий язык, постепенно культура речи и развитие вежливых языковых форм ставятся во главу угла в учебниках по обучению грамоте и разнообразных формулярах и письмовниках, предназначенных в первую очередь для соответствующих канцелярских служб, для корректного письма в деловой и личной корреспонденции. Искусство «*писать по-немецки чисто*» (*rein zu schreiben*) состоит не только в уместном использовании устойчивых рутинных формул в качестве приветствий и обращений и в стилистической грамотности письменной речи, также обязательными становятся вежливость и изящность изложения.

Так, Фабиан Франк (*Fabian Frangk*) в наставлении «Ein Cantzley und Titel bûchlin» (1531) дает практически первый в немецком языке перечень обращений и подчеркивает важность правильного и *соразмерного* (*angemessenen*) использования титулов в зависимости от социального статуса, общественного положения, возраста, пола и степени родства адресата:

Folgen die Titel des / Undern grads an den Adel. / Einem Ritter vom Aldem / Adel / schreibet man also. / Dem Edlen und Gelfrengen Herrn Ul|derichen choff / Gotfche gnant / Ritter / auffm Rinaft und Greiffen stein / Meinem gûnftigen herrn [Frangk I, f. Eijjv].

Своим справочником Франк закладывает традиции будущих письмовников и формуляров на все случаи жизни (тип текста – *Ratgeber*), но почти не дает метаязыковой характеристики перечисленным формульным сочетаниям, его в основном занимает создание писем, соответствующих стилю и риторике, ибо правильное использование шаблонных фраз с точки зрения их институционализации и соответствия социальному статусу адресатов является для него необходимым индексом стилистической компетентности в письменной речи. В правильном использовании обращений и титулов как раз и заключается искусство «*писать чисто*» (*rein zu schreiben*). Неоднократно Франк указывает на то, что письма всех видов должны быть написаны без «*украшательных слов*» (*geschmückten verblümbten worten*), по образцу языка лучших канцелярий и Лютера.

В этой связи интересны также стилистические рассуждения Мейхсснера в книге-справочнике 1538 г. «*HandtBüchlin grundlichs bericht*» о том, что в немецком мало используются синонимы (*die im teutschen schreiben wenig gebrucht / [...] umb kür'e willen vnderlassen*). Писать и говорить вежливо и изящно, по Мейхсснеру, значит подражать мудрости более старых ученых мужей и избегать простодушия невежд (IV, f.Jr). Этому способствует, например, использование сравнений и идиом, основанных на мудрости и опыте, типа *Listig Als ein Fuchs, Krftig Als ein Wolff, Hochfartig Als ein Pfow, kalt wie ys* и т. п.

Развитие вежливости как изящества, деликатности и утонченности письменного выражения (*Höflichkeit und Zierlichkeit*) находят свое обоснование и наглядность в работах, посвященных синонимам. Так, Л. Шварценбах в пособии под названием «*Synonyma*» (1554) занимается вопросами правильности употребления синонимов и указывает на семантико-прагматические различия между ними. Приведем в качестве примера глагол *abbrechen* и его синонимы:

Abbrechen. / Abblaten. / Abklauben. / Ablefen. / Abnehmen. / Abreifen. / Abawicken. / Wir fagen Blumen / Opffel / Birn / Kerfchen / vnd dergleichen Obft abbrechen oder abnehmen / Aber nit Hopffen abbrechen / sondern abblaten / abklauben oder abawicken / Also auch Wein oder Trauben lesen / vnd nicht abbrechen noch abblaten. Derhalben ind dergleichen vnterschied auch in andern Synonymis waraunehmen / vnnd nicht alle vermifcht gleich aufgebrauchen [Schwarzenbach f. Aijj].

Многочисленные «шаблонные» синонимичные выражения в справочниках для служащих канцелярий следует рассматривать как отражение распространенного в XVI в. и восходящего к античной риторике мнения, что красноречия можно достичь с помощью *variatio*, к которому относится и широкое использование в речи синонимов.

4. ПРАВИЛА ХОРОШЕГО ТОНА И ЭФФЕКТИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ В XVII в.

В XVII в. наряду с поисками изящных и галантных способов словесных выражений ведется борьба за чистоту языка. Например, представитель языкового общества Пегнезского цветочного ордена Г.Ф. Гарсдёрфер (1607–1658) в своем многостраничном труде «*Frauenzimmer Gesprächspiele*» («Женские разговорные игры») старается научить возвышенной риторике в дидактически подходящей форме разговора – беседе [Göttert 1991], перечисляет темы для бесед по различным отраслям знания, которые, по его мнению, служат всестороннему развитию человека и реализовывают идеалы общества. Другими словами, здесь правильность, корректность и галантность языкового выражения соединяется с эстетикой

[Stoll 1973; Пииярайнен 1996]. Выступая своего рода учителем и лингводидактом, автор предлагает упражняться в письме на заданные темы и разыгрывать устные диалоги как короткие театральные пьески. Интересно, что составление диалогов из шаблонных фраз Гарсдёрфер считает свидетельством богатства немецкого языка, и тем самым он ставит его в один ряд с другими европейскими языками: французским, итальянским и испанским [Moulin 2016]. В IV части «Женских разговорных игр» для тренировки изящного общения предлагаются ситуативные языковые игры. Так, в завершении игры на тему «Что такое счастье» игроки приходят к выводу, что счастье можно построить, если быть честным, знать себя и критически относиться к своим действиям, что обобщается автором в виде иллюстрации-рисунка [Harsdörffer: 256–257].

Развивая своими языковыми играми когнитивные способности говорящих и пишущих, Гарсдёрфер вступает и в дискуссию о вежливости и невежливости, косвенно поощряя невежливость (!), ибо из вежливости, по его мнению, проистекает много грехов; например, Адам из вежливости дал Еве запретный плод; вежливость заставляет людей есть, пить и спать тогда, когда это предписано и «нравится кому-то другому», и т. д.:

D[egenwert]. Die Höflichkeit ist die gründliche Ursach alles Unheils. Adam hat die verbotene Frucht von der lieben Hand seiner Eva nicht wollen ausschlagen/ und hat also aus Höflichkeit alle seine Nachkommen in endliches Verderben gesetzt [Harsdörffer: 447]

J[ulia] Die Höflichkeit ist ein Fesselband der Knechtschaft / indem man essen / trinken und schlaffen muß / nicht wann man will / sondern wann es andern gefället [Harsdörffer: 447].

Именно вежливость, по мнению автора, не дает, например, какому-нибудь графу услышать правдивое суждение о положении дел в его графстве, что ведет в конечном итоге к тому, что люди и страна плохо управляются. В результате таких рассуждений делается вывод о том, что «вежливость – враг правды и друг неправды» [Harsdörffer: 454].

Значительную роль в понимании способов достижения эффективной коммуникации в немецком обществе сыграли своды правил поведения (нем. *Venimmbücher / Anstandsliteratur*), традиция которых зарождается в XVII в. Одной из первых книг этого жанра в Европе стала изданная в 1530 г. на двух языках – латинском и немецком – «Liber aureus Erasmi Roterodami, De Civilitate Morum Puerilium» Эразма Роттердамского. Эта книга, пережившая несколько изданий, была обращена к сыну Адольфа Бургундского (*Dem edlen und tapfern Knaben Heinrichen von Burgundien des Fürsten Adolphi zu Verian Sohne*), однако косвенным адресатом Эразма стали представители подрастающего поколения. «De Civilitate» изучалась в школах и считалась базовым произведением среди сводов правил поведения. Автор видит свою основную задачу в воспитании молодежи, одной из важнейших составляющих которого с малых лет является освоение правил вежливого поведения:

Das Ampt aber die Jugend zu unterweisen / stehet in vielen Stücken / unter welchen... Das vierte ist / das er alsbald von Kindesbein auff zu Höffligkeit der Sitten sich gewehne. Dieses letzte Theil hab ich mir nun eigentlich zu handeln fürgenommen [De Civilitate, im. 005–006].

В заключении к своей книге Эразм еще раз подчеркивает, что она обращена не только к Генриху – сыну Адольфа Бургундского, а ко всей молодежи:

Dieses geringe Geschenck / wie es dann auch an ihm selber ist / mein Heinrice / freundlicher lieber Sohn / habe ich der gantzen Gesellschaft aller jungen Knaben unter deinem Namen

verehren wollen / damit diesem Fürstengeschenke / dir zugleich deine Mittgeselln geneiget und wolbewogen / auch ihnen die freyen Künste und Sitten anmutig / süß unnd lieblich machen mögest. [De Civilitate, im. 102–103]

Значительное место в сводах правил поведения отводится вежливости, понимаемой в основном традиционно, как и в прежние времена: здесь прослеживается связь с придворным этикетом, галантностью, куртуазностью. Об этом говорится и в «Kürzliche Anweisung zu Complimenten» (1736):

Die Höflichkeit führet ihren Nahmen und Ursprung vom Hof=Leben, wofelbst man untereinander mehr Ehrerbietung und Manier im Reden als sonst, unter dem gemeinen Mann, im Bürgerlichen Leben, gebraucht: Und diejenige, welche oft mit Hofleuten umzugehen pflegen, bezeugen mehr, als zur Genüge, daß man auch, mit der Zeit das unbefcheidene Wesen ablegen, und mit der so beliebt = als belobten Höflichkeit verwechseln könne [Kürzliche Anweisung: 13–14].

Тем не менее своды правил поведения не считают вежливость прерогативой исключительно придворных. Вежливость подразумевает умение общаться с представителями любых сословий. Не случайно среди так называемых *Benimmbücher* появились книги, обращенные к представителям самых разнообразных сословий, например: «Kürzliche Anweisung zu Complimenten und höflicher Condvite, für Personen Bürgerlichen Standes» («Краткая инструкция по комплиентам и вежливому поведению для особ гражданского сословия», 1736); «Die Artige Welt in allen Ständen» («Воспитанный мир во всех сословиях», 1769) и др.

В сводах правил поведения вежливость понимается как некая практическая ценность. Так, в книге «Die Manier, wie man sich in der Conversation, sowol gegen Hohe und vornehme Personen: als seines Gleichen und Frauenzimmer / bescheiden und klüglich verhalten; auch zu einer galanten Conduite gelangen möge» (1717) говорится о необходимости вежливого поведения для того, чтобы получить соответствующую оценку со стороны общества:

In der Welt sein Glück zu machen / und bey allen honetten Leuten sich in guten Credit zu setzen / muß man sich einer rechten Conduite befleißigen / das heißt: Man muß sich also aufzuführen wissen / daß man vor klug und tugendhaft gehalten werde [Die Manier: 29].

Как и прежде, большинство сводов трактует вежливость как скромное и достойное поведение:

Die Höflichkeit, wovon wir allhier einige Regeln geben wollen, ist nichts anders als die Bescheidenheit und Ehrbarkeit, welche ein jeder in seinen Reden und Handlungen beobachten soll [La Civilité Moderne: 31].

Es liegt dermalen in der Welt viel daran, daß man bescheiden zu reden, und anständig sich zu geberden wisse, indeme man von diesem eufferlichen auf das Innerliche mehrentheils schließet [Das nach der neuesten Art: 7].

Общие правила приличного поведения, которые являются условием успешной коммуникации в обществе, включают, например, такие требования, как: открыто смотреть на собеседника, говорить четко, не выказывать своих переживаний, не размахивать руками, не хвататься за собеседника, не шаркать ногами и т. д.:

Ein kluger Mensch darf, bey ihme noch unbekandten oder vornehmen Leuten, die Augen nicht zur Erde kehren, aus Schrecken stammeln und erzittern; sondern muß mit bescheidener Manier und Geberden, die Leute freundlich anschauen, und alle unanständige Furcht verlassen; jedoch muß er darneben nicht auf eine allzugroße Frechheit gerathen, und in seinen Reden solche mißfällige Affecten bezeigen, welche nach der Charletanerie schmecken; auch unter dem Reden nicht mit den Händen, den Leuten unter der Nase, herum fahren, sie bey den

Kleidern, Ermeln, oder Knöpfen faffen und solche herum drehen, auch nicht beständig den Fuß streiffen, dem Frauenzimmer nicht immer ins Angesichte, und zumal mit verliebten Blicken, sehen, und eben auch nicht immer hin zur Erden wenden [Kürzliche Anweisung: 16].

Новое понимание эффективной коммуникации находит отражение в композиционном построении большинства сводов правил поведения: авторы предлагают читателю совершенно конкретные ситуации, в которых следует себя вести именно так и не иначе. Ситуативное построение сводов правил поведения позволяет продемонстрировать основные этикетные ситуации, перечень которых включает, наряду с традиционными приветствиями, благодарностями, извинениями, прощениями, также приглашение, выражение соболезнования при утрате близкого человека, поздравления по различным поводам, равно как и требования к поведению за столом, на танцах, в путешествии и т. д.

Кроме описания общих эпистем этикетного поведения в тех или иных ситуациях, *Benimmbücher* предлагают примеры обращения к собеседнику, в зависимости от занимаемого им ранга. Например, «Die Manier, wie man sich in der Conversation... verhalten... möge» построена таким образом, что главы книги посвящены, с одной стороны, определенным ситуациям (Cap. IV. *Von der Conversation auf Reisen* ‘О беседах в путешествии’, Cap. V. *Von der Conversation auf Universitäten* ‘О беседах в университетах’), а с другой стороны, обращению к собеседникам в зависимости от их ранга или занимаемой ими должности (Cap. II. *Von der Aufführung bey Hof und sonderlich Stands = Personen* ‘О поведении при дворе и с лицами особого положения’; Cap. III. *Von der Conversation mit Ministris und andern Hof = bedienten* ‘О беседах с министрами и прочими придворными’).

Адресатам предлагаются формулировки, соотношенные с ситуацией общения и занимаемым адресатом положением. Например, в § 28 главы III «*Von der Conversation mit Ministris und andern Hof = bedienten*» говорится о том, как правильно поздравить служащего среднего звена по случаю очередного дня рождения:

§ 28 Ist es ein Bedienter von mitt=lerer Condition, so pflegt man auch keine lange Compliment zu machen / sondern könnte genug sein: § 29 Ich gratuliere meinem hochgeehrten Herrn Kämmerer zu glücklich erlebtem Neuen Jahr / wünsche diese und viel folgende alle Prosperität / und empfehle mich zu guter Affection [Die Manier: 83].

Примером сводов рекомендаций по совершенствованию навыков ораторского искусства в той или иной ситуации общения может послужить труд Кристиана Вайдлинга (D. Christian Weidlings. «Oratorischer Hofmeister, welcher angenehme Instruction schencket Lehr-begierge Untergebene in allen Stücken politer Rede = Kunst glücklich anzuführen», 1697), включающий среди прочего такие примеры речей, как *Abdankungen* ‘Отставка’, *Vermählungs = Reden* ‘Речи при бракосочетании’, *Huldigungs = Reden* ‘Хвалебные речи’, *Verpflichtungs = und Introduktions = Reden* ‘Речи-обязательства и представления’, *Fundation = und Einweihungs = Reden* ‘Речи при основании и освящении’, *Land = Tags = Reden* ‘Речи в ландтаге’, *Fürstl. Testaments = Reden* ‘Княжеские речи-завещания’, *Fürstliche Annehmungsreden* ‘Акцептирующие княжеские речи’, *Glückwünschungs = Reden* ‘Речи-поздравления’ и т. д.

Свои рекомендации Кристиан Вайдлинг предваряет рассуждением о пользе правильного, эффективного использования слов и выражений:

Wer Tonnen Goldes auff Capital legen will / muß auch 1000 Thaler nicht verachten: Und wer das Lob eines vollkommenen Redners zu erwerben sich bemühet / suche sich zuvor in der doctrin de periodis feste zu setzen / damit er capable werde / nette Worte mit einander zu verbinden [D. Christian Weidlings Oratorischer Hofmeister: 1].

Отдельную главу Кристиан Вайдлинг посвящает разного рода «комплиментам», например, выражение соболезнования (Condolence=Compliment an einen Vater / welchem der einzige Sohn / und mit ihm die Hoffnung des ganzen Adel. Hauses gestorben), поздравления (General=Gratulation=Compliment auf alle Fälle an eine sehr hohe Person), просьба (General=Bitt=Compliment), вручение подарка (General=Befchenkung=Compliment), приглашение (General=Invitation=Compliment), благодарность (General=Danck=Compliment), прощание (General=Abfchieds=Compliment) и т. д.

При этом комплимент понимается Кристианом Вайдлингом, равно как и другими авторами немецких сводов правил поведения, не как похвала, а как определенное этикетное обращение к адресату в зависимости от ситуации общения.

Глава VIII посвящена очень важной, с точки зрения автора, теме для достижения эффективной коммуникации – написанию писем:

Die Notwendigkeit und Nutzen dieses Kunst-Stücks zu erklären sehe ich keine Noth. [D. Christian Weidlings Oratorischer Hofmeister: 1105].

Кристиан Вайдлинг приводит образцы оформления писем на разные случаи коммуникативных практик, повторяющихся, в принципе, ситуации общения, выделенные им в главах о «комплиментах». Особое внимание в этой главе уделяется формулировке обращений с учетом титулов и т.п.

Надо сказать, что тема обращений в этот период занимает существенное место в сводах правил поведения. Так, например, в «Kürzliche Anweisung zu Complimenten» говорится о необходимости правильно использовать титулы и соответствующие им эпитеты:

Die Ehre und Würde eines vernünftigen Menschen erfordert nothwendig auch die billig daran haftende Prädicate und Tituln, womit sie vor andern distinguiert und beehret werden sollen [Kürzliche Anweisung: 37].

И далее перечисляются обращения в зависимости от ранга адресата:

I. Den Römischen Kayser. Allerdurchleuchtigster, Grosmächtigster und Unüberwindlichster Kayser. Allergnädigster Herr. Auch sonst im Tert: Ew. Kayserl. Und Königl. Cathol. Majestät [Kürzliche Anweisung: 37]; II. Denen Königen. Allerdurchleuchtigster, Großmächtigster König: allergnädigster Herr. Im Tert: Ew. Königl. Majestät. [Kürzliche Anweisung: 38]; III. Denen Churfürsten. Durchleuchtigster, Großmächtigster Churfürst, gnädigster Herr. Sonst aber Ew. Churfürstl. Durchleucht. [Kürzliche Anweisung: 38]; IV. Herzogen und Fürsten. Durchleuchtigster Herzog, Durchleuchtigster Fürst, Gnädigster Fürst und Herr. Sonst Ew. Hochfürstlichen Durchl. [Kürzliche Anweisung: 38]; V. Denen Grafen. Hochgebohrner Graf, Gnädigster Graf und Herr. Im Tert: Ew. Hochgräfliche Excellenz oder Gnaden. [Kürzliche Anweisung: 38]; VI. Denen Freyherren und Barons. Hochwohlgebohrner Herr, Gnädiger Herr. Im Tert: Ew. Hochfreyherrl. Gnaden. Dieses Prädicat gebühret auch denen Generalen, Obersten, Geheimden Rathen, Reiche=Hof=Räthen, Canzlarn, Vice=Canzlarn und Abgefandten, denen man im Tert. Ew. Excellenz giebt. [Kürzliche Anweisung: 39] и т. д.

В книге «Die Manier, wie man sich in der Conversation... verhalten» также уделяется особое внимание форме обращений, которые обеспечивают нормальный ход коммуникации; например, в следующем отрывке говорится о разнице обращений «Meister» и «Herr», а также употребления местоимений «ihr» и «er»:

Das Wort Meister wollen diejenige / welche sich ein wenig wohlhabend befinden / fast nicht einmal leiden. Also muß man / nachdem einer ein wenig mehr / als das tägliche Brot hat / ihn schon Herr heißen. Das Ihr gilt auch nicht mehr / und ist es so hoch kommen / daß man die

Handwercker mit Er beehren muß / wenn man von ihnen will etwas gemacht haben... [Die Manier: 229].

Обращение выполняет роль адресации высказывания, а также отражает характер взаимоотношений между участниками коммуникации. Поэтому неудивительно, что авторы большинства сводов правил поведения ратуют за корректное использование обращений.

В конце XVII в. – начале XVIII в. в Германии в моду входит подражание всему французскому, включая язык. Влияние французского языка наблюдается не только в общественных сферах, но и в «салонном» немецком языке Германии XVII–XVIII вв. [Eggers 1977: 77–147]. В обществе в этот период времени эпистемы эффективной коммуникации сосредоточены в основном на кодировании иерархии, а также на развлечении собеседника и почти обязательном формулировании некоего назидания в контексте светской беседы [Linke 1996]. Позже, на следующих этапах развития общества и языка, этой тенденции начинает противостоять поиск эффективного, гармоничного и более демократичного общения.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обобщая сказанное выше, необходимо подчеркнуть, что эпистемы эффективной коммуникации формируются и вербализуются в немецком языке под сильным влиянием и по образцам французского и латинского языков. На протяжении долгого времени вежливость как основная эпистема эффективной коммуникации кодировала прежде всего факт социальной принадлежности. Система маркеров вежливого вербального и невербального поведения в своей основе складывается уже в средненемецком языке, затем подвергается ревизии со стороны представителей различных сообществ, писателей-дидактов, а также в пособиях-советах и расширяется за счет увеличения в основном манерных и церемониальных выражений, часто лишенных искренности и правдивости.

ЛИТЕРАТУРА

1. ИСТОЧНИКИ

Frangk F. Ein Cantzley und Titel Büchlin. Nachdruck der Ausgabe Wittenberg 1531. Hildesheim, 1979.

Fridankes Bescheidenheit / Hg. von H.E. Betzenberger. Aalen, 1962.

Harsdörffer G.Ph. Frauenzimmer Gesprächspiele. Teile I–VIII. Nachdruck der Ausgabe Nürnberg 1643–1649 / Hg. von I. Böttcher. Tübingen, 1968.

Meichßner J.E. Handtbuechlin grundtlichs berichts recht und wolschrybens der orthographie und grammatic (Documenta linguistica. Reihe 5).

Schwarzenbach L. Synonyma // Haß U. Leonhard Schwartzensbachs «Synonyma». Beschreibung und Nachdruck der Ausgabe Frankfurt 1564. Lexikographie und Textsortenzusammenhänge im Frühneuhochdeutschen. Tübingen, 1986.

Der Renner von Hugo von Trimberg / Hg. von G. Ehrismann. Bd. I–4. Berlin, 1970.

Thomasin von Zerclaere Der Welsche Gast / Hg. von F.W. von Kries. Bd. 1: Einleitung, Überlieferung, Text, Varianten des Prosavorwortes. Göppingen, 1984.

Liber aureus Erasmi Roterodami: De Civilitate Morum Puerilium. Ein güldenes Büchlein des Erasmi Roterodami von Höfflichkeit der Sitten und Geberden der blühenden Jugend Excufus Typis Petri Fabri. Sumptibus Friderici. Gruneri. Bibliopolæ Goburg. 1630. URL: <http://diglib.hab.de/drucke/374-5-quod-8s/start.htm>

Die Manier, wie man sich in der Conversation, sowol gegen Hohe und vornehme Personen: als seines Gleichen und Frauenzimmer/ bescheiden und klüglich verhalten; auch zu einer galanten Conduite gelangen möge. 1717. URL: <http://resolver.staatsbibliothek-berlin.de/SBB0000569800000000>

Kürzliche Anweisung zu Complimenten und höfflicher Condvite, für Personen Bürgerlichen Standes: Bey Geburten, Gevatterschafften, Kindtauffen, Anwerbungen, Verlöbnißsen, Hochzeiten, Gastereyen, Geburts- Nahmens- und Neu-Jahrs-Tagen, Kranckheiten, Absterben und Begräbnissen ; Nebst einem wohl-eingerichteten Trenchier-Büchlein, in möglichster Deutlichkeit verfasst. 1736. URL: <http://resolver.staatsbibliothek-berlin.de/SBB000056C300000000>

D.Christian Weidlings Oratorischer Hofmeister, welcher angenehme Instruction schencket Lehr-begierge Untergebene in allen Stücken politer Rede=Kunst glücklich anzuführen. 1697. URL: <https://www.digitale-sammlungen.de/de/search?query=%28Weidling%2C+Christian%3A+D.+Christian+Weidlings+Oratorischer+Hofmeister%29>

2. НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА, СЛОВАРИ

Баева, Третьякова 2012 – *Баева Г.А., Третьякова Т.П.* Развитие средств речевого этикета и ритуала // Очерки по исторической прагматике германских языков / Под ред. проф. Г.А. Баевой. СПб., 2012. С. 55–67.

Бирр-Цуркан 2012 – *Бирр-Цуркан Л.Ф.* Развитие речевого этикета в средневерхненемецком языке // Очерки по исторической прагматике германских языков / Под ред. проф. Г.А. Баевой. СПб., 2012. С. 68–103.

Кибрик 1990 – *Кибрик А.Е.* Язык // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1990. С. 604–606.

Пииярайнен 1996 – *Пииярайнен И.Т.* Вежливость как категория языка // Вопросы языкознания. 1996. № 6. С.100–105.

Формановская 2007 – *Формановская Н.И.* Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М., 2007.

Althoff 1994 – *Althoff G.* Ritual und Demonstration in mittelalterlichem Verhalten // Personenbeziehungen in der mittelalterlichen Literatur / Hg.: H. Brall, B. Haupt, U. Küsters. Düsseldorf: Droste Verlag, 1994. S. 457–476. (Studia humaniora, 25).

Besch 1998 – *Besch W.* Duzen, Siezen, Titulieren. Zur Anrede im Deutschen heute und gestern. Göttingen, 1998.

Besch, Wolf 2009 – *Besch W., Wolf N.R.* Geschichte der deutschen Sprache. Längsschnitte – Zeitstufen – Linguistische Studien. Berlin, 2009.

Bumke 2002 – *Bumke J.* Höfische Kultur. Literatur und Gesellschaft im hohen Mittelalter. 10. Aufl. München, 2002.

Eggers 1977 – *Eggers H.* Deutsche Sprachgeschichte. Bd. 4: Das Neuhochdeutsche. Hamburg, 1977.

Ehrhardt, Neuland 2009 – *Ehrhardt C., Neuland E.* Sprachliche Höflichkeit in interkultureller Kommunikation und im DaF-Unterricht: Zur Einführung // Sprachliche Höflichkeit in interkultureller Kommunikation und im DaF-Unterricht / Hg.: C. Ehrhardt, E. Neuland. Frankfurt a. M., 2009. S. 7–24.

Ehrismann 1995 – *Ehrismann O.* Ehre und Mut, Abenteuer und Minne. Höfische Wortgeschichten aus dem Mittelalter / Unter Mitarbeit von A. Classen, W. McConnell, E. Dick, K. Düwel, W. Fritsch-Rößler, M. Gemeling, G. Gillespie, H. Heinen, W. Hofmeister u. A. Holzhauer. München, 1995.

Gardt 1994 – *Gardt A.* Sprachreflexion in Barock und Frühaufklärung. Entwürfe von Böhme bis Leibniz. Berlin; New York, 1994.

Göttert 1991 – *Göttert K.-H.* Deutsche Umgangsliteratur des 18. Jahrhunderts // Über die deutsche Höflichkeit. Entwicklung der Kommunikationsvorstellungen in den Schriften über Umgangsformen in den deutschsprachigen Ländern / [Hg.]; A. Montandon. Bern, 1991. S. 101–115.

Haferland, Paul 1995 – *Haferland H., Paul I.* Höflichkeit // Osnabrücker Beiträge zur Sprachtheorie (OBST). Oldenburg, 1995. S. 7–69.

Lakoff 1993 – *Meyerhoff M.* [Rev.] Lakoff R. Talking Power. The Politics of Language in Our Lives. New York: Basic Books, 1990 // Journal of Pragmatics. 1993. №20. P. 77–81.

Lexer 1992 – *Lexer M.* Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch: 38. Aufl. Stuttgart, 1992.

Lechtermann 2003 – *Lechtermann Ch.* Von wem, ze wem, waz, wie und wenne. Redeordnungen // Ordnung und Unordnung in der Literatur des Mittelalters / Hg. von W. Harms, C.St. Jaeger, H. Wenzel. Stuttgart, 2003. S. 81–95.

Linke 1996 – *Linke A.* Höflichkeit und soziale Selbstdarstellung. Höflichkeitskonzepte in Anstandsbüchern des 18. und 19. Jahrhunderts // Höflichkeit. Osnabrücker Beiträge zur Sprachtheorie (OBST) / Hg.: H. Haferland, I. Paul. Oldenburg, 1996. S. 70–104.

Miedema 2007 – *Miedema N.* Höfisches und unhöfisches Sprechen im Erec Hartmanns von Aue // Formen und Funktionen von Redeszenen in der mittelhochdeutschen GroÙepik / Hg.: N. Miedema, F. Hundsnurscher. Tübingen, 2007. S. 181–201.

Miedema 2012 – *Miedema N.* Gesprächsnormen. Höfische Kommunikation in didaktischen und erzählenden Texten des Hochmittelalters // Text und Normalität im deutschen Mittelalter / Hg. von E. Brüggem, Fr. J. Holznapel, S. Coxon und A. Suerbaum. Berlin; Boston, 2012. S. 251–278.

Moulin 2016 – *Moulin C.* «Nach dem die Gäste sind, nach dem ist das Gespräch». Spracharbeit und barocke Tischkultur bei Georg Philipp Harsdörffer // Perspektivwechsel oder: Die Wiederentdeckung der Philologie. Band 2: Grenzgänge und Grenzüberschreitungen. Zusammenspiele von Sprache und Literatur in Mittelalter und Früher Neuzeit / Hg.: N. Bartsch, S. Schultz-Balluff. Berlin, 2016. S. 261–287.

Paul, Haferland 1996 – *Paul I., Haferland H.* Eine Theorie der Höflichkeit // Osnabrücker Beiträge zur Sprachtheorie. 1996. Bd. 52. S. 7–67.

Schwarz-Friesel 2007 – *Schwarz-Friesel M.* Sprache und Emotion. Tübingen, 2007.

Simon 2003 – *Simon H.J.* Für eine grammatische Kategorie «Respekt» im Deutschen: Synchronie, Diachronie und Typologie der deutschen Anredepronomina. Tübingen, 2003.

Stoll 1973 – *Stoll Ch.* Sprachgesellschaften im Deutschland des 17. Jahrhunderts. München, 1973.

Unzeitig, Miedema, Hundsnurscher 2011 – Redeszenen in der mittelalterlichen GroÙepik / Hg.: M. Unzeitig, N. Miedema, Fr. Hundsnurscher. Berlin, 2011.

Wenzel 1988 – *Wenzel H.* Die Zunge der Brangänge oder die Sprache des Hofes // Sammlung – Deutung – Wertung. Probleme, Tendenzen und Perspektiven philologischer Arbeit / Hg. von D. Buschinger. Amiens, 1988. S. 357–367.

Wenzel 1991 – *Wenzel H.* Zuht und ère. Höfische Erziehung im ‘Welschen Gast’ des Thomasius von Zerclaere (1215) // Über die deutsche Höflichkeit. Entwicklung der Kommunikationsvorstellungen in den Schriften über Umgangsformen in den deutschsprachigen Ländern / Hg.: A. Montandon. Bern, 1991. S. 21–42.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СВЕТЕ РАЗВИТИЯ ВИЗУАЛЬНОЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Е.Н. Цветаева, Е.С. Панкратьева

Новый уровень развития теории полимодальности, в фокусе внимания которой находится изучение семиотически негомогенных текстуальных пространств, оказывает в последние годы значительное влияние на совершенствование идей многих лингвистических направлений. Исключением не стала и историческая фразеология; включение в ее исследовательскую парадигму рассмотрения особенностей создания и восприятия тексто-визуальных единств, а именно визуализированных устойчивых словесных комплексов в несовременных художественных формах, привело к переосмыслению некоторых методов проведения научного анализа.

Хотя некоторые историки фразеологии (Л. Рерих, В. Мидер и др.) и обращали свое внимание на ряд аспектов «визуализированной» фразеологии, их работы носят фрагментарный характер, в связи с чем новые подходы к разработке данного вопроса с учетом накопленного потенциала полимодальной, в частности визуальной (в терминологии Х. Штекля), лингвистики представляют неоспоримый научный интерес.

Так, современные исследования (например, [Цветаева, Панкратьева 2022]) позволяют включить «визуализированную» фразеологию в число значимых источников изучения устойчивых словесных комплексов в диахронии наряду с уже ставшими классическими, согласно известной классификации А.Г. Назаряна, выделявшему фразеографический материал разных эпох, фразеологию литературных памятников, а также исследовательские работы, анализирующие уровень и характер развития фразеологии в ту или иную эпоху [Назарян 1981: 13–14].

Прежде всего отметим, что феномен визуализации фразеологических образов не является результатом новаторства наших современников, использующих, например, достижения компьютерных технологий, а уходит своими корнями в далекое прошлое. Особое значение визуализация устойчивых словесных комплексов приобрела в период Средневековья и раннего Нового времени, что объясняется не только эволюцией технологий копирования текстовых материалов и прогрессом в области производства печатной продукции, в том числе иллюстраций, но и царившим в эту эпоху игровым и карнавальным духом, пронизывавшим все социальные и мировоззренческие стороны позднесредневекового общества.

В народной культуре европейского Средневековья обнаруживается уникальный взгляд на мир и особое мировосприятие, которое нашло свое отражение в своеобразных вербальных и материальных формах и послужило источником особой «фразеологической» ментальности, соединившей представление фразеологических единиц в языковом и изобразительном плане. Именно поэтому начиная со

времен Средневековья в западноевропейском обществе развивается особая традиция визуализации устойчивых единиц, пользующаяся успехом у публики вплоть до эпохи барокко и являющаяся воплощением аллегории «перевернутого мира», в рамках которой существующая система ценностей перевернута с ног на голову. Новые тексто-визуальные формы, созданные за счет гибридизации вербального и иконического компонентов, выполнены в русле средневекового карнавального мировоззрения и реализуют, с одной стороны, развлекательную, а с другой – дидактическую функцию. Анализ произведений, визуализирующих внутреннюю форму фразеологических единиц, позволяет воссоздать целостное представление о культурной и языковой традиции Средневековья и раннего Нового времени.

Таким образом, бимедиальная ориентированность рассматриваемого времени, а также феномен смеховой культуры способствовали реализации в разных изобразительных формах визуализации внутренней формы фразем, к которым с точки зрения уровня развития современной фразеологической науки причисляли фразеологические единицы разного типа, как идиоматические устойчивые сочетания, так и различные выражения паремиологического характера.

«Визуализированную» фразеологию можно обнаружить в средневековых иллюминированных рукописях, на гравюрах старопечатных книг, в различных видах изобразительного (живописи, графике и т.п.) и декоративного (шпалерах, гобеленах) искусства, средневековых и ренессансных билдербогенах (лубочных картинках), листовках, мизерикордиях соборов (вырезанных деревянных изображениях внутренней части откидного сидения в западнохристианских церквях), в книжных эмблемах.

Отобранный в соответствии с перечисленными свойствами корпус фразеологизмов позволяет выявить ряд семантических процессов, объяснение и верификация сути которых стали возможны лишь благодаря рассмотрению их на общем культурно-историческом фоне в имеющемся изобразительном формате.

Начнем с выражения *mit dem Fuchsschwanz läuten* ‘тремечь / звонить лисьим хвостом’ в значении «хвастаться, обманывать кого-л.». К.-Ф.-В. Вандер, объясняя происхождение фраземы, предлагает две интерпретации. Согласно первой, жил однажды набожный отец семейства, регулярно ходивший на богослужение, но имел он детей, не склонных посещать церковь. Когда отец спрашивал, были ли они в церкви, дети отвечали, что не слышали, звонил ли колокол. После тщетных увещеваний отец принял решение, что обеды больше не будут проводиться в назначенное время, вместо этого он повелел давать знак к обеду ударом лисьего хвоста по жестяной тарелке. Несмотря на это дети появлялись к обеду вовремя. И тогда отец сказал им, что если впредь не услышат колокола перед богослужением, то останутся без обеда. И в заключение автор резюмирует: использование фраземы выражает мысль о том, что человеку необходимо более сильное влечение к долгу, чем к чувственным удовольствиям. Автор словаря приводит и другую легенду, согласно которой в отдельных трактирах Тироля в комнате висит большой деревянный разделочный нож, к одному концу его привязан лисий хвост, а к другому – колокольчик. От ножа спускается длинный конский волос, который плохо виден особенно по вечерам. Если кто-то рассказывает неправдоподобную историю, то один из гостей незаметно тянет за конский волос, вследствие чего звенит колокольчик, и лисий хвост раскачивается. Отсюда следует вывод, что выражение *mit dem Fuchsschwanz läuten* означает «хвастаться, пустозвонить, лгать» [Wander].

Устойчивый словесный комплекс *mit dem Fuchsschwanz läuten* в модифицированной форме встречается в тексте сатирико-дидактической поэмы С. Бранта «Корабль дураков» (1494). Терцет, предваряющий главу 41 «*Nit achten vff all red*» («Мало ли что болтают»), критикующую поведение сплетников и болтунов, содержит следующие строки: *Eyn glock on klüpfel / gibt nit thon / Ob dar jnn hangt eyn fuchßschwantz schon / Dar vmb loß red für oren gon* [Brant 1494] (Перевод с нем. Л. Пеньковского из [Брант 1984]: «От лисьего хвоста греметь / Не будет колокола медь / Ушам от сплетен не болеть!»). Нарушение структурной целостности фраземы, разброс ее компонентов в тексте, с одной стороны, позволяет воспринимать устойчивую единицу буквально, с другой – сохраняет ее образное значение.

Сопровождающая при этом текстовый элемент гравюра А. Дюрера (рис. 1) изображает облаченного в символическую шутовскую одежду с характерным «дурацким» колпаком с ослиными ушами и бубенцами глупца, рядом с которым лежит перевернутый колокол (в том числе и как отсылка к аллегории «перевернутого мира»), из которого вместо языка (ударника) торчит лисий хвост.

Нельзя не согласиться с метким определением Б.И. Пуришева, который назвал дополняющие произведение С. Бранта гравюры А. Дюрера «ксилографией в стихах» [Пуришев 1967: 241]. Действительно, интерпретация фраземы *mit dem Fuchsschwanz läuten* обусловлена взаимодействием разных семиотических модальностей, т.е. многократным переключением с вербального модуса на изобразительный и наоборот. Иными словами, трактовка текстового компонента происходит за счет реализации сопровождающего графического элемента, при этом смысл изобразительного знака передается благодаря толкованию с помощью вербальной составляющей поэмы – в обоих случаях как иконический, так и языковой знаки обладают «взаимодетализирующей» функцией.

Использованные художником графические средства способствуют более точному восприятию заложенной в тексте информации, поскольку модальность изображения позволяет обрабатывать большие объемы информации наиболее эффективно [Kress, van Leeuwen 2001: 57]. В этой связи важным представляется суждение нидерландского медиевиста и культуролога Й. Хейзинги, который, отмечая визуальный характер европейского Средневековья, высказывал мнение, что средневековый человек думал исключительно в визуальных представлениях и вкладывал в зрительный образ все, что хотел выразить, вследствие чего «склонность к непосредственной передаче внешнего, зримого находила более сильное и более совершенное выражение средствами живописи, нежели средствами литературы» [Хейзинга 1995: 283]. Разумеется, важным фактором здесь является большая доступность информации, представленной визуально, по сравнению с текстовой, что обусловлено низким уровнем грамотности в эпоху Средневековья.

Использование фраземы *mit dem Fuchsschwanz läuten* в виде изобразительного знака, а также в модифицированном виде в тексте художественного произведения предполагает у читателя или зрителя знания первоначальной неизменной устойчивой единицы и потому представляет собой сохранившееся достоверное

Рис. 1. «Корабль дураков» С. Бранта (1494). Гравюра к главе 41 «Мало ли что болтают»

свидетельство включения данного выражения во фразеологический корпус позднесредневекового человека, поскольку фразеологический образ, существующий в сознании носителя языка как культурный и языковой концепт, успешно декодируется реципиентом благодаря возникающим ассоциациям, требующимся для успешной реконструкции данного фразеологизма.

Объем и детали информации относительно лексемы *Fuchsschwanz* и соответствующей фраземы в лексикографических источниках разнятся. Так, подробное толкование *Fuchsschwanz*, в том числе включающей упоминание выражения *mit dem Fuchsschwanz läuten*, представлено в Словаре [DWB]. Л. Перих указывает на существование выражения *den Fuchsschwanz streichen* (изначально *mit dem Fuchsschwanz streichen*) в значении «лстить, подпевать, ловить каждое слово». В словарной статье автор также упоминает использование в плутовском романе «Симплициссимус» Г.-Я.-К. Гриммельсгаузена (1669) выражения *mit diesem Fuchschwanz* ‘с лисьим хвостом’ как *mit dieser Schmeichelei* ‘с угодливостью, подхалимством’, в том числе наличие сокращенной формы данной единицы – *fuchsschwänzen* ‘лстить’. Позднее, наряду с последней, в языке появились лексемы *Fuchsschwänzer* ‘лстец’, *Fuchsschwänzerei* ‘лесть’ [Röhrich 1973: 293–294].

Словарь DWDS хотя и не фиксирует рассматриваемую фразему, однако содержит отфраземный глагол *fuchsschwänzen*, который в современном корпусе словаря имеет помету *veraltet* (устаревший) [DWDS]. Этот факт являет собой важное подтверждение того, что не только некоторые фразеологические единицы, обладающие культурно значимыми коннотациями, но и образованные от них лексемы выходят из употребления в связи с изменением ментальных стереотипов в обществе и деактуализации ценностных ориентиров с течением времени. Это приводит к тому, что вложенные во фразеологические единицы релевантные ментальные смыслы могут оказаться трудно постижимыми для современников, ведь, как указывает М.Л. Ковшова, «в образах фразеологизмов отображен культурно маркированный взгляд на мир, который порой “зашифрован” для самого носителя языка и реконструируется только методом глубокой интроспекции, тренированной рефлексии или по косвенным признакам» [Ковшова 2016: 495]. Таким образом, толкование и верную интерпретацию подобных фразем обеспечивает в том числе проведение полимодального анализа визуализированных устойчивых единиц, включающего рассмотрение как визуальных и графических, так и культурных кодов, способствующих осознанию средневековой ментальности и позволяющих дать правильную оценку мировосприятия человека эпохи Средневековья и раннего Нового времени.

Другим примером служит активно используемая в рассматриваемый период как в литературных, так и живописных произведениях устойчивая единица *jemandem einen (blauen) Mantel umhängen* ‘надеть на кого-л. синий плащ’ в значении «обмануть своего супруга, изменить ему».

К. Ванцек обнаруживает употребление данного выражения в нидерландском варианте *iemand eene blauwe huik omhangen* уже в сочинениях нидерландских миннезингеров в начале XV в., а также отмечает функционирование этой фраземы в среднефранцузский период [Wanzeck 2003: 240], что свидетельствует об общеевропейском характере распространенности анализируемой фразеологической единицы.

В этой связи не вызывает удивления то обстоятельство, что фразема *iemand eene blauwe huik omhangen* оказалась чрезвычайно продуктивной для визуализации в

различных художественных формах начиная с периода позднего Средневековья и вплоть до эпохи барокко. Более того, ее популярность обусловила вхождение в название не только самой известной «пословичной» картины эпохи Северного Возрождения – «Нидерландские пословицы» П. Брейгеля Старшего (1559; альтернативные названия полотна: «Перевернутый мир» и «Синий плащ»), но и целого ряда других живописных произведений и гравюр. При этом художники (Ф. Хогенберг (рис. 2), П. Брейгель Старший, Й. Дутекум, П. Брейгель Младший, Ф. Хойе, С. Вранкс и другие, в том числе анонимные авторы) помещают визуализированную фразу на передний план, придавая ей особую символическую значимость.

Рис. 2. Ф. Хогенберг. Синий плащ. 1558. Фрагмент

Поскольку в рассматриваемое время «весь мир думал, разговаривал и писал пословицами» [Wander], представляется вполне закономерным, что появление устойчивых словесных комплексов в вербальном и визуальном модусах является специфичным отражением картины мира эпохи позднего Средневековья и Возрождения. Следует, однако, особо отметить, что проведение всестороннего анализа взаимовлияния языковых и графических составляющих при репрезентации фразеологических образов способствует в том числе выявлению механизмов развития фразеологической семантики.

Ведь если в текстовых произведениях, согласно наблюдению К. Ванцек, применение анализируемой устойчивой единицы означало стигматизацию того, кто совершает обман (например, в «Зерцале любви» К. ван Рейсселе (1577) неверная жена должна была облачиться в синюю накидку) [Wanzeck 2003 241–242], то на «пословичных» картинах, представляющих собой визуальную репрезентацию аллегории «перевернутого мира», акцентирующую отличные от нормы поведенческие стереотипы, этот обычай приобретает диаметрально противоположную материализацию: уже обманывающая своего супруга жена надевает на него синий плащ, чтобы скрыть свой дурной поступок.

Визуализация фразеологизма позволяет проследить процесс развития фразеологического значения и у другой устойчивой единицы – *der Katze die Schelle umhängen* ‘повесить на кота колокольчик’ в значении «взять на себя выполнение трудного или опасного задания; иметь смелость высказать неприятную правду». Известно, что сюжет животного эпоса, описывающий желание мышей повесить на кота колокольчик, чтобы своевременно слышать о его приближении, известный в немецкой литературе в том числе благодаря появлению собрания басен У. Бонера «Драгоценный камень» («*Der Edelstein*») в XIV в., не утратил свою популярность и в раннее Новое время.

При этом визуализация внутренней формы фразеологизма нюансирует его добавочные смыслы. С одной стороны, ранние изображения (например, мизерикордия конца XV в. собора в немецком городе Кемпен) показывают лишь упоминаемых животных (мыши привязывают коту колокольчик), с другой – на картинах и гравюрах XVI в. (например, у Ф. Хогенберга (рис. 3) и П. Брейгеля Старшего) уже не мыши, а человек привязывает коту колокольчик. Таким образом, перемещение из животного мира в мир человеческий меняет и значение идиомы в целом:

фразама характеризует любой бессмысленный поступок. Именно в этом значении выражение появляется у С. Бранта в его поэме «Корабль дураков» (1494): *Manch narr der richt vß yederman / Vnd henckt der katzen die schellen an / Vnd will sin doch keyn wort nit han*), а также в иллюстрирующей текст гравюре [Brant 1494].

Рис. 3. Ф. Хогенберг. Синий плащ. 1558. Фрагмент

На картинах П. Брейгеля Старшего «Двадцать пословиц» (1558) и «Нидерландские пословицы» (1559) бессмысленность усиливается еще и тем, что мужчина, надевающий на кота колокольчик, облачен в рыцарские доспехи. Подпись на первом произведении помогает интерпретировать это обстоятельство: *T'Harnasch maect my een stouten haen, ick hanghe de kat de belle aen* 'Доспехи придают мне мужество повесить на кота колокольчик'.

Среди визуализированных в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени популярных фразеологических единиц, используемых и по сей день, особое место занимает фразама *die Katze im Sack kaufen* 'купить кота в мешке' в значении «купить что-л., не убедившись в качестве и целесообразности приобретаемого товара», поскольку раньше на ярмарках вместо поросенка или кролика в мешок прятали кота, чтобы обвести вокруг пальца невнимательного покупателя. Хотя Й. Фридрих и Л. Рерих связывают появление выражения в немецком с его наличием в тексте народной книги XVI в. об Уленшпигеле, продававшего в мешке кота вместо кролика [Friedrich 2007: 1100; Röhrich 1974: 491], истоки рассматриваемого выражения можно обнаружить уже в более ранних произведениях.

Так, Йозеф Моравский (Joseph Morawski) в своей работе «*Proverbes français antérieurs au XVe siècle*» регистрирует распространенную во французском языке форму фразеологизма *on ne doit pas acheter chat en sac* 'не следует покупать кота в мешке' уже в конце XV в. При этом А. Тэйлор предполагает, что более ранней формой этого устойчивого выражения являлась «купить в мешке» (*im Sack kaufen, to buy in a sack*), которая вскоре была дополнена лексемой «кот» [Frank, Miner 1937: 86].

Л. Рерих также отмечает, что в немецком языке в средневековый период распространенной являлась единица «купить в мешке» без указания на конкретный товар, например: *Man koufet daz vil selten / In dem sacke und ungesehen / Des man ze gewinne müge jehen* / (Stricker, «*Kleinere Gedichte*»); *Wir koufen in dem sacke niht* (Winsbeke 63, 6); *Swer in dem sacke koufet / Und sich mit tôren roufet / Und borget ungewisser diet, / Der singet dicke klageliet* / (Freidank, «*Bescheidenheit*» 85, 5). М. Лютер также использует средневековые формы этого выражения: *im sacke keuffen* 'купить в мешке' и *im sacke verkeuffen* 'продать в мешке' [Röhrich 1974: 491]. Считается, что более поздним вариантом покупаемого в мешке (в английском и немецком) вместо кота стал поросенок. Однако употребление этой лексемы в составе фразеологического оборота можно обнаружить уже в средневековом французском манускрипте «*Рифмованные пословицы*» (ок. 1485). Используемая в среднефранцузском стихотворном тексте единица «купить поросенка в мешке», являющаяся, скорее всего, самой ранней формой наличия лексемы «поросенок» в этом выражении (менее распространенный вариант во французском языке) [Frank, Miner 1937: 86] сопровождается

иллюстрацией, на которой покупатель приобретает некую вещь в мешке (рис. 4). На рисунке изображены покупатель и продавец с завязанным мешком, поэтому по изображению невозможно понять, кто продается в мешке: кот или поросенок.

Рис. 4. «Рифмованные пословицы» (Proverbes en rimes, ок. 1485). Фрагмент

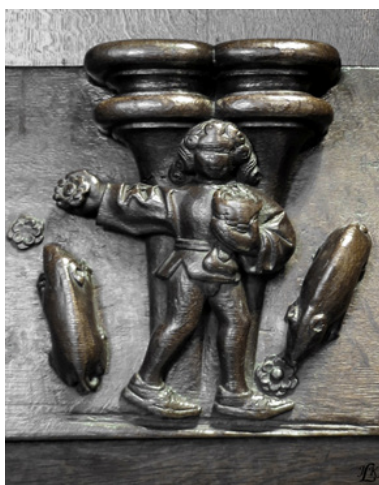

Рис. 5. Мизерикордия конца XV в. в соборе г. Кемпен (Германия)

Представляется вполне логичным, что дополнительное выражения «купить в мешке» другой лексемой («котом» или «поросенком») вызвано популярностью художественных произведений, сатирико-дидактический сюжет которых способен мотивировать появление фразеологической единицы. Именно в них, а также в разных изобразительных жанрах фразеологизмы понимаются буквально.

Корпус DWDS фиксирует не только фразу *die Katze im Sack kaufen*, но и ее вариант *die Katze im Sack*, который может выступать в качестве объекта в винительном падеже с другими глаголами, например: *wählen* ‘выбирать’, *ersteigern* ‘купить на аукционе’, *verkaufen* ‘продать’ [DWDS].

Немаловажно также отметить, что в современном медиапространстве функционирует значительное количество изображений, мемов, рисунков и т. п., визуализирующих фразу *die Katze im Sack kaufen*.

Несовременные изображения, визуализирующие устойчивые словесные комплексы, позволяют выявить и специфичные особенности модификации фразем, обусловленные историческими ошибками. Так, в разговорном варианте известная библейская идиома *Perlen vor die Säue werfen* ‘метать бисер перед свиньями’ может быть модифицирована в *Rosen vor die Säue werfen* ‘метать розы перед свиньями’. Именно изображения цветов (маргариток) мы видим на многочисленных мизерикордиях западнохристианских церквей (рис. 5), а также на картине П. Брейгеля Старшего «Нидерландские пословицы». Объяснение этому довольно простое: считается, что виной тому неверный перевод с латинского изречения Иисуса Христа из Нагорной проповеди *Margaritas ante porcos*, в которой первая лексема «жемчуг» созвучна с цветком маргариткой.

Тем не менее многие библейские фразеологизмы не претерпели существенных изменений, как, например, фразеологизм, основанный на притче о слепых. Художественным визуальным воплощением паремии *Wenn ein Blinder einen Blinden führt, fallen beide in die Grube* ‘Если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму’ является полотно П. Брейгеля Старшего «Притча о слепых» (нидерл. «De parabel der blinden»; нем. «Der Blindensturz», 1568), в его основе – сюжет библейской притчи (Мф. 15:14).

Значение самой фраземы мотивировано и вытекает из семантического взаимодействия ее составляющих. Очевидно, элемент *Blinde* / *слепые* не описывает фи-

зическое состояние, а иносказательно характеризует невежественную личность, ввергающую и многих других в пучину невежества (рис. 6).

Рис. 6. П. Брейгель Старший. Притча о слепых. 1568

Картина не имеет вербального сопровождения (не считая названия полотна). В этом случае вербальным соответствием визуальному служит сам дискурс, обращенный к библейскому тексту, к нему же обращена и поговорка. Таким образом, изображение включается в единое смысловое пространство. Помимо названного произведения, фразема присутствует в целом ряде средневековых гравюр, в которых вербальный компонент представлен цитатой из Библии. Вероятно, именно такая семиотическая спаянность, основанная на культурно релевантном явлении, способствует относительной семантической стабильности комплексного языкового знака. Отметим, что этот визуальный образ, сопровождаемый известной фраземой, остается актуальным и сегодня, используется журналистами, пользователями различных интернет-ресурсов, являясь неотъемлемой частью современных семиотически гетерогенных текстов, относящихся преимущественно к политическому дискурсу.

Подводя итоги исследования, представляется возможным заключить, что изучение фразеологического корпуса в статике и динамике с привлечением не только текстовых, но и невербальных художественных жанров обуславливает обнаружение потенциальных механизмов развития лексико-фразеологической семантики. Анализ отобранного корпуса фразеологических единиц показал, что отдельные единицы, теряя свою актуальность, выходят из активного употребления в современном языке, другие – способны приобретать новые либо утрачивать прежние коннотативные признаки, а иные остаются без изменения и продолжают функционировать в языке, сохраняя через века свое первоначальное значение, иногда расширяя сферу применения.

Недостаток знаний в области семантики вербальной составляющей комплексного знака затрудняет декодирование визуализированных фразеологических образов или прецедентных феноменов, прежде всего актуализирующих в своей внутренней форме культурно значимые смыслы, специфичные для конкретной эпохи. Однако идентификация и системное изучение устойчивых словесных комплексов в разных информационных модусах – вербальных и визуальных – реконструи-

рует тесную взаимосвязь языковых и культурно-исторических знаков, облегчая интерпретацию фразеологизмов, и вносит вклад в совершенствование методов проведения синхронических и диахронических фразеологических исследований и развитие исторической фразеологии.

Кроме того, подобный полимодальный подход к изучению вербально-визуальных единиц, являющихся частью культурно-исторического континуума и реализующих все возможные связи с другими культурными феноменами эпохи (литература, религия, изобразительное искусство, этика, эстетика и т. п.), представляется наиболее продуктивным инструментом для решения исследовательских задач, предполагающих выявление, интерпретацию и систематизацию явлений, определяющих вектор культурного и языкового развития сообществ.

ЛИТЕРАТУРА

1. ИСТОЧНИКИ (ИЗДАНИЯ ТЕКСТОВ, КОРПУСЫ ТЕКСТОВ)

Брант 1984 – *Брант С.* Корабль дураков: Избранные сатиры. М., 1984. 270 с.

Brant 1494 – *Brant S.* Das Narrenschiff. Basel, 1494. URL: <http://www.zeno.org/Literatur/M/Brant,+Sebastian/Satire/Das+Narrenschiff>

2. НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА, СЛОВАРИ

Ковшова 2016 – *Ковшова М.Л.* Фразеологические коды и их роль в семиозисе культуры // Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии: Коллективная монография / Отв. ред. В.В. Фещенко. М.: Культурная революция, 2016. С. 468–498.

Назарян 1981 – *Назарян А.Г.* История развития французской фразеологии: Учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. М., 1981.

Пуришев 1967 – *Пуришев Б.И.* Своеобразие немецкого Возрождения // Литература эпохи Возрождения и проблемы всемирной литературы / АН СССР, Ин-т мировой литературы имени А.М. Горького. М., 1967. С. 212–244.

Хейзинга 1995 – *Хейзинга Й.* Осень средневековья. М., 1995.

Цветаева, Панкратьева 2022 – *Цветаева Е.Н., Панкратьева Е.С.* Мультимодальное Средневековье: «читая» изображения старых пословиц // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. 2022. Вып. 12. С. 433–453.

DWB – Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm. URL: <https://www.dwds.de/d/wb-1dwb>

DWDS – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: www.dwds.de

Frank, Miner 1937 – *Frank G., Miner D.* Proverbs en Rimes, Text and Illustrations of the Fifteenth Century from a French Manuscript in the Walters Art Gallery Baltimore. Baltimore, 1937. VIII, 117 p., 186 pl.

Friedrich 2007 – *Friedrich J.* Historische Phraseologie des Deutschen // Phraseologie: ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung / Hg. von Harald Burger, Dmitrij Dobrovol'skij, Peter Kühn, Neal R. Norrick. Hbd. 2. Berlin; New York, 2007. S. 1092–1106.

Kress, van Leeuwen 2001 – *Kress G., van Leeuwen T.* Multimodal Discourse: The Modes and Media of Contemporary Communication. London, 2001. 152 p.

Röhrich 1973 – *Röhrich L.* Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten. Band 1. Freiburg; Basel; Wien, 1973. 632 S.

Wander – Wander Karl Friedrich Wilhelm (Hg.). Deutsches Sprichwörter-Lexikon. Leipzig, 1870. URL: <http://www.zeno.org>

Wanzeck 2003 – *Wanzeck C.* Zur Etymologie lexikalischer Farbwortverbindungen. Untersuchungen anhand der Farben Rot, Gelb, Grün und Blau. Amsterdam; New York, 2003. 428 S.

НЕМЕЦКИЕ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЕ ОБЩЕСТВА
КОНЦА XVIII ВЕКА
И ВОПРОСЫ ЭДИЦИОННОЙ ТЕКСТОЛОГИИ:
ОБ ОДНОМ МАЛОИЗВЕСТНОМ ИСТОЧНИКЕ
НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА И ФОЛЬКЛОРА

В.И. Карпов

ВВЕДЕНИЕ

Одним из безусловных достижений немецких публицистов на исходе эпохи Просвещения можно считать обнаружение документов, связанных с судебными процессами над ведьмами и колдунами в Европе в XVI–XVIII вв. Разоблачение деяний в отношении лиц, обвиненных в колдовстве, стало ведущей темой в публикациях, направленных на борьбу с суевериями и предрассудками. Это борьба развернулась в конце XVIII в. в журнале «Берлинский ежемесячник» («*Berlinische Monatsschrift*»), где наряду с дискуссионными материалами о сущности Просвещения помещались тексты о деструктивных проявлениях человеческого разума, приводивших к драматическим последствиям. Сведения о ведовских процессах печатались и в других журналах, но именно публикация материалов в номерах «Берлинского ежемесячника» включала их тематику в философско-мировоззренческий дискурс эпохи Просвещения, поскольку сам журнал выпускался по инициативе «Берлинского общества собраний по средам» («*Berliner Mittwochsgesellschaft*»), одного из самых известных и авторитетных философских кружков позднего немецкого Просвещения. В журнале появляется серия статей о процессах над ведьмами и печатаются протоколы допросов, которые содержат немецкие заговорные тексты как пример народной магии. Благодаря усердию и настойчивости немецких просветителей в конце XVIII в. впервые стали доступны малоизвестные источники немецкого фольклора, и в то же время выявилась проблема эдиционной текстологии при публикации подобных рукописных документов. Как известно, любая фиксация фольклорного текста, изначально бытовавшего преимущественно в устной форме, является объектом, подлежащим изучению, поскольку нередко документы, включенные в состав «неочевидных» рукописных источников (в нашем случае – судебные акты ведовских процессов) являются одним из немногих или даже единственным источником для реконструкции фольклорных, историко-культурных и языковых фактов отдельно взятой эпохи. Представленный раздел задуман как часть исследования истории немецкого языка и фольклора в контексте критического источниковедения, ниже будут рассмотрены предпосылки философско-культурологического интереса к народной магии со стороны представителей просветительских обществ в Германии в 80–90-е гг. XVIII в. и вклад немецких просветителей в развитие исторической фольклористики, критического источниковедения и филологической реконструкции в целом.

1. ИЗ ИСТОРИИ НЕМЕЦКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ НА ИСХОДЕ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ. ИДЕИ И ПРЕДПОСЫЛКИ

Игнац Цингерле печатает в 1858 г. протоколы двух ведовских процессов, состоявшихся в Тироле в XVI в. Уже к моменту публикации книги эпоха «охоты на ведьм» представлялась просвещенной публике как страшное столетие «нравственного упадка и дремучего суеверия», как «ужасная картина разложения, которую нельзя лицезреть без горечи и отвращения», «уродливый портрет зла во всей своей наготе, наполняющий нас отчаянием и ужасом»¹ [Zingerle 1858]. Но все это казалось далеким прошлым, хотя еще в конце XVIII в. в Германии и Швейцарии арестовывали и судили людей по обвинению в колдовстве. Такой мировоззренческий разворот произошел не в последнюю очередь благодаря широко-масштабной просветительской деятельности немецких публицистов, философов, богословов и историков на исходе эпохи Просвещения в Германии.

Просвещение, с точки зрения философии, означало не просто индивидуальный процесс, а развитие человеческого сознания от несвободного (рабского) к просветленному (свободному), протекающее путем освобождения человека из порабощения (вне зависимости от форм рабства) и обретения самостоятельного мышления. Такая установка привела к разделению познавательной деятельности на историческое познание и философское познание. Первое дает осознание цепочки исторических событий как национальной травмы и должно приводить к принятию вины за произошедшее; второе же рационализирует отношение к этим событиям. Как результат обнаруживается проблема борьбы с предрассудками в разных формах и проявлениях, что особенно отчетливо проявилось в Германии в 80-е гг. XVIII в.

Ярким примером просветительского рационализма, направленного на «выпрямление» нравов населения, можно считать переписку французского просветителя-энциклопедиста Жана Лерона Д'Аламбера с прусским королем Фридрихом Великим. Д'Аламбер неоднократно предлагал прусскому монарху поинтересоваться у членов Королевской академии в Берлине, «есть ли польза от того, чтобы вводить в заблуждение народ» (фр. *S'il peut être utile de tromper le Peuple*). В частности, в сентябре 1777 г. Д'Аламбер написал Фридриху II письмо следующего содержания: «Позволю себе вольность обратиться к Вашему Величеству с предложением, предметом коего является прогресс философского Просвещения, который вопреки Вашим стараниям, а более того – вопреки Вашему примеру продвигается чрезвычайно медленно. Ваше Величество, Вы учредили в Вашей Академии класс спекулятивной философии, который под руководством Вашего Величества мог бы выдвигать на премию Академии темы, затрагивающие крайне важные вопросы, способные вызвать сильнейший отклик, например: “Есть ли польза от того, чтобы вводить в заблуждение народ?”. Во Французской академии мы так и не осмелились предложить такую замечательную тему, ибо все присылаемые работы вопреки здравому рассудку должны пройти рецензирование у двух профессоров из Сорбонны, кои не в состоянии написать что-либо вразумительное. Ваше Величество не имеет ни предрассудков, ни Сорбонны, и подобный вопрос без сомнения достоин того, чтобы Вы задали его всем философам Европы, последним же доставит удовольствие найти на него ответ. Темы такого рода, как мне представляется, имели бы большую ценность, нежели те, что прежде обсу-

¹ Здесь и далее перевод цитат и примеров автора статьи. – В.К.

дались в сем метафизическом классе и кои кажутся мне совершенно непонятными и в высшей степени странными» [D'Aprile 2010: 18].

Уязвленный Фридрих II отреагировал очень быстро; не прошло и трех недель, как в Прусскую академию было отправлено высочайшее поручение объявить в 1780-м г. следующий конкурс: «Поскольку Наша постоянная цель есть прогресс философского Просвещения, то желаем Мы, дабы класс спекулятивной философии предлагал для премии только такие темы, которые интересны и полезны, и взамен уже объявленных на премию вопросов, которые совершенно непонятны, предложил бы такой: “Есть ли польза от того, чтобы вводить народ в заблуждение?”. Молю Господа нашего, чтобы Он хранил Вас! Потсдам, 16 октября 1777 г.» [Ibid.]

Правда, академики несколько изменили формулировку вопроса прусского короля и французского философа, сформулировав тему для конкурсных эссе так: «Может ли быть полезной народу любая форма обмана? Или же обман лишь ведет к новым заблуждениям либо продлевает давно укоренившиеся?» (фр. Est-il utile au Peuple d'être trompé, soit qu'on l'induit dans de nouvelles erreurs, ou qu'on l'entretienne dans celles où il est?) [D'Aprile 2010: 19–20]. К первому января 1780 г. были поданы 42 заявки, из которых были отобраны 30, а имена победителей стали известны к первому июня. Первой премии были удостоены два эссе. Автор одного из них, Фридрих Густав фон Кастийон, утверждал, что народ обладает слабым и ограниченным умом, поэтому ему требуются предводители. Последние же не обязаны объяснять людям механику происходящего, ведь мельница не будет молотить хуже или лучше, если люди поголовно начнут разбираться в устройстве мельничных жерновов. Второй призер, писатель и просветитель Рудольф Бекер, напротив, считал, что народу, попавшему в жернова политической мельницы, безразлично, как она мелет, ибо от этого зависит, причиняет ли она боль или доставляет удовольствие. И, наконец, пастор Себастьян Георг Мунд, обладатель специальной премии Прусской академии, без обиняков заявил: «Если обман нравится, то он приятнее любой правды, ибо счастливое неведение есть гарантия душевного спокойствия народа»; негоже незамужней девице знать, что с ней произойдет, когда она выйдет замуж, – что не является секретом для замужней дамы, то должно оставаться тайной для девицы [Ibid.].

Уже из переписки Д'Аламбера с Фридрихом II было понятно, что ответы на вопрос о легитимности описанных выше сценариев распределятся между двумя полюсами: с одной стороны тексты тех, кто признает за властью право не говорить всей правды народу, а с другой стороны – тех, кто отрицает саму возможность вводить людей в заблуждение. Причем, соотношение первых ко вторым составило 3:2. Один из членов жюри, академик Николя де Бегелен, так охарактеризовал результаты конкурса: философствующие об абстрактных понятиях «свобода», «совершенство» составили «несговорчивое» меньшинство, в то время как авторы «из народа», т. е. священники, учителя и т. п., на поставленный вопрос ответили утвердительно, поскольку считали, что «скорее заблуждение, чем правда поможет нам избежать большего зла» [Beise 2008: 199 и далее]. Для самого же Фридриха Великого задача была давно решена. «Чернь не нуждается в просвещении <...>. Вряд ли из 10 миллионов граждан найдется хотя бы тысяча духовно развитых, умных и добросердечных <...>. Предрассудки суть разумение народа <...>. Правду следует говорить с оглядкой и уж точно не вспоминать о ней в неподходящее время», – размышлял прусский король в письмах к Д'Аламберу [Ibid.].

Под знаком дискуссии, запущенной Прусской академией наук, завершалась в Германии эпоха Просвещения. Характерной чертой этого периода считают склонность к авторефлексии, которая выразилась в поисках ответа на вопрос о границах Просвещения. Спор на эту тему разгорелся на страницах журнала «Берлинский ежемесячник» в 1780-е гг. Не остался в стороне и Иммануил Кант, опубликовавший там же в 1784 г. программный для позднего немецкого Просвещения текст-манифест «Ответ на вопрос: Что есть Просвещение?». Он в первых же строках говорит о том, что Просвещение должно избавить человека от навязанного самому себе нежелания взрослеть: «Незрелость есть неспособность пользоваться собственным разумом без стороннего вмешательства» [Kant 1784: 481–494]. Борьба с предрассудками, суеверием, заблуждениями развернулась именно в «Берлинском ежемесячнике», здесь наряду с дискуссионными материалами о сущности Просвещения, о вере и терпимости, гражданском долге и личной свободе публиковались тексты о деструктивных проявлениях человеческого разума, которые в разные времена приводили к драматическим последствиям и до сих пор угрожают добропорядочному обществу.

2. ОТ ОБЩЕСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ К РЕДАКЦИОННОЙ ПОЛИТИКЕ

2.1. БЕРЛИНСКОЕ «ОБЩЕСТВО ДРУЗЕЙ ПРОСВЕЩЕНИЯ»

Многогранная, отчасти спровоцированная поначалу толерантным отношением со стороны королевской власти и поэтому плодотворная деятельность немецких просветителей в последней четверти XVIII в. все еще остается нечастой темой в современных исследованиях социально-политической истории Европы. Между тем общий вектор развертывания полемики на философских собраниях в Германии в ту эпоху был задан вполне объективными общественными причинами: толчком послужили создание и публикационная деятельность философского кружка, члены которого именовали себя «друзьями Просвещения», но более известного в публичных кругах как «Берлинское общество собраний по средам». Кружок был основан в 1783 г. профессором богословия Гельмштадтского университета, позже – действительным членом Прусской академии наук Вильгельмом Теллером (1734–1804) и просуществовал вплоть до 1798 г., когда был распущен по приказу короля Фридриха Вильгельма III. Кружок состоял из 24 членов, в число которых входили не только философы, писатели, историки, богословы, но и прусские сановники самых разных уровней, юристы, священники. Среди наиболее заметных фигур были влиятельные придворные, политические деятели, правительственные чиновники, например министр финансов Пруссии Карл Август фон Штрунзее (1735–1804).

Предметом для обсуждения на собраниях «Берлинского общества собраний по средам» становились философские проблемы Просвещения и их общественная значимость. Члены кружка встречались регулярно – один раз летом и дважды в месяц зимой для чтения докладов; обсуждение присланных сочинений могло происходить как очно, так и в письменной форме в виде отзывов других членов. Доклады в основном касались тех областей знаний, которые по общему мнению имели особую практическую значимость. Тексты выступлений затем распространялись среди всех членов кружка и каждому предлагалось ответить на них в письменной форме, предоставив свои суждения на суд другим членам. За время своего

существования состоялось около 250 публичных выступлений. Доклады участников философских диспутов и связанные с ними полемические эссе публиковались в «Берлинском ежемесячнике», который являлся проводником прогрессивных идей эпохи позднего немецкого Просвещения и фактически был идеологическим рупором «Берлинского общества собраний по средам».

2.2. ТЕМАТИКА ПЕРВЫХ НОМЕРОВ «БЕРЛИНСКОГО ЕЖЕМЕСЯЧНИКА»

Издатели «Берлинского ежемесячника» Фридрих Гедике (1754–1803) и Иоганн Бистер (1749–1816) так видели свою миссию: «Если рвение в поисках истины, любовь к распространению полезного просвещения, равно как и к устранению пагубных заблуждений, а также убежденность в достоинстве сего предприятия – словом, если усилия издателя или автора могли бы придать ценность их труду, то начинание сие стало бы не самым бесполезным» [Gedike, Biester 1783: 1]. В содержательном плане издатели стремились к «максимальному разнообразию» в охвате тем и вопросов, если их изложение будет сочетать «приятное научение и полезное развлечение». Предполагалось в каждом номере размещать «1) известия из мира науки, снабдив их сообщениями об открытиях, если оные представляют всеобщий интерес, в том числе и для людей малосведущих; 2) описания народов, их нравов и жилищ, в особенности же живущих с нами по соседству; 3) наблюдения обо всем, что касается человека, для получения знаний о нас самих и о наших собратьях; 4) биографические сведения о замечательных, но не в должной мере почитаемых по их заслугам людях; 5) статьи о развитии и изучении немецкого языка и литературы древнего и нового времени; 6) переводы важнейших и неизученных образцов древнего искусства; 7) выдержки из редко публикуемых зарубежных произведений; 8) рассуждения на всевозможные темы, связанные с содержанием издаваемых номеров» [Ibid.].

Первый, январский, выпуск 1783 г. открывался элегией Гедике «Новый ежемесячник», где в аллегорическом жанре сравнивался журнальный ландшафт Пруссии со звездным небом, на котором появилась новая робкая планета, пока еще не претендующая занять заметное место среди прочих сияющих звезд. Следом за ней были опубликованы статья «О происхождении сказания о белой женщине» и обширный комментарий, отражавший позицию редакции в вопросах борьбы с суевериями. Таким образом, уже в самых ранних публикациях декларируется редакционная политика по тематическому отбору материала для печати и формулируются принципы обсуждения общественно значимых вопросов. Борьба с разного рода суевериями – будь то вера в привидения, пришествие ложных миссий, волшебное исцеление, пророчества, колдовство и т. п. – выходит на передний план, в этом видится общепросветительская роль членов кружка.

В статье К.А. Волковой, посвященной одному из видных представителей немецкого Просвещения Моисею Мендельсону, приводится избранное оглавление «Берлинского ежемесячника» за следующий 1784 г., где среди прочих значатся темы, явно направленные на выявление фактов предрассудочных или вовсе неразумных, а подчас и вредных воззрений людей: «Христианские вакханалии в ночь под Рождество случаются»; «О вере в столетний календарь предсказания погоды»; «Об обмане народа»; «Псевдобарон фон Мортчини»; «Записки о шахматной и говорящей машине фон Кемпеля»; «Кое-что о процессах над ведьмами в Германии»; «Выдержки из некоторых актов судебных процессов над ведьмами в Кведлинбурге»; комментарий «Еще кое-какие замечания о процессах над ведь-

мами и пытках»; комментарий «Еще кое-что о пытках»; «Об изобретателе воздухоплавательных машин»; комментарий «Еще кое-что о воздухоплавательных машинах, и прежде всего об их управлении»; «Опять пример печального мечтательства, происходящего из суеверий»; «История кладоискателей»; «Псевдограф Калиостро»; «Берлинский астролог» [Волкова 2011: 89–90].

2.3. ИЗВЕСТИЯ О ВЕДОВСКИХ ПРОЦЕССАХ
КАК ЧАСТЬ ПУБЛИКАЦИОННОГО КОНТЕНТА «БЕРЛИНСКОГО ЕЖЕМЕСЯЧНИКА»

Исторические сведения о процессах над ведьмами и колдунами публиковали многие журналы в Германии в последней четверти XVIII в. Например, в 1783–1784 гг. протоколы допросов, произведенных в ходе судебных разбирательств в XVII в., печатает выходящий в Геттингене журнал «Statsanzeigen». Однако только благодаря размещению подобных материалов в номерах «Берлинского ежемесячника» тема «охоты на ведьм» вошла в проблемный список философско-мировоззренческого дискурса эпохи Просвещения. Отправной точкой послужил недавний судебный процесс в швейцарском Гларусе, о котором сообщил анонимный корреспондент в майском выпуске журнала за 1783 г. По обвинению в колдовстве была задержана женщина по имени Анна Гельди, во время следствия она подверглась жестоким пыткам и была приговорена к смертной казни. Приговор привели в исполнение. Событие имело настолько широкий резонанс в обществе, что магистрат города Гларуса предписал изъять и уничтожить печатную продукцию, в которой упоминался данный процесс, чем вызвал еще большее возмущение публики.

Сообщение предваряется статьей Иоганна Цёльнера «Кое-что о предрассудках и суеверии» (того самого Цёльнера, который невольно вызвал на философский диспут Канта, напечатав письмо «Что есть Просвещение?»). Он утверждал, что именно «в искоренении суеверий и предрассудков должен видеть каждый филантроп свое призвание, ибо сии отпрыски варварских времен не только порочат человеческий разум, но и способны учинить непредсказуемый ущерб» [Zöllner 1783: 468–475]. Резонные доводы и голые факты, высмеивание всего абсурдного, доказательство невозможности и опасности того, во что люди слепо верят, – вот оружие здравого рассудка против гордой глупости, которой стыдно признать свою неправоту. Следуя этим принципам, «Берлинский ежемесячник» публикует серию статей философа Иоганна Эберхарда о предпосылках к применению пыток и параллельно несколько работ Готфрида Фойгта о процессах над ведьмами, самая известная из которых так и озаглавлена: «Кое-что о процессах над ведьмами в Германии». Благодаря этой публикации в историографии надолго закрепился неоднозначный тезис о девяти миллионах жертвах двухвековой «охоты на ведьм».

Фойгт приводит факты о пытках и смертных приговорах лицам, обвиненным в колдовстве, прелюбодеяниях с дьяволом, изгнании бесов, кладоискательстве, чтобы читатели осознали масштаб человеческой трагедии. Но одновременно с этим он задается вопросом о причинах этого безумия, охватившего все слои населения, в особенности же тех, кто должен был стоять на страже правосудия: присяжных, судей, прокуроров, следователей, членов городских магистратов, богословов и т. д. Фойгт сокрушается: «Все еще велика опасность скатиться в прежнее варварство и невежество. Нужно быть начеку, дабы не пропали плоды Просвещения, ибо повсюду – среди мужей ученых и неучей, юристов и богословов, у дворян и челяди – наблюдаем мы самое дикое и вредоносное суеверие» [Voigt 1784b: 462]. Кровь стынет при мысли, что кто-то может пытать другого, это противоре-

чит здравому смыслу и обезчеловечивает человечество: «Ведовские процессы не причинили бы столько вреда, если бы их спутницей не была пытка» [Ibid.].

3. НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ДАННЫХ О ЯЗЫКЕ И ФОЛЬКЛОРЕ: ПРОТОКОЛЫ ВЕДОВСКИХ ПРОЦЕССОВ

3.1. ВОПРОСЫ ЭДИЦИОННОЙ ТЕКСТОЛОГИИ: ИСХОДНЫЙ ТЕКСТ И ЕГО ИЗДАТЕЛЬ

В последние десятилетия усилился интерес к обширному рукописному фонду юридических документов, напрямую связанных с ведовскими процессами в Европе. Так, для публикации образцов делового языка немецких канцелярий в книге [Deutsche Kanzleisprache 2005] было отобрано более 170 протоколов допросов лиц, обвиненных в колдовстве, произведенных в ходе судебных разбирательств в различных городах Германии в конце XVI – начале XVII в. Иллюстративный материал представлен в виде факсимильных фрагментов и их транскриптов, каждый документ сопровождается исторической справкой как по фигурантам следствия, так и по секретарям канцелярий, производившим запись, имеется также краткое палеографическое и диалектологическое описание текста. Ценность подобного издания заключается в том, что исследователи получают возможность работать непосредственно с оригиналом в двух форматах его представления (факсимильном и печатном) и изучать памятник с максимальным охватом текстологических и историко-лингвистических аспектов. В частности, анализ протоколов, предпринятый нами в работе [Карпов 2022], показал, что в большинстве из них наблюдается явное колебание в использовании надрегионального канцелярского стандарта и местного диалекта; признаками такого кодового колебания можно считать: 1. фонетические показатели местных диалектов и признаки смешения диалектов в контактных зонах (восточносредненемецкие формы вместо нижненемецких, присутствие нижненемецких и западносредненемецких форм); 2. лексические диалектизмы (нижненемецкие вместо средненемецких и наоборот); 3. неустоявшийся орфографический узуз или индивидуальные особенности правописания секретарей судов и магистратов; 4. особенности вопросно-ответного построения (диалектизмы в репликах подсудимых, двойное отрицание при передаче косвенной речи, кодовые переключения со стандарта на диалект при фиксации свидетельских показаний, примеры заклинаний и описание ритуала на местном диалекте).

Примечательно, что подобные случаи кодового смешения описывает также Ирмтрауд Рёслер, которая привлекает юридические документы, считая их уникальным источником для социолингвистических исследований. При анализе судебных актов, связанных с процессами над ведьмами на севере Германии в XVI–XVII вв., Рёслер описывает случаи, когда происходят кодовые переключения с нижненемецкого диалекта на немецкий язык канцелярского делопроизводства и обратно, называя сложившуюся на севере Германии языковую ситуацию «медиальной диглоссией» [Rösler 1997: 13–30]. Как правило, судебное производство строилось на основе общенемецкого канцелярского языка, в то время как в сфере бытового общения преобладали местные говоры. Нередко языковая компетенция фигурантов судебных процессов не позволяла в полной мере вести допрос на общенемецком языковом стандарте, поэтому протоколисты переходили на диалект и оставляли в документах диалектно окрашенные реплики, снабдив их переводными вариантами. Судебные акты, составленные в этот период, включали при-

меры заговоров, которые обвиняемые зачастую произносили на нижненемецком диалекте.

Работы последних десятилетий отличает прежде всего внимательное отношение к первоисточникам. Речь идет о сохранении всех языковых особенностей исходного рукописного документа, даже если имеются явные ошибки, допущенные их составителями. Первые издатели, о которых говорится выше, напротив, игнорируют языковые и палеографические характеристики, зачастую публикуя тексты в отредактированном виде с устранением диалектных, просторечных и иных признаков отклонения от литературного стандарта. Даже Якоб Гримм, перепечатывая примеры заклинаний для «Немецкой мифологии» из протоколов допросов, размещенных в разное время Фойгтом как в «Берлинском ежемесячнике», так и в составе отдельных изданий, попутно онемечивает лексемы: Гримм посчитал диалектизмы «бессмысленными», поэтому заменил их на слова немецкого стандарта [Grimm 1878: 502]. Видимо, Гримма и его современников еще не интересовала история возникновения рукописей, из которых они черпали материал для последующих изысканий, а принимать во внимание идиостиль и прочие индивидуальные особенности зафиксировавших документы секретарей городских ратуш и судов они не считали нужным. В то же время остается открытым вопрос, какими принципами руководствовался сам Фойгт при подготовке к печати рукописных протоколов.

3.2. ГОТФРИД ФОЙГТ И ПРИНЦИПЫ РАБОТЫ С ПЕРВОИСТОЧНИКАМИ

Готфрид Кристиан Фойгт (1740–1791) приобрел известность как историк-краевед, посвятивший себя изучению города Кведлинбурга. При работе в местных архивах он наткнулся на свидетельства жестокого обращения с лицами, попавшими под подозрение в колдовстве и заключенными на время следствия под стражу. Факты, изложенные в протоколах допросов, произвели на него настолько сильное впечатление, что он принимает решение придать их огласке. В результате Фойгт публикует в майском номере «Берлинского ежемесячника» за 1784 г. развернутый обзор десяти судебных процессов, состоявшихся в городе Кведлинбурге и его окрестностях в период с 1569 по 1581 г. [Voigt 1784a: 430–453]. Описание предваряется кратким примечанием Фойгта о том, что он не имеет возможности привести более полные тексты, поскольку часть из них сохранилась фрагментарно, почерк в них неразборчивый, в некоторых документах отсутствует дата фиксации, не приведены обвинения, показания подсудимых и вынесенный приговор. К тому же отдельные фрагменты и вовсе не удалось обнаружить в архиве, несмотря на их наличие в описях документов [Voigt 1784a: 430]. Вероятно, по этой причине Фойгт не следует точно и дословно оригиналам, а публикует материалы в собственном вольном изложении, выбрав наиболее значимые и информативные куски из доступных ему судебных актов. Однако вопреки сложившейся практике он не редактирует места, которые на его взгляд важны как доказательства достоверности приводимых фактов, а сохраняет архаичные диалектные и просторечные формы. Происходит это в двух случаях: при передаче имен собственных и при публикации заговорных текстов. Последние, как мы помним, Гримм позже принципиально отредактировал, адаптировав под нормы общенемецкого языкового стандарта.

Главная задача дознавателей заключалась не только в том, чтобы в ходе следствия получить от подозреваемых факты их вредоносной колдовской деятельности, но прежде всего добиться от них признания их связи с демоническими суще-

ствами, которым они якобы поклонялись и чьи приказы беспрекословно выполняли. Протоколы содержат как перечни имен подобных демонов, так и их подробные описания. Демоны являлись подозреваемым то в виде прекрасного юноши с красным платком на шее и шляпой с перьями (наиболее частый элемент одежды в описании); то в виде рослого мужчины с красной бородой в черной одежде и также в шляпе с перьями, иногда на нем были штаны красного цвета; то в виде старика в кожаном сюртуке, зеленых штанах и коричневых чулках; то просто как прожорливый крестьянин. В одном случае подсудимым оказался мужчина, который под пытками признался, что имел связь с демоницей по имени Eichenlaubin, которая выглядела как юная девица и каждый раз являлась ему в новом платье синего, красного или серого цветов. У каждого из демонов были какие-то анатомические аномалии, чаще всего одна нога заканчивалась копытом лошади или коровы либо была похожа на лапу собаки, а иногда и вовсе отсутствовала.

Имена демонов были «говорящими»; их прозрачная, легко угадываемая семантика построена нередко на ассоциациях с концептуальными характеристиками магических персонажей, например, как носителей сладострастных пороков всех мастей – Allerleiwollust или Wohlgemuth, но чаще на внешнем сходстве – на особенностях одежды, внешнего вида в целом или строении частей тела: Dikbuch, Dikkebauch, Flederwisch, Fedderbusch, Kufut, Struzzenfeder, Stutzfeder, Stutzebusch, Wittfeder; в отдельных случаях имя было связано с локацией демона, местом его появления или встречи с человеком – Beerbäumchen, Rautenstrauch, Buchsbaum. В подавляющем большинстве имена имели диалектную нижненемецкую форму, характерную для места фиксации протоколов – город Кведлинбург. Например, нем. Dikbuch вместо нем. Dickbauch ‘толстопуз’, нем. Kufut вместо нем. Kuhfuß ‘коровья нога’, нем. Wittfeder вместо нем. Weißfeder ‘белое перо’. По всей видимости, Фойгт полностью сохраняет оригинальное написание имен, поэтому появление общенемецких форм наряду с диалектными свидетельствует об особенностях судебного делопроизводства и идиостиля фиксатора допроса в тот период, когда языковая норма делового письма еще не сформировалась и узус допускал использование диалектных элементов даже в официальных бумагах.

Публикацию Фойгта отличает особо бережное обращение с текстами заговоров, здесь он явно отдает предпочтение диалектным и архаичным языковым формам, не стремится редактировать их и не подстраивается под удобства читателей, лишь снабжает трудные места толкованием или переводом на немецкий язык. Так, он комментирует малопонятное сочетание die guten Holden ‘добрые духи’, чтобы был ясен смысл приводимого в протоколе заклинания против подземных духов, терзающих человеческую плоть [Voigt 1784a: 437–438]:

Joseph und Gardian
die gingen vor Gott dem Herren stahn;
da sie vor Gott dem Herren kam'n
traurete Joseph also sehre.
Es sprach Gott mein Herre:
Joseph! warum trauerest du so sehre? –
Die unternsen Kleine
wollen ausfaulen mein Fleisch und meine Beine.
Ich vorbeide es den unternsen Kleine,
daß sie nicht ausfaulen mein Fleisch und meine Beine!
Im Namen Gottes des Vaters, des Sohnes etc. –

‘Иосиф и Гардиан
они предстали пред Господом Богом;
и вот пред Богом Господом представ
опечалился сильно Иосиф.
И сказал Бог мой Господь:
Иосиф! Отчего печалишься ты так сильно? –
Подземные духи
хотят сгноить мою плоть и мои ноги.
Я приказываю подземным духам,
чтобы они не сгноили мою плоть и мои ноги!
Во имя Бога Отца, Сына и т. д.’

Этот текст позже помещает Гримм в «Немецкую мифологию» без изменений, но при этом поясняет другую лексему – нем. *unternsen* ‘подземные’. В отношении другого текста подходы Фойгта и Гримма явно различаются. Фойгт публикует без изменений заклинание против злых духов, причиняющих страдание людям, и сохраняет диалектные и архаичные элементы [Voigt 1784a: 439]:

Die heiligen 3 Könige gingen über das Feld,
Da mutten ihnen Alfinedi Alfinie.
Das solt du nicht thuen, kehre wieder um!
Im Namen des Vaters etc. –

‘Святых три короля шли через поле,
Там встретились им демоны демоницы.
Этого не должен ты делать, вернись обратно!
Во имя Отца и т. д.’

Формы *Alfinedi / Alfinie* Гримм не принимает в силу их диалектной окрашенности и предлагает парные варианты *alb / elbin* и *alf / elfin*; при перепечатке он производит соответствующую замену и добавляет еще одно слово во второе предложение – обращение *albinne*, поскольку в исходном тексте, по всей видимости, Гримму показался недостаточно прозрачным смысл высказывания.

Следующий заговор, опубликованный Фойгтом, многократно перепечатывался, мы находим его в неизменном виде не только у Гримма, но и во многих журналах этнографического или краеведческого направления, в обилии издававшихся в первой четверти XIX в. Такая популярность объясняется просто: текст практически не имеет диалектно-временных меток, он понятен, за исключением, пожалуй, только самих мифических существ, против которых направлено заклинание [Voigt 1784a: 448]:

Du Elben und du Elbinnen
Mir ist gesagt, du kannst den König von der Königin bringen,
Und den Vogel von dem Nest.
Du sollst noch ruhen noch rasten,
Du kommst denn unter den Busch
Daß du den Menschen kein Schaden thust. –

‘Ты демон и демоница
Мне было сказано, ты сумеешь забрать короля от королевы,
И птицу из гнезда.
Тебе не будет ни покоя ни отдыха,
Ты придешь тотчас под куст
Чтобы ты людям не причиняла вреда.’

Диалектные формы имен мифических существ приведены Фойгтом в протоколе допроса, встречаются они также и по другим источникам и сводятся к следующей трактовке: группа злых духов, против которых направлен заговор, обозначается родовым именем Holderchen (у Гримма Holdichen, в других источниках встречается ннем. Holdeken), опасны они прежде всего тем, что своим ядом могут нанести серьезный вред человеку и домашним животным, нередко приводящий к летальному исходу. С помощью данного заговора можно как усмирить этих духов, так и заставить служить себе, направив их яд против других людей. Этим и пользовались, по мнению обвинителей, ведьмы и колдуны, поэтому подобные примеры обязательно включались в обвинительные приговоры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Очевидным образом факт заимствования Гриммом заговорных текстов для целей своего фундаментального этнографического труда из опубликованных в «Берлинском ежемесячнике» протоколов наилучшим образом подтверждает чрезвычайную важность тех изысканий, которые проводил Фойгт, инициировавший своим примером активную поисковую работу в области немецкого фольклора. Широкомасштабная деятельность начнется только через более чем столетие, в 1907 г., когда члены Немецкой ассоциации фольклорных объединений примут решение начать сбор немецких заговоров и других образцов народной магии с целью их последующего издания. Принципы обработки фольклорного материала разрабатывались при участии Адольфа Шпамера, одного из самых видных собирателей немецкого фольклора. Исследование и публикация данных становятся важнейшей задачей фольклорных объединений Германии, Швейцарии и Австрии, а результатом их совместной многолетней работы можно считать фундаментальный научный труд «Словарь немецких суеверий» («Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens»), издававшийся при активном содействии Эдуарда Крайера и Ганса Бехтольда-Штойбли в период с 1927 по 1942 г. На сегодняшний день «Словарь немецких суеверий» остается единственным полным справочником по немецкоязычному магическому фольклору и превосходит по полноте и охвату материала «Немецкую мифологию» Гримма.

Фольклорная часть наследия Фойгта, его современников и всех тех, кто начиная с последней четверти XVIII в. публиковал протоколы ведовских процессов, является органической составляющей значимых проектов по изучению народной культуры германских народов. Их публикациями пользовались создатели «Словаря немецких суеверий», ими пополнялся этнографический фонд, выросший позже в «Архив Адольфа Шпамера», самое большое хранилище данных по народной культуре, верованиям и обычаям немцев. И, наконец, благодаря первым публикациям в просветительских журналах протоколы допросов лиц, обвиненных в колдовстве, привлекли внимание не только философов, историков и социологов, но и исследователей народной магии, немецкой диалектологии и текстологии.

ЛИТЕРАТУРА

НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Волкова 2011 – *Волкова К.А.* Моисей Мендельсон и его статьи о просвещении // Кантовский сборник. 2011. №3(37). С. 85–92.

Карпов 2022 – *Карпов В.И.* Заговорные тексты в немецких судебных актах XVI–XVII вв.: прагматический аспект языкового варьирования // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований.* 2022. № 18-2. С. 39–60.

Beise 2008 – *Beise A.* Soll man dem Volk die Wahrheit sagen oder lieber nicht? – die Preisfrage der Preußischen Akademie der Wissenschaften für das Jahr 1780 // *Literaturkritik.* 2008. Bd. 10. №2. S. 199–206.

D’Aprile 2010 – *D’Aprile I.-M.* Friedrich und die Netzwerke der Wissenschaften. In: Friedrich der Große: Politik und Kulturtransfer im europäischen Kontext. 2010. URL: https://www.perspectivia.net/publikationen/friedrich300-colloquien/friedrich-kulturtransfer/daprile_netzwerke

Deutsche Kanzleisprache 2005 – *Deutsche Kanzleisprache in Hexenverhörprotokollen der Frühen Neuzeit.* Bd. 1: Auswahledition. Band 2: Kommentierte Bibliographie zur regionalen Hexenforschung / Ed. by J. Macha u. a. Berlin; New York, 2005. 729 S.

Gedike, Biester 1783 – *Gedike F., Biester J.E.* Vorrede // *Berlinische Monatsschrift.* 1783. № 1. S. 1–3.

Grimm 1878 – *Grimm J.* Deutsche Mythologie. Vierte Ausgabe. III. Band. Berlin, 1878. 554 S.

Kant 1784 – *Kant I.* Beantwortung der Frage: Was ist Aufklärung? // *Berlinische Monatsschrift.* 1784. № 12. S. 481–494.

Rösler 1997 – *Rösler I.* «Ich soll als eine Zauberin verbrannt werden...». Zur Widerspiegelung populären Zaubers in mecklenburgischen Hexenprozeßprotokollen und zur Sprachform der Verhörprotokolle // *Hexenverfolgung in Mecklenburg: regionale und überregionale Aspekte* / Hg. von D. Harmening, A. Rudolph. Dettelbach, 1997. S. 167–190.

Voigt 1784a – *Voigt G.Ch.* Auszüge aus einigen Hexenakten bei der Königl. Preuß. Erbvoigtei zu Quedlinburg // *Berlinische Monatsschrift.* 1784. № 5. S. 430–453.

Voigt 1784b – *Voigt G.Ch.* Noch einige Bemerkungen über Hexenprozesse und Folter // *Berlinische Monatsschrift.* 1784. № 5. S. 453–462.

Zingerle 1858 – *Zingerle I.V.* Barbara Pachlerin, die Sarnthaler Hexe, und Mathias Perger, der Lauterfresser. Zwei Hexenprozesse. Innsbruck, 1858. 84 S.

Zöllner 1783 – *Zöllner J.F.* Etwas von Vorurtheilen und Aberglauben // *Berlinische Monatsschrift.* 1783. № 5. S. 468–475.

ОНИМНАЯ ЛЕКСИКА КАК СРЕДСТВО ВИЗУАЛИЗАЦИИ ГОРОДСКОГО ЛАНДШАФТА ЭПОХИ И.В. ГЁТЕ¹

Н.В. Усова

1. ВВЕДЕНИЕ

Язык писателя служит средством, благодаря которому индивидуальное авторское сознание соотносится с коллективным языковым сознанием. Являясь одновременно воспринимающим и созидающим, индивидуально-авторское сознание испытывает влияние ‘взрастившего’ его социокультурного пространства, но и оказывает ответное влияние. Этот взаимообмен является своеобразной движущей силой, одним из факторов, стимулирующих развитие языка. По отношению к национальному языку и культуре в целом язык писателя масштаба И.В. Гёте выступает в качестве модели лингвокультуры. Текст произведения, являясь продуктом индивидуального мыслительного процесса, в то же время принадлежит языковому сообществу, участвует через взаимодействие с читателем в формировании общественного языкового сознания, действуя в синергетическом единстве с ним. Перечисленные факторы обуславливают актуальность исследования пока недостаточно изученных аспектов творческого наследия великих мастеров слова, к числу которых принадлежит Гёте.

Источником материала исследования служит текст автобиографического произведения Гёте «Aus meinem Leben. Dichtung und Wahrheit» («Из моей жизни. Поэзия и правда») [Goethe]. Этот труд изучался в том числе с позиций культурологии [Кемпер 2009], но всё еще остается среди произведений, обойденных вниманием лингвистов, и еще в большей степени не изучен включенный в него онимный массив. Между тем имена собственные (далее ИС) составляют неотъемлемую и важную часть языкового фонда всякого культурно-языкового сообщества и представляют собой исторически сложившуюся и наиболее стабильную в своей основе часть лексики, тесно связанную с основополагающими представлениями о миропорядке и аксиологическими ценностями, укорененными в ‘коллективном бессознательном’.

Работа в направлении решения вопросов о специфике проприальной лексики мемуаров Гёте и особенностях ее функционирования была начата несколько лет назад. Промежуточные результаты опубликованы в статьях [Усова 2013; Усова 2018; Усова 2020] и отражены в одном из разделов диссертации [Усова 2019: 355–374]. Однако еще и сегодня исследование всей совокупности онимов этого многолетнего труда писателя далеко от завершения, и потому необходима дальнейшая разработка вопросов, связанных с феноменом имени как явлением языка, путем

¹ Финансирование: Исследование выполнено в рамках проекта научно-исследовательской группы «Декодирование и интерпретация аксиологической семантики в славянских, германских, романских и кавказских лингвокультурах» факультета иностранных языков ДонГУ (№ госрегистрации темы 124012400351-9).

изучения текстов автобиографии как специфического жанра, проливающего свет на многие культурно-антропологические аспекты жизни общества. Данная публикация предлагает лингвистический анализ лишь части онимной лексики топонимической природы, функционирующей в автобиографии Гёте, с позиций антропоцентризма. Выборка включает онимные единицы (далее ОЕ), относящиеся к топонимическому пространству Франкфурта-на-Майне, родного города писателя, описываемого периода – второй половины XVIII в. Проприальная лексика топонимической природы рассматривается как средство изображения города конкретного культурно-исторического среза и как средство отображения реальной действительности в индивидуальном восприятии будущего поэта.

2. АВТОБИОГРАФИЯ ПИСАТЕЛЯ КАК «ПОРТРЕТ ЭПОХИ»

Наследие писателя выходит за пределы литературно-художественных текстов. Творческое наследие Гёте включает, помимо его поэтических и прозаических литературных произведений, труды, не являющиеся художественными текстами: письма, публицистические сочинения, научные исследования, дневниковые записи, а также автобиографическую и мемуарную прозу. Исследуемое произведение автобиографично, написано на склоне лет, что характерно для жанра мемуаров, которые являются «разновидностью документальной литературы и в то же время одним из видов исповедальной прозы (автобиография, исповедь), примыкают к исторической прозе, очерку, биографии» и «относятся к жанрам, пограничным между собственно литературой и бытовыми письмами и дневниками» [ЛиЯ]. Такой взгляд на автобиографическую и мемуарную прозу подтверждается общим мнением исследователей этого жанра [Сапожникова 2012; Соловьева 2009; Сутаева 1998], признающих за ним определенную степень художественности, что позволяет считать мемуары и художественным произведением, и историческим источником [Сутаева 1998: 8]. По мнению Соловьевой, «написание текста автобиографии – это не изложение на бумаге воспоминаний, а сам процесс создания автобиографического воспоминания. При написании автобиографии важно, что написано и как написано, что приближает автобиографию к художественным текстам» [Соловьева 2009: 144]. С этим мнением солидарна Сапожникова, считая, что автобиография соединяет в себе документальность и фикциональность, при этом первая проявляется в использовании реальных фактов из жизни автора, определенных средств документальности, к которым относит и топонимию; вторая же связана со способом изложения, близким к художественному [Сапожникова 2012: 56]. Действительно, по материалу и стремлению к достоверности мемуары близки к документально-исторической прозе. Но авторская субъективность, предполагающая активное присутствие голоса автора, его индивидуальных оценок и неизбежной пристрастности, является одним из конструктивных факторов мемуарной литературы. Основанием к разграничению жанров автобиографии и мемуаров служит различие в расставлении акцентов. Если автор мемуаров пытается осмыслить исторический контекст собственной жизни как часть общего исторического процесса, то в автобиографии внимание сосредоточено на его внутренней жизни, на развитии личности, а описываемые события преломляются через индивидуальное восприятие. Для данного исследования упомянутые различия не представляются принципиально значимыми, а все вышесказанное вполне позволяет рассматривать мемуарные и автобиографические произведения как одну жанровую категорию, к которой и относится изучаемый труд. Исходя из

этого, исследуемое произведение Гёте определяется общим основным термином автобиографические хроники (далее также АБХ), а термины автобиография и мемуары используются как синонимы к основному.

Текст АБХ передает впечатления и переживания автора, воспоминания о близких людях и о тех, с кем он лишь вскользь соприкасался в юные годы жизни. События разворачиваются во времени и пространстве, на фоне дорогих сердцу писателя мест, первым из которых предстает родной город. Характерное для мемуарной литературы повествование от первого лица дает возможность исследовать с позиций антропоцентризма всю многомерность изображаемого мира сквозь призму индивидуального восприятия Гёте, через его рефлексии. Субъективность в оценке окружающего мира становится важнейшим принципом повествования, отличающим антропоцентризм. Как раз по отношению к такого рода автобиографическим произведениям представляются уместными слова Г.В. Колшанского: «Может быть, наивысшая ступень проявления человеческого фактора в языке обнаруживается тогда, когда предметом высказываний является сам автор речи, и все оценочные моменты, следовательно, становятся вдвойне авторскими. Субъективный момент в этом случае как бы удваивается» [Колшанский 2005: 87].

В изображаемых обстоятельствах и событиях автор предстает как участник или очевидец. Основной тип повествования (*ich*-повествователь) в первых книгах периодически сменяется повествованием от третьего лица, где автор говорит о себе в детстве, используя номинации «*der Knabe*», «*das Kind*». Таким образом создается дистанцирование повествователя от протагониста, а также от изображаемого, и приближение к позиции читателя, создается эффект ‘взгляда со стороны’.

Изложение фактов и событий собственной жизни сопровождается описанием мест, на фоне которых происходит становление юной чувствующей и воспринимающей личности, формирование индивидуального образа мира, сначала ограниченного родным домом, но постепенно расширяющегося до границ города, а затем и за их пределы. В изображаемом городе фигурируют реально существовавшие в свое время и пространстве объекты и явления действительности, в том числе географические и топографические реалии: территории города с величественными архитектурными сооружениями, жилыми домами, улицами и площадями, земли и водоемы, долины и урочища, прочие большие и малые объекты окружавшей будущего писателя среды. Все эти объекты действительности существовали в логике свойственной эпохе динамики развития общества. Одни пришли из глубины веков как свидетельства исторического прошлого, другие возникали на глазах юного поэта из насущных потребностей жителей, какие-то исчезали или меняли свой облик. В повествовании им не отводится роль простой декорации – они составляют значимую часть самой жизни, наполняя ее смыслами и взаимосвязями. Описание картин города перемежается с изображением быта представителей разных сословий городского общества и детских впечатлений от увиденного; все вместе составляет портрет города второй половины XVIII в. и его обитателей, их интересы и отношения, мысли и умонастроения, – все то, что создает ‘аромат и вкус эпохи’.

3. МЕТОДЫ И ТЕРМИНЫ

3.1. ВОПРОС МЕТОДОЛОГИИ

Успешное изучение феномена имени сегодня предполагает методологию, учитывающую многоаспектность опыта познания и преобразования действительности в речемыслительной деятельности. Основные методологические принципы рассмотрения имени как феномена лингвокультуры, сформулированные ранее [Усова 2019: 110], можно свести к следующим.

1. Принцип рассмотрения языковых и культурных феноменов в динамике.
2. Принцип соединения лингвистических и лингвокультурологических подходов в изучении онимов.
3. Принцип антропоцентризма, предполагающий внимание к человеку, который познает мир через осознание себя в мире, своего места в культуре и учитывает способность ИС проникать во все сферы речевой практики и формы языкового выражения, сопровождая человека повсеместно и постоянно как в индивидуально-личностной бытийной и ментальной деятельности, так и в коллективно-общественных взаимоотношениях внутри социума.
4. Принцип многоаспектности исследования, позволяющий устанавливать взаимосвязи между уровнями текста, вскрывать механизмы возникновения смысла. Каждый из уровней может иметь ассоциативно-когнитивные связи с культурно-специфическими явлениями, событиями и фактами, знакомыми языковому сообществу или определенной его части.

Методика рассмотрения предмета учитывает множественность его постоянно и непрерывно меняющихся состояний, континуальный поток онимов относительно лингвокультуры, или онимный континуум². Континуальность как характеристика онима соотносится с понятием «семиотический континуум культуры» [Лотман 2002: 190], подразумевающим ее изменчивое состояние, ‘переплетенность’ составляющих ее текстов, постоянность и непрерывность внутрикультурных процессов. Рассмотрение онимной лексики и различных ее разрядов как континуума является новым подходом в ономастике, терминологическое сочетание находит применение в том числе в области урбанонимики [Мезенко 2023].

Культурно-историческая и социальная значимость анализируемого материала определили использование комплексной исследовательской методики, включающей, наряду с традиционными методами и приемами, лингвокультурологический анализ и лингвострановедческий комментарий, а также элементы исторического и социолингвистического анализа, предполагающие изучение топорефлектонимов в их синхронической связи с исторической, культурной, социальной реальностью. Применяется также метод стратификации, позволяющий дифференцировать подсовокупности страты топонимов / топорефлектонимов, что упрощает систематизацию исследуемых единиц и последующий анализ.

3.2. ВОПРОС КВАЛИФИКАЦИИ ОНИМНОЙ ЛЕКСИКИ АБХ

Онимикон писателя составляет существенную часть его словаря, рассредоточен в семиотической системе авторского наследия (образной и знаковой), одновременно с этим включен в систему онимного пространства языка и соотносится с ним как часть и целое. Таким образом, онимия наследия писателя в своей совокупности является существенной составляющей трех систем одновременно:

² Использование терминологического сочетания обосновано в работе [Усова 2019: 114–118].

1) языковой системы определенной монокультуры; 2) подсистемы онимного пространства языка и 3) образной системы произведения (цикла / наследия) автора, т. е. единственного в своем роде виртуального мира, созданного творческой личностью. С учетом этого понятно, что вся совокупность имен, используемых автором в совокупности текстов его наследия, составляет целостную авторскую картину мира собственных имен писателя. Здесь возникает вопрос о квалификации онимии автобиографической хроники, которая не может быть причислена ни к реальной онимии, ни к поэтонимии. Она представляет собой часть онимикона писателя, так же как и поэтонимосфера художественных произведений, и онимия его не-художественных текстов, однако совершенно специфическую часть.

3.3. ВОПРОС ТЕРМИНОЛОГИИ

Специфика употребленной онимной лексики определяется жанром (автобиографические хроники). Онимия АБХ и поэтонимия имеют определенное сходство, но также и существенные различия. Соединение документального и художественного в тексте произведения обеспечивает «красоту стиля автора», которая основана, по Е. Браудо, «на полном соответствии между предметами изложения и их художественным выражением» [Браудо 2020: 12]. Большинство употребленных в АБХ онимов нельзя считать поэтонимами, ведь, как хорошо известно, поэтонимы – это онимы, употребленные в текстах литературно-художественных произведений [Калинкин 2006], и по своим качествам они не равнозначны именам в не-литературных текстах. Следовательно, поэтонимами можно считать лишь имена из литературных произведений, встречающиеся в АБХ. При всем смешении документального и фикционального в автобиографии, ее онимную лексику отличает от поэтонимов характер обозначаемого референта, поскольку его составляют не вымышленные, фиктивные образы, а объекты реального мира. В этом смысле онимы АБХ ближе к реальной онимии, чем к поэтонимии, хотя объекты действительности предстают при этом своеобразно преломленными авторской рефлексией, свойственной жанру. В реальной ономастике термин урбаноним называет вид топонима: «Собственное имя любого внутригородского топографического объекта, в том числе агороним, годоним, название отдельного здания, хороним городской» [Подольская 1978: 154]. Онимы АБХ отличаются от реальной онимии своим содержанием, несмотря на совпадение их фонографических форм. Поэтому для обозначения онимной лексики автобиографических текстов был предложен общий термин рефлектоним [Усова 2013], который отражает субъективность авторской рефлексии, свойственную жанру. Производные от него термины топо-рефлектоним, урбанорефлектоним и т. п. применяются для обозначения исследуемых единиц, представляющих собой рефлектонимы топонимической природы.

4. ТОПОРЕФЛЕКТОНИМЫ

КАК СРЕДСТВО ОРГАНИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВА ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Во все времена развитие экономической, политической, культурной, общественной жизни неизменно отображалось в языке, и прежде всего, согласно собственной людям потребности именовать объекты реального мира, в характере номинации. Топонимы в произведении фигурируют, по выражению Р. Барта, «как основа для возникновения межтекстовых ассоциаций, как своего рода ‘цитаты’, отсылающие нас к различным областям культуры» [Барт 1980: 311]. Для стиля автобиографических хроник типична соотнесенность повествования с географи-

ческими / топографическими параметрами. По утверждению В.В. Гака, пространство – одна из первых реальностей существования, воспринимаемая и дифференцируемая человеком [Гак 2000: 126], и Гёте не случайно уделяет внимание детальному описанию пространственной организации города своего детства. Топорефлектонимы АБХ прежде всего служат маркерами, обозначающими систему пространственно-временных координат, пунктирно отображающими основные и периферийные линии и, таким образом, организующими пространство повествования. Это свойство делает совокупность топорекфлектонимов значимой конституирующей частью автобиографического произведения. Внутри страты топорекфлектонимов прослеживается неоднородность, обусловленная различиями обозначаемых референтов. В соответствии с методом стратификации совокупность топорекфлектонимов в свою очередь подразделяется (подробнее об этом см. [Усова 2020: 77–78]), ‘расслаиваясь’ на страты астиорекфлектонимов, гидрорекфлектонимов, урбанорекфлектонимов и т. д. Далее в работе рассматривается выделенная путем стратификации из совокупности топорекфлектонимов страта урбанорекфлектонимов, представляющая собой также неоднородную совокупность.

5. УРБАНОРЕФЛЕКТОНИМЫ

5.1. Из сказанного выше следует, что неоднородность подсовокупности урбанорекфлектонимов логично предопределяет ее подразделение на страты, что отображено в таблице 1.

Таблица 1.
Стратификация урбанорекфлектонимов АБХ,
обозначающих объекты городского пространства Франкфурта-на-Майне

Урбанорекфлектонимы	Примеры
астиорекфлектоним	Frankfurt am Main, Frankfurt
рефлектоним-агороним	Friedberger, Roßmarkt, Marktplatz, Christmarkt, Weinmarkt, Römerberg
рефлектоним-агрооним	Gottesacker, Bornheimer Heide
гидрорекфлектоним (потамоним)	Main
годониморекфлектоним	Hirschgraben, Hasengasse, Fahrgasse, Eschenheimer Gasse, Friedberger Gasse, Neue Kräme
ойкодоморекфлектоним	Römer, Saalhof, Nürnberger Hof, Kompostell, Braunfels, das Stammhaus derer von Stallburg, die Burg Kaiser Karls des Großen
рефлектоним-ороним	Feldberg, Kaisersberg, Friedberg
рефлектоним-экклезионим	Liebfrauenkirche, St.-Katharinen-Kirche, Bartholomäuskirche, Liebfrauenkloster
рефлектоним-гефероним	Mainbrücke
городской хороним	Altstadt, Sachsenhausen
рефлектоним-пилоним	Allerheiligenpforte, Katharinenpforte, Friedberger Tor, Brückentor
эргониморекфлектоним	«Hof zu den guten Leuten», Gasthof «Zum Römischen Kaiser»

Как видно из таблицы, в результате стратификации урбанорефлектонимы разделяются на 12 подстрат, которые рассматриваются далее на конкретных примерах.

5.2. Астиорефлектоним (от астионим³) Frankfurt am Main и его альтернативный вариант Frankfurt – *Франкфурт-на-Майне* / *Франкфурт* именуется в АБХ родной город Гёте и является макротопонимом по отношению к другим единицам реальной онимии внутригородского пространства. Исторически его референт – бывшая столица Восточно-франкской империи, затем свободный город и крепость [Herders Conversations-Lexikon] с богатой событиями историей. Название города происходит от значений слов Frank(en) ‘франк(и)’ и Furt ‘брод’, Furten ‘переправа вброд’. Согласно древним источникам, город был основан на месте, где войско франков во главе с Карлом Великим переправлялось на противоположный берег. Астиорефлектоним употребляется в самом начале повествования (1) и затем многократно в дальнейшем тексте.

(1) Am 28. August 1749, mittags mit dem Glockenschlage zwölf, kam ich in Frankfurt am Main auf die Welt⁴.

Для номинации города применяются и дескрипции: meine Vaterstadt, mein Geburtsort.

Описывая свои детские прогулки по городу, Гёте изображает центральную часть старого города, реку, разделяющую город, и мост через нее. Для обозначения реки служит гидрорефлектоним (потамоним)⁵ Main (2), отвечающий реальному потамониму, а для обозначения моста соответственно рефлектоним-гефироним Mainbrücke (3). Следует заметить, что термин гефироним (от греч. ‘плотина, мост’ + онама ‘имя’) [Мадиева, Супрун 2017: 144], также гефюроним (от греч. γέφυρα – ‘мост’) [Разумов 2015: 17], был введен относительно недавно для обозначения названий мостов, которые в ландшафте многих городов являются важными составляющими.

(2) An dem rechten Ufer des Mains unterwärts, etwa eine halbe Stunde vom Tor, quillt ein Schwefelbrunnen, sauber eingefasst und mit uralten Linden umgeben.

(3) Am liebsten spazierte ich auf der großen Mainbrücke.

Рефлектоним-городской хороним⁶ Sachsenhausen (4) обозначает территорию за рекой: «Vorstadt von Frankfurt a. M., links am Main, mit der eigentlichen Stadt durch eine Brücke verbunden» [Herders Conversations-Lexikon], любимое место прогулок.

(4) Er war durch Sachsenhausen, über die Brücke, die Fahrgasse, sodann die Zeile hinunter gegangen, und wendete sich nach der innern Stadt durch die Katharinenpforte, ein ehemaliges Tor und seit Erweiterung der Stadt ein offener Durchgang.

Пример (4) включает и другие урбанорефлектонимы: годоним⁷ Fahrgasse, рефлектоним-пилоним⁸ Katharinenpforte, обозначающий бывшие ворота, ставшие в описываемое время свободным проходом, переходившим в дорогу либо улицу, но сохранившим прежнее название.

³ Астионим. Вид ойконима. Собственное имя города [Подольская 1978: 39].

⁴ Здесь и далее примеры приводятся по: *Goethe J.W.* Aus meinem Leben. Dichtung und Wahrheit. URL: <http://www.odysseetheater.com/goethe/duw/duw00.htm>

⁵ Вид гидронима. Собственное имя любой реки [Подольская 1978: 112].

⁶ Городской хороним. Вид хоронима и вид урбанонима. Собственное имя части территории города, в том числе района, квартала, парка, кладбища [Подольская 1978: 160].

⁷ Вид урбанонима. Название линейного объекта в городе, в т. ч. проспекта, улицы, линии, переулка, проезда, бульвара, набережной [Подольская 1978: 39].

⁸ Для названий городских ворот в ономастике используется термин пилоним (от греч. ворота + имя) [Мадиева, Супрун 2017: 144].

Рефлектоним-агрооним⁹ *Gottesacker* (5) обозначает поле внутри городского пространства, что было свойственно застройке городов немецких земель того времени:

(5) Von dem Putz- und Schaugarten des Reichen zu den Obstgärten des für seinen Nutzen besorgten Bürgers, [...], ja bis zum *Gottesacker* selbst – denn eine kleine Welt lag innerhalb des Bezirks der Stadt – ging man ...

Экклезионимы¹⁰ естественным образом встречаются в описании Франкфурта (6), поскольку обозначаемые ими референты – церкви, соборы, монастыри – были неотъемлемой частью жизни горожан, так же как их архитектурные воплощения – неотъемлемой частью городского ландшафта.

(6) Man verlor sich in die alte Gewerbstadt, und besonders Markttagess gern in dem Gewühl, das sich um die *Bartholomäuskirche* herum versammelte.

Упомянув рынки и площади, вызывавшие у ребенка противоположные чувства и впечатления, автор использует агоронимы¹¹ (пример (7)), где сопоставляются рефлектонимы-агоронимы *Marktplatz* и *Römerberg*.

(7) Nur selten aber mochte man sich über den beschränkten, vollgepfropften und unreinlichen *Marktplatz* hindrängen. So erinnere ich mich auch, daß ich immer mit Entsetzen vor den daranstoßenden engen und häßlichen Fleischbänken geflohen bin. Der *Römerberg* war ein desto angenehmerer Spazierplatz.

Если ОЕ *Marktplatz* не нуждается в комментировании, то противопоставленный ей в примере (7) рефлектоним-агороним *Römerberg* требует пояснения. Это специфическое именование, обозначающее одно из особенных мест города, и сегодня являющихся главной достопримечательностью Франкфурта: «Der *Römerberg*, ehemals *Samstagsberg* genannt, diente seit dem 9. Jahrhundert für Märkte und Messen, Turniere und Feste, als Richtplatz und Ort von Kaiserwahlen und – Krönungen» [Frankfurt.de]. Несмотря на семантику второго компонента морфологической структуры *-berg* ‘гора’, данный оним квалифицируется как агороним, а не как ороним, превалирующим признаком для этого является референциальное значение – ‘площадь’. Семантика второго компонента связана, вероятно, с рельефом места его расположения. Очевидна связь рефлектонима-агоронима *Römerberg* с урбанонимом *Römer* (пример (8)), который относится уже к ойкодоморефлекто-нимам (от термина ойкодомоним¹² для реальной онимии).

(8) Waren wir einmal im *Römer*, so mischten wir uns auch wohl in das Gedränge vor den bürgermeisterlichen Audienzen.

Römer – ойкодоморефлектоним, собственное имя городской ратуши, именуемое старинное здание необычной архитектуры, являющееся не только постоянным местом размещения городских властей с начала XV в., но и связанное со многими значимыми событиями в истории Германии, что обуславливает возникновение исторических коннотаций.

Эргониморефлектонимы встречаются в тексте в небольшом количестве, они обычно служат дополнительным фактором, уточняющим расположение городских объектов по отношению друг к другу и к общей картине города, как в примере (9).

⁹ Агрооним. Вид топонима. Название земельного надела, участка, пашни, поля [Подольская 1978: 28].

¹⁰ Класс топонима. Собственное имя места совершения обряда, места поклонения любой религии; в том числе название церкви, часовни, креста, отдельно стоящего алтаря, священных камня, источника, дерева [Подольская 1978: 164].

¹¹ Агороним. Вид урбанонима. Название городской площади; рынка [Подольская 1978: 27].

¹² Ойкодомоним – ‘собственное имя здания’ [Подольская 1988: 88].

(9) Nicht weit davon steht der «Hof zu den guten Leuten», ehemals ein um dieser Quelle willen erbautes Hospital.

5.3. Следует заметить, что существуют определенные сложности с квалификацией отдельных единиц страты урбанорефлектонимов, дальнейшая терминологическая конкретизация которых вызывает затруднение. Это связано с особенностью референта, на которую указывает сам автор АБХ:

(10) Was aber die Aufmerksamkeit des Kindes am meisten an sich zog, waren die vielen kleinen Städte in der Stadt, die Festungen in der Festung, die ummauerten Klosterbezirke nämlich, und die aus frühern Jahrhunderten noch übrigen mehr oder minder burgartigen Räume: so der Nürnberger Hof, das Kompostell, das Braunfels, das Stammhaus derer von Stallburg, und mehrere in den spätern Zeiten zu Wohnungen und Gewerbebenutzungen eingerichtete Festen.

Пример (10) прямо говорит о динамических изменениях в статусе и предназначении именуемых объектов (референтов), которые могли с течением времени преобразовываться – от крепостных защитных сооружений, монастырских построек, конюшен и др. в период Средневековья до жилых помещений или мастерских, какими их увидел Гёте. При этом в синхронии описываемого периода происходит закрепление измененного значения соответствующей ОЕ, однако историческое прошлое референта сохраняется в коннотативной семантике урбанорефлектонима, зафиксированное в лексическом и морфемном составе. Внимательное прочтение текста, а также обращение к историческому контексту позволяет квалифицировать урбанорефлектонимы приведенного фрагмента (10) как ойкодоморефлектонимы. Рассмотрим их подробнее.

Nürnberger Hof – урбанорефлектоним, ойкодоморефлектоним, поскольку он именуется конкретное здание, – строение, заселявшееся начиная со Средневековья во время ярмарки купцами [Frankfurt.de]. По всей видимости, здание получило это имя из-за поселявшихся в нем торговцев, приезжавших из Нюрнберга. С XVI в. здесь останавливались также император и короли [Frankfurt.de].

Kompostell – можно также квалифицировать как ойкодоморефлектоним, исходя из контекста, поскольку он употреблен в перечислении наименований ряда подобных объектов. Это предположение подтверждает единственная найденная историческая справка¹³, в тексте АБХ и в лексикографических источниках пояснения отсутствуют. В современном Франкфурте-на-Майне нет объекта с таким наименованием, так как в результате британских бомбовых ударов в 1944 г. он был разрушен и затем полностью снесен.

Braunfels¹⁴ – ойкодоморефлектоним, имя здания, в котором некогда заседал верховный имперский суд [Herders Conversations-Lexikon]. Об этимологии этой ОЕ не удалось найти более подробную информацию. Из семантики компонентов с определенной степенью вероятности можно предположить трансформацию онима (трансонимизацию) через метафорический перенос (особенность рельефа → номинация здания).

Das Stammhaus derer von Stallburg – ойкодоморефлектоним; апеллятивно-онимный комплекс означает имя дома старинного рода патрициев Франкфурта, известность которого в городе относится к началу XV в. В современных источниках фигу-

¹³ Der **Kompostellhof** (auch: das **Kompostell**) war eine große Hofanlage in der Altstadt von Frankfurt am Main. Der im 13. Jahrhundert entstandene Hof gehörte dem Frankfurter Deutschordenshaus und diente als Herberge für Jakobspilger auf ihrer Reise zum Grab des Apostels Jakob in Santiago de Compostela [https://de.wikipedia.org/wiki/Kompostellhof].

¹⁴ ...das Haus Braunfels, ehemaliger Sitz des kaiserl. Kammergerichts [Herders Conversations-Lexikon].

рирует также как Große Stalburg¹⁵ [Mittelalterliche Retabel in Hessen 2015]. Онимное словосочетание происходит от фамилии Stallburg, имевшей также вариативное написание: «Auch: Stallburg, Stalburger, Stalberg, Stalberger. Seit der Mitte des 17. Jahrhunderts: von S[talburg]» [Weyel 1996]. В то же время документы свидетельствуют в пользу противоположной версии: о первоначальном происхождении фамильного антропонима владельца от имени дома: «Das erste Mitglied der Ffter Familie S[talburg] war der Tuchscherer Henne von Reddelnheim (auch: Rödelheim; † 1443), seit 1402 Bürger in Ffm., der im Haus Stalberg auf dem Liebfrauenberg lebte und den Namen des Hauses um 1420 als Beinamen annahm» [Weyel 1996].

Изображая улицы, площади и переулки города, автор ‘оживляет’ их, наполняя персонажами и реалиями времени своего детства, что позволяет читателю живо представить городскую повседневную суету, говорливую толпу из торговцев и покупателей рынков, пестроту и шум праздничных площадей, строгость и изысканность фасадов и парадных входов ратуши, величие церквей и соборов. Вместе с тем некоторые упоминаемые городские объекты не только теперь не существуют, а и во времена Гёте выглядели как руины. Отдельные же именуемые референты уже тогда существовали лишь сохраненными в памяти жителей как места, где некогда происходило что-то значительное. Такой объект обозначает, например, ойкодоморефлектоним die Burg Kaiser Karls des Großen, см. пример (11):

(11) Ging es nun in die Stadt herein, so ward jederzeit der Saalhof, der wenigstens an der Stelle stand, wo die Burg Kaiser Karls des Großen und seiner Nachfolger gewesen sein sollte, ehrfurchtsvoll begrüßt.

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Употребляя проприальную лексику в определенной последовательности и совокупности, автор стремился к достижению исторической и топографической точности изложения, к созданию визуально представимых рельефно и объемно воссоздаваемых образов городского ландшафта города своего детства. Использование в повествовании урбанорефлектонимов помогает живо представить, нарисовать в воображении своеобразие городской застройки, архитектурные особенности отдельных зданий и сооружений, причудливость сочетания построек из разных эпох и соединяющих их переходов, иными словами, достигается эффект визуализации.

Топорефлектонимы, урбанорефлектонимы разного рода служат в автобиографическом тексте для передачи пространственных параметров – линейность, объемность, многомерность, направленность, протяженность. Мир детства писателя категоризируется и систематизируется в образах и картинах городских зданий, площадей, улиц, дорог и т. д. благодаря их отображению в повествовании посредством имен. Таким образом формируется специфическое пространство текста.

Проведенное исследование показывает, что все проанализированные ОЕ обладают исторической коннотацией, обусловленной их семантикой и функцией номинации объектов исторической части города, а также в силу своей соотносительности с преданиями о былых событиях и их участниках. Благодаря своим коннотативным свойствам урбанорефлектонимы апеллируют к фоновым знаниям читателя, выступают в роли актуализаторов и хранителей культурной памяти социума.

¹⁵ Privates Wohnhaus, die Hauskapelle befand sich in dem von Claus Stalburg im Jahr 1496 erbauten schlossähnlichen Stammhaus, der «Großen Stalburg», auf dem Kornmarkt. Im Jahr 1789 ließ die Reformierte Gemeinde, [...], das «alte Stammhaus» abreißen und errichtete dort ihre Kirche (...). [Mittelalterliche Retabel in Hessen 2015].

ЛИТЕРАТУРА

1. ИСТОЧНИКИ

Goethe J.W. – Aus meinem Leben. Dichtung und Wahrheit. URL: <http://www.odysseetheater.com/goethe/duw/duw00.htm>; <https://www.projekt-gutenberg.org/goethe/dichwah1/chap002.html>

2. НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА, СЛОВАРИ

Барт 1980 – *Барт Р.* Текстовый анализ // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. IX. Лингвистика. М., 1980. С. 307–312.

Гак 2000 – *Гак В.Г.* Пространство вне пространства // Логический анализ языка. Языки пространств / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. М., 2000. С. 127–135.

Калинкин 2006 – *Калинкин В.М.* От литературной ономастики к поэтонимологии // Λογος ὀνομαστικῆ (Науч. журнал). 2006. № 1. С. 81–89.

Кемпер 2009 – *Кемпер Д.* Гёте и проблема индивидуальности в культуре эпохи модерна / Пер. А.И. Жеребина. Электрон. текстовые данные. М., 2009. 384 с.

Колшанский 2005 – *Колшанский Г.В.* Объективная картина мира в познании и языке. 2-е изд., доп. М., 2005. (Лингвистическое наследие XX века).

ЛиЯ – Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия / Под ред. П.А. Николаева, М.В. Строганова. URL: <http://interpretive.ru/dictionary/966/word/memuary>.

Лотман 2002 – *Лотман Ю.М.* История и типология русской культуры. СПб., 2002. 768 с.

Мадиева, Супрун 2017 – *Мадиева Г.Б., Супрун В.И.* Проблемы урбанонимики // Теория и практика ономастических и дериватологических исследований: Коллективная монография Памяти заслуженного деятеля науки Республики Адыгея и Кубани, профессора Розы Юсуфовны Намитоковой / Науч. ред. В.И. Супрун, С.В. Ильясова. Майкоп: «Магарин Олег Григорьевич», 2017. С. 139–146.

Мезенко 2023 – *Мезенко А.М.* Урбанонимный континуум – географические термины: роль, устойчивость, историческая изменчивость // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*: научный журнал / Отв. ред. В.Д. Калиущенко. Донецк, 2023. Т. 19. Вып. 3(61). С. 82–94.

Подольская 1978 – *Подольская Н.В.* Словарь русской ономастической терминологии / Отв. ред. А.В. Суперанская. М., 1978. 199 с.

Разумов 2015 – *Разумов Р.В.* Об упорядочении ономастической терминологии в области урбанонимии // Верхневолжский филологический вестник. 2015. № 2. С. 14–19.

Сапожникова 2012 – *Сапожникова Ю.Л.* Жанр автобиографии: понятие и особенности // Ученые записки ЗабГГПУ. Чита: ЗабГГПУ имени Н.Г. Чернышевского, 2012. С. 54–56.

Соловьева 2009 – *Соловьева И.В.* Анализ автобиографии и биографии с точки зрения субъективной перспективы // Вопросы гуманитарных наук. 2009. № 6. С. 141–145.

Сутаева 1998 – *Сутаева З.Р.* Жанровые особенности автобиографической и мемуарной прозы (на материале творчества А.С. Пушкина, П.А. Вяземского, Н.Г. Чернышевского): Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. М., 1998.

Томасик, Горяев 2021 – *Томасик П., Горяев С.О.* Ойкодомонимы болгарского города Русе // Вопросы ономастики. 2021. Т. 18. № 1. С. 140–158.

Усова 2019 – *Усова Н.В.* Имя собственное как феномен лингвокультуры: Дисс. ... доктора филол. наук. Донецк, 2019. 442 с.

Усова 2013 – *Усова Н.В.* Мир собственных имен автобиографической хроники И.В. Гёте «Aus meinem Leben. Dichtung und Wahrheit» // Наукові записки. Серія: Філологічні науки (мовознавство). Кіровоград, 2013. Вип. 117. С. 388–392.

Усова 2018 – Усова Н.В. Ономастика автобиографических хроник И.В. Гёте: специфика и проблема метода // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 13(807). С. 337–347.

Усова 2020 – Усова Н.В. Топонимия автобиографических хроник И.В. Гёте: Функционально-семантический аспект // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики: ежегодный научно-теоретический и прикладной журнал. Вып. 13 / Гл. ред. доктор филол. наук, проф. Т.А. Ширяева. Пятигорск, 2020. С. 73–80.

Frankfurt.de – Das offizielle Stadtportal. URL: <https://frankfurt.de/frankfurt-entdecken-und-erleben/sehenswuerdigkeiten/fuer-historisch-interessierte/romer>

Herders Conversations-Lexikon. Freiburg im Breisgau, 1854. Band 2. S. 750–751. URL: <http://www.zeno.org/Herder-1854/A/Frankfurt+am+Main>

Kompostelhof. URL: <https://de.wikipedia.org/wiki/Kompostelhof>

Mittelalterliche Retabel in Hessen: Frankfurt am Main, Große Stalburg 2015 – Mittelalterliche Retabel in Hessen. Bearbeitet von: Annette Meisen. URL: https://archiv.ub.uni-heidelberg.de/artdok/3991/1/Frankfurter_Stalburg_Altar_20178472.pdf

Weyel 1996 – Weyel B. Stalburg, Familie (von) // Frankfurter Personenlexikon (Onlineausgabe), aus: Frankfurter Biographie 2 (1996). S. 414. URL: <https://frankfurter-personenlexikon.de/node/1294>

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ, ЛЕКСИКАЛИЗАЦИЯ И ФРАЗЕОЛОГИЗАЦИЯ ЭМОЦИЙ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ КАРТИНЕ МИРА¹

О.Л. Бессонова, Е.В. Трофимова

Вводные замечания. Особое место в русле антропоцентрической парадигмы принадлежит исследованию эмоций, средств их репрезентации в картине мира языкового сообщества. Языковое сообщество рассматривается как «совокупность людей, объединенных общими социальными, экономическими, политическими и культурными связями и осуществляющих в повседневной жизни непосредственные и опосредствованные контакты друг с другом и с различными социальными институтами при помощи одного языка или разных языков, распространенных в этой совокупности» [Гамперц 2012]. Каждое языковое сообщество имеет свою коммуникативную структуру, которая основывается на системе социальных ролей, норм и ценностей, воплощающейся в речевом поведении носителей языка (подробнее см. Крысин [Крысин 2021]).

Понятийный инструментарий лингвокогнитивной парадигмы позволяет исследовать особенности концептуализации разнообразных аспектов эмоционально-чувственной сферы языкового сообщества. По известному утверждению Ю.Н. Караулова, «за каждым текстом стоит языковая личность» [Караулов 2010: 27]. Поскольку языковая личность выступает как представитель языкового сообщества, следует особо подчеркнуть ее роль в функционировании языкового сообщества: языковая личность не только формируется в рамках языкового сообщества и национального языка, но и формирует и развивает их. Поэтому при рассмотрении понятия языкового сообщества важно учитывать сочетание лингвистических и социальных признаков, характеризующих функционирование языка в определенной социальной среде. В рамках антропоцентрической парадигмы изучение эмоционального аспекта личности становится одним из приоритетных направлений, данная проблематика выступает одним из ключевых аспектов для дальнейших исследований языковой личности. Как отмечает С.В. Ионова, «будучи психологической по своей природе, сфера человеческой эмоциональности в первую очередь выступает предметом психологической науки. В то же время наблюдения над закономерными явлениями объективации эмоций в речевой деятельности человека и процессом закрепления межкультурного опыта кодирования эмоций знаками национальных языков определили потребность в лингвистическом описании и объяснении эмоциональных явлений» [Ионова 2022б].

В фокусе данного исследования – особенности концептуализации эмоций, их лексикализация и фразеологизация, отражающаяся в языковой картине мира. Многоаспектность изучения эмоциональной сферы человека свидетельствует

¹ **Финансирование:** Исследование проводилось по теме государственного задания (№ госрегистрации 1023031200012-7-6.2.1).

о ее важности и ценности в реальной жизни как отдельной языковой личности, так и языкового коллектива. В эмоциональной картине мира находят отражение универсальные, этнические, социальные, исторические закономерности, поэтому исследование концептуализации эмотивной сферы возможно не только в универсальном плане, оно должно осуществляться для каждого языка.

Объектом данного исследования является концептуализация эмоциональной картины мира представителями англоязычного языкового сообщества и ее вербализация лексическими единицами (ЛЕ) и фразеологическими единицами (ФЕ). **Цель** исследования – выявить специфику концептуализации и репрезентации эмоций в современном английском языке лексическими и фразеологическими средствами. Кроме того, в решении поставленной задачи затрагивается и аксиологический аспект, позволяющий рассматривать сущность эмоциональных концептов как духовных и социальных ценностей языкового сообщества. Эмоции, рассматриваемые сквозь призму человека, отражают ценностную картину мира социума.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Теоретические основы и исследовательский инструментарий данного направления в лингвистике представлены в целом ряде публикаций. Проблемы взаимодействия языковой личности и культурно-языкового сообщества, а также языковой картины мира как отражения духовного и культурного своеобразия языкового сообщества активно исследуются в работах Н.Н. Болдырева [Болдырев 2022], А.А. Болотиной [Болотина 2020], П.С. Дронова [Дронов 2018], В.И. Карасика [Карасик 2023], В.А. Масловой [Маслова 2021; 2023], А.В. Павловой [2022] и др. Категория языкового сообщества также разрабатывается в трудах по социолингвистике, социальной лингвистике (Н.Б. Вахтин, Н.Б. Мечковская, А.Д. Швейцер и др.). В.И. Карасик подчеркивает, что языковая личность выступает как «обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций» [Карасик 2002: 169].

Изучение эмоций и особенностей их проявления в том или ином языковом сообществе невозможно с позиций отдельно взятой науки по причине сложности самой сущности эмоций. Эмоции выступают предметом исследования таких наук, как психология, лингвистика, биология, философия, этика и др. Рассуждая об особенностях эмоционально-волевой сферы человека, необходимо отметить, что она составляет ядро личности человека, ведь «эмоции влияют на ментальную, вербальную и невербальную деятельность человека и пронизывают все уровни языка и каждую систему дискурса» [Ларина 2019]. Из сказанного выше следует, что эмоции пронизывают все сферы человеческой деятельности и выступают определенным регулятором восприятия и познания окружающего мира, что позволяет говорить об эмоциентричности существования человека. При этом эмоциональная жизнь человека концептуализируется и объективируется в языке, отражаясь в эмоциональной картине мира.

В современной лингвистике проблемы эмоций и их языкового воплощения рассматриваются в работах многих ученых, в том числе А. Вежбицкой [Wierzbicka 2018], Е.Р. Иоанесян [Иоанесян 2020; 2022], С.В. Ионовой [2022а; 2022б], А.В. Керовой [Керова 2021], Т.В. Лариной [Заппеттини, Понтон, Ларина 2021], Э.Р. Нигматуллиной [Нигматуллина 2020] и др. Именно лингвистическая теория эмоций – эмотиология, которая характеризуется междисциплинарным статусом и

в рамках которой предпринимаются попытки описать такой сложный объект для изучения, как способность человека выражать эмоции, – выступает инструментом изучения эмоций. Исследовательское поле эмотиологии охватывает различные направления. В целом, можно сделать вывод о том, что лингвистика эмоций активно разрабатывается, а накопленные многочисленные работы (В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян, Л.Г. Бабенко, Л.Ю. Буянова, А. Вежбицкая, С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, Е.Ю. Мягкова, О.Е. Филимонова, В.И. Шаховский, М. Бамберг, З. Кевечеш, Дж. Эйчисон и др.) позволяют описать эмоциональную картину мира человека. В поле зрения лингвистов традиционно оказываются лексические, фразеологические, а также фонетические, грамматические средства вербализации эмоций. Также изучению подвергаются невербальные средства передачи эмоций (мимические, жестовые, окулесические, проксемические и др.; см., в частности, [Язык и семиотика тела 2020]). В отдельных работах затрагиваются вопросы эволюции эмоциональной лексики (см., например, [Калимуллина 2005]). При лингвокультурологическом анализе эмоциональных концептов как когнитивных репрезентантов эмоций исследовательский интерес вызывает вопрос о специфике эмоционального осмысления и переосмысления мира представителями той или иной культуры.

Отмечая интенсификацию «голоса эмоций» во всех сферах коммуникации, ученые фокусируются на коммуникативно-прагматических особенностях использования эмотивных средств в разных типах дискурса (А.Н. Степанова, Е.И. Шейгал и др.). Рассматриваются особенности репрезентации эмотивной лексики в современной прессе. Живой интерес филологов к изучению способов репрезентации эмоций в газетно-публицистическом стиле связан с тем, что тексты современной прессы можно считать собирательным образом национального языка, они легко сопоставимы с национальным потоком сознания современного человека [Нагорнов, Нагорнова 2023: 45]. В.И. Шаховский, подчеркивая значимость эмоций для коммуникации людей, утверждает, что любая языковая личность в принципе является коммуникативной личностью и приходит к умозаключению о необходимости построения когнитивной матрицы эмоционально-коммуникативной личности [Шаховский 2018]. Изучение эмоционального фактора в коммуникации становится все более необходимым, так как способствует накоплению и совершенствованию знаний и представлений об эмоциях, а значит, может вооружить правилами управления эмоциями, помочь актуализировать различные коннотации, противодействовать отрицательному эмоционально-аффективному воздействию, избежать коммуникативных помех и прочее. Эти идеи являются перспективными, особенно в связи с возросшей ролью коммуникации в современном мире. С.В. Ионова отмечает, что исследование роли эмоций в дискурсе и описание различных эмоционально опосредованных дискурсивных практик становится востребованной тематикой в области современной эмотиологии [Ионова 2022а: 223].

Рассмотрение вопросов эмотивной составляющей коммуникации непосредственно связано с новой областью лингвистики эмоций – теорией эмотивной лингвоэкологии (С.В. Ионова, С.В. Коростова, Т.В. Ларина, Н.Г. Солодовникова и др.), которая представляется приоритетным направлением исследования проблематики, связанной с взаимодействием языка и эмоций. Данная идея основывается на понимании того, что язык как часть жизнедеятельности человека является «естественной средой его обитания, на которую воздействует пользователь языка, стремящийся к максимальному комфорту, сокращению речевых усилий»

[Пищальникова 2022: 194]. Изучение данной проблематики еще раз подчеркивает неразрывную связь эмоций с оценкой. К сожалению, наблюдения за коммуникативным поведением человека, особенно в цифровой среде, указывают на признаки доминирования агрессивных коммуникативных паттернов, общего разложения системы ценностей, что в итоге приводит к эмоциональному травмированию и даже к разрушению личности [Там же: 195]. В.И. Карасик формулирует предмет изучения лингвоэкологии как сохранение жизнеспособности языка, который понимается как живой организм, и поэтому логично рассуждать о языковом здоровье и о способах его сохранения [Карасик 2013: 191]. Н.Г. Солодовникова и Е.А. Сорокина подчеркивают, что интеграция эмотивной и экологической лингвистики – эмотивная лингвоэкология – решает проблему сбережения и совершенствования эмотивного языка [Солодовникова, Сорокина 2021: 68–69].

Таким образом, особую значимость получает аксиологически ориентированный подход к изучению эмотивной семантики, который отражает ценностное осмысление человеком эмоционального фрагмента действительности, обусловленное лингвокультурными особенностями. Эмоции как часть ценностной картины мира отражают ценностные доминанты, значимые для лингвокультуры смыслы.

Анализ особенностей концептуализации и вербализации эмоций представляется актуальным в свете антропоцентрической парадигмы, особенно если учитывать известное изречение В.И. Шаховского о том, что все *homo loquens* являются одновременно и *homo sentiens* [Шаховский 2019а: 81]. Эмоционально-чувственная сфера, получая репрезентацию в языке, образует эмоциональную картину мира. Опираясь на положение Гумбольдта о том, что картина мира, с одной стороны, находит отражение в языке, а с другой стороны, формирует язык, попытаемся в рамках данного исследования рассмотреть роль эмоционального фрагмента картины мира в концептуализации и категоризации действительности человеком. По замечанию С.Г. Тер-Минасовой, язык не просто пассивно отражает чувственный, созидательный и культурный опыт человека, но и «формирует носителя языка как личность, принадлежащую к данному социокультурному сообществу» [Тер-Минасова 2000: 68]. Продолжая эту мысль, можно согласиться с мнением ученого о том, что язык определяет и развивает систему ценностей, в которой отражены мораль, поведение, отношение к людям представителей языкового сообщества. Ввиду вышесказанного социокультурный фактор играет значимую роль в рассмотрении ценностной картины мира.

В.И. Шаховский прослеживает взаимосвязь эмоциональной картины мира и языковой картины мира, утверждая, что эмоциональная картина мира – это результат эмоционального переосмысления мира языковой личностью и языковым сообществом [Шаховский 2019б: 42]. Рассматривая эмоции как особый код, посредством которого передаются культурные смыслы языкового сообщества, следует отметить одну важную особенность: выражение и проявление эмоций опосредовано культурой. Эмоции и их проявление присущи человеку вне зависимости от принадлежности к тому или иному языковому сообществу, однако их восприятие и экспрессия имеют национальный культурно обусловленный характер. Для настоящего исследования представляют интерес особенности концептуализации, лексикализации и фразеологизации эмоций в англоязычном языковом сообществе, объединяющем разные варианты языка и разные культуры. Таким образом, несмотря на межкультурный феномен эмоций, рассмотрение особенностей национально-обусловленных процессов концептуализации, категоризации и

вербализации эмоций является востребованным, а анализ исследуемого материала позволяет предпринять попытку проследить специфику мировоззрения англоязычной лингвокультуры в отношении способов восприятия и репрезентации эмоций.

Прежде чем перейти непосредственно к анализу языкового материала, следует обратиться к определению ключевых понятий, составивших терминологический аппарат исследования. Рассматривая вопрос категориального статуса эмотивности, вслед за О.Е. Филимоновой считаем, что категория – это группа языковых элементов, в основе выделения которой лежит определенный параметр [Филимонова 2007: 49]. Примечательно, что категориальный статус эмотивности проявляется на разных уровнях языка и в речи: на фонологическом, лексическом уровнях, в предложении и тексте. Понятие эмотивности трактуется как воплощение психологической категории эмоциональности в языке. Эта идея находит отражение в определении эмотивности, данным В.И. Шаховским: эмотивность – это «имманентно присущее языку семантическое свойство выражать системой своих средств эмоциональность как факт психики», или «отраженные в семантике языковых единиц эмоции» [Шаховский 1987: 24–25]. Способом категоризации эмоции в языке становятся эмотивы – языковые единицы, передающие в своей семантической структуре эмоциональные смыслы. Придерживаясь широкого понимания эмотивности, к эмотивам относим как лексику эмоций, т. е. языковые единицы, обозначающие эмоции в своем предметно-логическом значении, так и эмоциональную лексику, а именно эмоционально окрашенные языковые единицы (см. [Бабенко 1989]). В рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы исследование категории эмотивности приобретает новый вектор, в первую очередь связанный с изучением широкого спектра аспектов репрезентации категории эмотивности в тексте. Установлен когнитивный характер категории эмотивности, что объясняется тесной связью когнитивных процессов с эмоциями. Очевиден тот факт, что «в роли концептуализатора знаний об эмоциях выступает человеческое сознание / мышление, которое накапливает, обобщает и конструирует знание о них, то есть концептуализирует их и присваивает им лексикололизованную или паралингвистическую символику» [Шаховский 2008: 26]. А. Ортони, Дж. Клоур и А. Коллинз, исследуя когнитивную структуру эмоций, утверждают, что они вытекают скорее из когнитивных интерпретаций окружающей действительности, чем непосредственно из самой действительности [Ортони, Клоур, Коллинз 1996]. Современная эмотиология также опирается на лингвокультурологический подход, в рамках которого особый интерес представляет проблема репрезентации эмоционального кода у разных языковых личностей, а также вопрос культурной обусловленности вербализации эмоций представителями одного языкового сообщества или разных языковых сообществ.

С понятием эмотивности тесно связаны категории оценки, экспрессивности, образности. Обобщая взгляды лингвистов (Н.Д. Арутюнова, Л.Г. Бабенко, Е.М. Вольф, Е.М. Галкина-Федорук, А.В. Кунин, Е.Ю. Мягкова и др.) на характер взаимоотношений между этими категориями, отметим, что эмотивность и оценочность характеризуются особенно тесной связью, а эмотивные единицы обладают сложной семантической структурой, соединяющей эмоциональный, экспрессивный, оценочный компоненты. В.И. Карасик подчеркивает, что каждая языковая личность имеет свою иерархию ценностей, однако она варьируется для отдельных индивидуумов, для одного и того же индивидуума в разные возрастные пери-

оды и в разных ситуациях, она специфична для различных этносов и социальных групп, что приводит нас к признанию наличия в языковом сообществе разных оценочных картин мира [Карасик 2013: 17]. Л.И. Богданова [Богданова 2022: 12–13], обращаясь, вслед за М.В. Пименовой и В.А. Масловой, к широкому понятию культурного кода как «специфического для каждой культуры набора способов социальной практики, свода ценностей и правил игры коллективного существования, выработанной людьми системы нормативных и оценочных критериев, сквозь которые народ постигает мир» [Маслова, Пименова 2016], утверждает, что язык, как известно, является транслятором ценностей, норм мышления, социального поведения, передавая оценочно-ценностные значения. Таким образом, языковая концептуализация эмоций обусловлена оценочной деятельностью человеческого сознания.

Эмпирический корпус и методы исследования. Материалом данного исследования являются лексемы и фразеологизмы английского языка, обозначающие эмоции. В совокупности анализу подверглось 2744 единицы (1506 лексических единиц и 1238 фразеологических единиц), полученные из авторитетных идеографических и фразеологических словарей английского языка [CID; DAIPV; LLCE; ODEI; ODI; OLDEI; RET]. Для достижения поставленной цели применялись методы семантического анализа, фразеологической идентификации и описания. Метод сопоставительного анализа применялся для анализа и описания разноуровневых эмотивных языковых средств, для выявления сходств и различий между способами концептуализации эмоций на разных уровнях языка. Метод концептуального анализа применялся с целью описания содержания концептов с помощью значений языковых единиц. Метод лингвистического наблюдения и описания использовался для представления отобранного материала и его интерпретации. Метод количественного анализа использовался для выявления и комплексного представления тенденций частотности.

ЛЕКСИКАЛИЗАЦИЯ ЭМОЦИЙ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ КАРТИНЕ МИРА

Эмоции занимают значительное место в концептуальной картине мира языковой личности, что находит отражение в оценочном тезаурусе языкового сообщества. Семантический узел концептов эмоций представлен 1506 лексическими единицами в базовом оценочном тезаурусе англоязычного языкового сообщества. Оценочный тезаурус является составной частью словарного состава языка и представляет собой систематизированную информацию о предметных и отвлеченных понятиях, имеющих ценностную значимость для языковой личности [Vyessonova 2021].

Исходным положением данного исследования является признание того факта, что концепт вербализован лексемами, значения которых составляют содержание национального языкового сознания и формируют «наивную картину мира» носителей языка. Таким образом, в центре внимания – способ концептуализации мира в лексической семантике, в частности того его фрагмента, который зафиксирован в оценочном тезаурусе языка и который, в свою очередь, составляет концептуальную область. Основным исследовательским средством является концептуальная модель, с помощью которой выделяются базовые компоненты семантики концепта и выявляются устойчивые связи между ними. Анализ языкового материала свидетельствует о том, что оценочный тезаурус английского языка не однороден, а центрирован: его природа ярко проявляется в прототипических единицах и может почти нивелироваться в периферии. Методологически это выражается в не-

обходимости иерархизации рассматриваемого материала и выделении основных особенностей оценочного тезауруса английского языка на основе анализа прототипических единиц. Иными словами, представляется необходимым определить набор концептов, составляющих базовый оценочный тезаурус (подробнее об этом см. [Vyessonova 2021]).

В основе тезаурусного подхода к описанию эмоций лежит предположение о том, что эмоции определяются способом, каким лицо, их испытывающее, воспринимает ситуации, которые порождают эти эмоции. Следует также подчеркнуть, что структура словаря эмоций не изоморфна структуре самих эмоций. Таким образом, в задачи исследования не входит попытка охарактеризовать структуру самих эмоций. В структуре языковой личности эмоциональная сфера представлена эмоциональным уровнем, единицами которого являются эмоциональные концепты. В качестве основы для описания набора базовых эмоций может быть использована классификация, представленная в работе А. Ортони, Дж. Клоур, А. Коллинз. Согласно этой классификации эмоции подразделяются на реакции на события, на агентов и на объекты [Ортони и др. 1996]. Анализ материала позволяет выделить три группы концептов, обозначающих эмоции: первая группа – эмоции удовольствия – неудовольствия, вторая группа – одобрения – неодобрения, третья группа – любовь – нелюбовь.

Исследуемый материал может быть представлен в виде сетевой модели, в рамках которой концепты объединены в семантические узлы. В структуре каждого узла выделены базовые оценочные концепты. Узел концептов, обозначающих эмоции и являющихся компонентом структуры оценочного тезауруса английского языка, выглядит следующим образом:

УЗЕЛ 1. Концепты, обозначающие эмоции

УЗЕЛ 1.1. – эмоции удовольствия – неудовольствия: FEAR ‘страх’, UNEASINESS, ANXIETY, CONCERN ‘тревога, беспокойство’, GRIEF, SORROW, SADNESS ‘тоска, печаль, грусть’, DANGER, THREAT ‘опасность, угроза’, HAPPINESS ‘счастье’, DESIRE ‘желание’, LUCK ‘удача’, DESPAIR ‘отчаяние’, DISAPPOINTMENT ‘разочарование’. Базовые концепты узла 1.1. – LUCK ‘удача’, HAPPINESS ‘счастье’, FEAR ‘страх’, DESIRE ‘желание’.

УЗЕЛ 1.2. – эмоции одобрения – неодобрения: ADMIRATION ‘восхищение’, RESPECT ‘уважение’, DELIGHT ‘восхищение, восторг, удовольствие’, RAPTURE ‘восторг’, ANGER ‘гнев’, INTEREST, CURIOSITY ‘интерес, любопытство’, DISGRACE, SHAME ‘позор, бесчестие’, PRIDE, VANITY ‘гордость, тщеславие’, SURPRISE ‘удивление’, GRATITUDE ‘благодарность’. Базовые концепты узла 1.2. – ADMIRATION ‘восхищение’, ANGER ‘гнев’, INTEREST, CURIOSITY ‘интерес, любопытство’.

УЗЕЛ 1.3. – эмоции любви – нелюбви: LOVE ‘любовь’, HATRED ‘ненависть’, CONTEMPT ‘презрение’. Базовые концепты узла 1.3. – LOVE ‘любовь’, HATRED ‘ненависть’.

Далее в качестве примера рассмотрим два первых узла концептов, обозначающих эмоции удовольствия – неудовольствия и одобрения – неодобрения.

Критерием выделения группы концептов эмоций **удовольствия – неудовольствия** являются реакции языковой личности на события. Данный узел сетевой модели представлен иерархической последовательностью более базовых и менее базовых концептов. Более базовыми являются концепты LUCK ‘удача’, HAPPINESS ‘счастье’, FEAR ‘страх’, DESIRE ‘желание’. Особенностью английского

языка является тот факт, что имеется сравнительно большое число обозначений для некоторых категорий эмоций, таким образом, уменьшается необходимость использования метафорических описаний при характеристике качества эмоций. Например, концепт FEAR 'страх' имеет несколько лексических реализаций, обозначающих особые случаи, такие, как: очень сильный страх – *terrified* 'ужасающий', очень слабый страх – *worried* 'обеспокоенный, волнующийся', типичное поведение, вызванное страхом – *cowering* 'сжеживаться', *fright* 'испуг', *petrified* 'ошеломленный', *concern* 'беспокойство', *anxiety* 'тревога' и другие. Все эти слова обозначают страх, проявляющийся с различной степенью интенсивности. Поэтому имеет смысл считать слово *fear* 'страх' относительно нейтральным словом в семантической структуре данного концепта. Дальнейшая дифференциация концепта FEAR 'страх' позволяет выделить так называемые менее базовые концепты: UNEASINESS, ANXIETY, CONCERN 'тревога, беспокойство'. Другими менее базовыми концептами данной группы являются GRIEF, SORROW, SADNESS 'тоска, печаль, грусть', DESPAIR 'отчаяние', DANGER, THREAT 'опасность, угроза', DISAPPOINTMENT 'разочарование'.

Семантическое содержание концептов эмоций **удовольствия – неудовольствия** может быть представлено в виде следующих фреймовых структур:

Концепт FEAR 'страх' – **SMB HAS a FEELING of great agitation and anxiety caused by the expectation or the realization of danger**, реализующийся в рамках 2 основных слотов:

СЛОТ 1. *SMB HAS an unpleasant feeling of being frightened or worried that smth. bad is going to happen (horror 'ужас', shock 'шок')*.

СЛОТ 2. *SMB HAS a sudden strong feeling of fear or nervousness that makes him unable to think clearly or behave sensibly (panic 'паника', alarm 'смятение, тревога')*.

Концепт UNEASINESS, ANXIETY, CONCERN 'тревога, беспокойство' – **SMB HAS a FEELING of being very worried about smth. that may happen or may have happened, so that smb. thinks about it all the time**, реализующийся в виде 3 слотов:

СЛОТ 1. *SMB HAS a feeling of or EXIBITS nervous tension (dismay 'смятение, тревога', agitated 'взволнованный, возбужденный')*;

СЛОТ 2. *SMB HAS a feeling of anxious concern (mindful 'внимательный, заботливый', alleviate 'облегчающий, смягчающий (боль)')*.

СЛОТ 3. *SMB HAS a feeling of not being relaxed and comfortable with smb. (strain 'напряжение', twitchy 'нервный, раздражительный', to tighten 'напрягать')*.

Концепт GRIEF, SORROW, SADNESS 'тоска, печаль, грусть' – **SMB HAS a FEELING or spell of dimly low spirits**.

Концепт DANGER, THREAT 'опасность, угроза' – **SMB HAS a FEELING of exposure to possible harm, loss or injury**, реализующийся в виде 5 слотов:

СЛОТ 1. *SMTH CONTAINING a possibility of danger (risk (esp. emot.) 'риск, опасность, угроза', ill-omened 'обреченный на неудачу, провал, зловещий')*;

СЛОТ 2. *AN UNPLEASANT EVENT that happens unexpectedly and causes damage (cataclysm 'катаклизм', disastrous 'бедственный, гибельный')*;

СЛОТ 3. *A SITUATION THAT CAUSES difficulty, worry, danger (jam 'амер. разг. тяжелое положение')*;

СЛОТ 4. *SMB EXPECTS the possible danger (vigilance 'настороженность', warily 'осторожно, осмотрительно')*;

СЛОТ 5. *SMB OR SMTH IS EXPOSED TO DANGER (to imperil (poet) ‘(поэт.) подвергать опасности’, to endanger ‘подвергать опасности, ставить под угрозу’)*.

Концепт HAPPINESS ‘счастье’ – **SMB HAS a FEELING of pleasure, because smth. good has happened to smb., satisfied or not worried, который также может реализоваться в СЛОТЕ SMB NOT HAVING FEELINGS of pleasure (tragic ‘трагический’, dismal ‘зловещий, гнетущий’)**.

Концепт DESIRE ‘желание’ – **SMB HAS a FEELING of wanting smth. or to do smth., or wanting smth. to happen.** Ключевым словом данного концепта является слово *to want* ‘хотеть’. Будучи семантическим примитивом глагол *хотеть* неоднократно становился предметом изучения, поэтому его значение достаточно подробно описано. Специфика этого значения такова, что «*хотеть* означает действительное желание, предполагающее волю к его осуществлению» [Апресян 1995; Вежбицкая 1999]. Семантика данного глагола в значительной мере определяется наличием компонента ‘намерение’.

Концепт LUCK ‘удача’ – **SMB HAS a FEELING of success attained as a result of chance**, реализующийся в виде 5 слотов:

СЛОТ 1. *SMB HAS a feeling of unexpected success, smth. to be grateful for (luck ‘удача’, mercу ‘удача, счастье’)*;

СЛОТ 2. *FORCE THAT CAUSES good or bad to happen (fortune ‘судьба, фортуна, жребий’, chance ‘шанс’)*;

СЛОТ 3. *POSSIBILITY of smth. happening, esp. smth. desirable (chance ‘счастливый случай’, auspicious ‘благоприятный’)*;

СЛОТ 4. *Bad luck, unfortunate CONDITION, ACCIDENT or EVENT (misfortune ‘неудача’, eclipse (fig) ‘перен. упадок, закат’)*;

СЛОТ 5. *HAVING, BRINGING OR RESULTING from good / bad luck (unlucky ‘неудачный, неудачливый, несчастливый’, unfortunate ‘неудачник, неудачница’)*.

Концепт DESPAIR ‘отчаяние’ – **SMB HAS a FEELING of an utter lack of hope.**

Концепт DISAPPOINTMENT ‘разочарование’ – **SMB HAS a FEELING of unhappiness cused by the failure of one’s hopes, desires, or expectations.** Данный концепт можно также рассматривать как один из слотов концепта HAPPINESS ‘счастье’.

Как показывает анализ, наибольшее количество оценочных ЛЕ зафиксировано в концепте UNEASINESS, ANXIETY, CONCERN ‘тревога, беспокойство’ (25 % от общего количества лексических единиц узла концептов эмоций удовольствия – неудовольствия). Достаточно подробно представлены на аксиологической шкале и концепты GRIEF, SORROW, SADNESS ‘тоска, печаль, грусть’ (17,3 %), DANGER, THREAT ‘опасность, угроза’ (14,5 %), FEAR ‘страх’ (12 %), HAPPINESS ‘счастье’ (11,2 %). Очевиден тот факт, что явно преобладают лексические единицы, номинирующие эмоции неудовольствия. Исключение составляет лишь концепт HAPPINESS ‘счастье’. Частеречный анализ концептов показывает, что оценочные единицы, обозначающие эмоции данного узла сетевой модели, являются в основном именами прилагательными (41 % от общего количества лексических единиц-компонентов концептов эмоций удовольствия – неудовольствия). На втором месте – имена существительные (30 %). Глаголы насчитывают 18 %, наречия – 12 % соответственно. Следует отметить, что существительные значительно преобладают в концепте DESIRE ‘желание’ и незначительно в концепте DANGER, THREAT ‘опасность, угроза’.

Критерием выделения группы концептов эмоций **одобрения – неодобрения** являются реакции языковой личности на действия агентов. Агентом может быть как сам субъект оценки, так и другое лицо. Данный узел сетевой модели представлен иерархической последовательностью более базовых и менее базовых концептов. Более базовыми являются концепты ADMIRATION ‘восхищение’, ANGER ‘гнев’, INTEREST, CURIOSITY ‘интерес, любопытство’, менее базовыми DISGRACE, SHAME ‘позор, бесчестье’, PRIDE, VANITY ‘гордость, тщеславие’, SURPRISE ‘удивление’, GRATITUDE ‘благодарность’.

Концепт ADMIRATION ‘восхищение’ можно описать с помощью фрейма **SMB HAS a FEELING of admiring smth or smb**, который может быть реализован в виде слотов:

СЛОТ 1. *SMB HAS a very high opinion of smb., because of a quality they have or because of smth. they have done.*

СЛОТ 2. *SMB looks at smth. and thinks how beautiful or impressive it is.*

Внутри концепта *admiration* ‘восхищение’ можно выделить менее базовые концепты *respect* ‘уважение’, *delight* ‘восхищение, восторг, удовольствие’, *rapture* ‘восторг’.

Эти концепты могут быть представлены в виде следующих фреймов:

Концепт RESPECT ‘уважение’ – **SMB HAS a FEELING of admiration for smb. especially because of their personal qualities, knowledge or skill, an ATTITUDE of regarding smth or smb as important so that you are careful not to harm them, treat them rudely** (*respectability* ‘респектабельность, почтенность’, *decency* ‘приличие, вежливость, порядочность’).

Концепт DELIGHT ‘восхищение, восторг, удовольствие’ – **SMB HAS a FEELING of extreme gratification aroused by something good or desired, great pleasure or satisfaction, joy** (*relish* ‘удовольствие, наслаждение, привлекательность’, *delectation* ‘наслаждение, удовольствие’, *rejoice* ‘радовать(ся)’, *exult* ‘ликовать, торжествовать, бурно радоваться’)

Концепт RAPTURE ‘восторг’ – **SMB IS in a state of elated bliss** (*to transport* ‘приводить к-л в состояние восторга’, *ecstasy* ‘экстаз, исступление’)

Фрейм концепта ANGER ‘гнев’ имеет следующее наполнение: **SMB HAS a FEELING of displeasure or hostility**. Набор слов, входящих в данный концепт, свидетельствует о том, что в английском языке данная эмоция может проявляться с различной степенью выраженности, что и зафиксировано в языке (*enraged* ‘взбешенный, разгневанный, в ярости’, *irascible* ‘раздражительный, вспыльчивый’, *to try* ‘утомлять, раздражать’, *acidity* ‘язвительность, ядовитость, ехидство’).

Когнитивное пространство концепта INTEREST, CURIOSITY ‘интерес, любопытство’ достаточно объемно, и представляющий его фрейм может принимать вид **SMB HAS a FEELING that makes him want to pay attention to smth or to find out more about it**. Наиболее частотными слотами этого фрейма также являются:

СЛОТ 1. *SMB HAS a desire to know about smth. or to know about a lot of different things.*

СЛОТ 2. *SMB HAS NO FEELING that makes him want to pay attention to smth or to find out more about it (the absence of interest).*

СЛОТ 3. *SMB HAS a FEELING of boredom.*

Толкование концепта DISGRACE, SHAME ‘позор, бесчестие’ представлено с помощью фрейма **SMB HAS a FEELING of the complete loss or damage to one’s reputation.**

Фрейм концепта PRIDE, VANITY ‘гордость, тщеславие’ выражается следующей пропозицией **SMB HAS a FEELING of satisfaction and pleasure in what he has done, or in what smb. connected has done or a FEELING of a regarding of oneself with undue favour, characterized by or given to boasting.**

Семантическая структура концепта SURPRISE ‘удивление’ представлена фреймом **a FEELING SMB HAS when smth. unexpected or unusual happens.**

Семантическая структура концепта GRATITUDE ‘благодарность’ представлена фреймом **SMB HAS a FEELING of gratitude.**

Как показывают данные количественного анализа, наиболее номинативно плотными являются концепты INTEREST, CURIOSITY ‘интерес, любопытство’, ADMIRATION ‘восхищение’ (25% и 24% от общего количества лексических единиц узла концептов эмоций одобрения – неодобрения соответственно). Достаточно значительно и лексическое наполнение представленных на аксиологической шкале концептов ANGER ‘гнев’ (17%), pride, vanity ‘гордость, тщеславие’ (13%), DISGRACE, SHAME ‘позор, бесчестие’ (11%). Следует отметить, что в данной группе концептов по количеству конститuentов на первом месте положительно оценочные концепты INTEREST, CURIOSITY ‘интерес, любопытство’, ADMIRATION ‘восхищение’. Достаточно многочисленным является и концепт anger ‘гнев’. Данный факт свидетельствует о значимости этих эмоций в концептуальной картине мира языковой личности, что находит отражение в языковой картине мира.

Как и в группе эмоций удовольствия – неудовольствия, среди языковых единиц, входящих в структуру концептов одобрения – неодобрения, преобладают имена прилагательные (43% от общего количества лексических единиц-компонентов концептов эмоций одобрения – неодобрения). Частеречный анализ концептов показывает, что оценочные имена существительные, обозначающие эмоции данного узла сетевой модели, занимают второе место и составляют 30% от общего количества лексических единиц-компонентов концептов данной группы. Глаголы и наречия представлены приблизительно равным соотношением языковых единиц (по 15%). Как показывает анализ материала, имена существительные представлены в равной степени с именами прилагательными в концептах DISGRACE, SHAME ‘позор, бесчестие’ (24%), SURPRISE ‘удивление’ (9% и 8% соответственно), GRATITUDE ‘благодарность’ (5%). Заслуживает внимания тот факт, что глаголы значительно преобладают над другими частями речи в концепте SURPRISE ‘удивление’, что, видимо, свидетельствует об акциональном характере данного концепта. Преобладание оценочных имен и наречий в концепте INTEREST, CURIOSITY ‘интерес, любопытство’ связано с предметно-признаковым характером этого фрагмента действительности, закрепленного таким образом в языке.

ФРАЗЕОЛОГИЗАЦИЯ ЭМОЦИЙ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ КАРТИНЕ МИРА.

Далее рассмотрим особенности фразеологической репрезентации эмоций в английском языке. Материал для анализа составили английские ФЕ, обозначающие отрицательные эмоции. ФЕ принадлежит особая роль в объективации эмоций. Сравнивая лексические и фразеологические средства концептуализации эмоций в языке, Н.А. Красавский приходит к выводу, что ФЕ – сложные знаковые образо-

вания, которые, как правило, в образной форме сохраняют богатый опыт эмоционального кодирования и декодирования человеком окружающей действительности [Красавский 2001: 115]. Продуктивность использования ФЕ для обозначения эмоций объясняется их высоким экспрессивным потенциалом. При этом благодаря фразеологическим средствам детально уточняются и дифференцируются результаты эмоционального опыта человека.

Концептосфера отрицательных эмоций, вербализованных ФЕ английского языка, формируется рядом эмоциональных концептов. В английской национальной эмоциональной картине мира концептосфера состоит из 26 концептов или групп концептов: ANGER, SADNESS, SURPRISE, FEAR, GRIEF, EMBARRASSMENT, ANNOYANCE, NERVOUSNESS, CONTEMPT, HATRED, WORRY, UPSET, ANXIETY, HUMILIATION, DISAPPROVAL, SHOCK, DISGUST, OFFENCE, DISAPPOINTMENT, BOREDOM, SHAME, GUILT, DISCOURAGEMENT, ENVY, PANIC, DESPAIR.

Результаты количественного анализа свидетельствуют о том, что в английской эмоциональной картине мира ядерную часть концептосферы отрицательных эмоций составляют концепты ANGER (23 % ФЕ, например, *like a bull at a gate* 'бешено, неистово, яростно'), SADNESS (14 % ФЕ, *hang down one's head* 'повесить, понурить голову, поникнуть головой; унывать, впадать в уныние'), SURPRISE (12 %, *one's eyes grew round* 'глаза округлились (от удивления)'), FEAR (10 %, *scare stiff* 'сильно испугать кого-л., перепугать кого-л. насмерть'), которые являются наиболее значимыми для английской лингвокультуры. Остальные концепты представлены каждый менее чем 10 % единиц, они являются менее релевантными во фразеологическом тезаурусе англоязычного сознания и относятся к периферийной зоне анализируемой концептосферы.

Некоторые концепты образуют группы концептов, объединяясь вокруг базового концепта: ANGER (*irritation, rage, fury, exasperation, resentment, indignation*), SADNESS (*unhappiness, distress, suffering, misery, sorrow, depression*), FEAR (*fright, horror, apprehension, awe, alarm*), EMBARRASSMENT (*confusion*), CONTEMPT (*neglect*), HATRED (*dislike*), OFFENCE (*insult*), ENVY (*jealousy*). Такие данные подтверждают точку зрения психологов о том, что эмоции – многоаспектные сущности, часто представляющие собой комплекс близких эмоциональных состояний, или, наоборот, совмещающие противоположные эмоциональные переживания. К примеру, в материале исследования зафиксированы такие аспекты эмоции «страх», как *irritation, bad temper, anger, exasperation, resentment, indignation, rage, fury*, что свидетельствует о сложной концептуальной структуре эмоции:

– *a burr under / in your saddle* 'бельмо на глазу' – a persistent source of irritation [OLDEI],

– *make someone's hackles rise* 'разозлить кого-л.' – make someone angry or indignant [ODI],

– *get on someone's quince* Australian informal 'раздражать кого-л.' – irritate or exasperate someone [ODI],

– *fly into a passion / rage* 'сильно разозлиться' – to become enraged suddenly [DAIPV].

Показательным в плане фразеологической концептуализации эмоций является комбинированный характер выражения эмоций: для эмоциональных концептов характерны отношения пересечения с другими эмоциональными и неэмоциональными концептами. Психологи, анализируя комбинаторный и взаимосвязанный ха-

рактер проявления эмоций, называют такой феномен эмоциональным паттерном, который состоит из двух или нескольких эмоций, возникающих одновременно и формирующих определенный комплекс эмоций [Изард 1999]. Например, концепт ANGER пересекается с концептами других эмоций (ALARM, EXCITEMENT, UPSET, WORRY, EMBARRASSMENT, DISAPPROVAL, BOREDOM), что отражается в примерах ниже:

– *have a fit* ‘быть пораженным или ошеломленным’ – become wildly or excessively alarmed, dismayed, angered [ODEI],

– *have a cow* North American informal ‘рассердиться, нервничать’ – become angry, excited, or agitated [ODI],

– *a storm in a teacup* ‘буря в стакане воды’ – a situation where people get very angry or worried about something that is not important [CID],

– *turn (over) in one's grave* ‘перевернуться в гробу’ – if you say that a dead person would turn in their grave, you mean that they would be very angry or upset about something if they knew [CID].

Среди неэмоциональных концептов можно назвать APPEARANCE, BEHAVIOUR, например:

– *black / blue in the face* ‘багровый (от гнева, напряжения и т. д.)’,

– *bite / cut off one's nose to spite one's face* ‘резко, грубо ответить кому-л., огрызнуться’.

Анализ языкового материала эмоций по типу эмотивности позволил выделить следующую классификацию, основанную на теории В.И. Шаховского:

1) номинативные единицы: *rapture* ‘восторг’, *respect* ‘уважение’, *be out of spirits* ‘быть в плохом, в подавленном настроении’,

2) дескриптивные единицы: *shine* ‘сиять’, *hug* ‘обнимать’, *open one's eyes* ‘широко открыть глаза (от удивления)’,

3) экспрессивные единицы: *honey* ‘любимый/-ая’, *Get the hell out of here!* ‘Проваливайте! Убирайтесь отсюда!’.

Выводы. Анализ концептуализации, лексического и фразеологического способов вербализации эмотивных смыслов англоязычным сообществом позволил выявить этнокультурные особенности представлений об эмоциональной сфере в англоязычной языковой картине мира. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что сфера эмоций входит в ценностную картину мира, представляя эмоционально-оценочное отношение к миру языковой личностью.

Анализ материала показал, что в узле сетевой модели оценочного тезауруса английского языка, связанного с концептами эмоций, наиболее представительной является группа концептов эмоций удовольствия – неудовольствия, что свидетельствует о значительной степени распространенности и важности данной оппозиции в картине мира языковой личности. Отмеченный крен в сторону преобладания концептов отрицательной оценки объясняется особенностями человеческого восприятия, т. е. удовольствие воспринимается как норма. Базовые концепты данного узла – LUCK ‘удача’, HAPPINESS ‘счастье’, FEAR ‘страх’, DESIRE ‘желание’, так как имеют менее сложные характеристики и условия своего возникновения. Особенностью английского языка является тот факт, что имеется сравнительно большое число обозначений для некоторых категорий эмоций, таким образом, уменьшается необходимость использования метафорических описаний при характеристике качества эмоций.

Группа эмоций одобрения – неодобрения также занимает значительное место в концептуальной картине мира человека. Среди разнообразного набора концептов, в данной группе выделяются наиболее многочисленные положительно окрашенные оценочные концепты INTEREST, CURIOSITY ‘интерес, любопытство’, ADMIRATION ‘восхищение’, а также концепт ANGER ‘гнев’, являющиеся одновременно базовыми концептами данной группы. Данный факт свидетельствует о значимости этих эмоций в концептуальной картине мира языковой личности, что находит отражение в языковой картине мира. Положительная и отрицательная оценка представлены в данной группе в равном соотношении.

Фразеологические средства, обладая высоким экспрессивным потенциалом, способны детально передавать результаты эмоционального опыта человека. Анализ оценочно-эмоциональной семантики английских фразеологических единиц, обозначающих отрицательные эмоции, позволил выделить концептосферу отрицательных эмоций, включающую в себя такие концепты как ANGER, SADNESS, SURPRISE, FEAR, GRIEF, EMBARRASSMENT, ANNOYANCE, NERVOUSNESS, CONTEMPT, HATRED, WORRY, UPSET, ANXIETY, HUMILIATION, DISAPPROVAL, SHOCK, DISGUST, OFFENCE, DISAPPOINTMENT, BOREDOM, SHAME, GUILT, DISCOURAGEMENT, ENVY, PANIC, DESPAIR. Большинство данных концептов демонстрируют диффузность эмоций, зафиксированную в семантике фразеологизмов – речь идет о поливалентности данных единиц, выражающих одновременно несколько близких или разных эмоций.

ЛИТЕРАТУРА

1. ИСТОЧНИКИ

- Cambridge Idioms Dictionary. Cambridge, 2006. (CID)
- Cowie A.P., Mackin R., McCaig I.R. Oxford Dictionary of English Idioms. Oxford, 1993. (ODEI)
- Longman Lexicon of Contemporary English / Ed. by T. McArthur. Longman Group Limited, 1998. (LLCE)
- Oxford Dictionary of Idioms / Ed. by J. Siefring. Oxford, 2004. (ODI)
- Oxford Learner's Dictionary of English Idioms / Ed. by H. Warren. Oxford, 1994. (OLDEI)
- Roget's II Electronic Thesaurus / Microsoft Bookshelf CD-ROM reference library. Wearnes, 1993. (RET)
- Spears R.A. McGraw-Hill's Dictionary of American Idioms and Phrasal Verbs. McGraw-Hill, 2005. (DAIPV)

2. НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА, СЛОВАРИ

- Бабенко 1989 – Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск, 1989.
- Богданова 2022 – Богданова Л.И. Ценности и оценки в процессе культурной трансмиссии // Вестник Моск. ун-та. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 2. С. 9–19.
- Болдырев 2022 – Болдырев Н.Н. Оценочная концептуализация как фактор развития языковой картины мира // Александровский сборник: Сборник научных статей к юбилею доктора филологических наук, профессора Ольги Викторовны Александровой / Ред. А.А. Липгарт, Е.О. Менджерицкая, Е.В. Михайловская, И.Н. Фомина. М., 2022. С. 46–57.

Болотина 2020 – *Болотина А.А.* Языковые сообщества // Вестник Донского государственного аграрного университета. 2020. № 3-2(37). С. 49–53.

Гамперц 2012 – *Гамперц Дж.* Речевая общность // Социолингвистика и социология языка: хрестоматия / Отв. ред. Н.Б. Вахтин. СПб., 2012.

Дронов 2018 – *Дронов П.С.* Очерки по культурным трансферам во фразеологии: монография. М., 2018.

Запеттини, Понтон, Ларина 2021 – *Запеттини Ф, Понтон Д.М., Ларина Т.В.* Эмоционализация современного медиадискурса: исследовательская повестка дня // Russian Journal of Linguistics. 2021. Т. 25. № 3. С. 586–610.

Ивин 2006 – *Ивин А.А.* Аксиология. М., 2006.

Изард 1999 – *Изард К.Э.* Психология эмоций. СПб., 1999.

Иоанесян 2022 – *Иоанесян Е.Р.* Исследования по семантике эмоциональных предикатов в типологическом аспекте. М., 2022.

Иоанесян 2020 – *Иоанесян Е.Р., Рябцева Н.К., Ковшова М.Л. и др.* Представление эмоциональной сферы человека на материале разных языков: коллективная монография. М., 2020.

Ионова 2022а – *Ионова С.В.* Лингвистика эмоций в контексте современных научных исследований // Известия ВГПУ. Филологические науки. 2022. № 3(166). С. 221–226.

Ионова 2022б – *Ионова С.В.* Лингвопсихология эмоций в концепциях современного языкознания // Вопросы психолингвистики. 2022. № 1(51). С. 26–39.

Калимуллина 2005 – *Калимуллина Л.А.* О тенденциях семантической эволюции эмотивной лексики и фразеологии русского языка // Вестник Башкирского университета. 2005. Т. 10. № 3. С. 53–55.

Карасик 2013 – *Карасик В.И.* Ценностные параметры лингвоэкологического общения // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: коллективная монография / Науч. ред. проф. В.И. Шаховский. Волгоград, 2013. С. 191–201.

Карасик 2013 – *Карасик В.И.* Языковая матрица культуры. М., 2013.

Карасик 2002 – *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.

Карасик 2023 – *Карасик В.И.* Языковое преобразование реальности. М., 2023.

Караулов 2010 – *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М., 2010.

Керова 2021 – *Керова А.В.* Эволюция синтаксических средств выражения эмотивной интенции в новоанглийский период // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. № 8(850). С. 56–65.

Красавский 2001 – *Красавский Н.А.* Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Волгоград, 2001.

Крысин 2021 – *Крысин Л.П.* Очерки по социолингвистике. М., 2021.

Ларина 2019 – *Ларина Т.В.* Эмотивная экологичность // Вопросы психолингвистики. 2019. № 1(39). С. 38–57.

Маслова 2021 – *Маслова В.А.* Код языка как пространство реализации культуры // Коммуникативные стратегии: материалы 11 Международ. науч. конф., Минск, 24 ноября 2021 г. Минск: МГЛУ, 2022. С. 99–102.

Маслова, Камышева 2023 – *Маслова В.А., Камышева С.Ю.* Современная языковая ситуация в Республике Беларусь: особенности и проблемы // Социолингвистика. 2023. № 1(13). С. 49–59.

Маслова, Пименова 2016 – *Маслова В.А., Пименова М.В.* Коды лингвокультуры. М., 2016.

Нагорнов, Нагорнова 2023 – *Нагорнов М.И., Нагорнова Е.В.* Репрезентация эмоций в современной англоязычной и испаноязычной прессе // *Известия ЮФУ. Филологические науки.* 2023. Т. 27. № 3. С. 43–57.

Нигматуллина 2020 – *Нигматуллина Э.Р.* Фрейм «эмоции» в англоязычном медиатексте // *Иностранные языки в высшей школе.* 2020. № 1(52). С. 18–26.

Ортони, Клоур, Коллинз 1996 – *Ортони А., Клоур Дж., Коллинз А.* Когнитивная структура эмоций // *Язык и интеллект.* М., 1996. С. 314–384.

Павлова 2022 – *Павлова А.В.* Вторичная интерпретация знаний о мире как состояний в языковой картине мира // *Когнитивные исследования языка.* 2022. № 148). С. 124–139.

Пищальникова 2022 – *Пищальникова В.А.* Эмотивная экология как междисциплинарное направление современной лингвистики в трудах В.И. Шаховского и ее перспективы // *Известия ВГПУ. Филологические науки.* 2022. № 3(166). С. 193–197.

Словарь социолингвистических терминов 2006 – *Словарь социолингвистических терминов / Отв. ред. В.Ю. Михальченко.* М., 2006.

Солодовникова, Сорокина 2021 – *Солодовникова Н.Г., Сорокина Е.А.* Эмотивный аспект лингвоэкологии // *Лингвистика и образование.* 2021. Т. 1. № 3(3). С. 67–79.

Тер-Минасова 2000 – *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000.

Филимонова 2007 – *Филимонова О.Е.* Эмоциология текста. Анализ репрезентации эмоций в английском тексте. СПб., 2007.

Шаховский 1987 – *Шаховский В.И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж, 1987.

Шаховский 2018 – *Шаховский В.И.* Когнитивная матрица эмоционально-коммуникативной личности // *Вестник РУДН.* 2018. № 22(1). С. 54–79.

Шаховский 2008 – *Шаховский В.И.* Лингвистическая теория эмоций. М., 2008.

Шаховский 2019а – *Шаховский В.И.* Экологическая многоликость коммуникативных сред человека // *Этнопсихоллингвистика.* 2019. № 2. С. 79–101.

Шаховский 2019б – *Шаховский В.И.* Эмоциональная картина мира в вербальной презентации // *Мир русского слова.* 2019. № 1. С. 35–43.

Язык и семиотика тела: коллективная монография: В 2 т. / Г.Е. Крейдлин, П.М. Аркадьев, А.Б. Летучий [и др.]. М., 2020.

Byessonova 2021 – *Byessonova O.* Evaluative Thesaurus as Instrument in Coding Values of the English Linguocultural Community // *The Ethical and Axiological Aspects in the Literature and the Culture of the 20th and 21st Centuries [Collective monograph] / Ed. by Maja Jakimovska-Toshikj, Katarina Žeňuchová.* Skopje: Institute of Macedonian Literature, Ss. Cyril and Methodius University, 2021. P. 259–284.

Wierzbicka 2018 – *Wierzbicka A.* Emotions of Jesus // *Russian Journal of Linguistics.* 2018. Vol. 22. № 1. P. 38–53.

Сведения об авторах

Баева Галина Андреевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры немецкой филологии Санкт-Петербургского государственного университета.

Байкова Ольга Владимировна, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой лингвистики и перевода факультета лингвистики Института гуманитарных и социальных наук Вятского государственного университета (г. Киров), почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

Бессонова Ольга Леонидовна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии Донецкого государственного университета.

Бирр-Цуркан Лилия Федоровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры немецкой филологии Санкт-Петербургского государственного университета.

Ганина Наталия Александровна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры германской и кельтской филологии филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Долгополова Лилия Анатольевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации Крымского инженерно-педагогического университета имени Февзи Якубова» (г. Симферополь).

Каверина Валерия Витальевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Карпов Владимир Ильич, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора германских языков Института языкознания Российской академии наук (г. Москва).

Коконова Анна Борисовна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Кремзикова Светлана Ефимовна, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой романской филологии Донецкого государственного университета.

Манёрова Кристина Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры немецкой филологии Санкт-Петербургского государственного университета.

Москвина Татьяна Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой немецкого языка Лингвистического института Алтайского государственного педагогического университета (г. Барнаул).

Николенкова Наталья Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Обухова Ольга Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, декан факультета лингвистики Института гуманитарных и социальных наук Вятского государственного университета (г. Киров).

Панкратьева Елена Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка факультета немецкого языка Московского государственного лингвистического университета.

Суровцева Екатерина Владимировна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Теркулов Вячеслав Исаевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Донецкого государственного университета.

Трофимова Елена Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии Донецкого государственного университета.

Ус Юлия Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры германской филологии Донецкого государственного университета.

Усова Нина Васильевна, доктор филологических наук, доцент кафедры германской филологии Донецкого государственного университета.

Фомичева Александра Андреевна, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры немецкого языкознания филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Цветаева Елена Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка факультета немецкого языка Московского государственного лингвистического университета.

Ягупова Лариса Николаевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры германской филологии Донецкого государственного университета.

Научное издание

Галина Андреевна **Баева**, Ольга Владимировна **Байкова**,
Ольга Леонидовна **Бессонова**, Лилия Федоровна **Бирр-Цуркан**,
Наталья Александровна **Ганина**, Лилия Анатольевна **Долгополова**,
Валерия Витальевна **Каверина**, Владимир Ильич **Карпов**,
Анна Борисовна **Коконова**, Светлана Ефимовна **Кремзикова**,
Кристина Валерьевна **Манёрова**, Татьяна Николаевна **Москвина**,
Наталья Владимировна **Николенкова**, Ольга Николаевна **Обухова**,
Елена Сергеевна **Панкратьева**, Екатерина Владимировна **Суровцева**,
Вячеслав Исаевич **Теркулов**, Елена Владимировна **Трофимова**,
Юлия Николаевна **Ус**, Нина Васильевна **Усова**,
Александра Андреевна **Фомичева**, Елена Николаевна **Цветаева**,
Лариса Николаевна **Ягупова**

ЯЗЫКОВЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ СООБЩЕСТВА В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ

Монография

Авторы-составители Н.А. Ганина, Л.Н. Ягупова

Электронное издание сетевого распространения

Макет подготовлен на филологическом факультете
МГУ имени М. В. Ломоносова

Макет утвержден 27.12.2024. Формат 60×90/8. Изд. № 12939.

